

*С любовью
Спасибо*

**МОЙ
ЛЮБИМЫЙ
ДЕГРАДАНТ**

Выродок, вырожденец, деградант... Так называют самого красивого, умного, храброго, целеустремлённого и всем сердцем любимого мной адепта выпускного курса Академии Магии. И вина его лишь в том, что он чуть ниже ростом, чем должен быть маг. Чуть эмоциональнее, чем позволяют местные нормы поведения. И, самое главное, когда он улыбается, на его щеках появляются ямочки... Какими бы страшными признаками вырождения магии все это ни казалось местным жителям, а для меня, попаданки в этот магический мир, самое важное то, что я влюбилась в Тимира Найта с первого взгляда. И я сделаю его счастливым. И сама буду с ним счастлива.

Мой любимый деградант

1. Рай или ад

Я не очень сильна в религиозных догмах, но знаю, что человек после смерти попадает либо в рай, либо в ад. И куда он попадет после окончания жизненного пути, завит от его дел, мыслей и веры. Я никогда не убивала, даже животных, ничего не крадала, вообще все считали меня хорошим человеком и надежной подругой, поэтому я должна была попасть в дивный райский сад. Теоретически.

Но с другой стороны, набожной я не была, в молитвах ночи не простаивала, милостыню не раздавала, и в храмах частым гостем не была. Выходит, что райские сады не для меня? Тогда я должна была попасть в ад. А ад — это огонь.

Но я, очнувшись на твердом полу, рядом с собой даже пламени свечи не увидела. Зато было много немытой посуды, она горами возвышалась на столах и даже живописными кучами стояла на полу. Если бы я не слышала, что чистилище выдумал какой-то святой или католический богослов, то решила бы, что я попала именно в это место. Вообще-то, так даже было бы логичнее, рай я не заслужила, а для ада еще достаточно не нагрешила. И теперь, пока не дорасту до рая, буду мыть посуду. Веков десять или одиннадцать.

Я, как истинная девушка, мыслей не контролирую, и они лились сплошным потоком, не мешая мне при этом присесть на полу, а потом, скрипя всеми суставами, встать.

Мне было очень плохо: слабость с головокружением, тошнота и ощущение одеревенения всего тела — все это действовало гнетуще и на моральное состояние. Но при этом я была рада этим ощущениям, потому что они означали, что я жива. Я не умерла, попав на своем мопеде под грузовик. А шансы выжить у меня были минимальные, а если быть честной, вообще никакие.

Мало того что я неслась по трассе на максимально возможной скорости, так еще и шлем не надела, нравится мне, когда мои волосы красиво развиваются. И со стороны я в такие моменты смотрюсь эффектно. Сколько моих фоток и роликов со мной постили и лайкали в сетях! И подписчиков у меня было много! А сейчас я в неизвестном месте, но живая...

Наконец-то, у меня получилось принять условно вертикальное положение. Разогнуть спину и встать ровно я еще не могла. Но уже стало проще оглядеть комнату, в которой я оказалась. Это было полутемное высокое помещение с каменной кладкой, без окон и с очень высокой, почти под потолок дверью. Комната по стенам была уставлена широкими столами. И все она были в горах посуды, только в центре комнаты стояло несколько корыт. В них можно было бы искупаться, если не смутные подозрения, что предназначены они для мытья накопленной здесь посуды.

Смутных подозрений у меня было еще много, и некоторые из них были настолько смутными, что я даже не представляла, как к ним относиться. Во-первых, я казалась себе намного тоньше, чем была раньше, и, почему-то, выше ростом, хотя встать ровно я так и не смогла. А один локон, вырвавшийся из тяжелой повязки на моей голове, мне показался совсем незнакомым. Мои волосы были короче, темнее и ... ровнее, у меня никогда не было кудрей. А этот локон, свисавший почти до пояса, был совсем светлый, упругий, напоминал спиральку.

У меня и грудь была другая, как после пластической операции с вставлением силиконовых имплантов. Я пощупала одну грудь, для этого даже выровнялась, приложив

неимоверные усилия. Она, вроде бы, была настоящей, по крайней мере, чувствительность, как у настоящей. Но на мою родную округность совсем не похожа, а упругая, высокая и минимум на размер меньше.

Мне стало интереснее и дальше обследовать свое тело, но в этот момент с мерзким скрипом открылась дверь, и в комнату заглянул некто, или нечто, ростом под потолок и подозрительно зеленого цвета.

2. Зеленые великаны?

— Сафира, почему не принимаешь посуду? — Прогремел голос, больше напоминающий гудок парохода.

Мне было сложно оглянуться и поискать эту Сафиру, но она заслужила самого строгого наказания за то, что по ее вине этот ... инопланетянин напугал меня.

— Сафира, ты в пол выросла? Твоя отработка еще не окончена. Принимай посуду!

Что же эта мерзкая Сафира творит? Я мысленно стала подгонять ее быстрее принять чертову посуду и закончить отработку. А я за это время немного приду в себя, пойму, куда я попала, и решу, что мне делать.

— Навязали мне очередную бестолковую адептку! — После этих слов громила ушел, с треском захлопнув дверь.

А я стояла, и, кажется, начала, как и невидимая Сафира вращаться в землю. Но вскоре дверь снова распахнулась, и в помещение влетела еще одна зеленая сущность неизвестного мне вида.

Голос у второго существа был выше и женственнее, да и строением своим она больше напоминала женщину. Только слишком высокий рост, лысая голова и странный цвет кожи ставил меня в тупик.

Эта «женщина» подозрительно легко для своего роста подлетела ко мне и, схватив за плечи, затрясла с такой силой, что от болтания головы в разные стороны я прикусила язык. А потом меня, скорее всего, обняли, прижав к широкому телу до треска моих костей.

— Бедненькая Сафочка. Говорила же я, повремни с отработкой. Разве ж можно так себя доводить, да на тебе лица нет, совсем белая, как пенка на молоке, даже, само молоко румянее тебя. Думаешь, раз сессию сдала, можно ночами работать. Подумаешь, каникулы заканчиваются, тебе бы отоспаться. Отработкой можно и позже озаботиться. Бедненькая девочка, тебе бы погреться в постельке.

И эта тетка так же бесцеремонно, как обнимала, потащила меня к выходу, схватив за предплечье. Потатила по темному коридору, потом заставила подняться по крутым ступеням и, открыв какую-то дверь, вытолкнула через проем в более светлый коридор.

— До своей комнаты дойдешь сама, я не могу отлучаться надолго, — сказала она совсем потерявшейся мне и с резким хлопком треснула дверь. А я осталась стоять в центре длинного широкого коридора. Было здесь достаточно светло, чтоб понять коридор этот тянется до бесконечности в оба конца. И с обеих его сторон в неравномерном расстоянии друг от друга находятся закрытые двери.

Давящее этой тишиной и моим одиночеством чувство стало настолько невыносимым, что я захотела вернуться в ту странную комнату и мыть посуду до конца века.

3. Белая мышь

И как бы отвечая на мои молчаливые молитвы, с другой стороны двери кто-то почти неслышно поскребся. Но я услышала этот еле уловимый ухом звук и с огромной надеждой на спасение открыла дверь, из которой меня только недавно вытолкнули. Мне пришлось приложить усилия, чтоб открылась хоть небольшая щель, и когда я, наконец-то, справилась, сквозь эту щель пролезла огромная белая мышь.

Я ее не испугалась, потому что вначале приняла ее за хомяка, в моем странном состоянии это было вполне закономерно. И я не сразу поняла, что вижу перед собой не хомяка, хотя и на мышь этот грызун был не слишком похож. Он размерами был больше почти в пять раз любой мыши, шкурка белоснежная и слегка мерцающая, мордашка не такая острая и между ушами шерсть намного длиннее, чем на остальном теле.

Я смотрела на эту чудную животинку и не спешила с криком убежать, но и она стояла тихо, не пытаясь спастись бегством. Трудно сказать, как долго это стояние продолжалось, но грызун вдруг отвернулся и пошел по коридору. А я осталась возле двери. Что я еще могла сделать? Хотя удобнее было бы сесть и облокотиться на стену, думаю, так было бы легче страдать неизвестностью.

Но неожиданно вернулась эта гигантская мышь и, стыдно в это даже поверить, пискнув, поманила меня за собой движением лапки. Я в недоверии уставилась на живность, быть такого не может, чтоб животное приглашало идти за собой незнакомого человека. Да даже хозяина приглашающим движением лапы мышь за собой не зовет!

В общем, я продолжила стоять на своем месте, ожидая, чтоб это наваждение как-нибудь само прошло. И эта мега мышь, недовольно пискнув пару раз, зашла мне за спину и начала толкать меня в икры ног не слишком сильно, но настойчиво. И я сделала один шаг вперед. Мышь, будто обрадовавшись своему успеху, перебежала вперед и потопала дальше, останавливаясь время от времени и показывая, в какую сторону мы продолжаем идти. Она шла и манила меня за собой.

Наконец, она остановилась у одной из запертых дверей, таких же, как и все остальные в этом коридоре. Она обреченно стояла на месте, и я встала рядом с ней. Она пискнула. Я понимающе выдохнула.

— Ну, и куда мы сейчас пришли? — Спросила я у нее, в общем-то, не надеясь на понимание со стороны грызуна.

Но меня поняли. Мышь подняла свою левую лапку и приложила к косяку двери.

— Ну, да. Дверь закрыта. — Ответила я на ее молчаливый вопрос. Но, кажется, не угадала, мышь отмахнулась от меня обеими лапками и повторила свое первое движение, приложив лапу к косяку.

— А, — догадалась я, — надо лапой коснуться?

Мышь закивала так интенсивно, что голова закружилась даже у меня. Но я смогла наклониться и, схватив мохнатую брыкающуюся животинку и приложить ее лапку к косяку. Но она вместо благодарности недовольно запищала.

Я поставила вырывающуюся мышь на пол.

— Поняла уже, это мне нужно приложить свою руку к косяку. — Успокоила я мышь, у которой уже шерсть встала дыбом. — Я просто прикалывалась, в моем возрасте это

нормально. — И с эффектным жестом я приложила свою руку к косяку. Но ничего не произошло: пар со всех щелей не повалил, и дверь не рассыпалась, пропуская меня внутрь помещения. Я пожала плечами и посмотрела на пол, где, сложив все четыре лапки, валялась мышь. Я сразу поняла, что она не умерла, слишком пристально ее глаза-бусинки наблюдали за мной.

— Я тут причем? — Спросила я у нее. — Это ты, мелочь мохнатая что-то напутала.

В ответ на мои слова мышь медленно, как в замедленном кадре встала на четыре лапки, потом приподнялась на двух задних конечностях, вытянула вперед левую лапу, помахала ею впереди своей острой мордочки. И приложила к косяку, а потом громко фыркнула, как настоящий еж.

Я, наконец, поняла, в чем она меня упрекает. Ну, я и вправду использовала правую руку, в то время как грызун все время показывал левую лапку. Только признавать свою ошибку я не собиралась, это все равно, что низвергнуть человека, который приручил атомную энергию, ниже мелких животных.

Я села на пол, прижавшись спиной к двери, и стала тихо выговаривать грызуну:

— Здесь все неправильно. Мне здесь не нравится. Зеленые великаны и наглые мыши — это не моя компания. И двери должны ключом открываться. Знаешь, это такая штучка, ее вставляешь в замочную скважину и проворачиваешь несколько раз. И там внутри что-то щелкает, и дверь открывается. Все очень просто. Не для мыши, конечно. Но для мышей все сложно. Вы только сыр легко воруете... — Наверно, тут терпение грызуна и закончилось. Потому что тихо внимавшая мне мышь зафырчала и, взбежав по моей руке мне же на голову, ухватилась за локон моих новых волос. А потом сильно, до слез в глазах, потянула его.

Я попыталась скинуть животное с головы, но мышь и сама сбежала на пол по моей спине. И снова показала, что я должна сделать. Сейчас я не стала упорствовать и, встав, приложила левую руку к косяку. Дверь распахнулась, без пара, барабанного боя и других спецэффектов, и впустила меня в маленькую комнату с одним занавешенным окном.

В ней было место только для одной узкой кровати, маленького столика, заваленного книгами, свитками, тетрадями, табуретки и компактного шкафчика. Как только за моей спиной закрылась дверь, я прошла внутрь помещения и собиралась сесть на кровать, но застыла с поднятой ногой.

4. Мышь говорит?

А подействовала на меня так шокирующее та самая мышь, которая вскарабкалась на стол и, перетаскив ближе к границе столешницы лист бумаги, начала кусочком грифеля что-то на ней чертить. Я заставила себя поставить свою ногу на пол и шагнула к столу, чтоб посмотреть, что там животное рисует. А на листке и вправду были какие-то знаки, но я их разобрать не смогла

Мышь пискнула, я ответила:

— Каракули. Почерк у тебя непонятный.

Мышь фыркнула и положила грифель на столешницу, аккуратно положила на свое место в коробочку с такими же кусками грифеля. Заботилась, чтоб не нарушить порядок на столе.

А потом она засуетилась, забегала по столу в разные стороны по несколько раз. Потом мышь замерла передо мной и сделала несколько пасов лапками, и поманила меня к себе поближе. Я решила больше над ней не издеваться и наклонилась вперед. А мышь, кажется, облегченно вздохнула, и прижала к моему лбу одну лапку, на этот раз правую.

Касание мыши прохладной лапкой было немного неприятным, все-таки я привыкла считать, что грызуны разносчики многочисленных инфекций. Но вытерпеть, не поморщившись, я смогла, а больше никаких других неприятных ощущений не почувствовала.

Мышь лапку убрала, а я выровняла спину и села на табуретку.

— Ты кто? — Услышала я вопрос в своей голове.

Хорошо, что я сидела, и не пришлось, падая, биться еще и головой об пол. Я начала оглядываться в поисках скрытой камеры.

— Так кто же ты? И как смогла занять мое тело? — Повторно раздался голос в моей голове.

— А ты кто? — Ожидая спросила я в ответ. — Где прячешься? И я твоё тело не занимала!

В комнате стало тихо, и пискливый голосок снова зазвучал в моей голове:

— Встань и посмотри в зеркало. Оно висит на внутренней стороне шкафа. — И я последовала совету неизвестного писклявого человечка.

Я сразу распахнула обе дверцы, внутри шкаф казался еще меньше, чем был снаружи. С одной стороны шкафа находились полки. Даже наполовину незаполненные одеждой. Больше места там занимали книги и папки. С другой стороны было место для висячих вещей с пустыми вешалками. Хотя на одной вешалке висело длинное темно-синее платье и узкими манжетами и серебристыми пуговками на груди, а внизу, вместо коробок с обувью, снова лежали книги, большие и очень большие, напоминающие энциклопедии.

Я настолько была поражена этим убогим женским миром, что не сразу взглянула в зеркало. И, из-за первого шока от увиденного в шкафу, моя внешность меня уже не так поразила. Хотя была она совсем чужой, но намного привлекательнее моей привычной. Сейчас я была высокой статной, очень тоненькой блондинкой с чертами лица, как у роковой красавицы. Такие девушки обычно ходят по упавшим штабелями поклонникам, а жизнь свою связывают с очень богатыми мужчинами, которые смогут оплатить все их невероятные запросы.

Я сейчас определенно была красавицей. Высокий чистый лоб, с необычной татуировкой у линии начала роста волос. Это тату, тонкой узорчатой полосой тянулось с одной стороны лба до другой. Я залюбовалась своим отражением: ровный носик, широко посаженные серые глаза, из-за густых ресниц они даже казались черными, а губы... если бы у меня раньше были такие полные губки, я бы никогда не использовала блеск для губ с экстрактом жгучего перца.

— Эй, хватит тянуть время! — Пискнуло настойчиво.

Сейчас мне было не до голоса. Если комплектом к такой внешности шла шизофрения, я была полностью на нее согласна. Кожа-то у меня была матовой, даже на вид бархатистой, с легким, почти незаметным, румянцем на щеках. Подбородок, скулы — все было гармонично и завершено в этом лице.

— Я красотка! — Наконец, вынесла я свой вердикт.

— Это я красотка. Была. А ты заняла мое тело. Как ты это смогла сделать? — Пропищал голос. И я поняла, что принадлежит он мыши. И, если я и вправду заняла ее тело, то самое малое, что я могу сделать — это поговорить с ней и постараться выяснить, что же произошло на самом деле. Хотя, даже во имя справедливости, отдавать уже свое тело какой-то болтливой мыши я не собиралась.

Мы говорили долго, вернее говорила я, а слова мыши раздавались у меня в голове. В первую очередь я выяснила, как это у нее получается. Она рассказала, что связала нас ментально, сейчас она может говорить со мной силой мысли, и я так смогу научиться, если очень постараюсь.

А дальше я рассказала ей, что скорее всего, разбилась в своем мире на мопеде и, как-то без усилий со своей стороны, перенеслась сюда в ее тело. Вот мчусь я по трассе на скорости пятьдесят километров в час, обгоняю старую отечественную легковушку и влетаю в грузовик. Даже удара не помню. А просыпаюсь на твердом полу в незнакомом помещении, а вокруг меня только горы посуды возвышаются.

А мышь рассказала мне свою историю, обрадовав меня тем, что я заняла уже освобожденное ее душой тело. Она сама, по своему желанию, перенесла свою душу в тело грызуна, дахкилга, чтобы освободиться от ментальной метки подчинения. Она даже хотела покончить с жизнью, но самоубийство обрекало душу на вечные муки в аду, поэтому она решила дожить свои годы в живом уголке Свободной Академии Магии в теле белого дахкилга.

Вообще-то, история Сафиры Чарх до этого момента была вполне обычной для этого нового для меня магического мира. Она принадлежала к аристократической магической семье среднего достатка. Вместе с подругой поступила на первый курс Свободной Академии Магии. Название Академия получила из-за свободного набора на первый курс. Проще говоря, любой желающий поступал на первый курс без каких-либо вступительных экзаменов и проверочных испытаний.

И первые два года никаких зачетов, экзаменов, проверочных работ не проводилось. Адепты обязаны были только посещать все занятия: лекции и практикумы. Пропуски и нарушение дисциплины — единственные причины для исключения адептов с первых двух курсов. Академия при этом предоставляла всем желающим место в общежитии, трехразовое питание, гарантировало безопасное обучение и полный доступ к знаниям через занятия, библиотеку и общение с педагогами. Многие адепты, отчисленные так и не сдав первую сессию на третьем курсе, в последствие легко поступали в другие учебные заведения,

магические и немагические, и успешно их заканчивали.

А Сафира Чарх и ее подруга не были глупыми девочками, они пришли в Свободную Академию за знаниями и учились с охотой, тем более, что обе были щедро одарены природой умом и магической силой. Они в будущем могли стать сильнейшими магинями. Они пообещали друг другу не отвлекаться на парней, не выходить замуж и не отступать от мечты, пока не окончат шесть курсов академии.

Семь курсов Академии, из поступивших на первый курс пятисот адептов, в лучшем случае оканчивали десять сильнейших магов. В этом году на выпускном курсе числилось только семь адептов.

Поэтому для подруг окончить шесть курсов Свободной Академии было реальной целью. И вот прошли первые два года обучения, за которые они обе успели заслужить уважение многих магистров магии, подтянуть свои знания по большинству направлений и во всеоружии перешли на третий курс.

Они обе должны были быть в числе лучших адептов курса. Но на летних каникулах обе подруги увлеклись Коном Вэдром, красавцем, который перешел на выпускной седьмой курс Свободной Академии. А он пытался не обделить вниманием каждую из своих поклонниц. Поняв, на что могут променять свою дружбу и мечту, подруги порвали с Вэдром и приступили к подготовке к занятиям. Это было не просто, девушки часто ссорились, винили друг друга в своей несчастной любви, но смогли взять себя в руки и сосредоточиться на учебе.

Первые два месяца на третьем курсе были самыми интересными и счастливыми в жизни Сафиры, они с подругой уже получили по отдельной комнате в общежитии, и не жили, как раньше, по десять девушек в одном помещении. Наставники вкладывали в своих адептов не только знания, но, кажется, частичку своей души. Любая, даже самая редкая книга, ждала каждого адепта в библиотеке. Все в Академии как бы дышало знаниями и магией. И Сафира училась, упиваясь всем новым, что даровала ей Академия.

Но однажды ее подруга вдруг, без предупреждения, покинула Академию, а через неделю Сафира получила от нее прощальное письмо, в котором она рассказывает о своем романе и семикурсником Коном Вэдром. Он отказался жениться и бросил ее, а она решила, что жить больше не имеет смысла.

До сессии, их первой сессии, оставался только один месяц, и Сафира решила, что время для слез и мести еще настанет, и продолжила усиленно заниматься. Помимо обязательных занятий, она посещала все дополнительные дисциплины и факультативы. И она могла стать первой адепткой курса по итогам сессии, но сознательно оставляла по несколько заданий незавершенными на экзаменах и стала лишь пятой по успеваемости. Стипендию она сохраняла, доступ к дополнительной литературе в архивах библиотеки тоже, но оставалась не слишком заметной для охотников за диковинками среди старшекурсников.

Но однажды она поддалась настроению и посетила вечеринку, устроенную старшекурсницами, где, напившись, позволила Вэдру нанести себе магическое тату подчинения.

— Это как? — Удивилась я

— Узор на моем лбу, это татуировка, через нее адепт Вэдр может приказывать мне, теперь уже тебе, переспать с ним или выполнить другое его желание, конечно, если его желания не нарушают законов Принципата.

Я не поняла смысла, зачем пьяной девушке наносить татуировку, чтоб потом переспать

с ней. Если можно затащить пьяную в постель сразу, без всякой магии.

— Нельзя соблазнять пьяную, это свидетельствует о слабости соблазнителя. — Заявила мышь.

— А с тату можно? — Или мое земное воспитание мешало мне принять логику нового мира, или проблемы были в морали этого мира.

— А татуировка — свидетельство магической силы. Раз маг смог ее нанести, никто ему не оказал сопротивления, теперь он хозяин положения, пока тату на носителе.

— А снять ее никак нельзя?

— Можно, конечно, сопротивляясь силе призыва. Тогда тату блекнет и со временем может вообще пропасть. Но это сделать могут только очень сильные маги или люди с непоколебимой волей и высоким болевым порогом

— А если запереть призываемого в комнате, не пускать на зов? — Спросила я.

— Тогда ему будет очень больно, до обморока или даже смерти. Вообще-то, призываемый скорее разнесет свою темницу, перебьет всех, кто его держит, но дойдет до хозяина, чтоб облегчить свои муки

— Тебя уже призывали? — С сочувствием спросила я.

— Нет! Да. Просто мне повезло, на следующее утро после той вечеринки седьмой курс отправился на полевую практику. И призвать он меня мог только туда, на границу Принципата. А это нарушение закона, его бы судили. Но он почти каждую ночь насылал на меня мерзкие сны и показывал, что меня ждет после его возвращения. А завтра седьмой курс возвращается со своей практики. Потом у них будет подготовка к выпускному испытанию, и само испытание. Для этого они выбирают себе команду из третьекурсников. А для нас это первая практика в Академии. В общем, все адепты будут сильно загружены, но для воплощения своих отвратительных идей в жизнь, адепт Вэрд время найдет. А я не смогла бы ему сопротивляться.

— Ты не жаловалась ректору? Или родителям? — Мне не верилось, что из такой ситуации единственным выходом была смерть или переселение души в грызуна.

— Я сирота. Но жаловаться, конечно, ходила к куратору. Но он сказал, что все в рамках закона. Только на адептов первых двух курсов запрещено влиять магически. а я еще и нарушила правила Академии и сама пошла на закрытую вечеринку старшекурсников, сама же пьяной позволила нанести на себя знак призыва. Теперь должна или побороть силу влечения или выкупить у Вэдра его право, чтоб он снял тату. А он не снимет ни за какие богатства. У меня и нет богатств. А он и сам из богатой семьи. А развлечь я его могу, наверное.

— Бедная, — искренне посочувствовала я мышке.

— Я хотела умереть. Но самоубийство тяжкий грех. Я не хочу веками гореть в пламени ада из-за своей слабости. Но и игрушкой Вэдра я не могла стать. Поэтому я и решила покинуть свое тело, а способ и заклинания нашла в архиве библиотеки. Мое тело должны были обнаружить бездыханным и передать дяде. А я бы жила в Академии очень умным дахкилгом, и может быть даже смогла бы отомстить убийце своей подруги и своему обидчику. Когда-нибудь. А сейчас я буду учить тебя всему, что знаю сама, и практиковать в магии. Ты станешь адепткой, все равно других вариантов у тебя нет. И ты должна бороться с призывом Вэдра, тебе будет чуть проще, чем мне, все-таки он будет призывать по моему имени. А у тебя-то другое имя с рождения. И никому его не говори. Я даже отсюда вижу, что тату уже стало чуть бледнее.

5. Кон Вэдр

Прошло три дня, как я попала в этот магический мир. В государство Принципат Сотни Объединенных Земель, в основе которого стояли принципы равенства по возможностям каждого гражданина. Поэтому все хотели иметь как можно более широкие возможности. Особенно в магии. Сильнейшие маги имели больше прав, но, что странно, именно они своими правами и не злоупотребляли.

С помощью Сафы (мы договорились с дахкилгом, что краткая форма ее имени будет принадлежать ей, а я буду носить полное имя — Сафира), я за короткое время научилась читать и уже посещала занятия. Сафа удивлялась моему уму и общему образованию. Я тоже удивлялась своему уму, в школе-то я была незаметным середнячком.

Учиться было интересно, а все непонятное разъясняла мне сразу Сафа, всегда сидевшая в моей сумке, и посещающая со мной все занятия. Когда же встречалось что-то совсем мне непонятное, она объясняла мне это позже, после занятий. Единственное, что мне здесь абсолютно не устраивало, это моя форма. То самое длинное темно-синее платье, с маленькими пуговичками на груди, которое одиноко висело в шкафу у Сафы. Оно было неудобным, сковывало мои движения и подол его всегда приходилось чистить. Зато практиковаться в бытовой магии с каждым разом становилось проще. А волосы мне приходилось заплетать в косу, что с моими кудрями было очень сложно.

А с Коном Вэдром я имела несчастье пересечься однажды в парке, прилегающем к Академии. Я, накинув Сафино пальто, прогуливалась после занятий по свежему снегу, и наслаждалась необычным «вкусом» воздуха. А навстречу мне со своей тропы свернул необыкновенно шикарный парень.

Старшекурсник в традиционной форме Свободной Академии Магии: узкие штаны и приталенный пиджак длиной до середины бедер с широкими манжетами и воротником стоечкой. Форма темно-синего цвета с серебряными пуговицами. Он был не меньше двух метров ростом, широким в плечах и узким в талии. Светлые длинные волосы, стянуты в высокий хвост на затылке, и почти бесцветные голубые глаза.

Я в первое мгновение даже обомлела, увидев шагающего мне навстречу этого красавца. Только непреодолимое желание встать перед ним на колени и поцеловать кончик его драгоценного начищенного до блеска сапога привел меня в сознание. Я смогла устоять на своих ногах, и когда он, криво ухмыляясь, прошел мимо, я скрылась за кустами и там освободила желудок от всего съеденного на обед. Хорошо, что Вэдр сразу продемонстрировал свою гнилую сущность, а то был риск, что я ни на шутку увлекусь таким притягательным человеком.

Сейчас же я его возненавидела так, как не ненавидела ни одно мерзкое создание в мире. Даже свору диких собак, чуть не загрызших меня в детстве я так не ненавидела. Даже мамину подругу, всем рассказывавшую историю, как меняла мне подгузник, я так не ненавидела. Даже мою классную руководительницу, однажды назвавшую меня при всем классе «тупой лентяйкой» я так не презирала. Даже водитель грузовика, сбивший меня на мопеде, не заслуживал такой ненависти и презрения... Я их всех могла понять, ведь никто не идеален. Но двухметровый детина, адепт выпускного курса Академии, почти мастер в магии, так измывающийся над девчонкой, которая во всех отношениях слабее его, не достоин, в

моем понимании, ни понимания, ни прощения.

— Я и за тебя ему отомщу, — пропищал голос Сафы в моей голове.

— Ну, теперь он и от меня получит, — пообещала я нам обеим.

6. Распределение на практику

А сегодня я слушала, конспектировала и пыталась как-то освоить теоретический материал на целых четырех лекциях. Не устаю удивляться и восхищаться своим прилежанием на занятиях. А с понимаем написанного у меня пока незначительные проблемы. Сафе приходится много работать, чтоб мне все разъяснить.

Мне очень хотелось быстрее добраться до столовой, запастись бутербродами, захватить еще гроздь винограда и скрыться в своей комнате. Там надеть удобные штаны и топик, убрав ненавистную форму подальше, и расслабиться. Мне были необходимы тишина и покой. Я уже фантазировала, что запру Сафу в шкаф, если она не даст мне отдохнуть, как в аудиторию вошел наш куратор, магистр Рош. Он попросил весь курс задержаться для важного сообщения, сил сдержать тихий стон у меня не оказалось. В общем, как и многих моих сокурсников.

— Пока мы ждем ректора Академии, магистра Мартазана, — обратился к нам наш куратор, — достаньте папки, которые я сказал вам приготовить перед каникулами и еще раз проверьте, всю ли важную информацию о себе вы изложили. Может, стоит внести дополнение?

Я не знала, про какую папку говорит куратор, но порылась в сумке, тем более, что там сидела Сафа, на которую я и уставилась пристальным взглядом: это же ее упущение. Забыла про задание куратора!

— Я не забыла! — Мои мысли она слышала очень редко. — Папка лежит в нашей комнате, на верхней полке шкафа. Синенькая. Отпросись у магистра Роша, и принеси папку, она уже полностью готова.

Я подняла руку, привлекая к себе внимание.

— Адептка Чарх, у вас вопрос ко мне? — Спросил куратор.

— У меня просьба, магистр Рош, можно выйти, я за папкой сбегая. Она лежит на верхней полке моего шкафа.

В аудитории раздались смешки. Но магистр оставался суровым, аудитория тоже быстро успокоилась:

— Несерьезное отношение к моему поручению, адептка Чарх. Я предупреждал, чтоб все адепты третьего курса после каникул каждый день носили папки с собой, так как было неизвестно, когда семикурсникам выделяют время для распределения. И, после многозначительной паузы, добавил. — Идите.

Я, поблагодарив куратора, выскочила из-за стола и понеслась к выходу. Но заметила боковым зрением, как в аудитории поднялись еще несколько десятков рук. Даже от сердца отлегло, значит, я не единственная, кто забыл про свою папку, и в памяти куратора неответственной лентяйкой не останусь.

С папкой в руках я бежала в обратном направлении так же быстро, как и до своей комнаты. Папку нашла там, где указала Сафа. Синяя, в ней было только два листочка, с моей, Сафиной, автобиографией и таблицей. Потом спрошу у дахкилга, что значат все числа в ней.

Я успела вбежать в аудиторию одной из первых, после меня вошли еще двадцать восемь адептов, я специально считала их, утешая чувство собственного достоинства.

Все адепты были в сборе, когда распахнулась входная дверь, и в аудиторию вошли ректор Академии и куратор седьмого курса. Они по очереди выступили перед нами, сказав, что на этом курсе нас ожидает первая практика. Это одна из самых ответственных аттестационных работ, от качества ее прохождения зависит не только наше дальнейшее обучение, но вся наша последующая жизнь.

Первая практика третьекурсников проходит под руководством адептов седьмого выпускного курса, для них это уже выпускная практика. Для адептов-выпускников данная практика имеет значение преддипломной работы. Только сдав ее, они получают допуск к дипломным экзаменам и испытаниям.

И в аудиторию, наконец пригласили самих адептов седьмого курса. Мы замерли, ведь это нам предстояло выбирать под руководством какого адепта мы будем готовиться к практике и проходить ее.

Дверь аудитории распахнулась, и в нее вошли семь молодых людей, которые уже были звездами Академии. Они были высокие и статные, все в темно-синей форме Академии, но на них она смотрелась шикарно, не так как на моих сокурсниках. По аудитории прошлись волной вздохи и шепотки и затихли.

Адепты седьмого курса, коротко поздоровавшись, прошли к возвышенности у доски.

Пока они шли, мы, затихшие третьекурсники, смогли их рассмотреть во всех подробностях. Но мое настроение резко испортилось, когда я заметила идущего в начале строя Кона Вэдра. Сразу вспомнились ощущения, когда меня сгибало к его сапогам, чтоб с удовольствием поцеловать их.

Я отвела взгляд от трибуны и уставилась в свою папку. А потом взяла чистый листок, чтоб делать для себя заметки.

— Адепты третьего курса, позвольте представить вам гордость Свободной Академии Магии. — Разнесся голос ректора. — Выпускники, лучшие среди всего потока поступивших в Академию семь лет назад. Адепт Кон Вэдр: староста группы, двадцать пять лет, отличник учебы, маг восьмой ступени. — Я подняла глаза и видела, как названный адепт сделал шаг вперед и легко поклонился аудитории. Аплодировали и скандировали его имя так, будто это рок звезда выступила на сцене. Я же молча вернула внимание листку бумаге, лежащему передо мной, и сделала первые пометки. — Адепт Станислас Лим, двадцать пять лет, отличник учебы, маг восьмой ступени. Адепт Витор Наут, двадцать пять лет, хорошист учебы, маг восьмой ступени. Адепт Чмир Рват, двадцать пять лет, хорошист учебы, маг девятой ступени.

Как только звучало имя адепта и его основные характеристики, он делал шаг вперед и поклоном выказывал уважение аудитории. А третьекурсники громко, с хлопками и криками выказывали ему свои восторги. И магистры не делали нам замечание, не требовали соблюдать тишину в аудитории.

— Адепт Ромир Литс: двадцать пять лет, хорошист учебы, маг восьмой ступени. Адепт Лион Найт: двадцать пять лет, хорошист учебы, маг девятой ступени. Адепт Тимир Найт: двадцать семь лет, отличник учебы, маг десятого ступени. — Я ждала уже привычного шума, тем более названный сейчас адепт был отличником и магом десятой ступени. Но аудитория ответила безмолвием, абсолютной тишиной.

Я, которая до этого записывала для себя звучащую информацию, подняла взгляд на адепта стоящего последним в строю. И пропала.

Расстояние в половину аудитории не могло скрыть необыкновенной красоты и обаяния

Тимира Найта. Когда его не поприветствовали, как однокурсников, он только, после поклона, вернулся в строй и хранил безмятежное выражение лица. Стоящий справа парень постучал его по плечу и что-то шепнул на ухо. А адепт Тимир Найт пару раз кивнул и улыбнулся, отчего на его щеках заиграли ямочки. За одни эти ямочки он был достоин самых страстной приветствий всех адептов Академии!

А ректор, выдержав короткую паузу, продолжил:

— Сейчас, адепты, мы начнем распределение. Ваш куратор, магистр Рош, будет зачитывать по списку ваши имена. Как только вы услышите, что назвали вас, выходите к трибуне и передается заготовленную вами папку тому семикурснику, под руководством которого хотите пройти первую практику.

И магистр Рош начал произносить имена адептов третьего курса.

Они вставали, проходили в сторону трибуны, поднимались по ступеням на возвышенность, кланялись в сторону магистров, передавали папки одному из семикурсников, обменивались с ними поклонами и возвращались обратно. Я с удивлением наблюдала за происходящим, и жалела, что мы с Сафой не говорили о предстоящем распределении. Потому что сейчас в аудитории происходило нечто непонятное мне и, по моему, несправедливое.

7. Адепт Тимир Найт

У каждого из семикурсников было на руках уже не меньше тридцати папок, а Кон Вэдр вообще положил свои папки на стол магистра, потому что он не мог спокойно с этой кипой отвечать на поклоны адептов. Но у Тимира Найта в руках не было ни одной папки, ни один мой сокурсник не захотел проходить практику с ним. А он стоял все также ровно, спокойно, устремив взгляд в пустоту.

Мое имя было последним в списке.

— Адептка Сафира Чарх, — уже устало произнес магистр Рош.

И я встала, прижала синюю папку обеими руками к своей груди и вышла из своего ряда. Потом, стараясь идти неторопливо и достойно, спустилась по ступенькам ниже и направилась к трибуне. Остановилась у основания возвышенности, на которой она стояла и, повернувшись в сторону магистров, вежливо поклонилась им. Поднялась по ступеням на возвышенность, и оказалась лицом к одному высокому смуглому брюнету. Я не помнила его имени, но к нему в группу я и не собиралась. Я повернулась в правую сторону и пошла в конец ряда. И, остановившись прямо напротив адепта Тимира Найта, протянула ему свою синюю папку.

Даже если бы у меня и были планы работать с другим семикурсником, но увидев улыбку Тимира Найта, я себя не представляла рядом с другим адептом. И сейчас стоя перед ним с протянутой папкой, я чувствовала его эмоции, как свои: удивление, неверие, облегчение, радость и восторг.

— Вы уверены, адептка Сафира Чарх? — Бархатным, ласкающим слух голосом спросил меня адепт Найт. Но при этом, не дожидаясь моего ответа, он ухватился за папку в моих руках и так замер.

— Конечно, адепт Найт. — Уверено ответила я и разжала свои пальцы. И как только я папку отпустила, мой будущий руководитель спрятал ее за спиной. Не держал перед собой, как другие адепты, а именно спрятал за своей спиной.

— Адептка Чарх, вы уверены в выборе своего руководителя? — Задал уже однажды прозвучавший вопрос мой куратор.

— Конечно, магистр Рош, я уверена. — Без сомнений ответила я и ему.

— Обоснуйте свой выбор. — Ни у одного третьекурсника до меня он обоснования их выбора не требовал.

— Магистр Рош, адепт Найт учится на седьмом курсе Свободной Академии Магии — это уже говорит в его пользу. Почему я не могу пойти к нему, как мои сокурсники шли к другим адептам? Он отличник учебы и маг десятой, наивысшей ступени, — этого достаточно, чтоб работать под его руководством. И, самое главное, ... - я не знала, стоит ли это озвучивать и замолчала.

— Продолжайте, — подтолкнул меня уже ректор Мартазан.

— И самое главное, в группе адепта Найта я единственная подопечная. А значит, у него будет на мое обучение больше времени. Для меня честь учиться у вас, адепт Найт, — обратилась я к слегка обескураженному семикурснику и низко поклонилась ему. И он с достоинством ответил на мой поклон.

Ректор, как только мы все заняли свои места, обратился к адептам, но у меня была

стойкая уверенность, что его слова адресовались именно мне.

— У каждого адепта третьего курса еще есть время передумать и перейти к другому руководителю практики. Но поторопитесь. Как только семикурсники впишут в приказ по прохождению практики имена своих подопечных, и я этот приказ подпишу, пути назад не будет. С этой секунды и начинается ваша совместная подготовка к практике. — И, повернувшись к старшекурсникам, он добавил. — В шесть тридцать приказ должен лежать у меня на столе.

Ректор и магистры покинули аудиторию. Адепты-выпускники, которых начали окружать их будущие подопечные, стали объявлять в какую аудиторию они сейчас пойдут, чтоб лучше познакомиться и обсудить правила взаимодействия.

А я сидела за партой, автоматически водила ручкой по бумаге и слушала Сафу. А она буквально кричала мне в голову, не опасаясь, что мои мозги вскипят:

— Нельзя к старшему Найту! От вырожденец, выродок, деградант! Его сила нестабильна, он может в любой момент перегореть! Перейди к его брату, Лиону Найту. Пока не поздно, меняй руководителя!

Хотела спросить у Сафы подробности, но она мои мысли не слышала, поэтому я переставила свою сумку на колени и, наклонившись, прямо в сумку задала ей свои вопросы:

— Почему он выродок? Он же такой красивый.

— Он урод! Ты видела эти ужасные впадины на его щеках?

— Ямочки? Они появляются, когда он улыбается. И они не ужасные!

— Ужасные! Мышцы на лице сложены неправильно. И это признак вырождения магии. Ты не заметила, какого он роста? Он недомерок! Маг должен быть ростом между мерой, девятью делениями и двумя мерами. А Найт даже до меры и семи делений не дорос!

Если я правильно поняла, она сейчас говорила, что маг должен быть ростом не ниже ста девяноста сантиметров и не выше двух метров. А рост Тимира Найта был меньше ста семидесяти сантиметров. Странно, но мне он низкорослым не показался. Я и сама была ростом ровно «меру и семь делений».

И еще напрашивался вопрос про магов-детей и стариков. Одни не доросли, а другие ссутулились. Но я озвучивать его не стала, все равно Сафу невозможно было перебить. Она продолжала пицать в моей голове:

— И Тимир Найт нестабилен, он дрался в магических и примитивных дуэлях со всеми своими сокурсниками с самого первого курса. Его даже исключали в конце пятого курса. Он только через два года смог восстановиться в Академии. И только потому, что он из знатного рода, а его отец глава Министерства Внешней Политики. А эти два года, говорят, выродок работал архаровцем в столице.

— А кто такие «архаровцы»? — Само слово было мне хорошо знакомо, и имело оно несколько смыслов. Интересно, в каком его употребила моя мышка?

— Архаровцы это тайные Стражи порядка. Они не носят мундиры, и применяют недопустимые методы против преступников. Они выполняют всю грязную работу, но никогда не получают за это признания или награды. Их, вообще, надо судить за их бесчинства.

Образ, нарисованный Сафой, в моих глазах, получался героическим, разносторонним, интересным и даже немного мученическим. Сейчас бы я даже за шанс вернуться в мой мир не отказалась от практики с Тимиром Найтом.

Пока мы с дахкилгом говорили, в помещении наступила тишина. Все разошлись по другим аудиториям. Только я сидела на своем месте. И адепт Тимир Найт стоял у окна и

внимательно рассматривал высокие башни, видимые из него.

— Адептка Чарх, вы передумали? — Медленно развернувшись ко мне, спросил адепт Найт. — Не стоит стыдиться менять свое решение. Как лучшего руководителя позвольте посоветовать вам адепта Чмира Рвата. Он наиболее терпеливый и справедливый из нашего курса.

Сейчас я окончательно влюбилась моего дегранта.

— А мне советовали Лиона Найта. — Просто, чтоб узнать, о чем думает Тимир Найт, я расположить его к себе, сказала я.

— Моего брата? Он слишком нетерпим. И будет работать только с сильными адептами. А вы, кажется, хотели многому научиться.

— Конечно, мне нужны знания и навыки. Поэтому я все еще хочу, чтоб вы были моим руководителем.

Он улыбнулся, от чего на щеках показались глубокие ямочки. Но спешно вернул себе серьезное выражение и, даже рукой прикрыл нижнюю часть лица.

— Для меня большая удача, что хоть один адепт третьего курса согласился работать под моим руководством. Если вы уйдете от меня, моя учеба на этом закончится. Я не окончу седьмой курс. И вернусь в семью, займу то место, которое для меня давно в ней уготовано. Я бы этого не хотел. И все же, будет несправедливо, если выбрали меня по незнанию... всех обстоятельств.

— Меня просветили. Я знаю все, что известно всем в Академии. Мое решение неизменно.

Он снова улыбнулся широко и ясно и опять смущенно прикрыл рукой нижнюю часть лица. А потом низко мне поклонился. Мне пришлось встать, чтоб ответить на его поклон.

8. Наедине

В аудитории нас было только двое, я сидела на возвышенности на седьмом ряду, а он все так же стоял у окна, будто боялся покинуть свой пост.

— Адепт Найт, раз уж мы ближайшие шесть месяцев будем много времени проводить вместе, предлагаю для простоты общения перейти на неформальное обращение. Вы не возражаете?

Странно, когда взрослый мужчина смотрит на девчонку в немом, чуть настороженном ожидании. Ему же уже было двадцать семь лет. А Сафире Чарх, хоть и шел двадцать первый год, в глазах общества она была неискушенной, неиспорченной девушкой. Которая последние два с половиной года провела в постоянной учебе, ни в каких «порочащих связях» замечена не была и никогда пределов Академии не покидала. Единственная ее оплошность за это время: посещение вечеринки старшекурсников, где она и получила свое тату подчинения.

А Тимир Найт смотрел на меня именно настороженно. Но на мое предложение кивнул. И я, обрадовавшись, продолжила:

— Тогда переходим на «ты». И наедине я буду тебя звать Тим, а на людях оставим полное имя Тимир.

Он долго обдумывал мои слова, но снова кивнул. И сам дополнил мои слова:

— А я буду обращаться к вам по имени Сафира?

Я даже чуть не захлопала от его понятливости, слишком уж он казался замороженным:

— Конечно.

— И на людях, и наедине? — А он оказался намного смелее, чем показался мне в начале общения.

— Сафой зовут моего питомца, поэтому, конечно, лучше оставить в обоих случаях мое полное имя. — Пояснила я.

— У вас с животным одно имя на двоих? — Улыбнулся Тим, и снова от вида ямочек на его щеках у меня екнуло сердце. И я просто кивнула.

— Может, все остальные вопросы обговорим позже, ...Сафира? Мне нельзя опаздывать в ректорат.

Я посмотрела на часы, висевшие на стене. Стрелки показывали ровно пять часов вечера.

— Тим, у тебя еще целый час в запасе. — Нагло заметила я.

И он, выдохнув, отошел от окна и сел на стул в первом ряду. Достал тоненький блокнот и маленькую ручку из кармана и, почесав этой ручкой затылок, начал:

— Все занятия с вами проводим после основных пар. Лекции будем проводить каждый вторник и пятницу по заранее обговоренным темам. Тренировки по магии лучше назначить на среду. Физической подготовкой и оружием займемся в пятницу. В субботу и воскресенье будете отдыхать. Вот и все. Вопросы, замечанья и предложения есть? — И он устремил взгляд в мою сторону, но смотрел выше моей головы, куда-то в сторону.

А он, оказывается, готовился к общению со своей будущей группой. Обидно, что выбрала его только одна я.

— Есть. Начну с замечания. — И он забавно приподнял одну бровь и посмотрел уже прямо на меня. — Мы договорились перейти на неформальное общение, а ТЫ мне все еще

выкаешь. Что будем с этим делать?

— Прости. Я не привык так общаться с девушками.

— Прощаю. — Я была великодушной. — Привыкай. Перехожу к предложению: заниматься можно и в выходные, если ты свободен, у меня все равно никаких других дел не предвидится. И последнее — вопрос: не помешает ли нашим занятиям моя отработка? Я должна мыть посуду у зеленых великанов.

— У зеленых великанов? — Удивился Тим, и, хлопнув ладонью по столешнице, рассмеялся. Заразительно, откинув голову назад и даже забыв прикрыть появившиеся на щеках ямочки рукой. — За что ты так про Яна и Ясаман? — Между приступами смеха спросил он. А я не отвечала, потому что смеялась, сдержаться было невозможно, и любовалась Тимом.

А потом он резко перестал смеяться и, прикрыв лицо, встал:

— Прости. Не сдержался.

— И не сдерживайся. Мне нравится твой смех. И ямочки твои нравятся. — Серьезно сказала я Тиму.

— Это дефект лицевых мышц.

— Это самые шикарные, из всех, что я видела, ямочки. Ты из-за них становишься совсем милым.

А он покраснел и отпустил голову, пряча лицо. И, посмотрев на меня исподлобья, спросил:

— Милым? Я? — Ну, хоть не убежал.

— Самым милым. — Для меня было жизненно важно, чтоб он поверил мне. Не принял мои слова за издевательство или шутку. Вообще. Хотелось, чтоб Тимир Найт всегда принимал меня всерьез.

— Спасибо. — Он смущенно провел рукой по своим волосам. И я сейчас заметила, что они у него намного короче, чем у остальных адептов. Стянуть их в хвост не получится. И цвета они были сочно-каштанового. — Договорим позже, Сафира. Я не могу опоздать к ректору. — Возле выхода он остановился и обернувшись тихо повторил. — Спасибо. До завтра. — И вот только тогда он ушел, аккуратно прикрыв дверь.

А я, ощущая порхание бабочек в каждой клеточке своего тела, пошла в крыло, где располагалась моя комната.

9. Первая ссора с Сафой

Всю дорогу до нашей комнаты Сафа возмущенно пищала. Она была недовольна всем: и моей слабой успеваемостью, и моим выбором руководителя практики, и тем, что ее называли питомцем, и, самое главное, непозволительной фамильярностью с моей стороны в общении с Тимом.

— Он не Тим. Он адепт Найт, деградант, недостойный учиться в Академии. Он не может быть моим руководителем. — Эта злобная мышь настолько вывела меня из себя, что я впервые ей нагрубила.

— Тим мой руководитель, не твой. Общаться я с ним буду так, как сама решу. И я за него еще замуж выйду! А ты, если не хочешь, что б я сбежала от тебя, как твоя подруга, уважай мои решения и щади мои чувства.

И наступила долгожданная тишина, которая мне была необходима. Но долго насладиться покоем мне не позволили. Мышь тихо запищала:

— Сафира. Сафирочка. Ты же умненькая. Красивенькая. Ты должна понимать, существуют правила, которые нельзя нарушать.

Мне невольно пришлось обернуться к Сафе и, проявив уважение, внимательно ее послушать. Не отмахиваться от неприятной истины.

— Тимир Найт очень низкого роста. В нем даже нет меры и семи делений. Он же ниже тебя будет.

То, что я сейчас длиною в метр и семьдесят сантиметров, я уже знала. А вот то, что Тим ростом ниже меня, вообще незаметно. Мне он показался очень высоким и красивым.

— Магия умирает в тех, кому природой не дано достойное тело. Маг должен быть совершенным во всем. Врожденное уродство, низкий рост, излишний вес — все это признаки вырождения магии. Такие люди быстро выгорают и погибают.

— А высокие и красивые вообще не выгорают? — Спросила я Сафу.

— Выгорают, но очень редко.

— А если бы им все не уставая говорили, что высокие выгорают быстрее, болеют чаще, умирают молодыми? Как думаешь, они бы смогли быть такими гордыми и презрительными?

Сафа уставилась на меня выпученными глазёнками.

— А кто, по-твоему, лучше: высокий Кон Вэдр или невысокий Тимир Найт? С кем в группе мне будет безопаснее? Кто не воспользуется своей властью над слабой мной? — Продолжила я давить ее своей логикой.

— Кроме Вэдра, есть и другие достойные адепты. Но ты не отступишься от Найта. — Она не спрашивала меня.

— Не отступлюсь. Более того, тебя я обрадую первой, я влюбилась в Тима. И, если не буду рядом с ним, я вообще брошу учебу здесь. Мне здесь, если честно, не нравится. И сегодня, увидев Тимира, я впервые подумала, что эта Академия еще может стать мне настоящим домом.

В маленькой комнате с одной узкой кроватью надолго наступило безмолвие. Мне уже нечего было добавить. А дажкилг застыла плюшевой игрушкой и что-то усиленно обдумывала.

— Так же, как я отговаривала тебя от работы с адептом Найтом, его тоже будут

отговаривать. Такие маги — это позор семьи. Даже странно, что его до сих пор не заперли в семейном имении. — Тихо сказанные слова, подкинули меня со стула. Я, на ходу надевая обувь, выбежала из комнаты. Я спешила в ректорат, чтоб убедиться, что адепт Найт от меня не отказался.

Приказ о нашей практике ректор уже должен был подписать.

10. Я не подслушивала

— Адепт Найт, вы не сдадите практику. Откажитесь от сотрудничества с адепткой Чарх.

Мой Тим стоял в кабинете одного из проректоров перед тремя мужчинами. Они сидели в креслах, откинувшись на спинки, бросали на него презрительные взгляды и в словах не стеснялись. А я спряталась за распахнутой дверью и слушала. Слушала и мысленно просила Тима выстоять, не отказываться от практики. Вмешиваться я не могла, это нарушение дисциплины, поэтому просто стояла тихо и молилась, чтоб Тим отстоял нашу группу. А дальше я смогу стать ему хорошей помощницей.

— Таким, как вы, не место среди выпускников.

— Адептка Чарх пятая на курсе, не умом она этого достигла, конечно. Но и самой глупой ее не назовешь.

— Практику вы вместе все равно не сдадите.

— Группа из двух адептов не функциональна.

— Сафира Чарх вам не помощница, и перегорите с ней вы быстрее.

— Не тяните время, и станьте, наконец, достойным сыном своему отцу.

— Как только семье адептки Чарх сделают выгодное брачное предложение, она бросит и практику, и учебу.

— Возвращайтесь в архаровцы, там место таким, как вы.

— Адепт Найт, вы испортите будущее третьекурснице. А она могла бы удачно выйти замуж, но даже короткая практика под вашим руководством повлияет на ее статус на рынке невест.

— Чарх помечена татуировкой Вэдра, и даже вопреки своей воле, предаст вас.

Они говорили еще много обидных, и даже недопустимых слов. А Тимир все выслушивал, с опущенной головой, но не пререкался и не оправдывался. И, когда, наконец, они его отпустили, поклонившись, вышел из кабинета.

Закрыв дверь, он увидел притаившуюся за ней меня. Встретившись с ним взглядом, я пожала плечами, как бы и сама удивилась своему поведению.

Мы вместе двинулись вдоль коридора. За окнами уже темнело, и низкое серое небо с редкими облаками будто отображало то, что должно было твориться в душе моего будущего руководителя. Хотя я воспринимала его, скорее, как напарника.

— Подслушивать некрасиво, — тихо сказал он, не обращаясь конкретно ко мне.

— А как архаровцы получают информацию? — Хлопнув ресничками, спросила я.

— Ты аристократка, — сказал так, будто вспомнив про корону на моей голове.

Ну и я решила не падать лицом в грязь:

— Я не подслушивала, а получала информацию.

— И что удалось узнать? — Его не интересовал ответ на свой вопрос. И взгляд у него был совсем уставшим. Мне даже казалось, что эти трое выдавили из Тимира всю энергию. Там, в аудитории, когда почти двести адептов третьего курса отдавали свои папки не ему, Тимир стоял гордо и до последнего верил в свою удачу. А сейчас он почти сдался.

— Что я узнала? — Повторила я его вопрос и, обернувшись к нему, остановилась. И он встал на месте и, посмотрел в мою сторону.

Хорошо, что в коридоре никого не было, я могла говорить спокойно, правильно подбирая интонацию. Мои слова должны были быть весомыми, а не громкими. И он должен был меня услышать и понять. А не отмахнуться от тарахтящей младшекурсницы.

— Ты нас не предал. И это хорошо. Значит, шанс у нас все-таки есть. И к другому руководителю я, в любом случае, не пойду. Они обливали тебя грязью, за это мы их обязательно накажем. А, самое главное, они считают меня глупой, пусть и дальше так считают, так нам проще будет выстоять.

Наверно, он тоже хотел, чтоб я его услышала и поняла.

— Те трое, что были в кабинете, сотрудники моего отца по Министерству Внешней Политики. Они просто передали мне его волю. Но я не отступлю. В другой группе тебе было бы проще, шанс получить высокие баллы — выше, но сам я от тебя отказаться не могу.

И я радостно махнула рукой:

— И не надо. Ректор приказ подписал?

— Ему уже положили его на стол.

Мы решили проверить, подписан ли приказ, и разойтись по своим комнатам, а с завтрашнего дня приступить к дополнительным занятиям. Единственное, что меня еще волновало, буквально грызло изнутри, был вопрос про рынок невест. Наверняка, это образное выражение. Но спросить я Тима все-таки спросила.

— А ты знаешь, где находится рынок невест?

— Везде, где собирается более одного аристократа. — Он остановился и уже спросил меня. — А тебе был нужен точный адрес? — Было заметно, что он пытается шутить.

— Зачем? Моя цена там уже упала. — Моей шутки он не понял. И резко помрачнел. — Не переживай. — Успокоила я Тима. — Если что, выйду замуж за тебя. — И рассмеялась.

— Надо же так низко пасть. — Улыбнулся он в ответ. Но сейчас грустно стало мне. Потому что его глаза были все также очень серьезными. Он, как и все окружающие, воспринимал себя вырожденцем. Я сейчас отчетливо это поняла.

Тимир Найт не воспринимал себя достойным, самостоятельным, одаренным магом. Он еще пытался не упасть на колени, сопротивлялся, чтоб его не унесло течением, но счастливого будущего для себя не представлял. Ничего, может, я в этот мир именно для того и попала, чтоб сделать счастливым Тима? По-моему, о лучшей миссии и мечтать невозможно.

11. Нельзя к Кону Вэдру

Я проснулась ночью от сильного, непреодолимого желания увидеть Кона Вэдра. И мне было не важно, что сейчас глубокая ночь. Что я одета в удобную, но не изящную пижаму. Даже то, что для меня еще днем было важнее всего моего будущего в этом мире — работа с Тимирим Найтом — потеряло свою значимость. Я, поспешив выбраться из кровати, запуталась в одеяле и упала на пол. И даже не тратя время на то, чтобы встать на ноги, на четвереньках двинулась в сторону двери.

Чтоб открыть дверь, нужно было ее коснуться левой рукой, и только я ее подняла, как дахкилг, прыгнув с неизвестного направления, обхватила мою кисть всеми лапами. Я попыталась скинуть эту гадину, но потеряв равновесие, ткнулась лбом в пол. Перекатившись на бок, я смогла отцепить от руки Сафу и закинуть ее на кровать. Потом я высвободилась из своего одеяла и, встав ровно возле кровати, снова хотела пойти к выходу, чтоб открыть дверь и посетить того, к кому меня сейчас тянуло всей душой.

Но сильная боль в левой ноге отвлекла меня от двери. Я была вынуждена посмотреть, что с моей ногой случилось. А это снова дахкилг обхватила уже мою ногу и впиалась в нее далеко не маленькими зубами. Зубищами. Клыками.

— Ах, ты ж тварь, — сказала я со стоном, падая на брошенное мною одеяло. — Я схватила мышь за тело, но дернуть побоялась, она же меня без огромного куса мышц оставит. — Отпусти, больно ведь. — Взвыла я от сильной боли. — И дахкилг сытой пиявкой шлепнулась об пол.

Я, вытянув руку, стащила со стола салфетку, чей уголок увидела с пола, и плача перевязала рану на ноге. Следы от укуса были глубокими и сильно кровоточили

— Глупое животное. — Все еще глотая слезы, ругала я мышь, и выразиться мне хотелось намного экспрессивнее, и рука сама тянулась, схватить белую кровопийцу за шею и придушить немного. Но...

Но сейчас мне очень сильно нужно было к Кону Вэдру, хоть глазком увидеть его прекрасное аристократическое лицо. Полюбоваться распущенными на ночь золотыми волосами. Восхититься совершенным телом.

Поэтому я отложила жестокую месть Сафе на завтра и снова дернулась к двери. Сейчас подняться на ноги было очень сложно, боль из раненной мышцы била до самого бедра и почти половина моего тела с левой стороны онемела. Но разве может обычная физическая слабость удержать меня вдали от Кона Вэдра? Я поползла, подталкивая себя правой ногой.

И эта мерзкая, дикая, испорченная сытой жизнью Сафа снова бросилась на меня. Я ощутила, как она всем весом прыгнула мне на спину и, перебирая лапками, побежала к голове. Я только успела крикнуть отчаянное: «Нет!» А она уже укусила меня за шею, прямо возле позвоночника, и я потеряла сознание. Последняя моя мысль была о вампирах. Эти ночные кровопийцы, вроде бы, в летучих мышей превращались. Или любая мышь, даже белый дахкилг в душе вампир?

12. Утро, будь оно проклято!

Я знала, что утро уже наступило. Я всегда была жаворонком, любила вставать с первыми лучами солнца. И, даже если голубое небо скрывали тяжелые свинцовые тучи, а за окном было сыро и холодно, утру я радовалась всегда.

Выпорхнуть из-под одеяла, вприпрыжку броситься в ванную комнату, умыться прохладной водой, получить заряд бодрости на весь день — что может быть лучше? Ничего! Но сегодня порхать у меня не получалось. Ощущения были такие, будто меня придавили шкафом, заполненным книгами адепки Академии Магии..

Я не могла встать, но попыталась дернуться. Руки, слава Богу, у меня пошевелились, а потом я смогла открыть и глаза. И оказалось, что лежу я на полу, возле самой двери, одеяло лежит подо мной. Я осмотрелась и попробовала подтянуть ноги и увидела, что на левой ноге у меня повязка, сквозь которую проступила уже потемневшая кровь.

— Умри, Сафа! Как я тебя ненавижу. — Еле ворочая языком, прохрипела я.

И это отродье, кровопийца, животное, покусившаяся на жизнь ближайшей подруги, прибежала и села перед моим лицом. А я ее даже придушить не могла. От обиды и боли, все еще эхом звучащей в теле, и, вообще, вселенской несправедливости я заплакала. Разрыдалась. Обидно убится на мопеде из-за своей глупости. Но обида, совмещенная с унижением, неприятнее в тысячу раз.

А Сафа меня вчера обидела и унизила. И покалечила!

— Как я на занятия пойду? — Рыдала я. — У меня же крови не осталось. Все болит, я даже встать не смогу.

Что-то это чудовище пищало, но пробиться своими умными мыслями сквозь мою истерику мышь не могла. А я долго не могла успокоиться.

Когда уже и слезы в моем организме закончились, я, всхлипывая, расслабилась на полу, ожидая скорой смерти.

— Надо было отпустить тебя к адепту Вэдру. Пусть бы он насладился твоим ужасным характером. Одна твоя истерика, и он бы сам, без уговоров снял свое тату. Еще бы доплатил тебе, чтоб больше никогда не видеть. — Услышала я доносящийся сквозь пыхтенье писклявый голосок. Сафа, пыжась, толкала в мою сторону стакан, наполненный водой. — Пей, чудовище. — Она это меня так обругала. — Я ее спасаю, помогаю, а она меня с размаху об кровать, и обзывать и унижать.

Жалко мне ее не было ни капельки, сама виновата. Но стакан взяла, с трудов протянув руку, и выпила всю прохладную водичку. И благодарить Сафу не собиралась:

— Вода-то чистая была? — Спросила, только чтоб не молчать.

— Конечно. Только я в нее поплевала. — Пропищала мне в ответ Сафа.

Перевернувшись на спину, я махнула рукой:

— Ну и ладно. Я тебя не брезгую.

Мысли мои немного прояснились. Я вспомнила все, что произошло ночью, и, с трудом веря в пережитое, спросила маленькую подружку:

— Сафа, а что ночью произошло? От чего меня так ломало?

— Известно от чего, тебя адепт Вэдр призывал по тату подчинения.

— Он меня и раньше призывал. — Вспомнила я. — Пытался на колени поставить. Ну.

ты же помнишь? — Она кивнула. — А ночью было что-то страшное.

— Ночью и был полноценный призыв. А почему, ты думаешь, я его так боялась? А раньше Вэдр просто игрался, он не прилагал усилий для призыва.

— Ужас. — Смотря прямо в потолок, прошептала я. У меня уже не было былой уверенности, что я с призывами справлюсь.

— Справишься. — Услышала мысль мои мысли, а это случалось нечасто. — Если что, я тебя снова покусаяю. В моей слюне есть парализующие вещества, так что не переживай, мы вместе против Вэрда выстоим. Еще несколько таких ломок, и тату совсем ослабнет.

— А я думала, ты кровушки моей напиться пытаешься. — Не спуская взгляда с потолка, проговорила я. И в ответ услышала что-то неразборчивое про курицу и ее мозги.

А дальше мне предстоял подвиг. Надо было встать, перевязать раны, надеть форму, ненавистное темно-синее платье длиной до щиколоток, причесаться и отправиться на завтрак.

13. Нервный завтрак

Я шла на первый этаж Академии, в столовую, чтоб хоть символически перекусить перед занятиями.

Ноги я передвигала с большим трудом, и вообще аппетита я не чувствовала. Но Сафа была голодной, и ради нее я должна была выстоять очередь перед прилавком.

Что мне сразу, с первого дня, понравилось в этой столовой, так это разнообразная еда, ее изобилие и возможность есть в любое удобное время. И никто из работников столовой никогда не показывался, не мешал, замечаний не делал. Плохо было только то, что не всегда находились свободные места за столиками, приходилось ждать, пока первокурсники разойдутся или есть стоя у стенки. Хотя, при желании, можно было и унести что-нибудь с собой.

Я уже набрала в свой поднос пару булочек, печений, яблоко и кусочек сыра, когда кто-то ухватился за него и потянул в сторону.

— Я сок не взяла, — пришлось возмутиться.

— Какой тебе взять? — Спросил бархатный теплый голос. А мне уже было без разницы, что пить. Главное, Тим стоял рядом и хотел мне помочь.

— Так какой сок ты любишь? — Повторил он вопрос.

— А ты? — Спросила я в ответ, просто все названия соков и фруктов, и овощей разом выпали у меня из памяти.

— Я кофе пью по утрам. — Бросив взгляд в сторону горячих напитков, ответил Тим.

— Я тоже кофе буду. — Сказала я. Но вспомнив, что я по-настоящему люблю, добавила. — И апельсиновый сок.

Он поставил на поднос, который я уже полностью ему доверила, чашку с кофе и стакан с соком и приглашающим жестом указал, куда нам нужно идти.

То, что кто-то уже приберег для меня место за столом, было очень приятно. Я села, Тим поставил поднос передо мной, а сам сел на свое место напротив меня. Перед ним стояла чашка с остывшим кофе и тарелка с яичницей и жареными колбасками.

— Почему ты опоздала, — спросил меня мой руководитель по практике.

— Я не опоздала, до первой пары еще двадцать минут.

— Но, обычно, ты же приходишь раньше?

— Обычно прихожу раньше. — Меня мучила неприятная слабость, а от запахов еды еще и тошнота появилась.

— Прости. Не хочу быть назойливым. Думал, может, за завтраком пообщаемся, в течение дня наш курс сильно загружен. А время дополнительных занятий не хотелось бы тратить на разговоры. — Не зря он мне сразу понравился, по-настоящему умный мужчина и предупредительный, и заботливый.

Но говорить сил у меня не было, поэтому я сделала маленький глоток сока.

— Ты такая уставшая из-за индивидуальных заданий? — Спросил Тим. — Если позволишь, я могу помочь по некоторым дисциплинам.

Я отрицательно покачала головой:

— Устала я не из-за заданий. Но помощь приму с удовольствием. — Даже с большим удовольствием. Это сколько же времени я буду с Тимом наедине проводить!

— Хорошо. — Растягивая слоги, произнес он. — Тогда позже сравним наши расписания, чтоб подобрать удобное время. А практика у твоей семьи вопросов не вызвала? Про меня не спрашивали?

Действительно, он же думает, что практика и наше сотрудничество не может не взволновать мою семью. Хотя не знает, что я сирота он не может, и что у меня из ближайших родственников только дядя также должен знать. Наверно, представляет, что мой опекун присылает сюда людей, чтоб запугать и оскорбить меня, как вчера его отец направил сюда дружков давить на него. Я перекладывала в тарелке местами булочки с яблоком и печенье. Вариантов сложить из них разные негеометрические фигуры оказалось великое множество.

А Тимир Найт с каждой моей заново сложенной фигуркой становился более замкнутым и серьезным.

— Нельзя играть с едой. — Наконец не выдержал Тим. — Поешь хоть что-то. Могу тебе кашу принести или запеканку.

Пришлось прикрыть рот ладонью, что подавить приступ тошноты.

— Тим. Я всю ночь не спала. Но не из-за практики и заданий. Это было бы такое счастье мучиться из-за учебы.

— А что случилось? — И он так доверительно приблизил лицо, наклонившись над столом, что я увидела какого вкусного шоколадного цвета у него глаза. А вокруг радужки черный ободок и ресницы густые и длинные. Я даже зависла, забыв про вопрос.

Но Тим повторил его еще раз.

— Меня Вэрд призывал, — как под гипнозом ответила я. И, вздрогнув, откинулась на спинку стула, когда Тим вскочив, резким ударом кулака скинул свою чашу со стола. Все в столовой уставились на наш столик. Я же смотрела на окаменевшее лицо Тима, у него даже глаза посветлели. Он очень медленно сел. Но прежде сделал пару пасов рукой, отчего разбитая чашка и жидкость с пола пропали. Кто-то в столовой захлопал, кто-то охнул. А усевшийся на свое место Тим, низко наклонил голову:

— Прости, не сдержался.

— Ничего. — Меня же больше поразило его волшебство. А психующий парень — это так нормально для моих ровесников. Я для надежности еще и рукой махнула на его извинение.

— И как ты... себя чувствуешь? Что-нибудь...болит? — Буквально выталкивая из глотки слова, спросил Тим.

— Нога и шея. — Я решила быть честной. Он мой руководитель, нам нужно как-то взаимодействовать. — И кровотечение до сих пор не прекратилось, укушенные места сильно болят. — Продолжила я жаловаться. — И слабость. И еще тошнота появилась. Даже не знаю, как усидеть на парах. — Выговорившись, я посмотрела на Тима.

Он сидел, сгорбившись и крепко, пока не побелели костяшки на пальцах, сжал ладони в замок и, вжав их в столешницу, приклонился к ним лбом. При этом Тима заметно была дрожь. Я подумала, что он тоже плохо провел ночь, и хоть сейчас старается держаться, но чувствует себя явно не лучше, чем я себя.

— Ты не заболел? — Спросила я его.

Не поднимая головы, он несколько раз дернул головой:

— Я сейчас... Прости. — Чуть ли не шепотом сказал он. — Если можешь, расскажи, как все было... Я ... постараюсь помочь. — Он и вправду, по сравнению со всеми другими

парнями в этом мире, очень нервный оказался. Но я ему все равно доверяла, поэтому и рассказала, как мне было плохо, как меня Сафа покусала, и что раны до сих пор болят. Рассказывая, я начала строить пирамидку из еды. Булочки лежали в основании моего строения, на них очень удобно легли печенья. Поперек печения своеобразной балкой поместился кусок твердого сыра. А вот яблоко все время скатывалось. Я ловила его несколько раз и возвращала на отведенное ему место. В конце концов, потеряв терпение, я его немного надкусила, и больше оно скатываться не спешило. Строительство пирамиды можно было считать завершенным!

Когда же я, довольная успехом моей маленькой стройки на тарелке, посмотрела на Тима, он сидел прямой, как статуя на бронзовом коне. И широко открыв глаза, пристально на меня смотрел.

— Сафа — это твоя питомица? — Спросил он, наконец. Я кивнула. — Она тебя покусала. Раны болят от ее укусов в ногу и шею. Кровотечение было из этих ран. Слабость и тошнота, скорее всего, от слюны дахкилга. Ты никуда не пошла и беспокойно проспала всю ночь на полу в своей комнате. Я правильно понял? — Лишь слегка открывая рот, спросил он.

— Да. — Приятно, когда тебя понимают сразу и не нужно повторяться несколько раз. — Ты знаешь, какие острые у дахкилга зубы? Крокодил нервно щиплет в сторонке травку!

А Тим запустил все пальцы себе в волосы и сцепил так ладони на затылке, прикрыл ими голову и, опустив ее, спрятал лицо. И громко прошептал:

— Слава Богу. А я думал...

— Что? — Хотелось знать, о чем он думал. Вообще, все о нем хотелось знать.

Он поднял голову и рассмеялся, играя ямочками. А потом выдохнул и сказал:

— Лучше не спрашивай. Я тут чуть с ума не сошел.

А потом он долго-долго смотрел на меня и заставил съесть одну булочку и допить сок. А я смогла заставить его выпить мой кофе, который еще не остыл. И мы отправились в мою комнату за забытой мной сумкой. А заодно я решила отнести Сафе оставшиеся части пирамиды.

14. Дурные привычки архаровца

Мне было тяжело идти. И дело не в том, что я хотела казаться слабой и беззащитной, пробуждая этим рыцарский инстинкт в Тиме. Мне, действительно было плохо. Шла я, с трудом передвигая ноги, а Тим меня торопил. У него самого первого занятия не было, но опоздать на первую пару могла я, чего он очень боялся допустить.

У одной из приоткрытых дверей он остановился и, заглянув внутрь, осмотрелся там. Потом, раскрыв дверь шире, пропустил меня в учебный кабинет. И вошел сразу за мной, это было так интригующе, остаться наедине и Тимом в огромном зале с мягким настилом. Но не романтическими мыслями руководился Тим, когда меня сюда завел.

— Я возьму тебя на руки, и мы побежим к целителю, возьмем тебе на сегодня разрешение на прогул занятий. Но, чтоб не отстать от группы, придется тебе самостоятельно изучить сегодняшние темы. Договорились? — И только я кивнула, как он легко поднял меня на руки и нежно прижал к себе. И хотел ногой открыть дверь, но кто-то снаружи сделал это за него.

Тим попятился назад, а в помещение вбежали несколько старшекурсников, не выпускников.

— Они должны быть здесь. — Сказал первый парень.

— Никого здесь нет. Тут даже не спрячешься нигде. — Проговорил другой.

— Спрятаться-то негде, а вот места для утех хватает. — Заметила единственная девушка в их компании.

— Как они вышли? Я же следил за дверью. — Проходя в центр комнаты, удивился первый адепт.

Как только все гости отошли от двери, Тим со мной на руках, прижатой к своей груди, тихо вышел из помещения, а оказавшись в коридоре, он закинул в кабинет камешек и плотно прикрыл дверь. И как-то умудрился, не отпуская меня на пол, вытащить из своего кармана загнутый гвоздь и прижать им ручку двери.

А потом он побежал, будто и не держал меня на руках, в сторону блока, занятого целителями. И никто в коридоре, из тех, кого Тим обгонял и из тех, кто шел нам на встречу, не обращал на нас внимание. Наконец, мы добрались до кабинета целителя, и Тим аккуратно поставил меня на ноги. Потом пятерней откинул упавшие на глаза волосы, и, отряхнувшись, выпрямился. А я стояла и шокировано взирала на парня своей мечты, у которого оказались супер-способности.

— Ты становишься невидимым! — Восхищенно выговорила я.

— Нет. На такой долгий срок никто невидимым не станет. — Качнул он головой. — У меня артефакты.

— А. — Я попыталась сделать вид, что все поняла. — А откуда у тебя они?

— Купил. Архаровцам без артефактов нельзя. Но это незаконное приобретение. Никому о них не говори. — Шепотом разъяснил он мне.

Из-за двери вышла важная женщина в длинном черном платье с белым передником и избавила Тима от сотни моих глупых вопросов.

Целитель после долгого осмотра, нудного опроса, смены повязок освободил меня от занятий минимум на три дня. Как заметил статный мужчина с доброй улыбкой и колючим

взглядом, я нахожусь на грани физического и душевного истощения. И отдых мне необходим полноценный и продолжительный.

Тим был подавлен словами целителя, которые тот не поленился повторить еще и лично ему.

— Подготовка к практике началась только вчера, адепт Найт? А ваша подопечная уже нуждается в лечении. Это ваш провал, как руководителя. — Для большей весомости добавила женщина в черном платье.

И мы снова оказались в коридоре.

Мы шли медленно, после обезболивания идти я могла и быстрее, но Тим был задумчив и непрерывно бросал на меня изучающие взгляды.

— Они видели тату, и могли догадаться, что мое истощение не твоя вина. — Сказала я, чтоб он перестал дергаться.

— Они и догадались. — А потом начал говорить вещи, от которых с разинутым ртом не застыть было невозможно. — Моя вина, что я не могу тату снять. Я говорил вчера с Вэдром. Назначенная им цена выкупа для меня неподъемная, даже если я продам все артефакты, что скопил. Я уже просил у отца и старших братьев деньги в долг. Но они отказали. То, что у меня нет поддержки семьи, тоже моя вина.

Успокаивать его, объяснять, что он берет на себя чужие проблемы, я не стала. В конце концов, сейчас я и есть его проблема. Но немного поднять ему настроение захотелось.

— Тату же побледнело? — И я подставила ему свой лоб, чтоб он мог внимательно рассмотреть узор. И он кивнул. — Я сама выстою. И останется Вэдр без развлечения и выкупа.

Он улыбнулся, и не стал прикрывать рот рукой, как делал это всегда. Мне нравилось любоваться, как на его лице появляются ямочки, хотелось погладить их пальчиками. Но Тим к таким вольностям был не готов, хоть лицо свое не закрывает от меня, уже прогресс в отношениях.

Мы медленно шли и уже поравнялись с тем кабинетом, в котором нас пытались подловить старшекурсники. Тим попросил меня не останавливаться, а сам повернул к двери и вынул из ручки гвоздь. А потом догнал меня. Показал мне гвоздь со словами:

— Универсальный ключ, запирает любую дверь.

— Артефакт? — Спросила я. Тим улыбнулся и резко оглянулся на раздавшийся шум.

Дверь, только что освобожденная от универсального ключа, с размаху впечаталась в стену, и из кабинета вывалились два фиолетовых парня. Вслед за ними вышла такая же баклажановая девушка. Все трое кашляли и ругались.

— Универсальная краска? — Шепотом спросила я Тима.

Он кивнул, а потом закрыл себе рот правым кулаком, скрывая рвущийся смех.

— Мы им на запрещенных собраниях нарушителей красили. Чтоб в суматохе не скрылись. — Подавив приступ смеха, сказал Тим

Я мне осталось только подвести итог:

— Дурные привычки архаровца вам покоя не дают, адепт Тим.

15. Планы Тимира

Я возвращалась в свою комнату с Тимом, он не мог меня не проводить, но боялся не успеть к началу своего занятия, поэтому, хоть меня и не торопил, но пытался все необходимое рассказать по дороге. Позже времени на объяснение у него уже не хватило бы.

— Целитель сам передаст в ректорат и по кафедрам сообщение, что ты освобождена от занятий, поэтому никуда не выходи, ни за что не переживай и отдыхай.

Я довольно кивнула.

— Еду на обед я тебе сам принесу, не стоит тебе в очереди стоять.

И такая забота мне была приятна, но не сказать, что за едой могу и сама сходить, я не могла. Но Тим настоял на своем:

— Сафира, тебе надо больше отдыхать и восстановиться быстрее. А мне еще нужно переговорить с Яном. Я договаривался, что мы сегодня закроем твою отработку в кухне. Сейчас перенесу договоренность на три дня позже. У тебя, я уже уточнил, оставалось шестнадцать часов работ, если мы вдвоем займемся посудой одну ночь, как раз эти часы и отработаем.

Мне было не очень удобно от того, что мой руководитель будет мыть со мной посуду, но он смог удивить меня:

— Не страшно. Я мастер мыть посуду. За годы в Академии столько отработать на кухне пришлось. И, вообще, я еще много чего умею. — Но потом резко остановился и, стыдясь уже сказанного, попытался загладить свои слова. — Проблемы с дисциплиной у меня были раньше, сейчас же я соблюдаю все правила Академии.

Я серьезно кивнула на его поясняющие слова, но вспомнила, как он совсем недавно покрасил адептов в фиолетовый цвет. Там, где есть шанс избежать наказания, он, скорее всего, с местными правилами не церемонится.

— И последнее, — бодро продолжил Тим, — надо будет достать для тебя дополнительную литературу в библиотеке. Задолженности у тебя есть? — Я неуверенно покачала головой. Про долги библиотеке Сафа мне не говорила, но это не значит, что она все книги сдавала вовремя. — Нет? Тогда книги я принесу сам. Еще у меня остались конспекты с третьего курса. Их принесу уже после четвертой пары.

Мы уже стояли возле моей двери, и я обернулась, чтоб попрощаться, но Тим потребовал, чтоб я открыла дверь и вошла. Я же помнила, в каком виде оставила свою комнату, и не хотела его впускать к себе.

16. Сафа, кажется, влюбилась

Но Тим умел быть настойчивым. Он вошел вслед за мной и подобрал с пола валяющееся там с самого утра одеяло и положил на мою узенькую кровать. Не бросил, как это сделала бы я, а аккуратно подровнял. Сперва разровнял само одеяло, а потом накрыл постель покрывалом, которое я неряшливым валиком положила на табуретку. Никогда не любила заправлять кровать, а на работу Тима засмотрелась. Молодец он, справился быстро, даже подушку мою не уронил.

— Спасибо, я не успела с утра. — Все-таки это неправильно, когда парень моей мечты приходит в гости в первый раз и заправляет мою кровать. Но он ничего страшного в беспорядке, творящемся в комнате, не видел.

— Не благодари. Тебе было плохо. А мне не сложно, я же говорил, что много чему в Академии научился. — И улыбнулся.

— Не верь ему! — Запищала, из-под стола мышь. — Девушка в любом состоянии обязана быть аккуратной, организованной и хозяйственной. Слабость не оправдание для свинских привычек. — Хорошо, что для Тимира ее слова звучали, как обыкновенный мышинный писк.

А Тим в это время выложил из карманов припасенную мной с завтрака еду для Сафы.

— Печенье! Сыр! — Радостно выбежала Сафа. Ловко вбежала по ножке стола на столешницу и впилась зубками в сыр.

— Какая красавица! — Восхищенно сказал Тим. И не мне он свои восторги адресовал. — Это же наша спасительница? — Спросил уже меня. — Сафа?

И мышь застыла с куском сыра в зубах. Восторгам же Тимира не было конца:

— Сафочка. Умница. Спасла Сафиру, не испугалась. — Мышь выпустила сыр из зубов и лапок и горделиво застыла.

— На руки ее можно взять? — Спросил Тим меня. Я думала, что ответить, чтоб не обидеть его, но в тоже время я помнила, как он не нравится Сафе. Она, скорее всего, не хотела бы, чтоб тот, кого она называет выродком, брал ее на руки.

А Сафа сама потянулась к нему лапками, вопя в моей голове:

— Можно! Пусть берет меня! Хочу к нему на руки!

Тимир аккуратно поднял ее со стола и нежно прижал к себе:

— Какое ты чудо, Сафочка! — прижался к ней лицом. — И пахнешь цветочками. Это так по-девичьи. — Сказал, подмигнув, он мне.

И он заласкал мою мышку до ее полуобморочного состояния. Сев на мою табуретку, и положив Сафу себе на колени, Тим гладил ее за ушками и по шее, и по животу.

— Какая нежная у нее шерстка. Заметила, как она мерцает? Сафочка совсем девочка. Ее кормить нужно самыми лакомыми кусочками. — Тим достал со стола кусочек сыра и вложил в лапки Сафе, и она начала лениво его грызть. Хотя наедине со мной она свой хороший аппетит никогда не сдерживала.

— Сафира, откуда у тебя Сафа?

— Из живого уголка Академии.

— Правда? Жалко ее. — Почему-то расстроился Тим.

Я начала спрашивать, почему ему жаль дахкилга. Ведь у меня ей живется хорошо, я о

ней забочусь. И, вообще, в Академии запрещено относиться к любым живым организмам жестоко.

— Здесь ветеринары контролируют размножение животных. — Пояснил Тимир, продолжая гладить дахкилга. У него сейчас был не просто грустный взгляд, даже какой-то... обращенный в себя, очень тоскливым. — Чтоб самцов и самочек не тянуло друг к другу, их калечат. Теперь у Сафы не будет потомства. — И эту сказал тихо, с такой печалью, будто кто-то на вечное одиночество обрек человека. Он-то не мог знать, что у Сафы человеческая душа. А Сафа сейчас и не скорбела, что у нее могут не родиться мышата.

— Все, красавицы, мне опаздывать нельзя. Отдыхайте. Ждите обеда в комнате. — И напоследок потискав Сафу, что я уже начала ей серьезно завидовать, Тим ушел на занятия.

— Кажется, я влюбилась, — пропищал довольный голосок.

— Сейчас ты меня понимаешь? — Подколола я дахкилга.

— Тебя? Не понимаю. Ты магиня. Он деградант. И вы не пара. Запомни это. А для меня его дефекты значения не имеют. Замуж за него все равно не пойду. Я мышат рожать не могу. — Я подавила приступ злости, но решила, что больше Тиму ласкать эту гадину не позволю.

17. Благословение Сафы

Я, как и рекомендовал целитель, отдыхала. Лежала в постели второй час, слушала лекции Сафы и ждала Тима. Скучно мне не было, за это время много чего узнала, а жить в этом мире без знаний его основных законов мне было бы невозможно.

Но время обеда наступило, оно очень удачно совпадало с большим перерывом, но Тим с нашим обедом не пришел. Голодной я себя не чувствовала, но увидеть Тима хотела. А Сафа хотела есть!

— Забыл! Выродок про нас забыл! Сам он обед скорее всего не пропустил. Весь сыр съел! — Так вопила мышь следующие два часа, пока не закончилась третья пара. Я обещала ей, что Тим придет после нее, потому что ему, скорее всего, не хватило времени разобраться со всеми проблемами на большом перерыве. Он должен был и сам поесть, поговорить с Яном и перенести мою отработку на три дня позже.

— Потерпи немного. Тим должен прийти после четвертой пары. — Начала я успокаивать Сафу. Но сейчас все мои уговоры и объяснения она не слушала.

— Сафира, я сейчас дажилг. — Заявила она. — Мне нужно вовремя и много есть. У меня не просто голод, а бунт всех инстинктов. Если я сейчас что-нибудь не проглочу, я покусаяю тебя!

Все, принесенное Тимом с завтрака, Сафа уже съела, даже яблоко сгрызла, не оставив и огрызка. Поэтому, после своих воинственных заявлений, она по стене взобралась к вентиляционному отверстию под потолком, и как-то протиснувшись в узкую щель, пропала.

Два часа я ждала спокойно. Но закончилась и четвертая пара, а Тим все ещё не пришел. И Сафа не вернулась. Я встала с кровати, уже потерявший аккуратный вид, и поплелась к выходу. Возле двери пришлось остановиться, чтоб унять легкое головокружение. И пока я стояла у выхода, прислонившись к косяку, сверху на стол упала Сафа и уставилась на меня своими бусинками.

— Выходи замуж за Тимира! Я тебя благословляю! — Но от этих обнадеживающих слов мне стало страшно, и я сползла на пол. — Сафирочка. Красавица. Тебе плохо? Голова закружилась! Ты же без обеда.

— Нет, нет, все со мной нормально. — Я даже крикнуть на нее не могла, а очень хотелось быстрее узнать, из-за чего она изменила свое мнение о моем замужестве. — Что с Тимом? Почему он не пришел?

— Твой Тимир герой! — Восхищенно сказала она. — Он такое сделал! Вся Академия гудит, даже в столовой больше спорят, чем едят. Я там столько сыра съела. Прямо с прилавка и ела, а меня никто в упор не замечал. Все спорят, возмущаются. Но большинство адептов Тимира хвалят. А после расследования его даже магистры поддержали и почти все работники Академии. Если бы я знала, что в таком несовершенном теле живет такой великий дух, никогда бы его выродком не называла.

— Ну, что Тим сделал? И где он? — Поторопила я ее. Потому что выслушивать ее восторги, не зная сути случившегося, я уже не могла.

— Адепт Найт напал на Вэдра. Кого-то там отстранили от занятий и изолировали в карцере. Подробности не знаю. — И развела в бессилии лапки в разные стороны.

18. Дуэли не будет

Мне даже вытолкнуть воздух из легких стало трудно. Но терять сознание сейчас, когда это истеричное животное могло меня только покусать, я себе позволить не могла. Я собрала все свои силы, которые у меня еще оставались и начала дышать, для начала, хотя бы поверхностно, легко, не вдыхая необходимый воздух в нужном количестве. И вскоре смогла восстановить нормальное дыхание.

А Сафа, разволновавшись из-за меня, села на мои колени и рассказала, что же она услышала о том, что произошло сегодня перед началом второй пары.

Адепт Тимир Найт шел по коридору спокойно, времени до начала пары хватало, чтоб не бежать, привлекая к себе внимание. Когда он дошел до нужной аудитории, и вошел, оказалось, что он пришел на лекцию последним из курса. Куратора еще не было, но в помещении царила непривычная тишина.

— Тимир, садись. — Обратился к нему брат, Лион Найт.

Одновременно постучал по столу возле своего места и Чмир Рват, единственный сокурсник, с которым Тимир по-настоящему дружил. Но обычно ни брат, ни друг сами его сесть рядом не приглашали. Только если им предстояла проверочная письменная работа, а сегодня была лекция.

— Не можешь выбрать с кем сесть?... Может, в аудитории слишком много стульев?... И сидеть лучше там, где пол мягкий?... Или лежать на нем?... Или лежать на той, что лежит на мягком полу?... — Каждое предложение Кона Вэдра, сопровождалось хмыканьем или глумливым смехом друзей.

Тимир сразу понял, что намекает адепт Вэдр на сегодняшние события перед визитом к целителю с Сафирой. Но его слова были пустой болтовней. Они не имели доказательств. Но также Тимир знал, каждое слово, падая на благодатную почву, дает высокий урожай. Поэтому рот, распускающий слухи о его Сафире, нужно закрыть.

Тем более, что главным виновником истощения Сафиры был Вэдр, поэтому Тимир, не обращая внимания на окрики брата и друга, уверенно направился к концу ряда, где сидел Кон Вэдр с друзьями.

Адепт Вэдр при его приближении встал и посмотрел на сокурсника сверху вниз с заметным превосходством:

— Тимир, снова дуэль? И не надоело тебе? — С пренебрежительной усмешкой спросил адепт Вэдр.

— Нет, Кон, никаких больше дуэлей. — Ответил Тимир, вызвав взрыв смеха с ближайших парт. И резко, крепко сжатым кулаком, слегка выдвинув вперед правые плечо и бедро, вложив в удар всю силу своего веса, нанес удар по животу Вэдру. Для всех присутствовавших это нападение было настолько неожиданным, что никто не оттолкнул Тимира в сторону, и не начал помогать сложившемуся пополам, обхватив живот, Кону. И у адепта Найта было время схватить Вэдра за волосы правой рукой и, пользуясь слабостью уже травмированного соперника, два раза с удовольствием ударить Вэдра лицом об стол. А потом, не дожидаясь, пока его начнут от Вэдра отдирать, Тимир сам выпустил его волосы из сжатого кулака, и вышел из круга окруживших их сокурсников.

Тимир отошел подальше от скулящего Вэдра. К нему подошел брат, Лион Найт, и

попросил его успокоиться.

— Я спокоен. — Вытирая свои ладони друг о друга, ответил Тимир. — Похоже, что я взволнован?

— Тогда зачем ты напал на Кона?

— Я его наказал, так как он того заслуживает. — В этот момент распахнулась дверь, и вошел куратор седьмого курса, магистр Вайол.

Он был вынужден отменить лекцию, и собрать адептов в кабинете ректора.

Адепт Тимир Найт утверждал, что не потерял терпение, как обычно. Был спокоен, оценил вероятность исхода дуэли с Коном Вэрдом, возможное вмешательство сокурсников и работников академии, и решил, что разногласие с Вэдром нужно разрешить на месте. А то, что староста группы не оценил опасность и не отразил ее — всецело его вина. Адепт же Кон Вэдр за собой вины не помнил.

Расследование, проведенное проректором и его сотрудниками показало, что адепт Кон Вэдр превысил возможное давление на татуированную им адептку. Из-за чего третьекурсница Сафира Чарх оказалась на грани истощения и сейчас на три дня освобождена от занятий. Далее выяснилось, адепт Вэрд распространял порочащие лживые слухи про эту адептку и своего сокурсника Тимира Найта.

К концу четвертой пары расследование было завершено, его итоги озвучены в кабинете ректора Мартазана, названы виновники и вынесено наказание.

Все магистры, присутствовавшие на разбирательстве, стали на сторону адепта Найта, что никогда раньше не случалось. И адепта Найта не исключили из Академии, от занятий не отстранили, только в воспитательных целях назначили отработку — шестнадцать часов работ на кухне.

За недостойное поведение адепт Вэдр был на неделю отстранен от занятий. А два дня, после того как ему окажет необходимую помощь целитель, он должен провести в карцере. Но из Академии не исключили и его.

Хотя своей основной цели Тимир Найт не достиг, ректор не нашел повода заставить адепта Вэдра снять тату, но исходом разбирательства он был доволен. И сейчас шел в комнату к Сафире с подносом еды, лично собранной для него Ясаман, главным поваром Академии.

— Передай Сафирочке, что я очень за нее переживаю, и всегда буду присылать ее любимые кушанья. — Просила «зеленая великанша» передать его единственной подопечной. И Тимир Найт нес поднос, прикрытый белоснежной кружевной салфеткой, но все же источающий невероятные ароматы на огромном расстоянии, и был почти счастлив.

19. Пальцы имеют значение

Я уже третий день не посещала занятий, но занималась каждый день с Сафой и Тимом. Учиться под присмотром Сафы было нервно, шумно и больно. Она меня не кусала, но от ее криков начинала болеть голова.

А заниматься с Тимом было очень легко. Во всех отношениях. От его присутствия в моей комнате на душе наступала легкость. Объяснял он все доступно и просто. Понимать его было легко. Шутил он легко, смеяться с ним было легко. У меня даже появилась уверенность, что вся моя жизнь рядом с ним прошла бы легко. Рядом с ним я парила, даже когда возникали неприятные ситуации, а они бывали нередко из-за возвращенных в Тиме его семьей, окружением и всем обществом комплексов.

— Не закрывай лицо, — накрывая своей ладонью, уже поднятую им руку сказала я. — Я же повторяла много раз, мне нравится твоя улыбка. И ямочки твои тоже нравятся. Не надо их закрывать.

Только что смеявшийся Тим резко стал серьезным, даже пасмурным и отрицательно покачал головой. Мы сидели на табуретках, вторую Тимир достал у завхоза, за моим столом и разбирали каналы, потоки и сдерживающие импульсы магии в артефакторике.

— Просто выполни мою просьбу и не скрывай от меня свою улыбку. — Повторно попросила я.

— Это дефект. — Упрямо произнес он. — Он не может нравиться.

— А мне нравится.

Он снова покачал головой, как бы не доверяя услышанному...

— Ты же не говоришь, что мое тату — признак слабости и глупости. Напоминание о пьяной вечеринке. Не упрекаешь, что я могу из-за нее провалить практику, подвести тебя.

— Не говорю, потому что тату подчинения, не твоя вина, тебя застали врасплох.

— А ты, когда родился, сам, назло своим родителям, выбрал себе такую улыбку и рост? — Логично спросила я.

Он, усмехнувшись, отвернулся к окну.

— Тим ты сильный, самый сильный человек, раз смог противостоять семье, обществу. Вопреки всему поступить в Академию и стать магом десятой ступени. Почему ты в себе сомневаешься? Почему не веришь, когда говорю, что ты мне нравишься.

Тимир повернулся ко мне и сказал, проведя ладонью по щеке.

— Дефекты на лице и рост, и неуменье держать себя в руках — это не все мои недостатки. Семья скрывала от посторонних все остальное, что удавалось скрыть.

Ну, значит, не такая гнилая у него семья. Наверно, стоит за него порадоваться.

— И, если бы ты знала обо всем, уже не говорила бы о своей симпатии.

— Расскажи, я просто хочу убедиться, что твои тайные недостатки такие же надуманные, как уже известные мне, и они меня точно не испугают.

Не знаю, какие могут быть у него недостатки, что даже его не вызывающая симпатии семья, решила их скрывать.

— Я с детства ...врал. — Во время его паузы я уже успела представить его лысым, покрытым страшными язвами, разоряющим птичьи гнезда, поджигающим ночью занавески в спальне. А он, оказывается, ребенком врал.

— Все дети лгут. Это нормально. — сказала я.

— Нет, я не про обычную детскую фантазию. Когда все понимают, что малыш пытается избежать наказания. Я про настоящую ложь, когда клянешься именем бога и говоришь что-то важное. Окружающие верят, готовятся к предсказанному, и...

— Так ты в детстве в предсказателя играл? — Прервала я его, и он уставился на меня немигающим взглядом и надолго замер.

— А дети так играют? — Наконец, моргнув, спросил он меня.

— Конечно. А чтоб привлечь внимание, получить свою долю ласки, дети и не на такое способны. — Уверенно сказала я. По себе знаю, на какие подвиги способна детская фантазия.

— Я мне говорили это признак слабого ума. — Прошептал он. Хотела бы я посмотреть в глаза человеку, который твердит ребенку про его слабый ум.

— Глупости. Твоему уму позавидовать можно. Но сейчас я даже боюсь спрашивать про другие твои ужасные недостатки.

— Я не могу про это говорить. Не тебе. Девушкам про такое вообще не говорят.

Моя врожденная бурная фантазия, еще и развращенная всемирной сетью и специфической литературой, заработала во всю свою мощь. Меня даже бросило в краску, щеки ощутимо загорелись. Захотелось закрыть лицо, как это часто делает Тим.

— Я покажу, и на этом закроем эту тему. — Хорошо, что Тим сидел и не мог увидеть, в какую точку я устремила взгляд. Но мой обжигающий стыд мгновенно сменился удивлением, когда он нагнулся и начал снимать сапоги, а потом стянул носки и замер, слегка задвинув ступни под табуретку, на которой и сидел.

Я ждала, что будет дальше. И Тим тоже чего-то ждал.

— М-м, — я просто не знала, что говорить. — А где недостаток?

Он поднял на меня лицо и внимательно посмотрел в мои глаза.

— Ты не посмотрела? — После того, как я медленно покачала головой из стороны в сторону, он немного выдвинул ступни и тихо сказал. — Вот.

Сейчас я поняла, что страшный дефект связан с ногами. И присела на пол, чтоб разглядеть его. Шестого пальца не было. Я добросовестно искала родимые пятна, шрамы и даже язвы. Но ноги были обычными, чистыми, правда, кожа на них была чуть светлее, чем на его руках. Я даже слегка нагнулась, чтоб лучше принюхаться. Может проблема ног Тима в запахе...

От моего действия, Тим вздрогнул, но я никаких неприятных запахов не услышала. Тогда я протянула руку, чтоб задрать его штанину. Я не собиралась Тима раздевать! Хотела только посмотреть чуть выше щиколоток. Может у него варикозное расширение вен, а для мужчин оно, говорят, вреднее, чем для женщин. А в таком молодом возрасте, наверно, оно и кажется чем-то страшным.

— Что ты делаешь? — Вскочил Тимир с табуретки. — Так нельзя!

— Я искала... — Тихо сказала я.

Мне было больно, что я нечаянно довела его до такого состояния. Он тяжело дышал. Было заметно, что все происходящее ему очень неприятно, его буквально душит стыд и, если бы он мог это себе позволить, он бы расплакался от обиды. Но Тим держал себя в руках, только щеки заметно заалели.

— Прости меня. Но я не увидела на твоих ступнях ничего ужасного. Думала, может, надо посмотреть чуть выше. — Попыталась я его успокоить.

Он неожиданно через силу улыбнулся:

— Выше? Но так нельзя, это неприлично.

Я упрямо выставила вперед подбородок:

— А как мне страшный — ужасный недостаток найти, если смотреть нельзя? — Я даже для убедительности, заложила свои руки за спину.

Тим прикрыл глаза ненадолго, и отвернулся от меня к стене. Потом посмотрел прямо на меня и четко сказал:

— Пальцы ног. Они у меня неправильной формы.

— Правда? А я не заметила! — Слова вырвались раньше, чем я решила сказать их осознанно. Ну, и я немного обрадовалась, что теперь знаю, куда нужно смотреть. И я сделала шаг к Тиму и, нагнувшись, посмотрела на пальцы его ног. И повторно обрадовалась. Было бы глупо, если бы я, потратив столько времени на рассматривание его ног в первый раз, не увидела очевидного изъяна. А дело было в том, что у Тима были абсолютно нормальные пальцы: не кривые, не сросшиеся, даже без мозолей.

Поэтому я выпрямилась и уверенно сказала:

— Нормальные пальцы. Ровные, ни капельки не кривые. Даже ногти убрал аккуратно.

Он долго смотрел на меня и, кажется, решал, стоит ли со мной говорить дальше, или проще махнуть рукой, обуться и бежать. Хорошо, что я была единственной адепткой в его группе, потому что он был вынужден со мной говорить дальше.

Тим сел на табуретку и устало сказал:

— Второй палец длиннее большого. Так не должно быть. Это дефект. — И начал надевать один носок.

— Правда? Я не знала. — Мне даже кривить душой не пришлось. — Надо бы проверить ноги у всех адептов и магистров. Интересно посмотреть, чем их природа наградила. Может, у них только по четыре пальца на ногах, или по две пятки, или мизинец волосатый.

Тимир расхохотавшись, согнулся к своим коленям.

— Мизинец волосатый? — Сквозь залиvistый смех, запинаясь, спросил он.

Мне было приятно, что я развлекла его. Но это же смех на минуту. А комплексы, которые возвращают в нем его семья, друзья — все общество, они-то никуда не денутся.

Конечно, он перегорит рано. Любой бы на его месте перегорел. Только в другом мире, на Земле, люди, которых долго ломали, рано умирали от болезней или сами уходили из жизни. Бороться и сопротивляться очень долго никто не сможет. Люди просто устают вечно ждать удара и отбиваться. А Тимир должен жить. Сейчас он обязан жить хотя бы для меня. Просто потому, что он единственный человек в этом мире магии не замороженный, не подогнанный под стандарты внешности, не упивающийся своим несомненным совершенством.

— Ну, ты же не можешь сказать, что всех в этом мире измеряют линейкой, прикладывают трафареты к разным частям тела? — Сев возле него на пол спросила я.

— Нет, конечно, это иначе делается.

— У всех людей есть недостатки, совершенство — скучно. — Сказала, ни капельки не сомневаясь в своих словах. Только стоило дополнить, что в этом мире совершенство еще и злое.

И Тимир чуть ли не с ужасом посмотрел на меня.

— Магия зависит... — хотел он, скорее всего, сказать про достойный сосуд для магии. Но я про мага без дефектов слышать уже не могла. Я читала в библиотеке не мало подборок

на эту тему. Высокие, сложенные по стандартам, маги выгорали и умирали так же, как и «дефектные». И зависело все от обстоятельств, в которых оказывался одаренный.

Маг стандартного роста мог самостоятельно потушит лесной пожар и умереть от истощения, но мог не тратить себя и остаться в живых. Такая же судьба в подобных обстоятельствах ждала и невысокого мага. Только первые, лелея свое совершенство, пожары не тушили. А вторые, которых с детства готовили к выгоранию, попрекали их мнимым уродством, принимали с радостью возможность умереть, принеся хоть какую-то пользу семье или стране.

И выходило, что грязную и опасную работу выполняли такие, как Тимир. А размножались и подгоняли всех под стандарты такие, как Кон Вэдр. И это творилось во всем мире, не только в Принципате.

В нормальных семьях скрывали недостатки детей, даже рост человека можно исправить, магическая хирургия здесь была развита. Можно даже в начале переходного периода в жизни ребенка прогнозировать будущее строение его скелета, и вовремя проводить процедуры, чтоб замедлить рост или, наоборот, его усилить. В некоторых случаях ребенку просто нанимали тренера и подбирали наиболее эффективные физические упражнения. И этого было достаточно.

Позволить себе такие расходы, конечно, не могли бедняки. Но Тимир был из рода Найт. Это один из трехсот самых знатных и богатых родов Принципата. Почему его семья не позаботилась о своем ребенке? Потому что уже было два старших совершенных сына? И старшая дочь — эталон стандартов красоты? А Тимир четвертый ребенок, на которого не хватило маминой любви? Тем более и младший брат у Тимира тоже есть. Он ли украл у того, кто на два года его старше все родительское внимание?

Мои мысли читать Тимир не мог, замер он, скорее всего по другой причине. Но, сидя на моей табуретке, он смотрел на меня сверху вниз, не сводя пристального взгляда.

— Совершенство — прекрасно. — Наконец сказал Тим. Я даже чуть не сплюнула от разочарования. — Сафира, ты и есть совершенство.

Он мне только что комплимент сделал? Решила сразу выяснить, насколько я ему нравлюсь.

— А тебе я нравлюсь, Тим?

— Нравишься. Ты не можешь не нравиться. Я любовался тобой, с первого дня, как увидел два с половиной года назад. — Это немного не то, что я хотела услышать. — Род Чарх очень богат, раз в нем появилась девушка с ангельской душой. — А вот лучше этих слов никто не смог бы сказать.

— Значит, я тебе нравлюсь? И внешне и душой?

— Очень нравишься. — Серьезно ответил Тим.

— Тогда женись на мне.

Он отрицательно покачал головой и быстро надел сапоги. Один из них даже без носка натянул.

— Не надо все переводить в шутку. — Сунув носок в карман, невесело, одними губами, улыбнулся Тим. Даже ямочки не заиграли на щеках. — Завтра ты уже выходишь на занятия. Заниматься дополнительно будем в библиотеке и в аудиториях. Если, конечно, ты не передумала, работать вместе со мной.

20. Отработка

Учеба вошла в нормальное русло, я посещала лекции и другие занятия. С Тимом время общения было ограничено нашими тренировками и дополнительным материалом, изложив который он, как можно быстрее, убегал по срочным делам. Все чаще он стал приносить мне книги и рукописные конспекты для самостоятельного изучения, а потом до начала наших занятий опрашивал меня, чтобы понять, что из прочитанного я усвоила. Потом давал следующую дозу знаний и бросал меня одну. Мы больше ни разу не ели вместе в столовой и просто так не общались.

Единственными приятными событиями за этот месяц — это наши с Тимом отработки на кухне. У меня оставались шестнадцать часов мытья посуды, и такое же наказание за драку назначили и Тиму. И я с большим удовольствием провела с Тимом две ночи с субботы на воскресенье, моя огромное количество посуды в подвале Академии. Две бессонные ночи в окружении гор посуды, которые я назвала бы самыми счастливыми ночами в моей жизни.

— Завяжи волосы, с распущенными косами посуду не моют. — Заявил Тимир перед началом первой ночи отработки. Сам он тоже повязал на голову что-то вроде банданы.

Но я же специально для него наряжалась, расчесала до блеска золотые локоны, уложила их, закрепила эффект магической формулой стойкости, которую подобрала в энциклопедии Сафа. Я даже надела Сафино единственное выходное нарядное платье. Было оно серым, но красивым, до пояса плотно облегалo фигуру, подчеркивая все достоинства. А ниже пояса ложилось легкими волнами.

Но с Тимом спорить бессмысленно, поэтому я прибегла к запрещенному женскому оружию: я обиделась.

— Ладно. — Грустно сказала я. — Ты хочешь сказать, что мои волосы некрасивые. Тебе они не нравятся. Я их скрою под платком. И, может быть, даже сделаю завтра короткую стрижку. Чтоб волосы не мешали мне посуду мыть и учиться, и тренироваться.

Он готовился настаивать на своем, знает же, что я свою точку зрения всегда отстаиваю. Но моя неожиданная капитуляция сбила его с толку, а от каждой последующей фразы он становился все более оторопевшим. Даже жалко его стало, таким он вдруг стал потерянным.

А стоило мне замолчать и взять со стола, отброшенный туда минуту назад платок, как Тим начал оправдываться.

— Прости. Я, наверно, неправильно выразился. И нагрубил случайно. Сафира, у тебя красивые волосы. Самые красивые, идеальные, как и ты сама. Но они будут мешать. Над корытами надо же наклоняться, и волосы могут попасть в мыльную воду. И еще тебе будет жарко... — Он бессильно пожал плечами. — Прости. Может, посидишь в сторонке? Там, около двери есть маленький стул.

Отсидеться, пока Тим работает, я не собиралась. Ведь ничто не сближает, так как совместный труд.

— Тим, ты прав, я сама должна была подумать об удобстве. — И он, радостно улыбнувшись, выдохнул с облегчением.

А, когда я попыталась сама завязать волосы, предложил свою помощь. Так неуверенно, будто не веря, что меня не оскорбит его предложение. Я же искренне обрадовалась:

— Помоги, а то у меня платье узкое, руки поднять не получается. — Платье,

действительно было узковато в плечах и груди. Если не делать лишних движений, это можно было и не заметить. Но как надеть косынку и связать волосы, если поднять руки высоко невозможно.

Тим сглотнул и попросил меня отойти от посуды и корыт ближе к двери. Там предложил сесть на низенький стул и, когда я его заняла, аккуратно коснулся моей головы. Нежно прошелся руками по всей длине моих волос несколько раз, а потом аккуратно разделил всю копну волос на три части и начал заплетать их в не тугую косу. Я млела и наслаждалась и его нежными касаниями, и его согревающей близостью.

— Все. Заплел. — С хрипотцой в голосе отчитался Тим. Где он ленточку достал, чтоб плести ее мне в косу? — Косынку тоже я буду на тебя одевать? — Я просто протянула себе за спину эту косынку, чтоб Тим без лишних вопросов закончил свою работу.

Он косынку быстро на весу сложил треугольником и уже нежно, не торопясь, повязал на моей голове. Когда он снова сказал, что работа завешена, я вскочила со стула и, приблизившись к корыту, уставилась на свое отражение. Тим, скорее всего, опыта в одевании косынок не имел. В общем-то, как и я. Косынка смотрелась на мне как бандана очень большого размера.

— Так я похожа на доярку. — Капризно заявила я Тиму, обернувшись.

— Ну, у меня опыта в этом вопросе маловато. — Оправдываясь, начал он говорить. Но закончил речь, сказав бодро. — Но на доярку ты не похожа. Они все старые.

Я снова посмотрела на себя в отражении:

— Тим, а можешь так косынку одеть, чтоб узелок был не на затылке, а под косой? А? — И я сделала очень жалобные глаза. У него не было и шанса отказать мне.

Когда я приблизилась к корыту, для новой проверки своего отражения, Тим напряженно за мной наблюдал. Но мне его работа понравилась. Я даже поблагодарила его от души.

— Так ты похожа на послушницу. — Улыбаясь, сказал он.

Пришлось посмотреть на косынку на моей голове еще раз:

— Может быть, я и уйду монастырь. — Тихо сказала я. Тим начал доказывать, что мне в монастыре не место, туда идут грешники, дефектные маги, и люди, потерявшие смысл жизни.

— Если человек, который мне нравится, на мне не женится, Тим, тогда смысла жизни у меня и не будет.

— Глупости. — Нахмурился он. — На тебе обязательно женится тот, кто тебе понравится. И будет любить тебя всей душой, заботиться и баловать. И вы будете очень счастливы. И детей у вас будет куча. Так что о монастыре и не думай! Никогда.

И еще, пока настроение у меня было капризное, я пожаловалась Тиму, что моя форма неудобная и он пообещал, что через куратора оформит мне рекомендацию ходить на занятия в брючной женской форме.

— Правила Академии допускают такую вольность, — хоть Тим сам эту идею и предложил, но был недоволен, что я с восторгом ее приняла, — но это...

— Снизит мой рейтинг на рынке невест? — Он кивнул. А я отмахнулась. — Не страшно. Лучше я стану великой магиней.

Но пока нас с Тимом ждала иная великая миссия — мытье посуды. Корыт было всего три. В первую сгружалась куча посуды. И Тим ее мыл в густой пене и перекладывал во второе корыто. В ней уже полоскала посуду я и аккуратно складывала чистую посуду в третье корыто. Когда она наполнилась, Тим перекачивал его к стене с краном. Под толстой

струей воды мы вместе с Тимом ополаскивали все и складывали на отдельном столе. И последним штрихом была магия. Тим своей силой сушил посуду:

— Так быстрее, — сказал он, — не нужно каждое блюдо полотенцем протирать.

И так, почти без отдыха мы работали всю ночь. При этом разговаривали, смеялись и даже проводили тренировки. Дважды заходила Ясаман и приносила нам еду и кружки с кофе.

А мне было интересно, кто столько пачкает посуду в Академии ночью. Днем, понятно, адепты не упустят момента заскочить в столовую, так что посуда и должна быть горой. А ночью адепты крепко спят. Но одна фраза, оброненная Тимом, все мне разъяснила:

— Еще месяц, и адепты с Академии Древа уедут к себе, и ночных отработок уже не будет. Так что больше правила не нарушай, днем на отработки у тебя времени не будет. — Менторским тоном полушутя сказал Тимир.

— А что эти адепты днем не могут поесть?

— Днем они отсыпаются. А с вечера и всю ночь работают на Горе Пик Магии, готовят её к нашей летней практике. — Подробности я решила уточнить у Сафы.

— Понятно. Но и ты правила не нарушай, а то в карцере окажешься.

Когда рано утром, уже позавтракав, мы с Тимом возвращались с ночных отработок в свои комнаты, настроение у нас обоих всегда было замечательным. Работать с ним оказалось легко. Он и вправду был мастером мыть посуду. И руководитель самый лучший!

21. Он великолепен!

Весь следующий день после второй отработки я отсыпалась, а вечером захотела увидеть Тима. Я знала, что общежитие седьмого курса находится на третьем этаже. А со второго этажа добраться до третьего много времени не нужно. Проблема была только в том, чтобы найти нужную комнату, и повод для визита нужно придумать.

— Я знаю дорогу, — порадовала меня Сафа после того, как я рассказала ей о своем затруднении. — И возьми последний конспект, что мы с тобой разбирали. Там есть пунктик про задержку дыхания под водой более чем на час. Пусть Тимир его тебе разъяснит, и я тоже послушаю.

И я переоделась из пижамы в простое платье на каждый день. Взяла конспект и Сафу и отправилась к Тиму в гости. В первый раз. У меня от волнения все внутренности сжимались в узелок и разжимались как пружинка, вызывая дрожь во всем теле. Но шла я уверенно и спокойно. Пройти лабиринт коридора мне помогла Сафа и, наконец, мы остановились у нужной двери. Я дважды поднимала руку, чтоб постучать, но ослабевшая конечность сама падала вдоль тела.

— Тим спит. — Объяснила я свое поведение Сафе. — Не хочу его будить. Он же всю ночь работал.

— И ты работала, но уже выспалась. И он не может спать в такое время. — Но я ее не стала слушать и отошла от двери. Мне показалось, что будет лучше, если я пройдусь вдоль коридора несколько раз и успокоюсь. А потом, набравшись решительности, наконец, постучусь в заветную дверь. Я уже отошла на достаточное расстояние, когда дверь открылась, я только успела отскочить к стене и скрыться за гобеленом. Из комнаты моего руководителя вышла незнакомая мне старшекурсница, и вслед за ней вышел и Тим. Он был заметно растрепанным, без пиджака и в распахнутой рубашке. А девушка, прежде чем уйти, обернулась в моему Тиму и провела рукой по его волосам. А потом привычным движением несколько раз раскрытой ладонью похлопала его по груди. Тим что-то ей ответил, она рассмеялась и направилась в мою сторону. А Тимир, развернувшись, вернулся в свою комнату.

Девушка шла, мечтательно улыбаясь, и вульгарно покачивала бедрами. Как только она прошла мимо меня, я вышла из своего убежища и направилась ей вслед.

— Зачем она тебе? Вернись в нашу комнату. У адепта Найта было обычное свидание, это нормально для мужчин. — Моя мышь не понимала, что лезвием прохаживается по моему сердцу.

Впереди показались еще две девушки.

— Заира, ты от Тимира? — Ответом был томный вздох. — Ну как он тебе?

— Он великолепен! Мне так хорошо ни с кем не было! — Даже моя Сафа с трудом сдержала приступ тошноты.

— А я тебе всегда говорила, лучше Тимира в постели никого нет. А ты все со своими принципами!

— Кто же мог подумать, что выродок такой мастер доставлять удовольствие. И хорошо, что он маской прикрывает эти ужасные впадины на щеках. Я с ним и завтра встречаюсь.

— Я тожескорее хочу к нему, но Тимир наше свидание перенес на два дня позже. —

Девушки шли и рассказывали друг другу, когда каждая собирается на свидание, почему Тимир в другие дни занят и планировали отсечь от него всех остальных девушек, потому что им троим нужнее.

А я дошла до своей комнаты и упала на кровать, даже на ужин не пошла и Сафу оставила без еды, она и сама должна о себе позаботиться. Я же забылась в тяжелом кошмарном сне.

22. Обида, боль и слезы

Сегодня у меня были четыре пары и дополнительное занятие с Тимиром Найт. А мне ничего не хотелось, и даже в столовой я не завтракала. Я только положила на стул, стоящий рядом, сыр и печенье для Сафы, чтоб она не донимала меня криками. Специально встала сегодня намного раньше обычного, и быстрее спустилась в столовую, чтоб не стоять в очереди и не столкнуться нигде с Тимиром.

— Доброе утро. — Раздался его голос рядом. — Можно сесть? — И он занял место напротив меня. Поставил свой поднос на стол, посмотрел на меня внимательно и серьезно спросил: — Кон призывал тебя?

Я даже не сразу поняла, о чем он спрашивает. Но потом покачала головой, давая отрицательный ответ.

— Заболела? Сходим к целителю? — И нахмурился сильнее, когда я снова покачала головой. — Сафира, я в чем-то виноват? Забыл принести книгу? Не проверил твою работу? Кто-нибудь из-за меня обидел тебя? Лион нагрубил? Тогда, что могло произойти? Мы же отработки закрыли. И, мне казалось, даже подружились.

Я махала головой на каждое его предположение, но посмотреть на него заставить себя не могла. Даже появилась мысль: может это и хорошо, что я узнала о любвеобильности Тимира сейчас, пока он не врос в мою душу. Мне уже сейчас больно, а что бы было позже, когда я стала его невестой? Ведь и обвинить его не в чем, у нас только рабочие отношения. Он мне в верности не клялся. Но так больно, что начинаю понимать покойную подружку Сафы.

— Сафира... — Он снова хотел что-то сказать, но я резко встала и направилась к выходу. Даже Сафу на стуле забыла, но она и сама меня найдет. Позже.

После второй пары сокурсники направились в столовую, а я обрадовалась, что могу в тишине и одиночестве посидеть в огромном помещении. Я положила голову на сложенные на столе руки и попыталась представить себя на Земле. Там все было просто: учеба, семья, друзья, работа. И никакой любви. Дома, наверно, плакали, когда узнали, что я разбилась на мопеде. А я здесь очень редко вспоминала родных. Всегда думала только о Тимире. Может, я сама его и нафантазировала, сделала в своих мыслях мучеником и идеалом...

— Извините, адептка Чарх. — Я села ровно и, запрокинув голову, посмотрела на смуглого черноволосого сокурсника Тимира. — Адепт седьмого курса Чмир Рват. — Представился он.

— Я знаю, уже видела вас.

Он ухмыльнулся:

— Я просто представился официально. А так, меня все знают, нас же, семикурсников, в этом году только семь адептов. — Я просто кивнула, говорить сейчас даже с ним не хотелось. — Меня прислали за вами.

— Кто? — А подумала, что пойду куда угодно, только не к Тимире.

— Ректор Мартазан. Вам пришло послание из дома от лорда Чарха. Сейчас готовят портал, чтоб вы могли быстро добраться до дома.

— А.

Мы вдвоем быстро шли на пятый этаж, где располагался кабинет ректора. Все адепты

уже спешили на третью пару, и я забеспокоилась, что могу пропустить занятие.

— Занятия? — Удивился Чмир Рват моему вопросу. — У нас портал через десять минут. От занятий и меня и вас должны освободить.

Тут я удивилась, зачем адепту Рват ехать к моему дяде.

— Зачем? — Переспросил снова семикурсник. — На похороны. Ваш кузен Мирт Чарх погиб в горах. Мы с ним родственники по матерям, они родные сестры.

Мы дошли до нужной двери, и Чмир Рват вошел, а я осталась в коридоре. Открыла свою сумку, чтоб узнать у Сафы что-нибудь о ее кузене. Но шокировано застыла, услышав, как она плачет, навзрыд, часто попискивая:

— Мирт такой хороший был! Самый лучший кузен! Он мне всегда помогал, даже деньги присылал втайне от отца. И серое платье подарил. — Горе Сафы было таким заразительным, да и у меня в душе царил траур. Поэтому разревелась и я, поддерживая Сафу и одновременно оплакивая свою любовь.

Ректор Мартазан и Чмир Рват, выйдя из кабинета, увидели меня, рыдающую в два ручья, крепко обняв дахкилга.

— Адепт, вы говорили, адептка Чарх перенесла известие стойко. — Замерев на месте, выговорил ректор. Адепт Рват только пожал плечами.

Но портал уже был готов, и нам пришлось поторопиться. Сафу я вернула в сумку, и нес ее Чмир Рват. А у меня в обеих руках были платки от каждого из сопровождающих, и я активно ими пользовалась, вытирая глаза и нос. Но стоило мне вспомнить, как Заира выходит из комнаты Тимира, гладит его по волосам, а потом хлопает его довольно по груди, как я снова начинала захлебываться слезами.

Портал находился в обычной комнате. Только пол в ее центре был с необычным покрытием, напоминающим ртуть. Он был серебристо-белого цвета, при ходьбе на нем оставались следы.

— Встаньте в середине комнаты, постарайтесь занять меньше места и вообще не шевелиться. — Сказал ректор.

Я только приготовилась последовать его рекомендации, как дверь распахнулась, и в комнату вбежал адепт Тимир Найт. Он на ходу извинился перед ректором и прошел к нам в центр комнаты.

Кивнул Чмиру Рват:

— Я только сообщение получил.

А потом посмотрел на меня и сделав шаг вперед крепко обнял. Обхватив одной рукой за плечи, другой за талию и щекой прижимаясь к моей щеке:

— Прости. Не знаю, чем я тебя так сильно обидел, но прости. — Прошептал он.

Ректор сказал, что мы задерживаем портал. И Тим выпустил меня из объятий, а потом вложил что-то в мою руку:

— Это на память. Будь счастлива. — И отошел к двери.

Цвет пола сменился на голубовато-зеленый, все кругом поплыло, мне даже показалось, что я снова плачу. Но когда пол снова стал прежнего серебристо-белого цвета я и Чмир Рват стояли уже в другом помещении и навстречу нам вышел седовласый мужчина с военной осанкой:

— Добро пожаловать в замок рода Чарх. Лорд Чарх ждет вас в кабинете.

23. Единственная наследница?

Мы с адептом Рватом поднялись за важным дворецким на второй этаж, где меня оставили за дверью дожидаться аудиенции у родного дяди, опекуна, старшего брата моего отца. А Чмир Рват бы приглашен на разговор с лордом первым.

Ждать мне пришлось не долго. Когда я вошла в кабинет меня встретили недовольным взглядом и презрительно искривленными губами. Лорд Чарх оказался, высоким, худощавым мужчиной неопределенного возраста.

— Проходи, садись. — Отвечать на мое приветствие, интересоваться учебой он даже не собирался.

— Мой сын погиб, — сгорбившись сказал лорд Чарх.

— Сочувствую вашему горю. — И дальше я вспомнив слова Сафы, я повторила их. — «Мирт такой хороший был! Самый лучший кузен! Он мне всегда помогал».

— Ты всегда была недостойна его заботы. Но мой Мирт был добрым мальчиком. А сейчас он погиб.

— Сочувствую вашему горю. — Молчание затягивалось, и я повторила слова сочувствия, чтоб как-то ее заполнить. И вдруг вспомнила, что Тимир Найт что-то вложил в мою руку на прощанье. Все это время я держала это судорожно сжатым в кулаке. Я разжала ладонь и увидела на ней фиолетовый камешек с «Универсальной краской» и серебряную короткую цепочку с простеньким кулоном. Если Тимир бежал к порталу, чтоб попрощаться и подарить мне хоть что-то на память, значит, он был уверен, что в Академию я уже не вернусь.

— Сейчас ты единственная наследница рода. Учебу ты бросаешь. Идея с учебой в Академии мне не нравилась с самого начала. Я уже рассматриваю брачные предложения. Свадьба состоится через два месяца. Скромная, но достойная. Твой второй ребенок наследует род Чарх, и его я заберу на воспитание к себе. Можешь идти.

Я сидела на стуле, и чувствовала как он подо мной и я на нем леденею. Холод был настолько ощутимым, что я уставилась на свои ноги. Они, действительно покрылись тонким слоем льда.

Но он мгновенно растаял, намочив мою обувь:

— Безобразие! Тебя в Академии вообще не учили контролировать силу? — Вскипел дядя, отпуская руку после произведенного магического паса.

Он ждал, что я покину его кабинет, но и я задерживаться не собиралась, только нужно было кое-что объяснить достойному лорду, дяде и опекуну по совместительству:

— Я собиралась присутствовать на похоронах кузена.

— А похороны никто и не отменяет, мертвые требуют погребения.

— Никакое замужество меня не интересует.

— Я спрашивал, что тебя интересует, девочка?

— Девочка давно подросла, и является адепткой Свободной Академии Магии. Учебу я не брошу. Замуж не пойду. Детей моих вы не получите.

Он в бешенстве стукнул кулаком об стол:

— Я лишу тебя наследства.

— Повторяю. Я адептка Свободной Академии Магии. Меня не интересует ни ваш

наследство, ни ваш род. После похорон я возвращаюсь в Академию. — И я покинула кабинет дорогого опекуна.

Первым, кого я увидела в коридоре, был Чмир Рват, и к нему я подошла как можно скорее, пока никто не успел меня отвлечь. Я не была в душе такой уверенной и спокойной, как пыталась казаться перед опекуном. Поэтому мне нужна была чья-нибудь поддержка:

— Адепт Рват, вы могли бы передать ректору Мартазану, что я хочу продолжить учебу в его Академии, и не собираюсь пока выходить замуж. Я опасаясь, что дядя запрет меня здесь, а я хочу сдать практику. Это важно для Тимира. Вы же друзья? Тимир говорил, что вы справедливый.

— Лорд Чарх лишит тебя наследства. — Серьезно заметил адепт Рват

— Я же единственная наследница, без меня род уже можно считать несуществующим. А я хочу учиться.

Чмир Рват спокойно, без эмоций выслушал меня и обещал, что завтра вечером мы вместе вернемся в Академию.

24. В комнате Сафы

Меня проводили в мою комнату. Сафа сразу, как только мы остались одни, выскочила из сумки и улеглась на широкую кровать, она все еще оплакивала своего кузена. И я подумала, что лучше ее оставить в покое. А сама я стала изучать покои, которые были больше моей комнаты в Академии не меньше чем в пять-шесть раз.

В огромной комнате преимущественно светло-розового цвета с золотистыми элементами декора располагалась роскошная кровать с балдахином, трюмо с мягким пуфом, журнальный столик с изящными креслами на тоненьких ножках. Мебели было немного, но комната не казалась пустой из-за обилия картин на стенах, живых цветов в кашпо, расставленных живописными композициями. А пол устлала (другое слово в данном случае не подходит) мягкие ковры с витиеватыми узорами, и в их высоком ворсе нога терялась по самые щиколотки.

К комнате прилегали уборная и гардеробная. Первая комната была выделана в слепяще-белоснежных цветах, но величина ванной заставила меня в предвкушении застонать. А гардеробная была с множеством различных отсеков, полочек, выдвигаемых ящиков и напольных вешалок, но она оказалась почти пустой. Только одиноко висели на вешалках несколько девчачьих платьев, и совсем немного свернутых вещей лежало на единственной занятой полке.

Закрыв дверь гардероба, я прокомментировала увиденное:

— Золотая клетка.

— Это Мирт для меня ремонт в комнате заставил провести. Раньше здесь как в склепе было. — Сафа уже немного успокоилась. — Нам обед не принесли? — Или голод ее вывел из сплина.

Пока приглашения на обед не пришло, я решила искупаться в настоящей ванной, а то в академии для адептов были предусмотрены только душевые кабины. И на весь второй этаж их было только десять, поэтому наслаждаться под теплыми струями воды времени никогда не хватало. С помощью Сафы я разобралась с множеством краников и рычагов и наполнила ванну теплой водой, взбила густую ароматную пену и погрузилась в мир неги. И Сафа с фырчаньем присоединилась ко мне. Мы расслабились и наслаждались покоем.

— В тот день, когда Тимир побил Кона Вэдра, и тебя перестали призывать по тату, я жалела, что поторопилась и стала дажкилгом. Подумала, что сама бы справилась с подчинением. А сейчас я рада, что я больше не Сафира Чарх, и все мои проблемы связаны только с чувством голода. Ну, и почесаться хочется.

— Не говори об адепте Найте. — При каждом упоминании его имени у меня начинало колоть в груди.

— Ты его все равно любишь. — Упрекнула меня Сафа.

— Но я не буду стоять в очереди. — Пообещала я скорее себе. — Лучше все силы направлю на учебу. И обязательно стану сильнейшей магинею. И на распределении все адепты третьего курса будут отдавать свои папки мне, самой крутой выпускнице, Сафире Чарх.

Я даже представила эту картину, и она была настолько правдоподобной, что от голоса Сафы я вздрогнула:

— Забудь, в Академию ты уже не вернешься. Как сказал дядя, ты единственная наследница. Твой долг теперь родить наследника. Только попроси дядю, чтоб он выбрал тебе доброго мужа. С ним ты смогла бы договориться, о совместном воспитании ребенка. И я бы с тобой осталась и помогала.

Я не понимала местных людей. Все законы здесь были направлены в поддержку магов. Как можно отказаться от судьбы мага? Даже в избирательном праве, что меня очень удивило, маг выше седьмой ступени имел три голоса, маг до седьмой ступени — два, а не одаренные, больные или не развившие свою силу люди только один голос. Сейчас у меня только шестая ступень. Если я продолжу учебу и окончу хотя бы шесть курсов Академии, я смогу сама выбирать мужа и будущий род. Да тот же дядя мне на блюдечке преподнесёт и право на наследство, и главенство в роду. Он даже заикнуться не посмеет, чтоб забрать моего ребенка. На воспитание.

А если я смогу окончить седьмой курс для меня откроются все двери к вершине власти. Я смогу быть министром в любой сфере, ректором любой Академии, да я даже могу избираться в Совет магов и на должность главы Принципата. Это, конечно, мечты, но все это возможно. Может, поэтому Тимир Найт и рвется закончить седьмой курс Академии любой ценой, вопреки всеобщему презрению и, даже ценой ссоры с семьей. Они же поэтому его не поддерживают, не помогают даже деньгами.

А вот если я сейчас покорюсь и брошу Академию, то смогу только быть покладистой женой выбранному дядей мужу. С добрым мужем мне еще должно повезти, чтоб он не оставил меня без детей и домашнего питомца.

По-моему, выбор был очевиден, я продолжаю учебу, но без поддержки рода в лице дяди. А потом жестоко ему мщу. Моя будущая самостоятельность будет ему лучшей мезью.

— Ты не сможешь без поддержки рода, — пропищала Сафа.

— Ты же смогла, два с половиной года жила в Академии и училась. — Логично напомнила я.

— И вот теперь я дахкилг. Я не завела друзей, не ездила в гости, вся жизнь — только книги. Но даже тогда меня поддерживал Мирт, присылал деньги и подарки, а на первом курсе даже приехал в Академию, чтоб все видели, что я не лишена его поддержки. Мне это сильно помогло.

В ее словах, скорее всего, было зерно правды. Но практику я бросить не могла, и менять своего решения не собиралась.

Надев махровый длинный халат и завернув в полотенце Сафу, я вышла из ванной. И замерла. В моей комнате, на кресле сидела седая женщина в черном платье, а перед ней на столике стоял поднос с едой.

— Это тетя Марина, мама Мирта. — Прозвучал в моей голове голос мыши.

А женщина, заметив меня, медленно встала и протянула ко мне обе руки. Я, как была с Сафой в руках, приблизилась к ней, и мы обнялись. Не видя лица женщины мне было проще сказать ей уже заученную фразу:

— Сочувствую вашему горю. «Мирт такой хороший был! Самый лучший кузен! Он мне всегда помогал».

— Знаю, девочка моя, он всегда тебя любил. И хотел, чтоб твоя судьба сложилась счастливо. — Мы сели в кресла, но женщина не выпускала моей руки, обхватив ее в районе локтя. Я же все еще прижимала к себе Сафу. — Ты же знаешь, как он мучился от несправедливости. Поэтому и сбежал в горы в самый лавиноопасный район. Хотел помочь

людям. Он же и спас от лавины два села. — Она говорила тихо, и глаза ее были сухими. — Поешь. Тебе понадобятся силы.

А есть я сейчас не могла, хоть и не знала кузена Мирта, но мне было безумно его жалко. Я взяла ломоть тонко нарезанного сыра и вложила в лапки Сафе. А ее аппетит никуда не пропал.

— Дядя уже говорил с тобой? — Спросила тетя Марина. Я кивнула. — Ты умная девочка и знаешь, как поступать. Но если все-таки решишься его послушаться и вернуться в Академию, знай, Мирт поддерживал тебя. Он в последнем письме написал мне, что открыл счет в банке на твое имя и с каждой своей зарплаты пересылал туда небольшую сумму. Я приготовила тебе бумаги, чтоб ты могла их забрать. Они и в учебе пригодятся. А, если ты решила бросить Академию, они будут тебе свадебным подарком от Мирта. — Я не смогла не заплакать. А тетя сидела все такая же прямая и безжизненная. — А теперь отдыхай. Завтра встретимся и проводим моего мальчика.

Она поцеловала меня в лоб и ушла, а я смотрела на оставленный ею конверт на столе и плакала. И Сафа горько попискивала в ответ.

25. Возвращение

На похороны единственного сына лорда Чарха, Мирта Чарха, пришло огромное количество людей. Длинная змейка пришедших выразить свое соболезнование тянулась от замка до самого кладбища. Одетые в черные траурные одежды люди расходились, постояв недолго, у свежей могилы и оставив черный прямоугольный листок в ящике, стоящем рядом. Никто лично к чете Чарх не подходил. Я стояла возле тети Марины и, обхватив ее за локоть, слегка поддерживала.

На мне была моя форма, именно ее мне принесли утром вычищенной. Она была темно-синей, пости черной, так что цвет подходил. Но я вспомнила про свои мерки, которые я передала Тимиру Майту, чтоб он заказал мне в ателье брючную форму, сейчас я ее уже вряд ли получу. Говорить с Тимиром о своей одежде я уже не смогу, это раньше для меня в общении с ним не существовало запретных тем. Он нередко замирал от моих неожиданных вопросов и говорил: «Это неприлично», «Так нельзя», «Нельзя о таком спрашивать», но чаще просто краснел и пожимал плечами. Хотя ни о чем особенном я его не спрашивала. По моему.

Уже была середина третьего месяца зимы, перед выходом из замке тетя передала мне со служанкой свои пальто и беретик, размер мне подошел идеально. А сейчас мы стояли на кладбище под легким снежком, прижимаясь друг к другу, и провожали на небеса достойного человека. Который, оказалось, был одним из немногих, кто помогал своей кухне.

Вернуться в замок мы смогли только под вечер. Вместе с семьей Чарх вернулись и ректор Мартазан, несколько кураторов и адепт Чмир Рват.

Дядя сразу предложил им пройти в комнату с порталом и отправиться в Академию.

— Конечно. Благодарю. — Ответил ректор и спросил меня. — Адептка Чарх, вы отправляетесь сейчас с нами или прибудете позже?

Я поспешно ответила:

— Сейчас.

Но одновременно с моим ответом прозвучала фраза лорда Чарха:

— Она остается. В Академию моя подопечная больше не вернется.

— Ваша племянница — адептка Академии Магии. Она находится под опекой Принципата. И должна сама решить бросает ли Академию или продолжает обучение на благо Принципата. — Весомо произнес ректор и посмотрел на меня.

— Я хочу учиться. — Бодро ответила я. — На благо Принципата!

— Сафира, — дядя впервые обратился ко мне по имени, — если ты покинешь пределы родового замка, я лишу тебя поддержки рода и права на наследство.

Холл накрыло мертвой тишиной, все присутствовавшие были в ступоре от прозвучавшей угрозы. Сотрудники Академии и адепт Чмир Рват уже приготовились уходить без меня. Кто же откажется от рода ради учебы? Но меня дядины слова не пугали, я их уже слышала, и не от него одного, поэтому я также бодро, как и раньше, сказала:

— Ректор Мартазан, я возвращаюсь в Академию! Только за сумкой сбегаю.

Все выглядели ошеломленными, а Чмир Рват даже осуждающе покачал головой. Только тетя незаметно кивнула мне, а дядя зло поджал губы:

— Ты ничего не возьмешь из этого дома. За сумкой пойдет слуга.

Мне ничего здесь и не было нужно. Конверт, оставленный тетей, лежал на дне сумки, вложенным в тетрадь с конспектами по «Делению магических потоков». Камешек с краской и цепочку с кулоном я положила в потайной боковой кармашек. А охраняла все Сафа, сидевшая в этой сумке.

Мы все прошли к комнате с порталом, и туда же слуга принес мою сумку с фырчащей внутри мышью. Я взяла ее и, посмотрев на тетю, провела рукой по рукаву надетого на мне пальто. Хотела понять, нужно ли его оставлять, раз дядя сказал, что я ничего из дома не могу взять. Тетя моргнула обоими глазами и улыбнулась уголками губ. Мне в этот момент так сильно захотелось ее обнять, не за подаренные вещи, а из уважения, что она ради меня пошла против воли мужа. Наверняка, сделала это впервые в жизни.

В порталной комнате я, Чмир Рват, ректор и магистры встали в центре комнаты на серебристо-белую поверхность. И, когда она, став голубовато-зеленого цвета, вернула себе прежний холодный серебристо-белый окрас, мы уже были в Академии.

26. Тимир

Когда мы вышли из комнаты с порталом, я с облегчением выдохнула и поблагодарила ректора.

— Адепт Рват передал мне ваши слова. И я надеюсь, благо Принципата для вас не пустая фраза. Бегите в свою комнату. — Улыбнувшись только глазами, сказал ректор.

Поблагодарив его еще раз, я развернулась, чтоб идти к лестнице, но ректор меня окрикнул.

Рядом с ректором стояла женщина в строгом платье, и он обратился ко мне:

— Я сейчас получил сообщение. Не могли бы вы передать своему руководителю, адепту Найту, что его с братом ждут дома. Портал будет готов через двадцать минут. — И он с женщиной ушел в другую сторону.

А я стояла в центре коридора и не могла унять бешеного сердцебиения. Пойти сейчас, уже почти ночь, к Тимиру? Просто передать сообщение от ректора. А кого я встречу у комнаты Тимира?

С трудом передвигая мгновенно отяжелевшие ноги, я начала спускаться на третий этаж. Ни разу не ошиблась в направлении и не заблудилась в хитросплетениях коридора. И вот я стою возле той самой двери, а руку просто не могу поднять.

— Да постучись уже, скажешь про портал, и все. — Крикнула в моей голове Сафа, она уже давно высунула мордочку из сумки и нетерпеливо попискивала.

Я бы сейчас снова поспорила с дядей из рода Чарх, выстояла целый день на похоронах, даже прошла снова пытку призывом Кона Вэдра, только чтоб не стучать в эту дверь.

— Сафира? — Послышался с левой стороны бархатный неуверенный голос. Я обернулась на него, в нескольких шагах от меня стоял Тимир и с недоверием смотрел на меня. — Как ты здесь оказалась?

— Меня ректор прислал передать, что для тебя и твоего брата готовится портал к дому. Нужно быть готовым через двадцать минут. — Застрочила я скороговоркой и собралась быстро уходить.

— Стой! — Резко сказал он, что я даже застыла на месте. — Прости. Я из душевой. — Я только сейчас присмотрелась к нему, до этого старалась смотреть мимо, вдоль коридора.

Волосы Тимира были мокрыми, и с них вода капала на плечи, уже намочив рубашку, расстегнутую на верхние пуговицы. Рукава закатаны выше локтей. Пиджака на нем не было, а белое полотенце он держал в одной руке, а второй начал судорожно застегивать пуговицы. — Подожди меня в комнате. — И закинув полотенце на плечо, касанием левой руки о косяк он открыл дверь и пропустил меня внутрь. — Посиди здесь, пожалуйста. Я быстро вернусь. — И он выхватил из шкафа свой пиджак вместе с вешалкой и скрылся в коридоре, захлопнув дверь.

А я осталась стоять в чужой комнате одна.

— Видишь, какой у Тимира порядок? Ты единственная неряха в Академии. — Сафа отвлекла меня от тяжелых мыслей. В комнате, действительно, был идеальный порядок: кровать была шире моей и заправлена идеально, хоть линейкой проверяй. На столе ни одной лишней вещи. Сложенные в две аккуратные стопки лежали книги и тетради. Карандаши и ручки стояли отдельно в двух стаканчиках. Ни пылинки кругом, даже урна была пустой и

чистой.

Окно занавешено легкой белоснежной занавеской. А я в своей комнате занавеску убрала, чтоб не мешала, подоконник у меня был завален тетрадями и книгами. Тимир же прибил к стене над кроватью полки, и там стройным рядом выставил книги по группам, а тетради лежали так, будто их никогда не касаются.

Я стояла и боялась бросить взгляд на кровать с двумя взбитыми подушками. И садиться не хотела, только положила свою сумку на табуретку, а Сафу взяла на руки.

Тимир пришел, как и обещал, быстро. И был полностью одет и расчесан, как адепт на строевой подготовке. У него даже сапоги были начищены до блеска.

— Прости, задержался. Пришлось самому идти предупредить Лиона о портале, в коридоре никого не было. — Объяснил он свое промедление, хотя мне казалось, что он не потратил и нескольких минут. — Я думал, ты не вернешься. Ты же теперь... — Тихо продолжил он.

— Единственная наследница. — Получилось слишком громко. — Дядя уже рассматривает брачные предложения. Сейчас я на ранке невест могу стать выгодным приобретением. — Он на мою шутку даже не улыбнулся.

— Надолго ты в Академию? — С напряжением в голосе спросил Тимир.

— Надолго. Подробности знает Чмир Рват. А мне пора, я после похорон и хочу отдохнуть. — Я направилась к выходу, и Тимиру пришлось отодвинуться, чтоб пропустить меня.

Мне бы быстрее выбраться из этой комнаты и бежать хоть куда, только подальше от Тимира.

— Подожди. — Остановил он меня уже на выходе. — Я хотел сказать, что сочувствую тебе. Мирт был хорошим человеком, он помог мне однажды. Мы тогда не могли артефакты купить, а я обратился к нему, и он дал денег архаровцам. Не в долг. Просто помог. — Тимир настолько волновался, что я, уже привыкшая к местной холодности, даже забыла, что хотела бежать в свою комнату. И еще сильнее Тимир меня удивил, когда достал из своего шкафа сверток и протянул мне. — Это твоя новая форма. Днем принесли.

— Брючная? — У меня настроение резко, как реактивная ракета, взлетело вверх. — Так быстро? А как в ателье деньги передать?

— Ты примерь, и если тебе подойдет, решим с оплатой. — Уклончиво ответил Тимир.

И я торопясь направилась к себе. Я уже была на втором этаже, в нескольких метрах от своей двери, когда меня догнал Тимир и сказал:

— Сафира, хочу пригласить тебя в гости. Мы и так много занятий пропустили, а у меня дома мы сможем позаниматься.

Я не хотела соглашаться. Что мне делать в родовом замке Найтов? Обитают там точно не самые приятные люди. Но я согласно кивнула, потому что голосок Сафы надрывался в моей голове:

— Соглашайся! Всегда мечтала посмотреть, как Найты живут. Про их сады и оранжереи легенды ходят.

Тимир радостно улыбнулся, и на его щеках появились веселые ямочки:

— Согласна? Я буду ждать у твоей двери через десять минут. Спасибо тебе. — И он быстро ушел, не оставив мне шанса передумать.

27. Новая форма

Я с предвкушением распаковывала сверток. Оберточная бумага радостно хрустела, а мое нетерпение нарастало. И оно было вознаграждено, когда шедевр швейного искусства оказался у меня в руках. Ткань была мягкой и ласкающей кожу, при этом достаточно плотной и практичной. Я быстро переоделась и, распахнув дверцу шкафа, посмотрела на свое отражение.

— Красота, — с восхищением прошептала Сафа, и я была с ней полностью согласна. Я вертелась в разные стороны, и, принимая эффектные позы, замирала ненадолго. Мы с Сафой смеялись, пока у меня не закололо в боку. Дажилг тоже выдохлась.

Форма была темно- синего, почти черного цвета, как и требуют правила Академии. Но фасон женской брючной формы сильно отличался от мужской. Брюки были широкими, а пиджак плотно ложился по фигуре и суживался к талии. Длиной он доходил почти до колена. Пуговички были меньше, чем на мужском пиджаке, и крупнее, чем на моей старой форме. А под пиджаком была легкая сорочка с коротким рукавом. В этой форме я чувствовала себя настоящей аристократкой, волшебницей, умницей и просто красавицей.

Но настоящим сюрпризом для меня оказались сапожки и перчатки из нежной кожи, также лежавшие в свертке. Они также идеально подошли мне.

— Все это, скорее всего, очень дорого стоит, — попыталась вернуть меня в реальность Сафа.

— Не будем забывать про щедрость кузена Мирта, — ответила я.

Я снова долго любовалась собой в зеркале, пока не поняла, что моя скромная коса новой форме не соответствует. И я расплела ее и, расчесав волосы до электрических разрядов, собрала их в высокий хвост на затылке. Получилось эффектно. Но такие прически носят здесь парни, а я не хочу быть похожей на Кона Вэдра даже в прическе. Я заплела эти волосы в косу. Получилось даже немного воинственно.

— Мы можем опоздать, — напомнила мне Сафа о времени. И я надела пальто и берет, взяла на руки мышь и открыла дверь. Тимир стоял возле нее у самого входа. И услышав звук открывшейся двери, поднял на меня глаза и улыбнулся:

— Примерила? Нужно ли вернуть форму в ателье?

— Нет, — отвела я, неожиданно даже для себя, сухо.

А Тимир перестал улыбаться и предложил идти к порталу. У лестницы четвертого этажа стоял недовольный Лион Найт и, бросив скользкий взгляд поверх меня, бросил в сторону брата:

— Ты опоздал на полчаса, отец будет недоволен.

Я тоже уставилась на Тимира:

— Мы опоздали? И где ты был, говорил же через десять минут за мной зайдешь? — Почему-то в голове сразу всплыла Заира, похлопывающая Тимира по груди.

— Я и пришел, как обещал. — Я застыла от неожиданности. А он тихо, чтоб не слышал брат, продолжил. — Ты смеялась за дверью. Подумал, что ты играешь с Сафой, не хотел отвлекать.

— А он милый, — пропищала Сафа.

А я Тимира от души поблагодарила, все-таки время, проведенное мной перед зеркалом,

хоть и пролетело незаметно, но на мое настроение повлияло только с лучшей стороны.

28. Найты больные!

На выходе из телепорта нас встречали родители Тимира и Лиона. Они сухо поприветствовали Тимира, тепло улыбнулись Лиону. Не обошли вниманием и меня: представились, выслушали мое имя, как откровение свыше, выразили соболезнование и пригласили пройти в замок. Выйдя из порталной комнаты, я поняла, почему последовало такое приглашение. Комната с порталом находилась в саду. И сейчас на улице было темно, но не восхититься окружающей красотой было невозможно. Высокие деревья во всю свою немалую длину освещались магическими светлячками, магии не пожалели также на подсветку фонтана, больше напоминающего шедевр зодчества, и ледяных скульптур. Я застыла и с удивлением оглядывалась, старалась только рот раскрытым надолго не оставлять.

— Нет! Не сейчас! — Донесся до меня голос Тимира, и я посмотрела в его сторону. Он стоял в стороне от матери и Лиона, повернувшись к ним спиной. А леди Найт ласково провела рукой по щеке младшего сына и что-то ему сказала. Лион, улыбнувшись, прошел ближе к замку, куда уже вошел лорд Найт.

А я снова посмотрела на Тимира. Что могло вызвать у Тимира такие категоричные слова в первые минуты визита в родительский дом?

Его позвала леди Найт, но только после повторного более строгого упоминания своего имени Тимир подошел к матери. Он внимательно слушал, пока она говорила, только несколько раз оборачивался в сторону комнаты с порталом. Потом, кажется, леди Найт что-то у него спросила, а он отрицательно качал головой, и не один раз. Она продолжала настаивать, а он все не соглашался. По выражению ее лица, а стояли они не очень далеко и боком ко мне, я поняла, что она рассердилась, и сказала что-то, почти не раскрывая рта.

— После практики... договаривались..., шанс..., не хотел спешить..., — донеслись уже отрывочные фразы Тимира.

И леди Найт, размахнувшись, ударила его раскрытой ладонью по щеке. Левая щека загорелась даже у меня, а от хлесткого звука, кажется, зазвенело в ушах. Но Тимир, даже не шелохнувшись, продолжал пристально смотреть на мать. А она стала снова ему что-то говорить, и он слушал, уже не качая головой и никуда не оглядываясь, только, я заметила, что ладонь свою он сжал в кулак.

Когда мать застыла, молча, в ожидании впившись в него взглядом, Тимир закрыл рукой глаза и несколько раз провел по ним. Она довела его до слез? Хотя, по-моему, плакать уже можно было после звонкой затрепщины от леди Найт. Но что такое нужно было сказать сыну, чтобы довести двадцатисемилетнего мужчину до слез? Наконец, Тимир кивнул, и его мать довольно отвернулась. А Лион подошел к брату и, с немного покровительственным видом, похлопал его по плечу, и Тимир не стал отмахиваться от младшего брата. Хотя, я же знаю, его покровительства над собой не принимал даже ради шутки. Леди Найт приблизилась ко мне и с лучезарной улыбкой предложила опереться на свою руку. И вдвоем мы отправились к входной двери. Но я улучшила момент и оглянулась за спину, чтоб убедиться, что Тимир идет за нами. Он стоял в стороне и, захватив со скамейки пригоршню снега, обтер им лицо. Сердце у меня, уже который раз после выхода из портала, ощутило кольнуло.

В холле нас четверых дожидалась прислуга, чтоб забрать верхнюю одежду. Служанка

хотела унести и притихшую Сафу, но я ее не отдала.

— Леди Чарх, грызуну в гостиную нельзя, — с улыбкой сделала мне замечание леди Найт.

— Ладно. — Согласилась я. — Тогда, если можно, накройте мне не в гостиной. А если это тоже недопустимо, я посижу с Сафой в саду. Я, в принципе, и не голодна.

По выражению лица леди Найт я поняла, что пощечины мне бы не избежать, будь я ее дочерью. Но на словах она заметила, что за дахкилгом я, скорее всего, хорошо присматриваю, да и в Академии ветеринары свою работу знают, поэтому ничего страшного не произойдет от присутствия животного в гостиной.

В гостиной же, встав из-за стола, нас приветствовала вся семья Найтов и их гости. Сперва леди Найт назвала мое имя, представляя меня всем присутствующим, а потом по одельности начала знакомить с каждым присутствующим.

— Леди Сафира Чарх, наследница рода Чарх. — Вот так, и никаких уточнений, что я адептка Свободной Академии Магии, маг седьмой ступени, хорошист учебы. Видно, это информация в данном обществе важной не считалась.

Старшие братья были очень схожи с Лионом, только возрастом и отличались друг от друга. Их жены были тихими и незаметными. Сестра была очень похожа на Тимира, только губы слишком тонкие, и ямочки при холодной улыбке не появились. Она была вдовой. И еще мне представили одну особу пышных форм из очень богатой и знатной семьи Вэдр. Она была то ли кузиной Кона Вэдра, то ли невесткой, и даже чем-то его напоминала. Но после того, как леди Найт произнесла ее имя, и выразила надежду, что скоро сможет назвать ее своей дочкой, она заявила, по-хозяйски положив ладонь на локоть Тимира:

— Мы с четвертым лордом Найтом объявим о своей помолвке, как только он выполнит оговоренное условие.

Я застыла на месте, даже не слышала приглашения сесть за стол, пока Сафа незаметно не прикусила мне палец. Кто меня проводил до стола, кто отодвинул стул, как я на него села — все это не отпечаталось в моей памяти. Я только помню, что бросала взгляды на Тимира, а он сидел неподвижно, уставившись в свою тарелку. Его будущая невеста даже несколько раз подтолкнула его плечом, чтоб он подал ей что-то со стола.

— Мы все, конечно, сочувствуем вашему горю, но лично для вас смерть кузена большая удача. — Услышала я обращенные ко мне слова главы семьи. — Теперь вы завидная невеста, у вашего дяди значительно расширился список претендентов на вашу руку.

Я была настоль поражена новостью, что Тимир скоро женится, что даже не пыталась контролировать свой язык, который выстреливал все, еще до конца не обдуманное мозгом, фразы:

— Конечно, похоронить единственного дорогого кузена большая удача. И несомненное счастье, что дядя сейчас будет разбираться в куче старых, жадных охотников до моего наследства.

За столом наступила тишина, которую смехом разбавила леди Найт, и все, с ее лёгкой руки, решили, что я так своеобразно пошутила.

— Почему старых и жадных? — Спросил лорд Найт. — Наша семья также выразила лорду Чарх свое желание породниться с ним. — Я бросила вскользь взгляд на Тимира, он сидел, удивленно взирая на отца. — Думаю, вы с Лионом были бы прекрасной парой. — Закончил глава семьи.

— Лион? — Я была искренне удивлена. Он сейчас сидел по левую сторону от меня, и,

наверно, должен был за мной ухаживать. — Нет, мы не будем с ним парой.

— Почему? — Спросила его тонкогубая сестра. — Вашему дяде поступали более выгодные предложения?

— Мне Лион не нравится. — Заявила я.

Но прежде чем посыпались новые вопросы от сестры, в разговор вмешался сам Лион. И что я сразу заметила, мой отказ от возможной свадьбы его несколько не расстроил.

— К Сафире уже посватался Чмир Рват, он сам мне сказал. Но его семья надеется на свадьбу через год помолвки. От него же я слышал, что родители наших однокурсников Ромира Литса и Витора Науга, просят руки наследницы для своих старших сыновей. Отец Станисласа Лима хочет жениться сам. И там, говорят, еще около сотни страстно влюбленных. А если бы Сафира не сбежала в Академию, и дядя не угрожал оставить ее без наследства, охотников за ее сердцем было бы раз в пять больше. — И Лион с видом победителя важно откинулся на спинку стула. Я в восхищении от самой ситуации похлопала ресницами.

— Ну, конечно, зачем наследнице нужен Лион, когда такой выбор женихов, — заявила леди Вэрд, даже не подумав, что оскорбляет будущего деверя.

Я решила парня в обиду не давать, тем более жениться на мне он не собирался:

— Из всех кандидатов Лион мне нравится больше всех, — сказала я, вызвав улыбку леди Найт. — И Чмир тоже красивый. — Добавила я, вызвав уже смех Лиона. — Если лет через пять-шесть, они оба еще не будут женаты, обязательно выберу кого-нибудь из них.

Лион ржал под столом, нарушая все правила приличия. Все старшие лорды Найт застыли, с нескрываемым удивлением взирая на меня. Все женщины Найт, кажется, начали сомневаться в моей вменяемости. Леди Вэдр не могла скрыть злости. И только на Тимира я не могла заставить себя посмотреть. Через какое-то время тема моего возможного замужества была исчерпана, и внимание всех за столом на себя переключила леди Вэдр.

Оказалось, что ей тридцать пять лет, она вдова с двумя детьми. И семья Найт с огромным трудом, путем долгих уговоров и многочисленных подарков, уговорила ее стать женой своего третьего, дефектного сына.

— А сколько вашим детям лет? — Спросила я.

— Старшему сыну, Димитрию, уже пятнадцать, четвертый лорд Найт уже сможет готовить его к поступлению в Академию Магии. А младшему, Патрику, только десять, он еще сможет принять четвертого лорда Найта как друга и привязаться к нему.

И вся семья Тимира слушала ее с благосклонной улыбкой. Они ее одобряли! За весь ужин она ни разу не назвала будущего мужа по имени, рассматривала его только как репетитора и тренера для старшего сына и как верного друга для младшего ребенка. А семья Найт смотрела одобрительно на то, что Тимир женится на тетке значительно себя старше, у которой уже есть два взрослых сына. Да именно они и настаивают на этом браке. Со стороны Тимира даже симпатия не была заметна.

— А почему вы не называете жениха по имени? Каждый раз говорить «четвертый лорд Найт» немного... длинно. — Поинтересовалась я, всем остальным за столом это казалось нормальным.

— Потому что, — переложив себе на тарелку пару тушек перепелок, продолжила леди Вэдр, — «четвертый лорд Найт» пока еще мне не жених. И станет им только после обязательной процедуры очищения у целителя.

Мне даже стало плохо. Уж не на венерические ли болезни она намекает?

— Раньше «четвертый лорд Найт», — между тем продолжила многодетная мать, — боялся этой процедуры. Говорят, в некоторых, очень редких случаях, после осложнения, у мужчины вообще может пропасть естественное влечение к женщине. Но мы с леди Найт нашли очень опытного в этом вопросе целителя, и процедуру уже назначили на сегодняшнюю ночь. — Все это она говорила светским тоном, разделявая на тарелке переделку, но в конце, уставившись на Тимира, строго спросила. — Меня же не ввели в заблуждение повторно?

И я тоже посмотрела на Тимира, он сидел, поставив локоть на стол и закрыв ладонью верхнюю часть лица, и даже не смотрел в сторону будущей невесты. Даже если он из-за неразборчивости в связях получил нехорошую болезнь, унижать его за столом было жестоко. Здесь же его сестра, невестки, даже я, посторонний человек, гостья.

Он выглядел раздавленным, мне захотелось обнять его и поплакать с ним вместе. Даже если он сам виноват в своей болезни, сейчас он был достоин сочувствия, а не этого тона от будущей жены и объявления за столом, что ночью его ждет венеролог.

О каких дополнительных занятиях сегодня с Тимиром вообще может идти речь? Зря я сюда прибыла.

— Иди в уборную! — Не знаю, который раз крикнула мне это Сафа, но услышав вопль в голове, я вздрогнула. И Лион вопросительно посмотрел на меня.

— Мне в дамскую комнату, — прошептала я ему, и он кивком подозвал служанку, стоящую у стены. Вслед за ней я вышла из гостиной.

Уборная у Найтов была большой, здесь даже кушетка стояла, а на полу лежал ковер.

Я посадила Сафу на кушетку и прошептала:

— Ужас! Вот семейка.

— Бедный Тимир. — Дополнила за меня Сафа. — Ужасная семья. Будущая жена — гадюка эгоистичная. Процедуру она требует! Сама-то двоих детей родила, а от него требует процедуру!

— А что за процедура? — Почему-то я была уверена, что Сафа будет не на стороне Тимира. Но раз и она его жалеет, может я что-то не так поняла, и процедура очень опасная, а ему лучше лечиться долго, но с безвредными антибиотикам или местными зельями.

— Я слышала разговор леди Найт с Тимиром еще в саду. У меня же слух хороший. Она требует, чтоб сын прошел магическую процедуру очищения, чтоб у него не было детей. А это вмешательство очень вредное, Тимир вообще может потерять здоровье. Я не только о мужской силе говорю. Вообще, надо бы выяснить, не после ли такой процедуры леди Вэдр овдовела.

Я пыталась как-то сложить услышанное в голове. Значит, Тимир ничем не болен, его просто хотят магически стерилизовать в угоду будущей жене. А он пытался сопротивляться, тянул время до конца практики, а там и дипломные испытания. Может он вообще смог бы сбежать от семьи и такой невесты. А мать его ударила! Они все на него давят. Подбирают красивые слова, но губят родного человека.

— Ужас. — Сказала я вслух. — Как он вообще дожил до двадцати семи лет?

— С такой-то семьей? — Взгрустнула Сафа вместе со мной. — И теперь уже не кажется странным, что Тимир столько девушек ублажал, знал, что его ожидает.

— Получается, ловил момент. — Странно, но мою ревность и обиду как дождем смыло. Более того, я вспомнила, как Тимир жалел Сафу, когда узнал, что она принадлежит Академии. Он даже, рассказывая о контроле за размножением животных ветеринарами,

употребил слово "калечат". И с какой беспросветной тоской в глазах от тогда сидел...

Мы долго с Сафой просидели на удобной кушетке, возвращаться в этот зверинец никому из нас не хотелось. Когда же я с Сафой на руке, наконец, вышла из дамской комнаты, у дверей меня встречал Лион. Он стоял, прислонившись к противоположной стене, и притоптывал одной ногой.

— Вас все заждались, леди Чарх. — С чрезмерно низким поклоном, отлипнув от стены, сказал Лион. — Скоро подадут десерт.

— А твой брат, «четвертый лорд Найт», будет этот десерт есть? — Сделав шаг вперед, спросила я.

Он растерянно уставился на меня:

— При чем здесь Тимир?

— Знаешь, какая ему предстоит процедура? — Он кивнул. — Поддерживаешь ее проведение?

— Нет, конечно! Он же мой брат. — То, с какой быстротой он ответил на мой вопрос, не позволило усомниться в его искренности.

— А кто поддерживает? — Продолжила я допрос.

— Мама и леди Вэдр.

— А лорд Найт, ваш отец?

— Он против этого. Но боится, что дети у Тимира тоже будут вырожденками. Поэтому не мешает ее провести. И братья тоже против, но думают так же, как отец.

Все оказалось не так плохо, как мне виделось в начале. И немного обнадеженная этим выводом, я попросила Лиона открыть нам с Тимиром портал в Академию. Там до его брата уже не доберутся, а сам он точно сюда больше не придет. По крайней мере, пока не окончит Академию.

И Лион кивнул:

— Тимир в саду. Выходи сразу к нему, а твою пальто я вынесу позже.

И я в новой брючной форме вышла в зимний сад, где лежал снег, дул холодный ветер и, вообще, было очень холодно. Тимира я увидела сразу, он сидел на скамейке под ярко освещенным деревом.

При моем приближении, он вскочил и сразу скинул с себя пальто и накрыл им меня.

— Здесь холодно, войдем в дом. Зачем ты вышла без теплой одежды? — Слегка охрипшим голосом сказал он.

— Я с Сафой возвращаюсь в Академию. — Сказала я. — И ты возвращайся с нами.

— Я не могу пойти против семьи. — Ожидая ответил он.

— Если ты пройдешь эту процедуру, то станешь деградантом, таким, каким тебя все называют. Тогда я не буду проходить с тобой практику. Да, у меня будет наименьший балл, ничего, как-нибудь наверстаю. А тебя исключат из Академии. Так что выбирай: бросаешь сейчас все — остаешься здоровым и продолжаешь учебу. Покорно слушаешь леди Вэдр — теряешь здоровье, и вылетаешь из Академии.

И не дожидаясь его ответа, я направилась к порталной комнате. Хлопнула входная дверь замка и из нее выбежал Лион, он нес мою одежду и быстро догнал меня. В порталную комнату мы вошли уже втроем. Я в пальто Тимира, он с моей одеждой, взятой у Лиона, на руках. Я прижалась к нему спиной, и мы перенеслись в Академию.

Сразу, как мы вышли в коридоре Академии, я забрала у Тимира свою одежду и отпустила на пол Сафу, чтоб снять его пальто. Но Тимир не мог стоять, и завалился на

стену. Я пыталась его поддержать, но он закрывал рукой лицо и отворачивался:

— Прости. Я не могу тебя проводить. — Сдавленным голосом сказал он. — Иди к себе.

Я же, наоборот, хотела проводить его, потому что ему было очень плохо, как будто разом выкачали всю энергию, наверняка, сказалось напряжение. Оставлять его в коридоре я боялась и потянула за руку. Но он больше не смог стоять и сел на пол на одну согнутую ногу и прислонился к стене спиной. И сидел так, закрыв лицо одной рукой, а другой опирался на пол.

— Сафира, уходи. Не смотри на меня. — Почти прошептал он. И я встала, взяла Сафу на руки и отправилась на третий этаж. Унести Тимира на себе я все равно не смогла бы, но могла попросить дахкилга найти комнату адепта Рвата. И уже ему сказала, что Тимир сидит на четвертом этаже, возле порталной комнаты, что ему очень плохо и попросила позаботиться о друге. Я еще не успела договорить, как Чмир Рват побежал к лестнице. А мы с Сафой отправились на свой родной второй этаж, сегодняшний день оказался слишком длинным.

29. И снова утро!

Проснулась я рано утром, и чувство какого-то радостного предвкушения меня не покидало. Мне нравится ощущение беспричинного счастья. Когда не знаешь, что же тебя так окрыляет, и начинаешь перебирать все ближайшие события и, вдруг, понимаешь, что поводов для счастья у тебя великое множество.

Я жива, здорова, зеркало говорит, что еще и красавица. Я учусь в лучшей Академии Магии, у меня даже подруга есть, Сафа. Даже вспоминать о Тимире уже не было так больно. С семьей ему, конечно, не повезло. И в связях он неразборчив, с этим я смириться вряд ли смогу, видела уже, как измены, ревность и неуверенность в своей паре губят всю любовь и самоуважение женщины. Но, практику мы с Тимиров, обязательно, пройдем, я не буду ходить на занятия с ним, как на тяжелое испытание. Просто надо правильно определить свою цель, и у меня она стать сильнейшей магиней.

Я быстро, пока весь этаж спит, посетила уборную и приняла душ. А потом, смакуя каждое свое движение, надела свою новую форму и снова любовалась своим отражением. Спускаться в столовую еще было рано, и я решила собрать свою сумку перед занятиями. Сперва я вытряхнула все ее содержимое на кровать.

Сафа начала вопить:

— Нельзя так выкидывать вещи из сумки! Постель не заправила! Пижаму бросила на стол! Полотенце влажное на книгах! Расческа валяется на стуле, положи ее в коробочку. Потом снова будешь ее полчаса искать! Неряха! Разгильдяйка! Какая с тебя хозяйка получится?!

— Нормальная получится хозяйка, — отмахнулась я от Сафы. — Все перечисленное будет делать моя прислуга. А пока ее нет, — стоически закончила я, — так уж и быть, потерплю этот бардак.

Сафа застонала, а я продолжила изучать содержимое сумки. Тетради в ней были мои, и тетин конверт лежал на месте. Камешек и цепочка с кулоном, которые подарил Тимир, также нашлись в боковом кармашке. Ручки, карандаши, салфетки, фантики, корка хлеба...

— Разводит тут беспорядок, — начала я ворчать на Сафу, — побросала салфетки, крошки, сухарики.

— Это не я! — С жаром стала защищаться мышь. — Это ты забросила недоеденный бутерброд, завернув в салфетку, в сумку. И фантик тоже ты закинула, когда на «Развитии технологии производства артефактов» карамельку съела.

Память у дахкилга была хорошей, должное надо было ей отдать, но логика всегда была на моей стороне:

— Кто проводит в сумке много времени? — Спросила я Сафу. И за нее ответила. — Ты! Значит, моя сумка — твой дом, и за порядок в ней отвечаешь ты. А еще меня расческой попрекаешь, — я даже обиделась немного.

— Только бедный, несчастный неудачник... — я от начала ее речи даже замерла и стала с вниманием ждать продолжения, — проклятый с самого своего зачатия, ни разу не посетивший храм для очищения, пожизненно выплачивающий проценты банку, мучающийся изжогой и недержанием, чье имя выбито на могильном камне с самого рождения, — она продолжала говорить монотонным тоном, все больше меня удивляя, и резко выкрикнула, —

станет твоим избранником! Ты любого до истерики доведешь. От тебя муж в монастырь сбежит!

Я даже рассмеяться не смогла себе позволить, потому что схватила с кровати ручку и тетрадь и на ее оборотной стороне начала записывать, вспоминая и проговаривая шепотом, слова Сафы.

Полюбовавшись на мои действия, Сафа с настоящим рыком бросилась на меня. И я со смехом пыталась спастись от ее оскаленной мордочки, когда в дверь тихо постучали. Мышь разлеглась на кровать с видом невинной плюшевой игрушки, а я, все еще смеясь, распахнула дверь.

— Утра доброго. Играла с Сафой? — Тимир, как всегда, идеальный, стоял возле двери. Только легкая бледность выдавала, что вчера был не самый легкий день в его жизни.

— И тебе доброго утра. — Я отошла от двери, приглашая его войти. — Я еще не успела прибраться. — Сказала, когда он, оглядевшись, не смог найти себе места сесть. А Сафа фыркнула.

— Я рано пришел, боялся, что потом не смогу с тобой поговорить. — Дернув головой, сказал он. — Хотел поблагодарить тебя, я бы никогда не решился пойти против решения семьи.

— По-моему, ты часто идешь против решений семьи. — Заметила я. — В Академию вот поступил, архаровцем был, уже скоро закончишь седьмой курс.

— Учеба это другое. Здесь усердием можно стать лучше. А женитьба и дети... От меня там уже ничего не зависит. Я хотел только оттянуть эту процедуру. Все равно никто не захочет общего со мной ребенка. — Смотрел он в пол, а я жадным взглядом рассматривала его уложенные темно-каштановые с рыжинкой волосы, его руки, длинные пальцы. Так странно, когда любимый человек стоит рядом, только сделай один шаг вперед и уже окажешься в его объятиях, но при этом он недосыгаем, как птица в полете.

Он был абсолютно уверен в том, что говорил, и я не стала его утешать и разубеждать. Помнила, как он реагировал на мои слова, что мне нравится его улыбка, а мое предложение жениться на мне принял за злую шутку.

— В качестве благодарности, — продолжи он после короткой паузы, — позволь я оплачу твой заказ в ателье. Мне не сложно, деньги у меня есть.

— Соглашайся, и попроси, чтобы в комнате у тебя порядок навел, — съязвила с кровати Сафа.

От ее слов я улыбнулась, а Тимир улыбнулся мне в ответ, широко и радостно, и ямочки появились, даже солнце, кажется, сейчас поторопится осветить землю.

— Ты согласна? — Он ждал моего ответа.

— Я и сама могу оплатить заказ. Мне Мирт оставил деньги. — Сказала я. И улыбка его погасла. — Но я могу на них заказать вторую форму, а эту разрешаю оплатить тебе. — Если оплата моих покупок всегда будет вызывать такую улыбку у Тимира, я согласна полностью жить за его счет.

30. Кислота глототраза

Я сидела в аудитории и ждала Тимира. Сегодня мы должны были с ним разобрать средства защиты от насекомых в полевых условиях. Как я уже поняла, какими-нибудь заменителями химикатов здесь не обойдешься. На прошлом занятии Тимир объяснял, как правильно использовать артефакты, чтоб долго находиться под водой. Днем раньше, пришлось все наше время потратить на разъяснение мне особенностей плюсовых магпотоков в заклинаниях с низкой энергетической затратой. Я бы, наверно, с квантовой физикой быстрее разобралась! Не понимаю я этих потоков! Даже Сафа на меня лапкой махнула. А Тимир все еще надеялся на мой острый ум.

Часы показывали, что уже прошло три минуты с начала дополнительного занятия, а Тимир еще не пришел. Он никогда не опаздывал. Даже когда я входила в аудиторию ровно в назначенное время, он смотрел на часы и недовольно покачивал головой. Он считал, что на занятия нужно приходиться хотя бы на несколько минут раньше.

Ну, так и быть, сегодня я буду с недовольством смотреть на часы и покачивать головой. Пусть он почувствует, как мне бывает стыдно.

Но время я не тратила бестолку, а прочитала сегодняшние конспекты, выполнила задание по «Начертательной магии», немного помечтала. И тут раздался громкий звон, оповещающий о перерыве.

Я никогда не пропускала занятий, а руководитель мой пропустил сегодня. Уже планировала обидеться и не разговаривать с Тимиром, когда его увижу. Даже набросала в уме план, как буду сидеть и надутыми губками и смотреть в окно, а Тимир вымаливать мое прощение. Картина получилась замечательной.

Но в столовой я увидела настоящее столпотворение, там стояли адепты третьекурсники из других групп и что-то оживленно обсуждали. Не хотела интересоваться причиной этого хаоса, хотя было интересно, почему их так рано отпустили руководители. Обычно все семикурсники, как и Тимир, были строже с подопечными.

— Сафира, осталась ты без практики. — Заявила белобрысая адептка, заметив меня у стойки с салатами.

— Ничего, будет предлог бросить академию и выйти замуж. — Кривляясь, сказала другая.

— Сафира, может, попросишь ректора, и он переведет тебя в нашу группу? — Решил поддержать меня адепт, который находился в числе моих ухажеров.

Но я уже поняла, что произошло что-то с Тимиром, и направилась к выходу из столовой. И у самой двери столкнулась с пятью адептами седьмого курса. Тимира и Лиона среди них не было. Неужели их снова вызвали домой?

Нашла глазами Чмира Рвата и у него спросила, где братья Найт. Он попросил меня отойти в сторону, чтоб поговорить, а все остальные парни прошли к прилавкам.

— Самира, ничего страшного не произошло. — Успокаивающим тоном, до ужаса испугав меня, заговорил адепт Рват. — На последней паре глототраз чуть не обжег Лиона, а Тимир, стоявший ближе всех, успел брата оттолкнуть. И яичной кислотой обрызгало его.

— Кислотой? — Пропадающим от ужаса голосом повторила я.

— Яичной. — Уточнил Чмир Рват. — Тимир ходит пару дней в повязке и сможет

вернуться ко всем занятиям. Он даже у целителей оставаться не захотел.

Я немного успокоилась и задала последний вопрос:

— А где он?

— В своей комнате, конечно. — Как о чем-то очевидном сказал Чмир. — И Лион с ним.

Поблагодарив его, я побежала к комнате Тимира, но недалеко от его двери я замедлила ход, чтоб восстановить дыхание. Влетать к Тимиру, еле переводя дыхание, наверно, не лучшая идея. Хорошо хоть Сафа не сидела в сумке, уже возмущалась бы, что я ее слишком сильно трясу.

Я встала возле двери, и глубоко вдохнув, медленно выдохнула и постучала в дверь. Дверь распахнулась от нажатия по ней. Я позвала Тимира, а потом, не дождавсь его ответа, вошла в его комнату. Там было пусто, но что меня по-настоящему испугало, кровать была помята, на столе валялся пиджак Тимира, дверца шкафа была распахнута, и на одной полке не было обычного идеального порядка. Это как сильно должен был обжечься Тимир, чтоб допустить такой беспорядок в своей комнате? И где он и Лион сейчас?

Я вышла из комнаты и оглянулась в разные стороны. С дальнего тупикового конца коридора шли адепки. Скорее всего, были они с четвертого курса. Когда девушки поровнялись со мной, я спросила, не видели ли они здесь братьев Найт.

— В душевой, кажется. — Ответила одна.

И я отправилась в ту сторону, откуда шли адепки. Возле двери уборных пришлось остановиться и подождать. Хотя общежитие здесь и не были отдельными для девочек и мальчиков, но помещения гигиены были отдельными. Я долго простояла возле двери и с нетерпением ждала пока хоть кто-то из Найтов выйдет, я бы убедилась, что с Тимиром все нормально и вернулась в столовую.

Дверь медленно распахнулась только через минут двадцать, и в коридор осторожно, ощупью знакомясь с направлением, вышел Тимир:

— Лион? — Позвал он брата. А я, застыв на месте, смотрела на него. Без пиджака, в мокрой рубашке, с забинтованной до локтя правой рукой и ... перевязанными глазами. Адепт Рват не говорил, что Тимиру обожгло глаза, он сказал, что «ничего страшного» не произошло, и что через несколько дней его друг сможет вернуться к занятиям.

— Лион, ты где? — Уже намного тише, почти шепотом позвал Тимир брата еще раз. И не дождавсь ответа, медленно вдоль стены двинулся в сторону своей комнаты. Я не могла себя заставить подойти к нему, в данный момент мне самой нужна была помощь. А Тимир остановился и прижался к стене спиной:

— Здесь кто-то есть. — Уверенно сказал он. И снова тихо спросил. — Заира? Лион, хватит шутить. Мне уже не смешно.

И хоть за имя этой Заиры, я готова была еще и от себя добавить Тимиру, но я пошла к нему.

— Это я, Тимир. — Громко предупредила его о своем приближении.

— Сафира, а что ты здесь делаешь? — Повернул он голову на мой голос.

— Пришла разбираться. Ты занятие пропустил. Почему у тебя глаза перевязаны?

Он здоровой рукой погладил повязку на лице. Она закрывала волосы, лоб, глаза и доходила до самого кончика носа.

— А, это? Выглядит, наверно, страшно. Но ничего опасного. Через четыре дня повязку снимут, пока только нужно защищаться от света.

— Чмир сказал, тебя кислотой обрызгало. — Встав рядом, тихо спросила я Тимира.

— Яичной. Она же только при взаимодействии со светом разъедает... Было бы хуже, если глототраз меня покусал. — И мы мило беседовали о укусах глототраза, пока шли к нужной комнате.

Войдя внутрь, я заметила Тимиру, что дверь не была заперта. И он забеспокоился.

— Сафира, пожалуйста, проверь самую нижнюю полку шкафа, ближе к стенке. — Я запустила руку за стопку книг и нашла за ними несколько коробок, небольших, но тяжелых. По просьбе Тимира я вытащила их и подняла плотно накрытые крышки. Коробки были наполнены цепями, ключами, кольцами, странными фигурками.

— Это артефакты. Я на практику собираю. — Пояснил Тимир, ощупав содержимое. — Сейчас, у меня в комнате будет много посетителей, и дверь придется держать открытой всегда. Может, спрячешь эти коробки в своей комнате, там надежнее будет. — Конечно, я согласилась.

Через пару минут он сказал, что сейчас я могу уходить, а он ляжет отдыхать.

— А рубашку сменить? Ты же мокрый. Когда ты сегодня ел? А целитель тебе ничего не прописал? А кто тебе поможет лечь? — Вопросы мои сыпались, как критика от Сафы.

И на все у него был один ответ — скоро должен прийти Лион, он во всем поможет.

Я на Лиона надеяться не стала. Сама нашла в шкафу чистую сухую рубашку для Тимира, но переодеть он себя не позволил, сказал что сам справится. Покрывало с кровати я сняла и, быстро свернув валиком, отбросила в сторону. Тимир даже проводил его полет движением головы. Как будто видел мое пренебрежительное отношение к его порядку, но ничего не сказал.

А потом я собрала коробки в свою сумку и направилась к двери, пообещав, что вернусь с едой из столовой.

На второй этаж я бежала, адепты только успевали разбежаться в разные стороны.

— Сафа, — крикнула я в своей комнате, — куда мне спрятать артефакты Тимира? — И пока мы прятали все под кроватью, я рассказала ей обо всем, что случилось. Она тоже меня обнадежила.

— Глототраз выпускает изо рта яичную кислоту. Смыть ее полностью невозможно. Но действует она только под светом. Любым. Поэтому обрызганную часть нужно просто закрыть или перевязать. Через девяносто шесть часов кислота теряет свою активность. Но, обычно повязку носят сто часов, чтоб перестраховаться. А то, что глототраз кусает, он сразу отрывает и глотает. Так что Тимиру и вправду повезло.

— Повезло брату Тимира. — Сказала я и понеслась на первый этаж, в столовую, Тимира нужно было накормить.

В столовой уже ничего интересного не оставалось. Только грибной суп и салаты, тоже грибные, а Тимир грибы не любил. Ел, конечно, он вообще был неприхотливый. Но я заметила, что он старался никогда не брать еды с грибами в столовой, если на прилавке было хоть что-нибудь другое.

31. Совет Ясаман

Я, набравшись наглости, позвала Ясаман, и попросила у нее что-нибудь без грибов для Тимира. Она удивилась, ведь сама очень грибы любила, но провела меня в закрытое для посторонних помещение, усадила за столик у стены и предложила нагреть для Тимира чечевичный суп-пюре.

— Слышала, что с нашим мальчиком произошла беда. Надо его побаловать. — Сказала Ясаман.

— Спасибо.

— Не за что. Тимир мне нравится, душа у него широкая. Мы с Яном раньше часто его звали на кухне помогать. У нас раньше никто работать не хотел, мы же чужаки здесь. Тогда ректор эти отработки и придумал. Но адепты посуду били. Нечаянно. Мыли ее грязно или слишком долго. А с наёмными рабочими на ночную смену всегда сложно было. А Тимир мыл так, будто его чистые тарелки во время парада перед Советом Магов и Главой Принципата пронесут. — Мы улыбнулись друг другу, представив такой парад. — И быстро мыл. В общем, мы его на каникулы нанимали работать за оплату, а всем работникам отпуск давали, все равно в это время тут адептов мало.

— А Тимир на каникулы домой не уезжал? — А подумала, что я бы тоже в такой дом возвращаться не захотела.

— Он три года даже нос из Академии не высовывал. Боялся, что больше из своего семейного склепа не вырвется. А потом с семьей примерился. — Ясаман сняла с плиты кастрюлю. Присела напротив меня на стул и серьезно сказала. — Сафира, ты умная девочка. А сейчас еще и наследница. Ты же понимаешь, сколько не достойных мужчин сейчас мечтают стать хозяевами твоего богатства.

Я кивнула ей, чтоб просто послушать продолжение речи. Хотя и права она, конечно, была.

— Выходи замуж за Тимира Найта. Лучше и заботливее мужа ты не найдешь. — Я хотела спросить, как же его заставить на мне жениться. Но Ясаман накрыла мою руку своей зеленой ладонью, чтоб я ее не перебивала, и быстро продолжила. — Не смотри, что он такой маленький, росточком не вышел. По вашим законам это, конечно, большая проблема. Но сила же не в теле, а в духе.

Я снова согласно кивнула.

— И ты ему очень нравишься. Я видела, какие он на тебя взгляды бросает, как мой Ян на меня. И еду тебе как собирал, тоже помню. И дахкилга твоего ласкает. С братом своим и однокурсниками спорил, тоже из-за тебя. Тимир тебя любит, я вижу это. И ты его сможешь полюбить.

— Да я и так его люблю! — Возмутилась я. — Но он встречается со всеми подряд! И жениться на одной жирной тетке собирается!

— Ух, какой темперамент! — Восхитилась Ясаман. — То, что встречается с девками, не страшно, отвадишь всех с легкостью. С женитьбой этой ...сложнее будет. Главное, не позволяй ему заключать помолвку, у жениха уже обязательства перед невестой. Не нужны они ему.

— Ладно. — Согласилась я с Ясаман. — С этим я как-нибудь справлюсь. Но с самим

Тимиром что мне делать, я уже просила жениться на мне, а он подумал, что я шучу.

— Ух, огонь-девочка. — Даже присвистнула она. — Раз ты настроена так серьезно, расскажу тебе свою историю. Там, где мы жили с Яном, мужчина должен быть темно-зеленого цвета. Цвет- это показатель мощи. А Ян хоть и хорош, но цветом не вышел, как твой Тимир ростом. Я тоже ему предложение делала, а он в отказ. Считал себя недостойным такой красавицы, как я. И тогда я его соблазнила. И нас, конечно, поженили. Но пришлось уезжать из родных мест. А я не жалею. Мне без Яна и весь мир не нужен.

— А как Тимира соблазнить? — Я представила его закрывающим руками глаза, отворачивающим от меня лицо. И его постоянное «это неприлично».

— Да мужчину соблазнить самое простое. — Взмахнула Ясаман руками. — Сядь рядышком, прижмись, вздохни глубоко, чтоб грудь ...ух! — Она подняла сжатые кулаки перед собой, и кивнула мне. — Ну, ты поняла! А дальше мужчина сам все делает, захочешь — не отобьешься.

Детали будущего соблазнения Тимира Ясаман смаковала, уже наполняя мне поднос с ужином.

— Так. Суп-пюре из чечевицы — Тимир его любит. Мясной рулет и сладкий пирог — их все любят. Сок и кофе — наш мальчик его даже ночью пьет. А вот салат я ему положила с грибами. — Только я хотела попросить его заменить на любой другой, как Ясаман крикнула. — Не возмущайся! А слушай. После того, как перед ним салат поставишь, уточни, любит ли он грибы. Он скажет, что их не любит, тогда ты их будешь есть из его тарелки. Это очень сближает.

Я в истинности ее слов сомневалась, но спросила о другом:

— А если Тимир, чтоб не обидеть меня, скажет, что грибы ему нравятся. И поест их через силу. Что тогда делать?

Ясаман застыла, вылупив глаза. После долгой паузы она сказала:

— Да, Тимир, конечно, может и на такой подвиг нарваться. — И бодро продолжила. — Тогда ты внимательно смотришь, как он ест. И стоит ему только поморщиться от вкуса гриба, говоришь, что ты грибы очень любишь и ешь их из его тарелки. Это не может не сработать.

Я шла к Тимиру с полным подносом вкуснейшей аппетитной еды, и чувствовала, что моя победа близко. Тимир не сможет устоять.

32. Никакой помолвки!

Я радостно подошла к комнате Тимира, и аккуратно, чтоб не опрокинуть поднос, распахнула дверь.

Тимир сидел все на том же месте за столом, где я его и оставила. Спиной к двери. В темноте. Один.

— Лион? Где ты был? — Повернув голову налево, спросил он.

Мне стало обидно за Тимира, он сидел тут в одиночестве, раненый и голодный, и ждал брата. Мне-то он сказал, что во всем ему поможет именно Лион.

— Не угадал! Осталось две попытки. Если угадаешь, кто держит поднос с едой, получишь мясной рулет. — Весело сказала я. И Тимир рассмеялся:

— Ну, глототраз поднос вряд ли принес бы, — медленно сказал он.

Сейчас рассмеялась я и прошла ближе к столу, за которым сидел Тимир.

— Сафира, тебе не надо было это делать. Ты не обязана тратить на меня личное время. — Говорил Тимир, пока я расставляла перед ним тарелки. — Я бы Лиона послал.

— И он принес бы тебе грибной суп. — Тимир скривил губы. — А я у Ясаман выпросила чечевичный суп, мясной рулет и пирог с творогом. Но салат только грибной был.

— Спасибо. — Тихо сказал Тимир. Но про грибы ничего не добавил. Я вложила в его левую руку ложку, чтоб он приступил к супу.

Когда он с аппетитом начал уминать суп я вспомнила, что тоже не ела, и сейчас очень голодная.

— Тимир.

Он поднял на меня лицо, еще не успев проглотить последнюю ложку супа.

— Тимир, а ты грибы совсем не любишь? — Я ждала ответа, после которого могла бы со спокойной совестью взять вилку и поесть нелюбимые Тимиром грибы. А он, с шумом проглотив очередную ложку супа, ответил:

— Они скользкие. Я больше мясо люблю.

— А, с мясом у тебя рулет. — Он снова поблагодарил меня и продолжил есть.

А у меня уже началось обильное слюноотделение. Я сглатывала каждый раз, как Тимир подносил к своему рту ложку.

— Тимир. — Он прикрыл рот перевязанной рукой. — А ты что больше любишь: салат с грибами или пирог с творогом? — И я застыла, заметив, что Тимир, заливаясь смехом, отодвигается от стола.

В первый момент я подумала, что у него истерика. Стресс от нападения глототраза, боль, необходимость четыре дня ходить в повязке на глазах, срыв наших занятий — поводов для истерики достаточно. Но Тимир просто веселился, смеялся он, оказывается, надо мной.

— Ты тоже голодная. — В перерыве между приступами смеха сказал он. — Я сразу понял. Интересно было, что ты придумаешь, чтоб у меня салат отнять. — Обижаться я не стала, тем более салат уже спокойно можно было весь забирать себе. И Тимир для меня еще и пирог, и сок не пожалел.

Мне пришлось есть сидя на кровати, поставив тарелку себе на колени:

— Надо будет и в эту комнату второй стул принести, чтоб мы могли здесь заниматься. — Как само собой разумеющееся сказала я, просто молчание у нас затянулось. А

Тимир удивился, что я не против проводить в его комнате много времени.

— Ты же в моей комнате проводил свое время. — Удивилась я в ответ. Он в этом момент пытался надкусить пирог с мясом и часть начинки из пирога выпала на стол. Тимир дернулся и попытался закрыть свой заляпанный сочной начинкой подбородок. Но я была быстрее. Вскочив с кровати, я своей салфеткой обтерла его губы и подбородок и убрала размазанную начинку со стола.

— Вот, никаких следов не осталось. И пол тоже чистый, ничего не упало, — заметила я, чтоб он не переживал.

— Спасибо. Я не привык так... — Смутившись, сказал Тимир.

— Есть левой рукой? — Правая же у него была перевязана.

А он покачал головой:

— Я не привык, чтоб за мной ухаживали. — Захотелось, который уже раз, обнять его и прижать к себе. Но я просто бодро сказала:

— Привыкай. Следующие четыре дня я буду заботиться о тебе.

Он, наверняка, что-нибудь ответил бы, но дверь открылась, и стоял на пороге довольный Лион. Пока брата не заметил Тимир, я вытолкнула его из комнаты. И, сказав Тимиру, что быстро вернусь, вышла вслед за младшим Найтом в коридор. Отпихнула его подпальше от двери, чтоб Тимир меня не слышал и начала с крика:

— Ты где был? — Накинулась я на Лиона. — Ты бросил беспомощного брата одного.

— Меня к ректору вызвали. — Растерянно ответил он.

— Какому ректору?! — Остановить меня сейчас не смог бы и плототраз. — Твой брат ничего не видит. Он был голодный. Не знал, как дойти до своей комнаты. Да он бы все это время в мокрой рубашке просидел, дожидаясь тебя...

— Тимир не ребенок. Он справился. — И такая злость меня пробрала до самого позвоночника, что я уже себя не сдерживала:

— И ты не ребенок! Но Тимир тебя спас. Не ты сам справился. Это ты должен был сейчас сидеть в повязке в своей комнате. А Тимир бы тебя не бросил. Зачем такой брат, как ты, вообще, нужен?

Лицом Лион сник, он оправдываясь сказал:

— Я не специально. Нас с Тимиром к ректору вызывали. Там порталом мама с леди Вэдр прибыли. Я вообще за Тимира перед ними отдувался. — Уже недовольно заявил Лион.

— Бедненький, несчастный, — съязвила в ответ, — с мамой он общался, а не незрячим сидел в одиночестве. Тебя, наверно, мучили? Чаем поили, по голове гладили?

Лион, взмахнув руками, отшатнулся от меня и сделал несколько шагов назад:

— Что ты за язва? Никогда на тебе не женюсь! — В сердцах выкрикнул он. И тише добавил. — Я забыл, что Тимир не может видеть. Как вспомнил, прибежал, и ему надо послание передать от мамы. Пропустишь к брату? — С уморительным выражением лица спросил под конец. — Кислотой не обрызгаешь?

Если бы у меня была возможность, и я его могла побить, мне, точно, бы стало легче. Но выплеснуть злость возможности у меня не было. Как оказалось позже, мне это только помогло.

Мы с Лионом вместе вошли в комнату. Тимир уже пересел на кровать. Посуда стояла собранной на подносе. Он даже прикрыл ее салфеткой.

— Это я, Тимир. — Первым сказал Лион. — Меня к ректору вызывали.

— Зачем? — Меня тоже это интересовало.

— Хорошие новости. Там мама прибыла с леди Вэдр. Эта леди согласна заключить помолвку сейчас, а ту процедуру у целителя перенести на лето. Они сейчас нас ждут. Ректор согласен стать свидетелем помолвки. — Тимир, покачнувшись, встал.

У меня же не было возможности побить Лиона, и, поэтому, я все еще была очень злая. И помнила слова Ясаман про помолвку, что жених уже имеет обязательства перед невестой. Я с нескрываемой злостью посмотрела на Лиона, он даже сделал шаг в сторону Тимира:

— Хорошие новости, значит? Женихом стать не терпится, Тимир? — Он и так выглядел подавленным, а еще я ему добавила. — Я ради практики стольким женихам завидным отказываю, с дядей поссорилась! А ты вприпрыжку к будущей «четвертой леди Найт» спешишь! Никакой помолвки до конца практики! Ни твоей, ни моей!

— Но так нельзя. — Подал голос Лион. — Они же ждут нас у ректора.

— Сколько времени эта «недопомолвка» длится? — Спросила я Лиона. — Год? Два?

— Шесть лет. — Ответил Тимир.

А я удивилась: это столько-то лет он от семьи и леди Вэдр отбивается. Даже злость прошла. Но продолжить тем же категоричным тоном я смогла:

— Шесть лет они ждали? До конца практики тоже подождут! Найты, повторяю, никакой помолвки!

Я вышла из комнаты, от души хлопнув дверью. И шла по коридору, улыбаясь. Злость у меня прошла. Тимира накормила. С помолвкой вопрос решила. И хоть сейчас соблазнить парня моей мечты я не смогла, но время до конца практики выиграла. А это уже кое-что. Спасибо Ясаман за своевременный совет.

33. К ректору!

Обычные, скучные будни, оказывается, могут стать недостижимым счастьем. В последнее время каждый мой день в Академии был праздником. Я нравилась всем, мальчики хотели за мной ухаживать, девочки мечтали о такой подруге, как я. У меня в комнате уже накопились запасы шоколадных фигурок, карамелек, печений в ручной упаковке, было даже несколько бутылок с вином. Пытались меня ухагеры напоить, но я помнила про Кона Вэдра, тату, все еще бледной полосой украшающее мой лоб, забыть о Сафиной ошибке не позволяло.

Мне очень нравилась местная мораль в одном вопросе, принятый подарок ни к чему меня не обязывал. Я с одинаковой легкостью имела право принять хоть конфетку, хоть замок. Но замков мне никто не предлагал. Для дарителя было оскорблением, если его подношение по какой-либо причине не принималось. Поэтому подарки делали тому, кто точно его примет, или подарок должен был быть таким, чтоб от него невозможно было отказаться. После объяснений Сафы, я поняла, почему Тимир так нервничал, когда я не сразу приняла его предложения оплатить мою форму. А цепочку и артефакт с краской, вообще, сам вложил мне в руку и сбежал.

В общем, я ни капельки не жалела, что решила продолжить учебу. Мне и без рода было хорошо. Хотя, ради справедливости, стоит отметить, если бы дядя и вправду от меня отказался и лишил наследства, ухагеров у меня заметно поубавилось.

Мы сидели в столовой за одним столиком, я, Тимир, Лион и Чмир Рват. В последние дни это стало у нас традицией. Лион и Чмир отсекали от меня ухагеров, всегда развлекали, провожали по очереди в пункты назначения, дарили недорогие подарки, которые я всегда принимала с большой радостью. А иногда и намекала, чем я разрешаю меня побаловать в следующий раз. С ними было весело.

За Тимиром же пыталась ухаживать я, с повязкой на глазах он нуждался в уходе. Мы много времени проводила, занимаясь магией. Я могла любую не понятую мной тему разобрать с ним, мы вместе выполняли индивидуальные занятия и часами пропадали в библиотеке, он проводил со мной дополнительные часы по физической подготовке. После обязательных пар все это было не легко, но с другой стороны, у меня был индивидуальный репетитор по всем дисциплинам, жаловаться на такой подарок судьбы не стоило. Даже повязка на глазах не мешала Тимиру учиться и обучать меня. До четырех часов дня за Тимира отвечал Лион, сопровождал на занятия и в другие места, помогал привести себя в порядок, одеться и поесть. После четырех часов, Тимир принадлежал мне, хоть попытки соблазнить его и провалились. Но до самой ночи мы были вместе: занимались магией, спорили, смеялись...

— Адептка Чарх! — Раздался возле нашего столика звонкий голосок. — К ректору Срочно. — И первокурсник, на которого уже замахнулись несколько рук, сбежал.

— Что могло случиться на этот раз? — Спросил у потолка столовой Лион.

К ректору нас вызывали слишком часто. Каждый раз, когда порталную комнату пересекали родители Найтов, леди Вэрд, будущая невеста «четвертого лорда Найт», мой дядя, десяток моих потенциальных женихов.

Тимир остался в столовой с братом и Чмиром, а я поднялась к ректору, войти меня

пригласили сразу, я даже минуты за дверью не поскучала.

— Дня доброго, — приветствовала я ректора и его гостя. Лицо у гостя было до боли знакомое.

— Адептка Сафира, позвольте вам представить Матиаса Мартазана, маг восьмой ступени, артефактор. — И я сразу поняла, на кого похож гость ректора. На ректора и похож!

После обычных в таком случае слов, а стала ждать разъяснения от главы Академии Магии.

— Матиас мой сын, работает он в Министерстве, — от уточнения ректора мне ничего понятнее не стало. Как близкие родственники они были очень похожи, только Матиас был чуть выше отца и намного его полнее. Носил длинные волосы не собранными в высокий хвост, а распущенными, и выглядел от этого еще более внушительным. Только зачем было нас знакомить?

— Леди Чарх, позвольте пригласить вас на прогулку в город. Уже неделя, как приехал знаменитый зооцирк, давно хотел посмотреть на их зверюг, и прикупить что-нибудь. — Обратился ко мне уже Матиас Мартазан.

— Раньше у вас подходящей компании не было? — Удивила я его вопросом. Но в уме я уже представляла себя бегущей в свою комнату за верхней одеждой. Я за почти два месяца жизни в этом мире ни разу не покидала пределов Академии, порталные переброски не считаются.

Если за мной с хлопком не закрывается парадная дверь, я не считаю, что куда-то ходила. И вообще, я хотела цирк посетить и по городу погулять, и просто увидеть здание Академии Магии со стороны. А то я только и знаю о своей Академии, что этажей, вместе с подвальным, в ней всего шесть и что коридоры тут длинные и извилистые...

— Леди Чарх, — подозрительно долго обдумав ответ на мой вопрос, сказал сын ректора, — я даже не знаю, как правильно ответить вам, чтоб вы согласились на совместную прогулку. — И рассмеялся раскатисто и заразительно. Ректор Мартазан попытался сгладить поведение сына, Матиас — то свой приступ смеха побороть и не старался.

— Матиас больше времени проводит в артефакторских мастерских, у него не большой опыт общения с девушками. — А мне сын ректора понравился своей непосредственностью и искренностью. Он, как и Тимир, не соответствовал местным стандартам внешности и воспитания.

— Мне нужно сбегать за пальто. — Быстро сказала я Матиасу. Он, резко успокоившись, икнул. — И, если можно, — попросила я его, — сходим в банк, мне нужно снять деньги со счета.

Матиас ответил мне низким поклоном.

Я же у самой двери вспомнила про лекции, у меня по расписанию еще должно было быть две пары. И про занятие с Тимиром забывать не стоило.

— От двух пар я вас освобождаю, темы пройдете самостоятельно. А с адептом Найтом договоритесь сами. Матиас будет ждать вас у лестницы первого этажа через полчаса. — Вернувшись на свое место, вкрадчивым тоном проговорил ректор.

Я поспешила в свою комнату. Надевая и застегивая пальто, рассказала Сафе о предстоящей прогулке:

— Прогулка или свидание? — Только уточнила дотошная дахкилг.

Я только отмахнулась.

— А что с артефактами делать? Может, отнесешь их Тимиру, не стоит их надолго

оставлять в комнате. — Если я правильно поняла Сафу, она собиралась со мной на свидание или прогулку. А артефакты, за которые так переживал Тимир, не стоило надолго оставлять без присмотра. Дверь-то можно открыть при большом желании.

— Тимир сейчас в столовой, пока я его позову на третий этаж, поставлю коробки — много времени пройдет. А опаздывать некрасиво. — Стала я думать вслух.

— Ну, давай тогда, перепрячем их в тайное место, я знаю одно такое. — Нашла выход Сафа. — И я понесла три коробки вместе с самой Сафой в ее тайное место. Оказалось оно в вентиляционной шахте. Только пришлось повозиться, укладывая коробки в узкий канал вентиляции почти под самым потолком в женской душевой комнате. Я взобралась на подоконник и передавала коробки Сафе, а она их аккуратно укладывала внутри. Потом мы задвинули решетку и довольные проделанной работой вернулись в комнату, чтоб я смогла забрать бумаги для банка и, наконец, мы направились к лестнице.

Матиас сидел на последней ступени и выглядел очень уставшим.

— Леди Чарх, мы же не на бал собираемся. — Заметил он.

— Он намекает, что ты опоздала. — разъяснила его слова Сафа. — Надолго.

Я уже давно пропускаю критику Сафы мимо ушей, зачем в себе комплексы растить? Поэтому смущенно ответила Матиасу:

— Спасибо. Это вы на мою прическу намекаете. Я старалась, выглядеть идеально. — И пока он, встав, галантно мне кланялся, попросила его немного меня подождать. Мне еще нужно было Тимира предупредить, что я сегодняшнее занятие пропущу. Глубокий выдох Матиаса я оставила без внимания.

34. Прогулка или свидание?

Здание Академии Магии было величественным, громадным, каменным шедевром местной архитектуры. Светло — серого цвета, с башенками и балконами. Оно было самым внушительным строением в городе.

Но любоваться им мне долго не позволили. Матиас Мартазан торопился скорее закончить с моими делами в банке. Обслуживание клиентов здесь мне очень понравилось. Как только я сказала дежурному у входа в бледно-желтое двухэтажное здание, по какому вопросу я пришла, он вызвал для меня сопровождающего, который провел меня по нескольким кабинетам. И я получила на руки заранее оговоренную с Сафой сумму. Никаких очередей, долгих заполнений бланков, мороки с дополнительными услугами банка. Когда я вышла с увесистым мешочком с монетами в сумке, даже Матиас не успел еще устало усесться на ступени. И мы, каждый по-своему довольные коротким ожиданием, направились в цирк.

Местный зооцирк не был привычной мне с Земли ареной для зрелищ. Он представлял собой скорее выставочную площадку для диковинок. Я с глазами, принявшими форму блюдца, ходила между клеток разных размеров и любовалась странными животными, сидящими в них. Большие и маленькие пушистые создания разнообразных расцветок и размеров вызывали только умиление. Но трогать их я не спешила, очень уж специфическими были их описания. А возле огромной зубастой рептилии, формой головы напоминающей лягушку, а величиной зубов — дракона, я застыла надолго.

— Глототраз. — Сказал стоящий рядом Матиас.

— Ужас. — И это чудовище обрызгало своей кислотной слюной Тимира? Ну, действительно, стоило радоваться, что хоть не покусала.

— У нее очень полезная слюна, разъедает все. Полезное свойство в артефакторике и в любых опасных предприятиях. Преступники и архаровцы ее применяют, чтоб бесшумно взламывать замки. А самое главное, обезвредить слюну глототраза легко, просто закрыть к обмазанному месту доступ света.

А я подумала, что такая полезная кислота может нам с Тимиром пригодиться на практике. Главное, чтоб применял он ее аккуратно.

— А купить ее можно? — Спросила я Матиаса.

— Конечно, это же зооцирк. — И он ушел делать заказ на закупку слюны глототраза.

Дальше мы с Матиасом получали удовольствие, любуясь работой дрессировщиков. Шесть мужчин в кожаных одеждах бегали по застекленному загону, куда выпустили глототраза, и убегали от его выплювок. Монстр плевался метко, троих мужчин пришлось накрывать кожаными покрывалами и выносить с арены боевых действий. Их заменили другие герои. На оплаченное Матиасом шоу сбежались почти все посетители зооцирка. Через полчаса активных прыжков, кувырков и беговых упражнений дрессировщиков, глототраз выдохся и обиженно свернулся в клубок в центре загона и закрыл глаза. А уцелевшие дрессировщики начали собирать в бутылки со стенок загона яичную кислоту.

Матиасу вручили четыре бутылки, и одну из них он протянул мне. Я не стала отказываться от такого подарка.

После нескольких часов, проведенных в зооцирке, мы отправились на ярмарку, где я

накупила разных сладостей и набила ими сумку. Даже Сафа заволновалась, что осталась без уютного убежища.

А потом Матиас пригласил меня в ресторан. Мне даже показалось, что если я откажусь от приглашения, он бросит меня на дороге и пойдет утолять свой голод в гордом одиночестве. Шутка ли для мужчины его габаритов столько времени находиться на ногах и ничего не закладывать за щеки.

Матиас сам сделал для нас заказ и, пока мы его ожидали, нервно смотрел в окно. Мы заняли места в индивидуальной кабинке и сидели на скамейках напротив друг друга за большим овальным столом.

Настроение моего спутника начало заметно повышаться, когда официантка принялась накрывать на стол. Различные вкусности почти закрыли всю поверхность столешницы. В самый неподходящий момент я вспомнила Тимира. Как он поморщился от одного упоминания грибного супа, и смеялся над моими попытками отнять у него салат.

Минут двадцать в кабинке раздавались только чавканье, чмоканье, хлюпанье и довольное хмыканье моего спутника. Сама я ем очень тихо, совсем бесшумно.

— Наверно, вам интересно, зачем я пригласил вас на свидание? — Неожиданно спросил Матиас.

Вот Сафа, грызущая сыр на скамейке рядом со мной, и получила ответ на свой вопрос, про то, куда я собралась пойти: на прогулка или на свидание.

— А зачем вы меня пригласили? — Ответила я вопросом на вопрос.

— Вы очень красивая девушка. — Начало меня насторожило. — Из знатной семьи, наследница. Отец хочет, чтоб я женился на вас.

— А вы не хотите? — Закономерно спросила я.

— Нет. — После уверенного ответа он, наверно, чтоб я не расстроилась, пояснил. — Вы-то мне нравитесь. И, если бы я собирался жениться, выбрал бы именно вас. Но мне пока рано ограничивать себя одной женщиной. Простите меня за откровенность. — И, доев огромный кусок фаршированного перца, он продолжил. — Изменять матери своих детей я считаю низким. Поэтому я оттягиваю со свадьбой и наслаждаюсь полноценной жизнью, пока могу это делать.

Похвально, конечно. И искренность его меня покорила.

— Но проблема в том, что отец требует внуков. — С беспокойством во взгляде сказал он.

— Да, это, конечно, проблема. — Я ему посочувствовала. Каких только проблем у людей не бывает. У Тимира одни проблемы, у Матиаса Мартазана другие.

— Папа сам посватал мне вас. Рассказал о вашей красоте, уме, самостоятельности...

— Богатстве, — поддакнула я.

— Мы и сами не бедны. Но ваш род значительно выше нашего, и это для отца важно. — Серьезно сказал он.

— Понятно. За нашу свадьбу выступает ваш отец. Вы жениться не хотите. И я тоже замуж не собираюсь. И к чему мы пришли? — Мне уже пора было возвращаться в Академию, поэтому хотелось быстрее закончить разговор и разойтись по домам.

— Я предлагаю вам фиктивную помолвку. Пока вы будете моей невестой, отец не станет на меня давить. Вы же сможете спокойно учиться, отдохнете от постоянных посягательств на вашу свободу. А через два-три года мы помолвку расторгнем. Всем хорошо, и все свободны.

Матиас Мартазан, выговорив свое заманчивое предложение, приступил к десерту. А я стала усиленно обдумывать предложение абсолютно чужого мне человека. С Тимиром я бы и на фиктивную помолвку согласилась, а с другим человеком не хотела даже поднимать эту тему. Но с другой стороны, предложение было выгодным. Предложения руки с сердца мне поступали каждый день, иногда даже и от нескольких достойных кавалеров одновременно. Дядя Чарх тоже регулярно напоминал мне о долге перед родом. Помолвка с Матиасом решила бы многие мои проблемы на несколько лет.

Но, если я соглашусь выйти замуж, даже фиктивно, Тимир тоже может уступить своей семье и согласиться на брак с будущей «четвертой леди Найт».

— Матиас, я сожалею, но не могу принять ваше предложение.

Он удивленно откинулся на спинку скамейки.

— Почему? — Кажется, он был уверен, что я приму его предложение. И сейчас он не мог переварить моего отказа.

Отложив десертную ложку и протерев салфеткой губы, Матиас пересел ко мне на скамейку и низким воркующим голосом проговорил:

— Не отказывайся, девочка, нам ведь хорошо вместе, и эта помолвка решит все наши проблемы. — Я застыла на месте от столь внезапной перемены во вполне приятном до этого момента мужчине. А он, наверно, решил привести мне еще одно доказательство выгоды нашего договора и, приоткрыв рот, наклонился ко мне. Я только успела выставить руки вперед, защищаясь от его напора и уклониться от стремительно приближающихся губ. Он ткнулся носом в мое ухо, а потом неожиданно закричал. Я, оглушенная на одно ухо, оттолкнув его, выскочила из-за стола с другого конца скамейки.

— Уффф, что это было? — Расстирая свое бедро обеими руками, возмущался Матиас.

Я осторожно приблизилась к скамейке, с которой только что выскочила, и увидела Сафу, с отчужденным видом лежащую возле брошенного куска сыра:

— Я же правильно его укусила? — Спросила она меня. — Мне показалось, целоваться с ним ты не хотела.

Поблагодарить ее вслух я не постеснялась:

— Молодец, Сафа. Умница. Так ему и надо. И, посмотрев на горе-ухажера, добавила. — Я еще и ректору расскажу и адепту Тимиру пожалуюсь и дяде письмо напишу. — Хотела добавить, что и проклинать его буду до конца своей жизни. Но он начал возмущаться:

— Зачем было на меня дахкилга натравливать? Просто сказали бы, что не хотите целоваться. — И таким безвинно обиженным при этом выглядел, что громко возмущаться стала и я:

— А вы меня вообще спрашивали?

— Я не удержался. Вы красивая. Мы здесь вдвоем сидим. А я говорил, что женщин очень люблю.

Он еще и меня виноватой пытался выставить.

— Вот и целуйте своих женщин. — Возмущенно уже крикнула я. — Я вам не эта, которая со всеми...

Сдержатъ накатившие на глаза слезы было невозможно. Всхлипнув, я снова вспомнила Тимира, и свои попытки его соблазнить. Помня советы Ясаман и долгое время находясь в комнате с Тимиром наедине, мне казалось, что добиться своего будет просто.

Однажды, когда я, следуя совету Ясаман, положила ему на плечо голову, он испугался, что мне стало плохо. В этот день мы закончили с занятиями на два часа раньше. Он

настойчиво попросил меня вернуться в мою комнату и отдохнуть. Другой раз я, как бы спеша помочь ему добраться до двери, влетела в его объятия. И он крепко меня обнял, казалось даже, что никогда меня не выпустит из желанных рук. Но вдруг он сказал, что у него заболели глаза, и мне пришлось звать Лиона. Потом стоять за дверью, пока они, затемнив помещение меняли повязку на глазах Тимира. И дальше занятие продолжились уже в присутствии Лиона. А на третий день, когда я приблизилась вплотную к Тимиру, он, отшатнувшись от меня, чуть не упал. Мы, конечно, посмеялись над нелепой случайностью. Но три из четырех дней, которые Тимир должен был носить повязку, уже прошли, а я его все еще не соблазнила. А сегодня последний, четвертый день, и я провожу его не с Тимиром. И соблазнить уже пытались меня. Это, по-моему, свидетельство высшей справедливости.

— Простите, я не сдержался. — Заметив мои слезы, сказал Матиас Мартазан.

Мое пальто лежало на спинке скамейки, там, где я сидела. И я хотела его взять, чтоб быстрее покинуть это место и вернуться в Академию.

Матиас увидел взгляды, которые я бросала на свою одежду и очень жалобным голосом, смотря мне в глаза просящим глазами, начал меня упрашивать.

— Сафира, я вас очень прошу, давайте забудем все, что произошло здесь. Я был не прав. Я больше никогда не посмею вас коснуться. Просто устоять перед вашей красотой было выше моих сил. И папе не говорите, он же от стыда умрет. Простите меня.

— А лорду Чарху и адепту Найту рассказать можно? — Уже издеваясь спросила я.

— Они имеют полное право вызвать меня на дуэль. Я даже защищаться не буду. Ну, простите меня.

Долгие и искренние уговоры, наконец, подействовали на меня, и я села на бывшую скамейку Матиаса. И, так как нам нужно было ждать, пока действие слюны Сафы прекратится, и паралич ноги покусанного пройдет, мы продолжили беседу.

Чтоб замять неприятный инцидент и оставить о себе хорошее воспоминание, Матиас предложил мне сделать покупки. Я скромно согласилась. Но он же не мог ходить. И пришлось посылать мальчика за торговцем.

Я познакомилась с местными каталогами, сильно они от земных не отличались, и я по ним заказала немало вещей. Взять именно их мне посоветовал все еще страдающий от паралича ноги Матиас.

Через четыре часа, заваленная подарками, но уставшая и подавленная, я возвращалась в Академию. Я несла только свою сумку, заполненную сладостями и Сафу. А прихрамывающий Матиас нес коробки со своими дарами.

35. На прогулку с Тимиром?

Мы с Матиасом остановились в коридоре второго этажа. Мне нужно было возвращаться в свою комнату, а мой неудавшийся жених хотел навестить отца.

— Я помогу вам донести коробки? — Спросил он меня

— Нет, спасибо. Я и сама могу их донести. — Мне просто не хотелось и дальше находиться в его обществе.

И я отпустила Сафу на пол, взяла все коробки на руки, поблагодарила его еще раз и направилась в свою комнату. Шла, ускоряя шаг, чтоб быстрее добраться до постели.

— Сафира, тревога! — Громко сказала мне Сафа. Отодвинув коробки в сторону, я посмотрела на ожидаемую опасность. Рядом с моей дверью на полу, прислонившись спиной к стене, сидел Тимир. Прямо на полу, сложив ноги накрест, и руками касаясь пола. Все еще в повязке на глазах, сидящий одиноко возле моей двери, он выглядел таким одиноким и брошенным, что я захотела откинуть коробки со своих рук и броситься к Тимиру.

— Наконец-то! — Раздался из-за спины голос и, резко оглянувшись, я увидела стоявшего возле противоположной стены Лиона.

— Вот кто может до девяти часов ночи гулять! — Вторил ему, стоявший рядом, заложив руки за спину, Чмир Рват.

— А мы переживали! — С пафосом воскликнул Лион.

— Как оказалось зря! Завидная невеста просто устраивала личную жизнь. — С показной обидой заметил адепт Рват.

— И где тебя носило, адептка Чарх? — Уже серьезно спросил меня Лион.

— Ее счастье, что она не в наших группах. — Не ожидая моего ответа, сказал Лиону Чмир Рват.

Я только стояла и переводила взгляд с одного парня на другого. Я бы еще поняла возмущение Тимира, но не этих двоих.

А Тимир за это время успел встать и, ориентируясь на голоса, приблизиться к нам:

— Сафира, все в порядке? — Тихо спросил Тимир меня. — Мне надо что-нибудь знать?

И такой соблазн появился пожаловаться ему на поведение Матиаса, но я смогла сдержаться:

— Ко мне Матиас Мартазан сватался.

Лион и Чмир Рват одновременно спросили, что я ему ответила. А я помнила про все, что они оба мне тут наговорили, поэтому молча развернулась к своей комнате. Не обращая на их повторные вопросы внимание, распахнула дверь и скрылась в своей комнате. А потом с удовольствием отпустила руки, роняя на пол все коробки.

Вопли Сафы про беспорядок тоже пролетели стороной, я легла на свою кровать и закрыла глаза. Мне нужен был покой и тишина. Я, наверно, больше никогда не пойду в город. Лучше сидеть в Академии и учиться. Прокрутив эти и многие другие умные мысли в голове, я все-таки встала, чтоб сходить в уборную, а потом, надев пижаму, лечь спать.

Но за дверью меня все еще дожидался Тимир.

— Ты еще здесь? А где Лион и Чмир? Почему они не проводили тебя в твою комнату? — Поймав его за запястье, спросила я.

— Они меня проводили. — С легкой улыбкой сказал Тимир. — Только, я вернулся

узнать, все ли у тебя хорошо.

— Все нормально. — Приятно, конечно, когда обо мне переживают. Но сейчас я больше ощущала удушающий стыд. Тимир за меня беспокоился, я же отпрашиваясь с занятия обещала, что вернусь через несколько часов. А отсутствовала до девяти часов ночи

— Что ты ответила доктору-артефактору Мартазану? — В первый момент даже подумала, про кого меня сейчас спрашивают, мне о своем звании Матиас не упоминал.

— Что я могла ему ответить? У меня же с руководителем моей практики договор: никаких помолвок до конца практики. — Я ждала, что Тимир улыбнется, а он серьезно сказал:

— Я переживал за тебя. Тебя долго не было. — Мне и так было очень стыдно. Чтоб притушить это чувство я сказала:

— Мне понравилось в городе. Мы на ярмарке были, и в зооцирке, и в ресторане.

— А если я тебя приглашу на прогулку, ты пойдешь со мной? — Вдруг спросил Тимир.

— А когда? — Радостно спросила я. — Тебе же повязку не сняли.

Мне очень хотелось погулять с Тимиром, чтоб никто нам не мешал, не вмешивался в разговор. Но как я выведу его за пределы Академии, когда он такой беззащитный?

— Повязку снимут завтра вечером, раньше целитель запретил. И тогда уже не будет ни одной свободной минуты на прогулки. Придется догонять пропущенные занятия, другие группы уже опережают нас в подготовке. Поэтому завтра после четвертой пары жду тебя возле парадных дверей. Придешь?

— Конечно, приду. — Тимир ушел на свой этаж сам, не позволил себя провожать. А я в уборную шла, пританцовывая, и казалось, что от избытка счастья я взлечу и облечу весь мир несколько раз.

36. Надежнее каменной стены

— Надо было платье по каталогу заказать! Матиас бы оплатил. И свои деньги у меня были. Зачем я эти никчемные артефакты накупила? — Снова я недовольно оглядывала свое отражение в зеркале.

Я, после четвертой пары, сразу прибежала в свою комнату, хотелось нарядиться. Быть самой красивой для Тимира. А мой гардероб состоял только из свободных домашних платьев, выходного серого, которое было мне мало, темно-синего форменного платья и моего брючного костюма. Как в такой одежде идти на свидание?

— Мне нечего надеть! — В отчаянии произнесла я, упав на кровать вниз лицом.

— Опоздаешь. — Нисколько не сочувствуя моему горю, заметила Сафа.

— В чем мне идти? — Вопрос мой заглушила подушка, но Сафа все равно меня услышала.

— Серое платье тебе очень идет. То, что в нем руки поднять невозможно, не проблема. Ты же не посуду мыть идешь. Да и не увидит тебя Тимир, ему повязку не сняли.

— Я хочу быть красивой для него. А если мы с Тимиром танцевать будем? Я же даже обнять его не смогу. — Я уже села на кровати, но все еще не могла решиться, что надеть.

— Тимир тебя уже двадцать минут ждет, наверное. Если уже не решил отказаться от этой прогулки. Я его даже осуждать не стану. — После этих слов Сафы, мне пришлось очень быстро надевать свой брючный костюм, выбор мой остановился на нем, и, схватив верхнюю одежду, бежать на первый этаж. Я только волосы оставила распущенными, даже если Тимир пока не может мной любоваться, хочу выглядеть достойно.

А Тимир стоял возле самых входных дверей. Чуть в стороне, чтоб никому не мешать. Стоял ровно, слегка наклонив голову, не сидел, устав от долгого ожидания, не дергался нервно от моего опоздания. Поверх формы он надел пальто, но еще не застегнул его, шапку и перчатки держал в левой руке.

Я тихо подошла к нему и встала впереди, стало интересно, когда он заметит, что я уже пришла.

— Я уже понял. — С улыбкой сказал Тимир.

— Что?

— Что ты опоздала на полчаса. Не получится доказать мне, что ты давно стоишь рядом, а я тебя просто не заметил.

— Я опоздала только на двадцать восемь минут. — Заметила только ради справедливости, но вызвала его веселый смех. — Пошли?

Тимир кивнул и надел свою шапку и, все еще улыбаясь, протянул мне руку. Я хотела, обхватив ее в локте, прижаться к Тимиру, но он положил мою ладонь на свое запястье и позволил вести себя к выходу.

На улице нас обдало холодным ветром, и мелкий снежок полетел в лицо, заставив меня прищуриться. Пришлось выпустить руку Тимира и протереть себе глаза, а потом обхватить его за локоть левой руки и все-таки прижаться к нему:

— Здесь скользко. — Заметила я, и он не стал вырывать свою руку, наоборот, даже прикрыл мою ладонь своей правой перевязанной рукой.

— Пойдем в зооцирк? Мне надо там слюну глототраза купить. Пригодится на

практике. — Предложил Тимир.

— Я уже взяла вчера одну бутылочку этой гадости. Или нам больше нужно? — Одной бутылки было более чем достаточно. А к животным мне идти сейчас не хотелось, там бывало многолюдно, и Тимир снова решил бы соблюдать свои приличия. Да и знакомые могли там встретиться.

— Тогда куда пойдём? — Спросил Тимир, медленно шагая рядом со мной по тротуару.

— А куда ещё можно сходить? — Мне, в принципе, было достаточно просто в обнимку ходить с Тимиром. Можно было просто прогуляться по парку, главное, что руку свою он не вырывает.

— Можно посетить ярмарку. — Медленно сказал он. — Но и там ты вчера была.

— Пойдем на ярмарку! — Добавила я радости в голос. — Я только по одному ряду там и успела пройтись.

Ходить по ярмарочным рядам с Тимиром было неудобно, он ничего не видел, но хотел делать мне подарки. Одно, когда можно с парнем обсудить покупку, поделиться ее достоинствами, покритиковать недостатки, пошутить, просто, чтоб у него была возможность эту покупку мне всучить, или вместе от нее отказаться. Но Тимир на ощупь выбирал ленту или заколку с прилавка и протягивал мне. Стоило мне сказать, что я эту вещь не хочу, и он клал ее на место. Получалось, что я не одобряю его выбор. Он же не мог доказать мне, что она подойдет к цвету моих глаз или что она красиво будет смотреться на моих волосах. А стоило мне вещь похвалить, и он сразу ее покупал для меня, я даже отговорить его от покупки не могла, что бы его не обидеть. И получалось, Тимир был обречен или быть обиженным или скупить для меня все на ярмарке.

После пятого подарка я потащила его к выходу, не позволяя больше нигде останавливаться.

— Куда ты спешишь? — Попытался Тимир меня придержать.

— Танцы, — с центральной площадки ярмарки, действительно доносилась громкая веселая музыка.

— Подожди, — все-таки остановил он меня, — это не танцы. Там что-то вроде песенного соревнования. Приезжие торговцы всегда его проводят.

— Пойдем, песни послушаем, поболеем за кого-нибудь. — По-моему песни сейчас были лучшим развлечением для нас, чем трата денег Тимира на ярмарке.

И он согласился с моим предложением, и мы уже вместе поспешили на звуки музыки. Выступления проходили внутри шатра, за вход пришлось заплатить символическую плату. Не много, но тратиться снова пришлось Тимиру.

Людей внутри было очень много, стоять пришлось впритык друг к другу. Но мне здесь нравилось, обстановка немного напоминала своей безбашенностью концерты в моем родном городе.

На помост в центре зала выходили будущие соперники и пели по одной песне. А мы, зрители, поддерживали их хлопками, криками и свистом. Особо понравившихся случайных артистов можно было отблагодарить и деньгами. Мне очень понравилась одна девушка, которая пела заводную песню о любви к адепту Академии Магии, и про тайные свидания с ним.

— Я хочу дать ей денег, — сквозь шум благодарной публики сказала я Тимиру. Он не хотел отпускать меня в центр шатра:

— Здесь у выхода безопасно. В центре часто бывает давка. — Громко сказал он мне на

ухо.

Но меня, привыкшую к распродажам и шумным тусовкам, давкой было не напугать. Я начала протискиваться вперед. Но Тимир не отпустил меня одну. Только оказалось, что девушка, певшая сейчас о любви, скорее всего, понравилась почти всем в шатре и многолюдная масса начала двигаться к помосту.

Нас с Тимиром чуть не разделило потоками людской массы в разные стороны. Но Тимир сзади обхватил меня за талию и прижал к себе. Идти назад было невозможно, но протиснуться в левую сторону мы смогли, и Тимир, прислонившись к чему-то твердому, сильнее прижал меня к себе. Люди, толкаясь и напирая, с силой вжимали меня в Тимира. В какой-то момент, когда давление на нас стало чуть слабее, Тимир, все так же державший меня за талию, оттолкнувшись от твердого упора за своей спиной, поменялся со мной местами. Когда я откинулась спиной на твердь, Тимир, став передо мной, упер свои вытянутые руки с обеих сторон моей головы, и, таким образом, создал для меня безопасное пространство. Я смотрела как он, все еще ничего не видя, слегка наклонив голову, принимая своей спиной удары и сдерживая толкания, защищает меня от возможных травм.

Пространства, выгаданного Тимиром для меня, вполне хватило, чтоб я смогла спокойно поднять свои руки и обхватить его за шею. Сейчас была прекрасная возможность обнять моего спасителя и прижаться к нему всем телом. Сейчас он примет это, скорее всего, за мое желание укрыться от опасности, принять защиту. И не станет отшатываться от меня или сбегать.

И мы долго стояли так: он, защищая меня от толпы, а я, наслаждаясь близостью любимого мужчины. И я бы простояла так вечность.

Когда же толпа ожидаемо схлынула, а вокруг стало тише, и можно было уже немного расслабиться, Тимир спросил меня на самое ухо:

— Сафира, можно задать тебе один вопрос?

Чтоб не выпускать его из объятий, я кивнула.

— Почему ты не называешь меня больше Тимом? Как раньше.

Я же не могла ему сказать, что пыталась хотя бы так дистанцироваться от него. После того, как однажды увидела его с Заирой и слышала, что встречается он со многим adeptками и меняет их легко.

— Мне казалось, тебе не нравилось это обращение. — На ухо шепотом сказала я ему.

— Мне нравилось. — Прошептал и он.

Жаль, сейчас невозможно было посмотреть в его шоколадные глаза:

— Хочешь, чтоб я снова называла тебя Тимом?

Он несколько раз быстро кивнул:

— Если тебе, конечно, не сложно. — А что может быть в этом для меня сложного?

— Мне не сложно, Тим. И спасибо, что спас, я думала, меня здесь затопчут. — Он улыбнулся так, будто был абсолютно уверен в моей безопасности.

Мы уже стояли в полупустом шатре, больше никто песен не пел. Люди покидали помещение. И Тим пригласил меня в ресторан.

37. История Тима

Мы пришли в тот же ресторан, в котором я была вчера с Матиасом Мартазаном. Хотела пойти в другое заведение изысканной еды, но до него нужно было добираться на наемном экипаже. Мне казалось, что работники должны с осуждением смотреть на меня, я же прихожу сюда второй раз, но с другим кавалером. Но пока мы шли до кабинки, осуждающие и пренебрежительные взгляды бросали на Тимира, хорошо, что он не видел их, а то совсем бы зажался и не смог спокойно насладиться едой.

Заказ мы делали вместе. Я зачитывала название блюда и его состав, и Тим, если не слышал про грибы, одобрял мой выбор. Мы заказали намного меньше еды, чем это вчера сделал Матиас. Но настроение у нас так же поднялось, когда в кабинка наполнилась ароматами яств. Я накрыла перевязанную руку Тимира Салфеткой, и помогла ему найти ложку. Сама нарезала для Тима на мелкие куски запеченное мясо и налила ему сок.

— Это я должен был ухаживать за тобой. — Не поднимая головы, сказал он.

— Поухаживаешь позже, Тим. Мы же до конца практики будем вместе. — Добавлять, что я надеюсь на более продолжительное общение, не стала. А он только грустно улыбнулся, даже ямочки не появились.

— Тим, можно задать тебе один вопрос? — Когда мы оба наелись спросила я. Он рассмеялся, заиграв ямочками, и кивнул.

— Почему ты тянешь эту историю с леди Вэрд. Шесть лет — это же очень долгий срок, можно было уже окончательно отвязаться от этой леди. я же вижу жениться на ней ты не хочешь.

— Там длинная история.

— А мы еще к десерту не приступили, времени достаточно.

И Тимир попытался объяснить абсолютно непонятные мне истины.

Когда Тимиру исполнилось двенадцать лет, семья уже поняла, что он не такой, как старшие дети. Ямочки на лице с взрослением не пропали, характер, слишком независимый, даже взрывной не изменился, форма пальцев на ногах стала отличаться от стандартов, а, самое главное, в росте он стал запаздывать. Брат, что был младше его на два года, уже давно стал выше. Тогда родители все чаще стали отталкивать от себя третьего сына, называть его выродком и деградантом. Он в семье стал лишним.

Однажды вместе с отцом и братьями он пошел в гости к семье Рват. У Чмира тогда был жив старший брат. Он был инвалидом, потерял обе ноги при несчастном случае. Его, калеку, держали отдельно в дальней комнате. Скитаясь по чужому дому в одиночестве, Тим набрел на этого уже девятнадцатилетнего парня. Оба ущемленные и никому не нужные, они быстро нашли общий язык. И молодой Рват сказал однажды Тимиру слова, изменившие всю жизнь подростка:

— Я калека. У меня нет шанса на спасение. Но ты-то хоть ходить можешь. Почему ты не поступишь в Свободную Академию Магии. Даже если не сможешь учиться, хоть два года проживешь вдали от семьи. Я бы, чтоб сбежать из этого дома, жизни не пожалел.

Фантазия двенадцатилетнего мальчика заработала в полную силу. Он уже представлял себя великим магом, видел свой будущий дом, себя, играющего со своим единственным другом. Тим обязательно забрал бы его из ненавистного дома.

Тимиру было только четырнадцать, когда его друг неожиданно умер. Похороны в доме семьи Рват прошли тихо и спокойно, родители подавленными смертью старшего сына не выглядели, только Чмир, его младший брат, искренне плакал. Позже это горе сблизит Тимира и Чмира. А сейчас мечта Тима об Академии Магии приобрела статус самой важной жизненной цели.

Тим учился в тайне от родителей, и в семнадцать лет сбежал в Академию и поступил. Семья пыталась вернуть его домой, скрыть от общества своего сына-вырожденца. Но Тим три первых года учебы ни разу не покинул стен Академии, как и посоветовал ему ректор Мартазан. И учился, набирался опыта во всем, что могло пригодиться ему в жизни, сам зарабатывал деньги, моя посуду в столовой Академии.

Он перешел на четвертый курс, когда семья признала его право на самостоятельный выбор жизненного пути. И пригласили домой для примирения. Тим очень радовался в тот день: мамы, отца, братьев и даже сестры ему очень не хватало. Он порталом отправился домой, и мама познакомила его с будущей женой. Тим не возражал, тем более, общаясь с девушками в Академии, он уже понял, что как будущий муж он им не интересен. Даже против процедуры очищения у целителя он ничего не имел. Просто не знал, что она собой представляет и какие осложнения может повлечь.

В тот день сразу не заключили помолвку только потому, что леди Вэдр требовала процедуру провести раньше подписания предварительного брачного договора. А семейный целитель отказался проводить процедуру, в которой не имел опыта.

Тим вернулся в Академию, порылся в архиве библиотеки, изучил все о предстоящей ему процедуре, поговорил с целителем Академии, узнал, как часто и какими именно бывают осложнения, и решил тянуть время. Два года, пока он учился на четвертом и пятом курсе ему было сложно. Семья давила, он постоянно оправдывался и отговаривался. Старался срывать свои визиты домой, нарываясь на отработки и изоляцию в карцере.

После пятого курса, Тимиру пришлось бросить Академию, чтоб накопить деньги на учебу. Само обучение, проживание и питание, конечно, были за счет Академии. Особо выдающимся адептам даже полагалась стипендия. Но старшекурсникам нужно слишком много денег на дополнительные траты: приобретение артефактов, без них не пройти ни одной практики, несколько сменных форм, дополнительные платные занятия, просто подарки для «друзей».

Он нашел работу в рядах архаровцев. Не только потому, что там хорошо платили, Тимир слышал, что они никогда не выдавали своих сотрудников. С провинившимися собратями разбирались сами, без шума. И Тим думал, если вдруг лорд Найт вздумает, под влиянием своей жены, выкрасть сына, архаровцы его спасут. И насильно провести процедуру, обратит последствия которой уже невозможно, у его семьи не получится.

Два года Тимир Найт проработал архаровцем, многому научился, заслужил авторитет, накопил деньги и восстановился на шестом курсе Академии. Год учебы на шестом курсе опять прошел в постоянных отговорках от семьи, но на этот раз они давили не так сильно. Сейчас Тимир учился на одном курсе с младшим братом, и под его руководством брат впервые начал показывать хоть какие-то успехи в учебе.

Отец тратил на репетиторов для младшего сына немислимые деньги. Но у Лиона не было шанса перейти на седьмой курс из-за низких баллов по большинству дисциплин. И вдруг, неожиданно для всех Найтов, Лион выбился в хорошисты учебы, и за один год его магия из шестой ступени подросла до девятой. Невиданный успех! Отрицать влияние на

младшего брата Тимира было невозможно. Тем более, Чмир Рват также сдружился с Тимиром, и не скрывал, что большинство тренировок проводит с ним.

Семья перестала давить на Тимира, позволила отложить и помолвку, и неприятную процедуру до конца седьмого курса, если, конечно, кто-нибудь из адептов третьего курса согласится пройти практику под руководством их дефектного сына.

Тимир, зная отношение к его нестандартной внешности и имея на руках накопленные деньги и артефакты, договорился с тремя адептами третьего курса, заплатил им, чтоб они вошли в его группу на практике. Группа из четырех человек была бы вполне функциональной.

Но в тот день на распределении все трое неожиданно, не предупреждая заранее, ушли в группу Кона Вэдра. Тимир уже готовился вернуться в ряды архаровцев и окончательно порвать с семьей, иного выбора сохранить здоровье у него не оставалось. Но его неожиданно выбрала я. Значит, он получил допуск к практике, и с семьей можно сохранить хорошие отношения. Они же согласились, больше на него не давить, пока он учится.

В последний визит домой Тимир не был готов к тому, что его там ожидало. Думал, пройдет обычный нервный ужин в кругу семьи. Но неожиданное давление матери, ее уговоры, рукоприкладство, ее уверенность, что права именно она, подавили волю сына. И он впервые в жизни полностью смирился.

Просто, как он выяснил позже, леди Вэрд решила, что свадьбу необходимо провести до конца весны, чтоб перепоручить молодому и энергичному отчиму своих детей. Димитрию, старшему сыну леди Вэдр, уже пора было готовиться поступать в Академию. Ему уже пятнадцать, и двух лет для подготовки может не хватить.

Но в тот вечер мы с Лионом спасли Тимира и вернули в Академию.

— Я не знаю, как благодарить тебя. — Закончил Тим. — Лион бы никогда не решился меня поддержать, если бы ты его не подтолкнула.

Мне же было обидно за Тимира. Всю сознательную жизнь бояться семьи, остерегаться удара в спину, не иметь возможности расслабиться в кругу ближайших родственников — что может быть страшнее?

— Сейчас я буду бороться, и практику мы сдадим не хуже других. — Откинувшись на спинку скамейки, пообещал он мне. И себе.

Мы уже стояли у входа в Академию, когда я, устав прокручивать один факт в голове, все-таки задала Тиму последний на сегодня вопрос:

— Тим, а что с теми тремя адептами?

Тим сразу понял о ком я спрашиваю и взвешивая свои слова, наверно, чтоб не оттолкнуть меня, сказал:

— Они отказались возвращать мои деньги. Вообще забыли про наш договор. Ничего, на практике я им напому.

38. Слухи. И не только они

Не знаю, откуда пошел слух, но многие в Академии передавали его друг другу. Слух оброс подробностями, приобрел налет романтики, стал ярким и красочным. И получился настолько неправдоподобно убедительным, что я бы сама в него поверила, если бы не была одним из действующих лиц в нем.

Вся Академия смаковала мою тайную помолвку с Матиасом Мартазаном. А он был в магических кругах столицы известной личностью, многие его работы по артефакторике широко применялись и приносили реальную пользу. Слухи раскрыли великую тайну: оказывается, сын ректора был тайно влюблен в юную Сафиру Чарх много лет. И ради него она сбежала из-под опеки лорда Чарха в Академию.

Но и здесь два влюбленных сердца не могли воссоединиться, ведь ректор Академии не одобрял выбор своего единственного сына. Не мог его наследник, перспективный артефактор, связать свою жизнь с сиротой, чей дар не получил должного развития. И адептка Чарх, ради будущего счастья с любимым все свои силы направила на учебу и развитие магического потенциала.

Нам с Матиасом, оказывается, пришлось пройти через многие испытания. И тату, полученное Сафирой от Кона Вэдра, было в их числе. Все адептки стали открыто поддерживать меня, и желать удачи в сопротивлении призыву беспринципного семикурсника, пытающегося растоптать чистую любовь.

И мой странный выбор руководителя на практику тоже был связан с Матиасом. Потому что мой жених, как артефактор, хотел, чтобы его изобретения прошли проверку в реальных природных условиях. Практика на горе была самым подходящим местом. Я же, влюбленная всем сердцем, ради Матиаса пошла в группу к выродку, который без артефактов практику не пройдет. Другие адепты и не согласились бы их испытывать в подобных условиях. А у Тимира Найта другого выбора, оказывается, нет, кроме как довериться изобретениям моего жениха.

Отношение адептов в Академии ко мне снова изменилось. Парни перестали набиваться в женихи и ухаживать за мной. У меня появилось довольно обширное свободное пространство, которого мне давно не хватало. Девушки же мало того, что приняли мою сторону в противостоянии с Коном Вэдром, но стали открыто выказывать свое презрение старосте седьмого курса. А это могло сильно испортить мне жизнь.

— Надоело. — Бросив ложку через всю столешницу на пол, сказал Лион. Он, Чмир, Тим и я, уже по привычке завтракали в столовой за одним столом. После того как Тимиру сняли повязку на глазах и руке, у него даже намек на шрам не нашлось. А я очень боялась, что у Тима добавится поводов для самокритики. — Сафира, скажи, все это правда? И ты давно влюблена в сына ректора Мартазана?

Я загадочно промолчала, с тех пор как слухи обо мне и Матиасе заполнили все пространство вокруг меня, моя жизнь стала намного проще. Тиму я однажды ответила на его вопрос о моей несостоявшейся помолвке, и он меня больше не спрашивал о ней. Всем же остальным давать отчет я не была обязана.

— Это бы объяснило отказы Сафиры всем женихам. — Обращаясь только к Лиону, сказал Чмир.

— Ты из-за жирного артефактора отказала моей семье? — У меня спросил Лион, нагнувшись вперед и слегка понизив голос.

— Матиас не жирный, он здоровый. — Уклончиво ответила я.

— А здоровье его прячется под толстым слоем жира. — Заметил Чмир, и они с Лионом довольно рассмеялись. Я посмотрела на Тима, он, после того как магией убрал брызги какао со стола и ложку с пола куда-то перекинул, пил кофе, не поднимая головы от своей чашки.

— Сафира, не топчись по нашему с Чмиром эго. А просто признайся, что мы тебе все-таки нравимся, и отказала ты нам только из-за старой тайной помолвки с доктором Мартазаном. — Громким шепотом попросил Лион.

Они оба, оказывается, были уязвлены моим отказом выйти за них замуж. Хотя как будущая жена я сама по себе их не интересовала. Просто имела счастье неожиданно стать единственной наследницей. Лион вообще часто меня язвой называл. А у Чмира, я как-то слышала, была давно любимая им девушка, на которой он и мечтал жениться, если ее одобрит его семья. Но сам факт, что им отказали, кажется, был обоим неприятен.

— Вы мне и нравитесь, — аккуратно начала я, — немного. — Они оба самодовольно улыбнулись, а Тим бросил на меня быстрый взгляд исподлобья. — Но не как будущие мужья.

Они разочарованно выдохнули.

— Вы хорошие, но не надежные. — Уточнила я для их спокойствия.

Они потребовали объяснений, даже про завтрак и предстоящие пары забыли. А мне не жалко говорить им правду, пусть хоть от кого-нибудь ее услышат.

— Вы не самостоятельные. Зависите от своих семей, рода. Предложение делали не мне, а моему дяде. Следовательно, ничего лично мне никто из вас не обещал. И зачем мне такой муж?

— А сын ректора тебе что-то обещал? — Настороженно спросил Лион

— Так все делают. Нельзя пренебрегать благом рода. — Одновременно с ним заявил Чмир.

— Благо рода? — Переспросила я. — Я на такое благо не согласна. Мой избранник должен любить меня, а не мое имя. И женится на мне, а не на состоянии рода Чарх. И помолвка наша не будет тайной. Он будет приносить мне подарки и цветы открыто, чтоб все видели, как он меня любит. А я не буду стесняться благодарить его страстным поцелуем. Потому что он не оттолкнет меня, сказав, что целоваться неприлично. И все время до свадьбы мы не будем расставаться надолго. Всегда будем радовать друг друга, ходить вместе на прогулки и обмениваться подарками.

Я перестала вслух мечтать, когда заметила впившиеся в меня три пары глаз.

— И многие девушки так фантазируют? — С сомнением в нашем, девичьем, умственном развитии спросил у своей тарелки Чмир. На нее он перевел взор, не выдержав моего ответного взгляда.

— А я не понял, Сафира уже невеста доктора Мартазана или...? — Лион, обернувшись к Чмиру и отвлекая его от тарелки с яичницей, начал формулировать вопрос. Но он внезапно замолк, уставившись на распахнутую дверь. В эту сторону посмотрели все в столовой. И я тоже оглянулась на вход.

А там стоял Матиас Мартазан, в черном нарядном костюме с белым платочком в нагрудном кармашке. В одной приподнятой руке он держал огромный букет ярко-алых лилий. А в другой опущенной руке держал такую же огромную корзину со сладостями. С распущенными, немного лохматыми, волосами, с обеими занятыми руками, и с широкой

улыбкой, сверкая всеми зубами, он выглядел, как фантастическое видение. И впечатление произвел на всех адептов в столовой именно такое. Вся столовая замерла в немом ожидании. Лион и Чмир переводили с меня на Матиаса недоверчивые взгляды. Тимир же не сводил пристального взгляда с меня одной.

А мой якобы жених важно зашагал в нашу сторону, я даже встала и ногой отодвинула от себя стул. Мне и самой было интересно, что сейчас произойдет.

— Сафира, чудо мое, ты как всегда прекрасна. — И он вручил мне букет, держать который мне пришлось обеими руками. Букет был настолько большой, что я уже не могла следить за обстановкой в столовой. И поэтому вздрогнула, когда Тим, сказав, чтоб я не опаздывала на пару, быстро направился к выходу из столовой.

А Матиас, не дождавшись от меня даже благодарности, спросил:

— Здесь посидим или пойдем в твою комнату?

Перед моими глазами все еще стоял Тим, быстро удаляющийся из столовой. Он мог не так понять визит младшего Мартазана. Мне не хотелось расстраивать Тима, и так людей, желающих подавить его, слишком много.

Но все же пришлось встряхнуться и посмотреть на Матиаса. Я вспомнила и про правила вежливости: отметила вслух, что букет очень красивый. Потом пригласила дарителя в мою комнату, говорить при таком количестве любопытных свидетелей — идея не самая удачная.

— Не красивее тебя, чудо мое. — Поражая меня и восхищая окружающих своей галантностью, проговорил Матиас и пропустил меня вперед.

Несколько адептов с моего курса напомнили мне, пока я шла к выходу, что до начала занятия осталось только двадцать минут.

39. Артефакты. И не только они

В своей комнате я сразу пригласила Матиаса присесть, и даже придвинула ему табуретку. А он окинул ее сомневающимся взглядом и прошел дальше в помещение и уселся на мою кровать.

— Она не заправлена. — Заметила я.

— Сам всегда ненавидел с покрывалом возиться, — отмахнулся он от такой мелочи.

Я вспомнила Тима, он бы никогда так не сделал, сам бы постель заправил, а потом сел на табуретку.

— Хотите спросить, к чему эта суета? — Возвращая мои мысли в комнату, спросил Матиас. И при этом по очереди кивнул на букет в моей руке и корзину со сладостями на полу.

— Да! — Мне это было очень интересно, вопрос с помолвкой мы, кажется, уже закрыли.

— Хотел извиниться за свое недостойное поведение в ресторане. Вы не похожи на моих прежних женщин. — Я только плечами пожала. Он уже просил прощения, я ему простила его попытку поцеловать меня. — Еще она просьба — давайте перейдем на неформальное общение, а то я себя стариком чувствую, а мне только тридцать лет. — Я сомневалась, что это вообще стоит делать, но, так и быть, кивнула ему, соглашаясь. — И еще у меня к тебе одно дело. Меня в Министерстве поздравили с помолвкой, и назойливые предложения породниться от коллег мигом отпали. Так что я буду этот слух поддерживать и подпитывать. И тебе советую никого не разубеждать. Объявлять о помолвке мы не будем, клятв друг другу не даем, никаких договоров не подписываем. Но для всех, все-таки, будем женихом и невестой.

— А отцу своему вы тоже правду не скажете? — На вопросы ректора я отмалчиваться с таинственным видом не смогу. И перейти сразу на "ты" у меня не получалось.

— Нет, конечно. Папе я сразу все объяснил. И сегодня с утра к нему заходил. Сказал, правда, что ты мне очень нравишься, и я пытаюсь тебя завоевать. — С широкой улыбкой заявил Матиас.

Что-то мне вся эта ситуация не нравится с самого начала. Как бы нам с Матиасом не доиграться, подыгрывая всем окружающим.

— Неправильно это. — Слишком довольным выглядел Матиас, я попыталась достучаться до него с другой стороны. — Я перед твоим отцом получаюсь жестокой сердцеедкой. И ректор мне еще за тебя мстить будет.

— Мой отец никогда не будет в Академии сводить личные счета. — Меня его слова не успокоили. Я вообще не хотела терять уважение ректора Мартазана. — И как только вы провалите практику с Найтом, наша помолвка еще может состояться. Я думаю, что ты будешь хорошей женой. Но учиться тебе я запрещать не стану.

— Мы практику не провалим! — Меня настолько возмутили слова о нашем с Тимом провале на практике, что все остальное, сказанное Матиасом, уже не имело значения.

— Ты не провалишь, адептам третьего курса достаточно получить зачет. Вы вообще основную работу на подготовке к практике проводите. А у Найта шанса нет.

— Почему? — От повторной волны возмущения и чувства надвигающегося несчастья я

даже кинула букет лилий на стол. Прямо на разбросанные книги и тетради.

Мой вопрос и то, что я бросила цветы его сильно удивило. Настолько сильно, что от встал и попросил меня заправить кровать. А сам ушел за «чем-нибудь подходящим» для цветов. Когда он минут через десять вернулся с большой широкой вазой, уже наполненной водой, я успела навести в комнате порядок. Даже Сафа, сидевшая под кроватью, меня похвалила. А она мои усилия в наведении уюта никогда не хвалила.

Матиас аккуратно поставил вазу на мой стол и сам пристроил в ней букет. Потом, все так же молча, переставил с пола на стол корзину со сладостями, выдвинул из-под стола табуретку и сел на нее.

— Какие у тебя отношения с Тимиром Найтом? — Неожиданно нарушил он молчание.

Говорить чужому человеку, что творится у меня в душе?

— Нормальные. Он адепт-руководитель практики, а я подопечная.

— Я встречался пару раз с Найтом, когда он еще архаровцем был, глупым он мне не показался. Значит, он тебе не доверяет, раз не говорит всей правды о практике. — С непривычным мне серьезным тоном сказал Матиас.

— Может, он меня просто хочет оградить от лишних переживаний? — Предположила я.

— Какие переживания? Группа из двух людей нефункциональна. Вы вдвоем практику не можете пройти. Это невозможно. — Категорично заявил он

— Почему? — Сейчас я сидела на второй табуретке, напротив Матиаса, и ничего в руках не держала, чтоб швырнуть это на стол. Или бросить в умника, сидящего напротив.

— Объясню несостоявшейся невесте прописные истины. Хотя ты должна была это узнать от своих магистров или руководителя по практике. В крайнем случае, прочитать в библиотеке. — Менторским тоном начал сын ректора.

Говорить он начал издали, и в первую очередь объяснил мне правила практики. Первая практика в Свободной Академии Магии для третьего курса не просто так проходила под руководством семикурсников. Это совместная работа, которая длилась почти полгода, учила самостоятельности, организованности и координации действий группы людей.

Пять месяцев подготовки и двадцать дней самой практики должны также стать проверкой выпускников на знание теории магии, умение эти знания в экстремальных ситуациях применять. И особое значение приглашенная комиссия из различных министерств уделяла контролю лидерских качеств выпускников. Часто приглашения на работу адепты получали сразу после этой практики. Даже дипломные экзамены считались уже не такими важными.

Третий курс делился на группы, каждый адепт третьего курса сам выбирал себе семикурсника, под чьим руководством он будет проходить практику. Для этого адепты-третьекурсники старались выяснить все о выпускниках, их успехах в учебе. Многие третьекурсники даже заранее знакомились с семикурсниками, обговаривали, какие условия им могут предложить. После того, как группы определялись, и ректор подписывал приказ, начиналась долгосрочная подготовка.

Адепты-старшекурсники уже знают, что практика проходит на Пике Магии. Это одиночная гора высотой около четырех километров. Магистры и адепты магической Академии Древа во время своей зимней практики на горе готовят ее к испытанию. Адептам Свободной Академии на прохождение всех испытаний дается не более двадцати дней. Начинается испытание с того, что всех адептов перемещают порталом на вершину Пика, и они спускаются к подножию горы. Задания каждый год готовятся разные и адептам

сообщают только их количество.

— Теперь представь, — Матиас достал из корзины в кулаке конфетки и высыпал их на стол, — что это одна группа. В ней примерно тридцать пять адептов. — А потом достал две шоколадные плитки, и помахал ими перед моим лицом. — А это ваша с Найтом группа. Допустим, первое испытание было пройти по небольшому лугу с цветами-плотоядниками. Вот эта группа, где тридцать пять голов, отправит одного адепта как приманку, что отвлечет на себя цветы, и, скорее всего, потеряет его. Условно. Его, конечно, спасут магистры, с безопасностью в Академии проблем никогда не было. А группа продолжит путь дальше. А теперь, что делать шоколадным плиткам? Если Найт потеряет тебя, практику не засчитают ему. Руководитель сдал практику, только если он доведет до финиша хотя бы одного подопечного. А поймают цветы его, ты просто завершаешь свое путешествие по горе, магией наполненной опасностями, и получаешь свой зачет.

— Но можно же и не посылать приманку, — предложила я другой вариант развития событий.

— Можно. — Согласился Матиас. — И перерубить все цветы тоже можно. Но это потраченное время, силы, здоровье. А вас только двое. Кто будет тащить раненого адепта? А испытаний минимум двадцать. Кроме искусственных испытаний есть и естественные: сюрпризы погоды, поиск и готовка еды, насекомые и звери.

— И что тогда делать? — От бессилия спросила я Матиаса. — Мы с адептом Найтом должны сдать практику! Любой ценой.

— Многие собирают артефакты: маскировочные, обогревающие, для быстрого и долгого огня, целительские: кроветворящие, обезболивающие, успокаивающие...

И я с облегчением выдохнула, Тим же артефакты собирает. У него уже три коробочки набралось. Даже если мне он обо всех нюансах практики и не сообщает, но он к ним активно готовится.

— Что ты вдруг успокоилась? — С подозрением спросил Матиас. Но я подумала, раз Тим не раскрывает все секреты, то и я не буду слишком разговорчивой.

— Просто вспомнила, что ты артефактор. И по Академии уже ходят слухи, что ты хотел передать мне артефакты собственного изобретения для их проверки во время практики. Так что артефактами моя группа обеспечена. — Хлопнула обеими ладонями по столешнице. А ощущение было такое, будто я только что, как комара, придавила мою самую большую проблему.

— Новые модели артефактов проверяют только в лабораториях и на полигонах. Я тебе их дать никак не могу. — Отрицательно проговорил Матиас.

— А если я очень попрошу. — И я захлопала ресничками. Сейчас меня сбить с цели было уже невозможно. Собирать артефакты я Тиму помогу.

— Ладно, ладно, знаете вы, женщины, как с пути сбивать мужчин. Но непроверенные артефакты я не дам, всем нам это потом дороже обойдется. Лучше я на каждое наше свидание буду приносить тебе цветы и артефакты. Целительские, они и потом пригодятся, если на практике не используешь.

— Договорились. С меня свидание, с тебя артефакт и шоколад. Цветы не нужны. — Он немного удивился, но комментировать мои слова не стал.

Мы еще немного посидели, поговорили об артефактах. Пока я не вспомнила про пары:

— Я опоздала! — Вскричала в ужасе, когда посмотрела на часы. — Почти на целый час. Магистр Рош меня убьет.

— А ты думала, что до сих пор длятся те двадцать минут, про которые тебе напоминали девчонки в столовой? — С недоверием спросил Матиас.

— Я вообще не думала о времени. Мы же разговаривали. — Время вообще-то пролетело незаметно.

Сын ректора почесал себя по затылку и задумчиво произнес:

— Теперь понятно, почему ты опоздала на наше первое свидание. Следующий раз я буду стоять возле твоей двери и отстукивать каждую секунду, чтоб ты помнила про время. А сейчас пойдём, чудо мое, провожу тебя на пару.

Нужная мне аудитория находилась на четвертом этаже, и я, ускоряя шаг, почти бежала к ней. Пришлось даже немного постоять у входа, и восстановить дыхание. В дверь постучал Матиас, и открыв дверь, пропустил меня вперед:

— Утра доброго, — обратился он к магистру Рошу. — Я прошу извинить опоздание этой юной леди. Я ее задержал для важного разговора об артефактах и правилах их применения.

Магистр Рош что-то невозмутимо ответил Матиасу, и движением руки указал мне на посадочные места в аудитории, предлагая занять себе место. И я, запыхавшаяся от бега по коридору, поднималась по ступеням к свободному месту и понимала, что никто здесь не поверил младшему Мартазану. А ведь мы с ним именно об артефактах и говорили.

40. Ревность, обида и прочее

Обедать мне пришлось в шумной компании девушек и парней с моего курса. Для того, чтобы мы все могли усесться в один круг, пришлось даже сдвинуть несколько столов. Сложно сказать, какую цель преследовали однокурсницы, затеяв посиделки во время большого перерыва между парами. Но мне на протяжении всего обеда пришлось слушать невероятные рассказы о своей тайной помолвке, о достоинствах моего «жениха», о нашей неземной любви, муках, что мы испытываем вдали друг от друга.

— Все это должна была рассказывать им ты, — подсказала мне Сафа, грызущая огромный ломоть твердого сыра, сидя на моих коленях.

— У меня бы так красиво не получилось. — Подумала я. И Сафа, услышав меня, поперхнулась. Несколько месяцев тренировок уже позволяли мне прекрасно общаться с дахкилгом ментально.

Но в благодарность за прекрасно проведенное с ребятами время, я не поленилась сбегать в свою комнату за конфетами, подаренными мне Матиасом. Их я разделила между моими сокурсниками. И появился риск за следующим приемом пищи выслушивать преувеличенные рассказы о щедрости, оригинальности и врожденном вкусе Матиаса Мартазана.

Поэтому после четвертой пары, я в столовую не пошла и сразу направилась на второй этаж в свое законной убежище. У меня в комнате было чем перекусить. А также я разгрузила свою сумку, взята только тетрадь для дополнительных занятий с Тимом. И пару минут полюбовавшись лилиями на столе, быстро направилась на четвертый этаж. Там находились все аудитории, вмещающие более трехсот адептов. В самой из них дальней от лестницы и проходили наши с Тимом занятия. Я сегодня опаздывать не хотела, чтоб не видеть недовольный взгляд переводимый им с меня на часы и с них снова на меня. Поэтому я спешила. И думала, что хорошо бы еще успеть объяснить Тиму сегодняшней визит Матиаса, и его желание поддерживать слухи о нашей помолвке.

В общем, я бы, наверняка, успела вовремя, но слишком большому количеству людей понадобилось останавливать меня в коридоре и на лестнице, чтоб лично поблагодарить за сладости. И многие адепты именно сейчас решили попросить меня узнать у «моего жениха», в какой именно лавке он приобрел такие свежие, вкусные и изысканные лакомства.

Звук о начале занятия застал меня еще только на лестничном пролете между вторым и третьим этажами. И, конечно, я опаздывала. И именно сегодня я нарушала правило пунктуальности намного сильнее, чем обычно.

К нужной аудитории я шла очень медленно, бегом упущенное время я бы уже не наверстала. Но зато могла в тишине обезлюдевшего коридора отрепетировать свои слова Тиму. Моя речь должна получиться убедительной и душещипательной, чтоб он поверил всему, что я скажу, простил мое опоздание и ни за что на меня не сердился.

Я остановилась у нужной аудитории, подняла руку для робкого стука, но дверь распахнулась сама.

— О, Сафира Чарх? И ты к нему по важному делу? — С понимающей улыбкой спросила меня Заира, оказавшись передо мной. Это она только что вышла из нашей с Тимом аудитории.

Я, даже не обдумав ответ, сказала:

— Мы вместе занимаемся.

И она, касанием ладони оправив свое слегка помятое платье, прошептала мне, как бы по секрету:

— Мы тоже занимались... Только никому не говори. И я про тебя помолчу. Ты все-таки уже чья-то невеста. — Она уже давно скрылась в одном из многочисленных поворотов коридора, а я стояла возле двери и пыталась просто дышать.

Я сама ругала себя за слабость. Я же давно знаю про связи Тимира, должна была уже привыкнуть к этой правде. Однажды я даже простила ему его увлечения. Но больно так, будто в сердце кто-то проворачивает нож. И у меня ведь даже права нет требовать верности от любимого мужчины.

Я, опираясь на стену, с трудом передвигая ноги, вернулась в свою комнату. Оставив сумку у самого порога, я села на пол и застыла. Сафа сразу поняла, что со мной творится что-то неладное и не стала, как обычно, требовать от меня соблюдать порядок. Она забралась мне на колени и просто по-дружески поддержала. И, когда я немного пришла в себя, смогла ее прижать к себе и разрыдаться, водопадом горьких слез намочив ее белую шубку.

— Тимир снова с Заирой встречается! — Сквозь надрывный плач выговорила я. — Прямо в аудитории, до моего прихода на занятие...

— Сафирочка, адепт Найт тебе только руководитель по практике, он тебе ничего..., — по-своему попыталась успокоить меня мышь

— Знаю! Сама все знаю! Он мне ничего не обещал. — Сейчас Сафа должна была слушать меня. А мне надо было выплакаться и выговориться. А то сил любить одной у меня уже не осталось. — Но мне же все равно больно!

Успокоилась я, как это ни странно, быстро. Только час просидела на полу, обливая Сафу слезами. А сейчас, уже пересев на кровать, я обтирала Сафу своим личным полотенцем, она еще возмущалась. Требовала себя искупать, но не очень настойчиво, всхлипывающая и покрасневшая я, наверняка выглядела очень жалкой. Даже мышь не стала меня добивать.

— Стучатся, — прозвучал писклявый голосок в моей голове, — Сафира, в дверь уже третий раз постучали.

Стуки эти, совсем не громкие и не настойчивые, я тоже слышала:

— Ну и пусть. Я никого не жду. — Начала я печально. Но требовательно закончила. — У всех должно быть время на слезы!

Никак не прокомментировав мое заявление, Сафа коротко сказала:

— За дверью Тимир Найт.

Я вскочила на кровати с такой скоростью, что Сафа кувыркнулась в противоположную сторону, и чуть не упала на пол.

— Откуда ты знаешь? — Подозрительно уставилась я на мышь.

— Я дахкилг. У меня слух острый. И зрение, и обоняние. — Увидев, что я не поражаюсь ее совершенством, она продолжила. — Ну и ладно. Пусть идет к своей Заире, она ему всегда будет рада.

И я, спрыгнув с кровати, несколькими шагами добралась до двери и распахнула ее.

У порога, действительно, стоял Тимир, и, подняв на меня лицо, он тихо спросил:

— Ты плакала?

Сафа посоветовала мне сказать гостю, что у меня наступило законное время для слез. Я же отвернулась от Тимира и вернулась на свою постель. А Тимир, не ожидая приглашения, прошел ближе ко мне и присел на пол возле кровати.

— Кто тебя обидел? — Мне показалось, что он искренне переживает. Но, если я скажу, что плачу из-за него, он мне все равно не поверит. И я, всхлипнув, промолчала.

— Кон Вэдр? — И Тимир попытался снизу заглянуть мне в лицо. Я, наклонив голову, спрятала лицо от Тимира, сразу, как только вспомнила, что зареванная я, скорее всего, выгляжу не очень симпатичной. — Он призывал тебя? — Я покачала головой. — Нагрубил? Не бойся, я смогу его наказать.

В этом я не сомневалась, только сейчас ему может не повезти так, как в прошлый раз. И за нападение на адепта его могут исключить с Академии. Поэтому я интенсивнее замахала головой.

— Не Вэдр? — Еще раз спросил Тимир. — Лорд Чарх? Магистр Рош? Ректор? — Я каждый раз качала головой. — Сафа? Я могу отнести ее в клетку к глототразу. Но тут еще не ясно, кому из них больше не повезет. — На эти слова я улыбнулась, представила, как огромная рептилия с головой зубастой лягушки, отплевываясь кислотой, спасается бегством от моей Сафы.

Тимир надолго замолчал и уже серьезнее спросил:

— Ты плачешь из-за Матиаса Мартазана? — На это предположение я только всхлипнула. — От тебя обидел? Не пришел на свидание? Не купил подарок? Из-за помолвки с ним? Не хочешь оттягивать ее до конца практики?

— Нет! Я не собираюсь за него замуж! — Немного осипшим голосом сказала я. Молчание пришлось прервать, потому что догадки Тима меня уже начали пугать.

— Но все в Академии говорят..., - начал он.

— Это просто слухи. Он просил их не опровергать, чтоб облегчить себе жизнь. — Выговорила то, что планировала сказать по дороге к нашей аудитории в коридоре. Правда, получилось намного короче и не так пафосно, как я репетировала.

— Но ты просидела с ним наедине несколько часов. — Нейтральным тоном напомнил Тимир.

— А, по-твоему, я не могу просто поговорить с Матиасом? — Хотелось упрекнуть его в том, что он не может просто говорить с девушками.

А Тимир надолго замолчал, не ответив на вопрос. И я не знала, что еще сказать. Ссориться с Тимом не хотела, упрекать его права не имела, и обливаться снова слезами позволить себе не могла. Сейчас даже Сафа не подсказывала мне умных слов.

— Я понимаю, что не имею право что-то требовать. — Начал Тимир так аккуратно, будто тоже хотел избежать недопонимания. — Для тебя практика не так важна, как для меня. Поэтому я шел сюда с просьбой: не забрасывай подготовку к практике. Это очень важная работа, без нее я не смогу довести тебя к подножию Пика.

— Я и не собиралась ее забрасывать. — Все еще всхлипывая, ответила Тимиру. — Я хорошо учусь, выполняю все задания, и все, что ты рекомендуешь дополнительно читать, читаю. И по физической подготовке я одна из лучших на курсе.

— Хорошо. — Примирительно сказал Тимир. — Просто в следующий раз, если у тебя поменяются планы, и ты решишь не идти на наше занятие, предупреди меня об этом. Пожалуйста. Я стоял в коридоре почти час, чтоб ты не ошиблась с аудиторий. И отойти не мог, чтоб, не разминуться с тобой.

— Я приходила на занятие, но в коридоре тебя не было! — Обвинительных ноток сдержать я не смогла.

— Был. И ждал тебя. На занятие. А ты не пришла. Просто, без объяснения. — И он смотрел мне в глаза и говорил серьезно, не поверить я не могла. — Знай я о твоём прогуле заранее, провел бы этот час в библиотеке.

— А зачем меня в коридоре встречать? — Хотела упрекнуть его в том, что в коридоре я столкнулась с Заирой, сдержалась с огромным трудом. — Я и сама дорогу могу найти. Или, хочешь сказать, я так часто опаздываю, что меня под руку нужно на занятия водить? — Сейчас недовольный тон я не сдержала. Вообще-то, я не так часто и опаздываю. Не настолько часто, чтоб меня еще и в коридоре подгонять.

Тим пересел с пола на табуретку, придвинув ее ближе к кровати. Выгадывает время, чтоб подобрать менее обидные слова — подумала я.

— Ты часто опаздываешь. — Наконец, сказал Тимир, хотя за это время мог бы и деликатнее слова подобрать. — Но это не так страшно. Для тебя. Мне, в принципе, не сложно подождать. Немного. А в коридоре я ждал, чтоб показать дорогу, новую аудиторию ты могла не найти.

Слезы, которые уже накатились на глаза, сами куда-то пропали:

— Какую новую аудиторию? — Я про нее ничего не слышала.

— Лион тебе должен был передать. Ректор перевел нас на первый этаж. Там подходящие аудитории для маленьких групп.

Поговорив немного с Тимом, я успокоилась окончательно. Оказывается, большие аудитории на четвертом этаже понадобились для дополнительных лекций четвертому курсу. И всех семикурсников с подопечными попросили перейти в менее вместительные помещения. Моя с Тимом новая аудитория сейчас находилась на первом этаже. И мне об этом сообщить должен был Лион, потому что Тим в столовую после четвертой пары не ходил. И я тоже там не была.

— Ненадежный у тебя младший брат, — подвела я итог нашей беседы. Тим согласился, и я понадеялась, что он отомстит Лиону. Хотя я была сейчас очень рада, что Заира намекала не на «занятия» с Тимом.

— А на кого тогда Заира намекала? — Прищурившись, спросила я Тима.

— Какая Заира? — Покраснев, Тим встал с табуретки и переставил ее под стол. Снова выгадывает время?

Я тоже встала с кровати, прямо перед Тимом. Сейчас во мне проснулся бесенок, мне нужно было знать, совет ли Тим, сказав, что никакой Заиры не знает.

— С четвертого курса. Ты ее знаешь?

— Знал. Раньше. Мы недолго общались. — Отступив на шаг, ответил Тим.

— А сейчас не общаетесь? — Странно, конечно, Заира выглядела очень «общительной», и планы у нее на моего Тима были вполне определенные и долгосрочные.

— Нет! — Поспешно ответил Тим, и спокойнее пояснил. — У меня времени только на учебу и подготовку к практике хватает.

— Вот и отлично! — Я Тиму верила. — Пойдем тогда в нашу аудиторию на первом этаже. Постараюсь запомнить дорогу, чтоб не опаздывать. — Сейчас я была готова к любым подвигам.

— Завтра пойдем. — Моего рвения Тим не поддержал. — Сейчас не будем время тратить. Держи, — он достал из кармана сложенные листы, — это сегодняшнее наша работа.

Почитай. А завтра разберем непонятные моменты.

Тим ушел. Я села заниматься, и была уверена, что все разберу и выучу сама или с помощью Сафы. Завтра же буду только блистать своим умом перед Тимом, восхищая его. Раз уж он отодвинул все неважное ради учебы, и я его разочаровывать не буду.

41. Хочу в город!

По календарю уже наступила середина первого месяца весны. Но снег таять и не собирался. Однако меня и снег, и холод, и постоянные ветра пока радовали. Стоило только представить, что скоро потеплеет, а у меня ничего подходящего в шкафу нет, как настроение падало до уровня подземного этажа Академии.

Но решить проблему обновок у меня не получалось: все дни с утра до вечера были забиты занятиями и тренировками. С восьми до четырех часов дня были обязательные занятия по расписанию: лекции, практикумы, часы физической и магической подготовки. Время с четырех часов дня до одиннадцати ночи были разделены на выполнение индивидуальных занятий от преподавателей, дополнительные занятия с Тимом и самостоятельную работу. Еда, отдых, сон необходимые процедуры гигиены — все это занимало минимум времени. Даже выходные дни у меня были забиты полностью. Я чувствовала себя солдатом, который так выдохся на марш-броске, что готов бросить оружие. Хорошо, хоть Сафа мне помогала и иногда развлекала меня. И еще я могла любоваться Тимом, а чувство, что я все-таки помогаю ему сдать практику, придавало мне новых сил.

Но он очень сильно похудел за это время и осунулся. Стал резче, не со мной, конечно, но Лион и Чмир начали его избегать. Остальные однокурсники вели себя с Тимом подчеркнуто вежливо и обычных в их кругу шуток себе уже не позволяли. Лион как-то оговорился, что Тим однажды психанул... Но в подробности не вдавался, а сам Тим в ответ на мои расспросы задал в два раза больше заданий.

Обычно в столовой мы с Тимом сидели только вдвоем, и даже в это время он что-то мне объяснял по «потокам», «импульсам», «слиянию», «расщеплению»..., и я не возмущалась, старалась впитывать знания. Он всегда хорошо объяснял темы, даже Сафа слушала его восхищенно. Однажды она, после быстрого разъяснения Тимом сложного вопроса по «Магометрии», с сожалением сказала:

— Не в того адепта я по глупости влюбилась. Твой Тим намного умнее стандартных магов. — Несколько дней я из этой фразы черпала силы для учебы и тренировок.

Сегодня после четвертой пары я схватила в столовой для себя и Тима булочки и отправилась по уже заученному маршруту в аудиторию, ставшую давно привычной. Когда я вошла, Тим ответил на мое приветствие и предложил сразу приступить к конспекту, не дожидаясь начала занятия.

— Я хочу поесть, — посмотрев на надкусанную еще в коридоре булочку, не поддержала я его тяги к знаниям. — И ты тоже должен поесть, я и тебе принесла булочки с тыквенной начинкой.

— Спасибо. Тебе надо было поесть в столовой, — взяв у меня с рук сверток, сказал Тим.

— Тогда бы я опоздала, — вздохнула я. Странно, но опаздывая на занятия магистров, взрослых серьезных педагогов я так не переживала, как входя после начала пары к Тиму. И его осуждения или недовольства я боялась больше, чем отработок от куратора. А у нас с Тимом только дополнительные занятия.

Мы еще не доели сдобу, когда запахнулась дверь, и на пороге показался Матиас. Я так ему обрадовалась, что проглотила, чуть не подавившись, не прожеванный кусок.

— Чудо мое, давно не виделись! — С широкой улыбкой обратился ко мне мой липовый

женых. И поздоровавшись с Тимом, сказал ему. — Адептку Чарх с занятий я отпросил у ректора. Я забираю Сафиру в город.

Я уже встала со стула и схватила тетрадь и сумку одной рукой, оставшийся кусок булки крепче зажала в другой и направилась к выходу.

— Сафира, — окликнул меня Тим, — ты хочешь пропустить занятие?

И я застыла на половине пути между Матиасом и Тимом, между отдыхом в городе и надоевшими занятиями, между глотком свежего воздуха и бесконечной муштрой.

— Я хочу в город. — Неуверенно сказала я Тиму.

— Мы не успеем пройти весь материал до практики. Тебе нельзя сейчас бросать занятие. — Но на меня уже повеяло свободой, хотя бы на один вечер. И весна уже наступила, сесть сейчас за стол для меня было равносильно восхождению по крутым ступеням на эшафот.

А Матиас, сказав, что подождет меня за дверью, вышел из аудитории.

— Мне надо в город. — Пряча глаза от Тима, все же сказала я.

— Хочешь провести время с доктором Мартазаном? — Чуть помедлив, осуждающе спросил Тим.

— Я хочу выйти из Академии. Пройтись по городу. Заказать себе новую весеннюю форму. Купить обувь. Просто отдохнуть. Я устала все время проводить за учебой. — Начав выговариваться, уже сложно стало остановиться. — И вообще, другие группы так не занимаются. Мои сокурсницы могут хотя бы просто посидеть в столовой и спокойно поесть. Они себе уже платья весенние купили. А я никуда не выхожу. Даже ты ночами уходишь из Академии! — Упрекнула я своего руководителя. Несколько раз я приходила к нему, но его не было в на месте, а Лион, сидевший в его комнате, однажды проговорился, что брат ушел в город.

— Мне надо было решить одно дело.

— У меня тоже очень важные дела! — И я выскочила из аудитории, и, даже не захлопнув дверь, понеслась по коридору.

Я чувствовала, что сейчас мне не надо было убегать, Матиас бы подождал, пока я поговорю с Тимом. А обсудить нам надо было многое. Хотя бы то, что в таком темпе я больше учиться не могу, но я сбежала. Матиаса нигде не было и, оглядевшись, я поняла, что забрела не в тот коридор. Наверно, пробежала мимо своего поворота и заблудилась. За эти две недели ни разу не ошибалась в направлении, а сейчас потерялась в коридорах первого этажа. Но выход должен был быть неподалеку, и я пошла в обратную сторону, только тетрадь и недоеденную булочку закинула в сумку.

Вдалеке слышались голоса и я, обрадовавшись, поспешила на их звук. Когда же я начала узнавать голоса, пришлось остановиться. Навстречу мне, скорее всего, из-за поворота шли Кон Вэдр и леди Вэдр. Я развернулась на месте и побежала в противоположную сторону. И, дергая за ручку каждую попавшуюся дверь, начала искать себе убежище. Убегать далеко не хотела, чтобы потом не тратить больше времени на выход из лабиринта коридоров.

Одну из дверей у меня получилось открыть, и я скрылась в этом помещении. Это была небольшая аудитория только с десятью столами, стоящими в два ряда. И высокими, от самого пола до середины стены, передвижными стендами с изображением различных карт. Я уже осмотрелась, когда ручку двери дернули с другой стороны, и дверь начала открываться. В последний момент, я все-таки успела, метнувшись за одну из ширм,

спрятаться за ней. А там прижалась к стене подальше от окна, чтоб они не заметили моего силуэта на ширме. Театр теней я никому показывать не собиралась.

— Кон, а где твои адепты? Разве ты не должен их сейчас натаскивать на победу? — Продолжая светскую беседу, спросила будущая четвертая леди Найт

— Я уже отобрал лидеров. Они сейчас в библиотеке выполняют задание. А остальные давно работают по своим тематикам самостоятельно.

— Как у тебя все просто. А я своего будущего мужа никак вытащить из Академии не могу. Он говорит, что очень занят подготовкой к практике. — Недовольно проговорила леди Вэдр.

— Ты это о нашем вырожденце? — С нотками пренебрежения в голосе спросил Кон Вэдр.

— Я о моем вырожденце. Скоро я женю его на себе. — Она, скорее всего, села на стул, потому что раздался скрежет чего-то деревянного по гранитному полу.

— И зачем, Жисса, ты так из-за него суетишься? — Впервые от Кона услышала ее имя. — Неужели тебя покорили игры с Тимиром в постели? — Уже от одного этого вопроса я снова почувствовала ноющую боль в груди.

— В постели я его не проверяла. Пока не проверяла. — Проворчала леди Вэдр. — Четвертый Найт сказал, что дал магический обет и до свадьбы не может коснуться женщины.

В аудитории что-то упало и треснуло. И меня даже оглушил хохот адепта Вэдра:

— Магический обет? Это Тимир его дал? — Успокоившись, Вэдр, наверняка, с удовольствием просветил свою родственницу. — Я лично знаю с десятков адептов, с которыми Тимир нарушал этот обет. И не по одному разу. Так что они даже мне его в пример ставили. Стервы!

— Вот как? Неожиданно... Мне придется поговорить с леди Найт. — Ледяным голосом пригрозила кому-то леди Вэдр.

Я не планировала подслушивать их разговор и спряталась здесь, скрываясь от неприятной мне встречи. Просто все само сложилось именно так, чтоб я слышала их откровения. Поэтому я приготовилась слушать внимательно и запоминать, может быть, услышанное сейчас мне и пригодится.

Но они продолжать разговор не собирались. Парочка в аудитории завозилась и начала издавать совсем другие звуки. Пришлось вспомнить добрым словом свою везучесть и ждать, пока эти двое закончат возню. Ждать пришлось долго. Это время я бы с большей пользой потратила на занятия с Тимом или на прогулке с Матиасом.

— О-о-о, спасибо деверек, помог несчастной вдове расслабиться, — удовлетворенно проговорила леди Вэдр.

— Обращайся, вдовушка, помогу всем, чем могу, — хмыкнув, ответил вдове своего близкого родственника Кон Вэдр.

— Сам помощь предложил, мне она очень нужна. Можешь узнать, появилась ли у четвертого лорда Найта... поклонница. Может, он увлекся кем-нибудь. Представляешь, прислал мне письмо с намеком поискать себе мужа не в семье Найт. Потому что он вдруг решил, что предложение мне делать не будет. А я шесть лет его ждала.

— Не то, что бы ты у окошка сидела и вдаль глядела в тоскливом одиночестве, — громким шепотом начал Вэдр. Потом уже нормальным голом продолжил. — Жисса, понять не могу, зачем тебе сдался этот выродок? Он же ничтожество на коротких ножках?

— Он не ничтожество. Мой будущий жених маг десятой ступени, очень талантливый маг, как о нем всегда отзывается магистр Мартазан.

— Так зачем тебе этот талантливый маг? — Зевнув, повторил вопрос Кон Вэдр.

— Он станет прекрасным репетитором моим сыновьям. — Без промедления ответила леди Вэдр.

— Так себе причина для замужества. Тимир выродок, он может перегореть в любой момент. — Они говорили тихо, иногда прерывая фразы поцелуями. И мне пришлось напечь слух и не отвлекаться на их посторонние звуки.

— Тогда я останусь очень богатой вдовой, его родители обещали за ним богатое приданое.

— Не настолько богатое, чтоб привлечь тебя. Что еще в Тимире занятного? — Похоже, Кон Вэдр слишком хорошо знал вдову своего родственника, чтоб поверить ей.

— Еще он красив. — Простонала леди Вэдр, а Кон начал смеяться. — Можешь мне не верить, но мой жених мне нравится. Четвертый Найт молод, красив, как я уже говорила, умен, образован, его многие уважают, мать его достаточно дрессировала, так что мужем он будет покладистым. По брачному договору главой семьи буду я: он поцелует мою руку у алтаря. — Смех Кона стал уже откровенно издевательским.

И леди Вэдр после молчания со злостью продолжила:

— Это сейчас такие, как четвертый Найт, для всех выродки. Но в Совете Магов давн лежат целые исследования ученых магов. Они доказали, что внешние данные не влияют на магическую мощь. И если бы мой муж, твой двоюродный брат, не умер восемь лет назад, закон о Запрете Дискриминации Магов был бы уже давно принят. И никто бы не посмел называть выродком и деградантом людей с нестандартной внешностью!

— Ты на что намекаешь, Жисса? — Уже серьезно спросил адепт Вэдр.

— Я не намекаю. В конце лета пройдут выборы главы Принципата. И новый глава, кого бы народ не выбрал, примет этот закон. И четвертый Найт, которого ты не считаешь за человека и мага, лет через десять может даже стать политиком.

— Чушь! Никогда этому не бывать. Маги не поддержат такие унижительные перемены.

— Этот закон и следующие за ним перемены поддерживает весь Совет Магов. Многие министры, все силовики, большая часть глав родов, целители — все ждут перемен.

— Не может этого быть, — раздался тихий голос Вэдра за ширмой. Скорее всего он встал и начал ходить по аудитории в хаотичном порядке.

— Может. Просто теперешний Глава Принципата слишком стар, не сможет выдержать нагрузку, которую несут изменения, но преемника он поддержит. А знаешь, Кон, что самое главное?

— Ну и? — Нарушил театральную паузу Вэдр.

— К концу лета четвертый лорд Найт уже будет моим мужем. Покорным. В полностью зависимом от меня положении. И без малейшего риска наградить меня маленьким выродком. Мне больше дети не нужны. Хочу пожить в свое удовольствие.

42. Только не домой!

Эти странные Вэрды, то ли родственники, то ли любовники, уже давно вышли из аудитории, громко хлопнув дверью. Я же боялась последовать за ними сразу и стояла у самой двери, не решаясь выйти в коридор. Неожиданно по коридору разнесся уже привычный звук, радуя адептов: время дополнительного занятия подошло к завершению. Я же больше удивилась, оказывается, уже прошла пара, пока я тут в шпионку играла. Было немного страшно встретиться лицом к лицу с отвратительной парочкой. Так же мне было боязно предстать перед Матиасом и Тимом, но отсчитав от десяти до одного, я пнула дверь и вышла в коридор. Я влилась в немногочисленную речку из адептов, они честно поработали на дополнительном занятии и со спокойной совестью шли отдыхать.

Впереди уже показалась знакомая дверь нашей с Тимом аудитории, и я поспешила к ней, но меня перехватил Матиас:

— Сафира, где ты была? Я тебя два часа ищу! — Матиас был очень недоволен, даже сердит.

— Я заблудилась. А давай перенесем нашу прогулку на другой день? — Сейчас я уже не успела бы переделать свои дела в городе.

И Матиас, как ни странно, быстро меня поддержал:

— Ладно. Только завтра я занят. В воскресенье весь день проведем вместе. Я тебя в кукольный театр и ресторан сыра поведу. — На этом и договорились. Только я не знала, как сказать Тиму, что целый день в воскресенье проведу не за книгами.

Проводив глазами уходящего Матиаса, направилась в аудиторию, может Тим еще не ушел, и я смогу перед ним извиниться, и заранее сообщить про свои планы на воскресенье. Я открыла дверь и снова наткнулась на леди Вэдр. Только сейчас она не миловалась с Коном Вэдром, а говорила с моим Тимом.

Причем разговор вела на повышенном тоне, а некоторые фразы выплевывала, как приказы недостойному рабу. А Тим, который стоял спиной к входной двери, больше отмалчивался, только несколько раз сказал короткое: «Нет».

Леди Вэрд видела, что я вошла в аудиторию, стоя лицом к двери не заметить вошедшего было невозможно, но даже взглядом на мой легкий приветственный поклон не ответила.

— Лорд Найт, вы не можете отказаться от договора, — сквозь стиснутые зубы произнесла леди Вэдр.

— Я с вами договора не подписывал, леди Вэдр, — очень тихо, не поднимая лица на собеседницу, сказал Тим.

— Потому что у вас нет права договариваться с теми, кто выше вас по статусу. А я выше. Мы пришли к соглашению с вашими родителями. И у алтаря вы поцелуете мне руку. — Давя взглядом, не допуская возражения, проговорила та, что мечтает стать четвертой леди Найт.

— Леди Вэдр, вы достойны уважения, как дочь сильного рода, вдова великого политика и мать перспективных магов. Но я рядом с вами у алтаря не стану. Никогда. Устраивайте свою жизнь. Мои планы на будущее не допускают семейных уз. — Леди Вэдр выглядела взбешенной самым отказом, и кажется, даже не обратила внимание на последнее предложение Тима. А я именно его прокручивала в голове.

И леди Жисса Вэдр, постояв какое-то время с каменным лицом, громко выдохнула и

направилась к двери, тяжело топая ногами. Я отскочила в сторону, пропуская ее к выходу, а она остановилась только на мгновение, чтоб бросить напоследок последнюю фразу:

— Я поговорю с леди Найт, мы с ней изначально были слишком терпимы к вашим капризам, Тимир Найт.

Тим, наконец, увидел меня, но подавленным разговором с несостоявшейся невестой он не выглядел. Он, встретившись со мной взглядом, слегка пожал плечами.

— Она впервые назвала тебя по имени, — заметила я.

— Прогресс в отношениях на лицо. — Улыбнулся Тим и, резко подавив улыбку, спросил. — Ты куда пропала, Сафира? Мы с доктором Мартазаном искали тебя. Я беспокоился.

— Прости. Перед Матиасом я уже изменилась. — Я чувствовала себя виноватой и за то, что убежала от Тима и за то, что он из-за меня потерял время, которое мог использовать с большей пользой. Но больше всего меня сейчас волновали два случайно услышанных мною разговора. — Ты точно на леди Вэдр не женишься?

— Не женюсь. — Спокойно, но без колебания ответил Тим.

— Правильно. Она плохая. — Тим вопросительно приподнял брови. — Она с Коном Вэдром спит.

— Спит? — Удивленно спросил Тим. Я не знала, можно ли назвать занятие парочки Вэдр специально придуманным для этого словом. Все-таки у аристократов свои правила общения:

— Они там, — я махнула рукой в сторону коридора, — расслаблялись. И она сказала Вэдру, что ты нужен ей как наставник для сыновей и, что леди Найт тебя воспитала покорным. И еще она сказала, что в конце лета выберут нового Главу Принципата, и он примет закон запрещающий ущемлять в правах таких, как ты. Поэтому она торопится со свадьбой и с процедурой у целителя. Так что, Тим, не женись на ней, она очень нехорошая леди.

— Я и не собирался. Только время тянул, чтоб не ссориться с семьей. — После долгого молчания сказал Тим. А потом строго, даже нахмутив брови, сказал: — Сафира, нельзя подслушивать чужие разговоры. Это неприлично.

— Ты уже говорил. Раньше. — Мы с Тимом немного посмеялись и, наконец, спокойно поговорили. Сели и впервые за долгое время просто обсудили жизненные вопросы, а не разбирались в потоках магических каналов и остальных, не менее важных, темах.

Оказывается, разговоры про Закон о Запрете Дискриминации магов Тим слышал, они звучат последние лет десять, но ни к чему не приводят. Поэтому он и не верил, что что-то может измениться при новом Главе Принципата. Тим давно поставил себе цель закончить Академию, чтоб быть независимым от рода. Чтоб родители не смогли взять его под опеку, как ущербного члена семьи. И рвать отношения с родственниками не хотел, все-таки он любил их. Даже промахи леди Найт он оправдывал.

С полным образованием Тим смог бы вернуться в ряды архаровцев, но не рядовым исполнителем, которым помывает каждый старший в отряде. Как маг десятой ступени и выпускник Академии он смог бы стать офицером, хотя бы младшим. И, учитывая образ жизни этих теневых стражей порядка, жена для Тима была ненужной обузой.

— Тогда, почему ты согласился в тот вечер на процедуру у целителя. Все равно же жениться не собирался? — Я не понимала его. Как можно навсегда лишиться возможности завести семью. Может, сейчас, пока он пытается отвоевать себе независимость, женитьба и

является непоозволительной роскошью. Но процедура, на которой настаивают его семья и несостоявшаяся невеста, необратима и очень опасна.

Тим запустил пальцы в волосы и тихо сказал:

— Я растерялся. Не ожидал, что они так... будут давить. — А я помню, что давила на него только его мать. И она его ударила, не кто-то чужой. А Тим её, все равно, оправдывает. — Мама права, ни одна женщина не согласится родить от меня ребенка, так что эта процедура неизбежна.

— Если твой ребенок будет похож на тебя, я бы согласилась стать его матерью. — Поддавшись порыву, искренне сказала я. Я никогда раньше не видела такой сыновней преданности, беспричинной, прощающей любую несправедливость по отношению к себе.

Тим внимательно посмотрел на меня. Он должен был понять, что я говорю от всей души.

— Снова шутишь? — Невесело улыбнулся он. — Ни одна нормальная женщина не захочет, чтоб ее ребенок подвергался унижениям из-за внешности. А от меня нормальный ребенок не родится. — Слишком глубоко Тим впитал правила своего мира. Почти также как и Кон Вэдр.

Просто чтоб перевести разговор я рассказала, что в воскресенье собираюсь в город за покупками с Матиасом. И неожиданно для Тима спросила, где он пропадает ночами, когда покидает Академию.

— Доставал с ребятами артефакты... — И резко замолчав, улыбнулся. — Такая маленькая, а меня разговорила. — И слово «маленькая» у него прозвучало ласково. И уже серьезным тоном попросил. — Сафира, не спрашивай, эти вылазки... не совсем законны.

Хотела еще о многом его расспросить, но в аудиторию ворвался взволнованный Лион:

— Тимир, я тебя давно ищу. Занятия же закончились.

Тим встал перед братом и спросил:

— С заданием нужно помочь? Давай позже.

— Нет. — Дернув головой, сказал Лион. — Да. Короче, с заданием поможешь потом. Сейчас же нам нужно спешить, для нас открывают портал. Меня и тебя домой вызывают, мама заболела. Она очень серьезно простыла.

Лион ушел, сказав, что через десять минут нужно быть на четвертом этаже. А Тим стал быстро собирать книги и листы с конспектами и чертежами.

— Не иди домой. — Попросила я Тима. Он отвлекся от собранной кипы и с увеличенными вдвое глазами посмотрел на меня:

— Как? Там же мама болеет. — Я не стала говорить, что она может притворяться. И что дома полно людей и целитель имеется, чтоб не оставить Тиму шанса сохранить свое здоровье, также добавлять не стала. С его безоговорочной любовью к матери я бы его только расстроила. — Помнишь леди Вэдр грозила, что поговорит с леди Найт, они снова будут на тебя давить. Дома и так много людей, чтоб обеспечить твоей маме уход. Не уходи из Академии, здесь безопасно.

— Сафира, там же моя мама болеет. Как я останусь здесь? — Даже если бы ему сказали, что дома, возле болеющей матери, специально для него разожгли костер, и его сразу отправят в пламя, он бы все равно навестил свою мать. Отговаривать его от визита домой было бессмысленно.

Поэтому я стала помогать ему собирать многочисленные листки, пока он укладывал книги в сумку. И я пошла с ним в его комнату, уже не столько, чтоб помочь, я хотела побыть

с ним рядом чуть-чуть дольше. В своей комнате Тим поставил сумку на стол, потом достал из шкафа новую коробку. Из нее он вынул артефакты:

— Целительские я заберу, маме могут пригодиться. А остальные спрячь у себя. — И он протянул мне коробку, из которой вынул около десяти артефактов. Тех, которые копил на практику, ночами отправляясь на незаконное дело. Без которых у нас, как все говорят, нет шанса справиться с заданиями на горе Пик Магии.

А потом Тим немного замялся, но, все-таки, протянул мне мешочек из своего кармана:

— Сафира, пожалуйста, возьми и это. — Я посмотрела на мешочек, в котором обычно хранят деньги. — Я хотел сам тебе что-нибудь купить. Возьми себе платье или шарфик на весну. — Он держал свою руку так, будто я должна снизойти до его недостойного подношения. А я взяла мешочек и прижала к сердцу, и от души поблагодарила Тима. И пообещала выбрать себе самый лучший подарок. И хвастаться, что это он мне подарил. Мне даже показалось, что когда примут долгожданный закон о дискриминации, Тим будет не так счастлив, как в данный момент. Он улыбался так широко, что ямочки на щеках стали смотреться задорными и трогательными одновременно.

Потом мы быстро дошли до лестницы и остановились. Мне нужно было спускаться на второй этаж, а Тиму подниматься выше.

— Береги себя. — Сказала я ему. — И маме твоей здоровья.

— Спасибо. Сафира, через два дня, в понедельник, я обязательно вернусь. Тогда, я тебе обещаю, мы пересмотрим твой график учебы, разгрузим его насколько это возможно. — И Тим сам впервые приобнял меня. Но быстро отстранился и побежал к порталной комнате.

43. Послание от Тима

В субботу я весь день провела за книгами и конспектами, даже на обед потратила минимум времени. Я читала, учила, разбирала формулы и повторяла уже пройденные темы. И все это несмотря на бессонную, беспокойную ночь. Просто в начале дня, утром, когда я сидела в столовой с однокурсниками, мне принесли письмо.

— Письмо адептке Чарх, — звонко раструбил на всю столовую рыжий первокурсник и бросил конверт на наш стол.

Раньше я часто получала послания от поклонников. Сейчас же, когда слухи о моей помолвке с Матиасом разнеслись повсюду, письма стали редкостью. Но я все равно не торопилась его читать, а, свернув, положила в свой карман и продолжила согрывать руки о чашку с кофе, который всегда пил Тим. Вдыхая аромат, который у меня ассоциировался с нашими совместными с Тимом завтраками, мне казалось, что он становится чуть ближе ко мне. Скучала я по Тиму так, будто мы расстались в прошлом столетии. И переживала так, будто он сейчас не в родной семье находится, а плену у злейших врагов. Хотя в случае Тима еще не понятно, где было бы безопаснее...

Выпив залпом остывший напиток, я вышла из столовой, махнув напоследок соседям по столу. Учиться я все равно не смогла бы, и решила отправиться в гости к Найтам. Тим должен мне обрадоваться, и я его смогу поддержать. Почему вчера сразу с ним в портал не полезла?

На четвертом этаже я столкнулась с секретарем ректора, очень суровой женщиной средних лет, всегда в неизменном черном платье.

— Леди Мариет, можете открыть мне портал, мне к семье Найтов нужно.

— А, адептка Чарх? Вас пригласили? — Я отрицательно качнула головой. — Тогда вам портал не откроют. — Я продолжала стоять, надеялась, что эта умная женщина что-нибудь придумает. Должен же быть какой-то способ предупредить людей с другой стороны портала, что к ним рвутся в гости. — В письме плохие новости? — Без капельки участия спросила она.

— В каком письме? — Я даже представить не могла, кто из претендентов на мою руку, мог мне прислать письмо с плохими новостями.

— Вам не передали послание из имени Найтов? Я сама отослала к вам адепта.

— Из имени Найтов? — Значит рыжий первокурсник принес мне это письмо. От Найтов? Не от поклонника?

Я с радостью ответила леди Мариет, одновременно вынимая помятый конверт из кармана и выравнивая его, что письмо получила, но не успела его прочитать. Потом поблагодарила ее и извинилась, и пожелала доброго дня. Подбегала к подоконнику я уже с развернутым листом, жадно вчитываясь в строки, написанные мелкими четкими буквами.

«Утра доброго, Сафира. Не опоздала на завтрак? Сегодня можешь никуда не торопиться, но книги без внимания не оставляй. Я задержусь дома, скорее всего, не только на выходные. Мама сильно простыла, ей нужен уход.

Завтра, когда будешь в городе с доктором Мартазаном, зайти в ателье «Стежки и строчки» на Седьмой улице, у них шьют формы для Академии. И повседневную одежду лучше заказать у них. Требуй скидку. На этой же улице сапожная мастерская — «Каблучок»

— у них закажи обувь. Обратись к мастеру Румелю.

Я постараюсь написать, если что-то поменяется в планах.

Отдохни и повеселись.

Скучаю (это слово было зачеркнуто и замазано). Очень скучаю (рядом написано более крупными буквами).

Тимир».

Я перечитала это письмо, наверно, не меньше десяти раз. Ни одно любовное послание не читали с такой жадностью, как я это вполне обычное письмо с рекомендацией, где выгоднее приобрести одежду и обувь. Только «очень скучаю» написанное вместо простого «скучаю» для меня было дороже сотни страстных признаний в любви. Представляла, что он зачеркнул первое слово, посчитав его неуместным в наших взаимоотношениях, а потом, не удержавшись, написал более «неприличное» признание.

Поэтому в субботу я работала, как одержимая. Переделала даже задания на понедельник и вторник. Тим должен быть доволен моими стараниями и успехами.

44. Долгожданное воскресенье

Я была готова к прогулке в городе уже рано утром. Оделась, накормила Сафу и посадила ее в сумку, куда еще вечером собрала все свои наличные деньги. Взятые с банка, и те, что подарил мне Тим. Даже бумаги сложила в боковой кармашек, чтоб зайти в банк, если не уложусь в уже имеющуюся наличность. И ровно в девять часов я ждала Матиаса у лестницы. А он опаздывал. Оказывается, ожидание очень неприятное занятие.

— Сафира, ты сегодня не опоздала? — Почему-то удивленно спросил меня подошедший Матиас.

— А ты опоздал! — Обвинила я его. Я тут как на иголках стою, с вечера к прогулке готовилась, а он заставляет меня терять драгоценные мгновения, вместо того чтобы бегать по лавкам и магазинам.

Матиас посмотрел на огромные часы, стоящие в холле и прищурился. Я тоже посмотрела в ту сторону, прямо на часы, может, он просто не видит издали, хоть время ему подскажу.

— Видишь? — Спросил он меня тихо, почти шепотом.

— Да. Часы большие. — Так же тихо ответила я.

— А стрелки на часах и циферки тоже большие?

— Ну, вполне заметные. — Стрелки: часовая, минутная, даже секундная были хорошо видны. И цифры были крупные, золотистые, слегка светящиеся, не увидеть их мог бы только совсем слепой человек.

— И что часы показывают? — Внимательно, даже с ожиданием уставился он на меня.

— Девять часов и одна минута. — Подсказала я ему время.

— Минуту мы здесь с тобой разговариваем, а я пришел ровно в девять часов. Не опоздал, как некоторые себе позволяют. — Я уже поняла, на что он намекает, и что это представление с прищуром он специально устроил. Но Матиас продолжал измываться. — Я пальцем не указываю на не пунктуальных девушек. Но умная адептка и сама поймет, что нехорошо обижать пунктуального ухажера, настроенного сегодня целый день ее развлекать.

Я обиженно потопала к выходу. А Матиас последовал за мной, продолжая разбирать мою требовательность к окружающим. И замолчал только, когда я намекнула, что натравлю на него Сафу.

Сперва мне пришлось сходить с Матиасом в кукольный театр. Ему слезливая история любви, показанная куклами-марионетками, очень понравилась. А мне от неразделенной любви и так плакать хочется. И, по-моему, куклами можно показывать только что-то веселое и легкое.

— Сафира, тебе здесь понравилось? — Матиасу нужна была похвала, и я его самолюбие потешила. Но и за этот театр и за более чем прозрачные намеки на мои опоздания я ему отомстила в ателье и у сапожника.

Ателье «Стежки и строчки», как Тим и писал, я нашла на Седьмой улице. Маленькое двухэтажное здание находилось на самом видном месте и своим белоснежным цветом сразу привлекало к себе взгляды прохожих.

— Нам сюда? — Кинув быстрый взгляд на вывеску, спросил Матиас. — Ты же здесь пропадешь до самого обеда. А я тебя хотел еще на выставку современной живописи сводить.

— Матиас, прости, но картины я на себя не надену, когда на улице потеплеет. Так что мне сейчас именно сюда, но не на долго. Управлюсь за полчаса, можешь даже время засесть. — Матиас выдохнул, кажется, он мне не поверил, но не спорил и последовал за мной.

Как только мы захлопнули за собой дверь, к нам навстречу вышла милостивая женщина неопределенного возраста и вежливо предложила свою помощь. А, когда я сняла с себя беретик и пальто, чтоб передать ей, она увидела мою форму и сразу узнала работу своего ателье. Дальше наш разговор продолжился в самом дружеском тоне. Мы перешли на неформальное общение, она узнала мое имя, я стала обращаться к ней также по имени.

Литиция развернула передо мной рулоны материи, разложила кипу листков с эскизами платьев. И, чтоб я не потерялась в обилии фасонов, сама время от времени подходила, отвлекаясь от других клиенток, и помогала мне советами. Через несколько часов упорной работы я определилась с выбором: три платья, два комплекта юбок с сорочками, два брючных костюма и, давно о ней мечтала, сменную форму. И здесь же я заказала себе белье, пижамы, носки, колготки и шарфик, но только один. Я их вообще носить не привыкла, и решила купить только потому, что Тим про него говорил. Все деньги, что у меня были я внесла как предоплату. Часть заказа мне пообещали доставить сегодня, а остальное я смогу забрать уже через три дня, в среду.

Я не просто бездумно делала заказы, Сафа мне подсказывала, сколько денег я могу себе позволить потратить. Учитывая скидки, я себя разоренной не чувствовала. И сразу после ателье мы пошли в «Каблук», заказать мне обувь. Матиас бурчал и возмущался, и я не знала, как ему намекнуть, что мне еще нужно сходить в банк за деньгами. Пришлось промолчать. Подумала, что договориться с мастером Румелем о заказе обуви без предоплаты буде проще, чем после банка затащить Матиаса к сапожнику.

Сапожная мастерская находилась в полуподвальном помещении, если бы не огромная устрашающая вывеска с названием и изображением солдатского сапога я бы прошла мимо. Но внутри помещение было намного интереснее, чем снаружи.

Помещение было просторным и чистым, хоть освещение и было, на мой взгляд, недостаточным. Под узкими, расположенными под потолком, окнами стояли, заваленные всякими диковинками, три больших стола. На противоположной от окон стене, почти во всю ее длину, стояли внушительные полки. Но свободного места не было и на них. Полки были заставлены коробками, обувью, инструментами. На всех свободных стенах были прибиты подставки для инструментов и эскизы различной обуви. Только на одной, дальней от входа, стене был прибит стенд с оружием: кинжалами, стилетами и кастетами.

— Да, внушительная коллекция, — не сдержала я восхищения. Мы с Матиасом уже обошли все помещение и замерли возле стены с оружием, разглядывая его. Мы не смогли докричаться до хозяина, и Матиас уже хотел уходить. Но я знала, что в следующий раз выбраться в город у меня получится не скоро, поэтому планировала сейчас закончить с обязательными делами.

— Сафира, это не единственная обувная мастерская в городе. Пойдем, я провожу тебя к другому мастеру, — сказал Матиас.

— Тим сказал, что нужно обратиться именно к мастеру Румелю из «Каблук», — мне хотелось следовать советам Тима. Он же у себя дома вспомнил обо мне и не поленился написать о мастерской и ателье. Как мне игнорировать его советы?

Из-за стены раздался шум шагов и, раздвинув часть стены, к нам вышел угрюмый

одноглазый громила. Одна его нога была деревянной от колена.

— Давно ждете? — Без приветствия спросил он нас, не отводя от Матиаса одного своего глаза.

— Минут тридцать. — Спокойно ответил мой спутник. А я и не заметила, что мы столько времени провели в этом подвале.

— Кому будете заказывать обувь: вам или леди? Или у вас что-нибудь на ремонт? — Все же вежливо спросил хозяин мастерской.

— Мы заказываем обувь для юной леди. — Проговорил Матиас.

Мастер Румель кивнул и попросил Матиаса сесть на стул возле входа, а меня пригласил к рабочему столику. Сам, вытянув деревянную ногу, тяжело уселся на низкий стул, а мне указал на табуретку рядом. Я села положила свою сумку на колени, и посмотрела на мастера Румеля. Он был не таким страшным и старым, как показался в первый момент.

— Леди? — Отвлек он меня от разглядывания его лица. — Хорошо бы разуться, и поставить ногу на подставку, он рукой указал на круглую стойку между нами.

— А, я думала, мы сперва модели обуви выберем, — и я быстро сняла сапожки, подаренные еще зимой Тимом, и приподняла свои ноги на стойку.

А он взял с пола один мой сапог и повертел его в руках.

— Моя работа, леди. — Кивнул он на обувь в своей руке. — Но что-то я вас не припоминаю.

— Мне обувь Тим подарил.

— А Тим это...?

— Тимир Найт, мой руководитель по практике.

Он громко хлопнул себя по колену свободной рукой и восхищено посмотрел на меня.

— Так вы, леди, Сафира Чарх? А и впрямь красавица! А я Тимиру не верил, для него же все женщины красивые, кроме этой вдовушки политика. А тут настоящая красотка и только подопечная. — И после такой эмоциональной речи тихо добавил. — Обидно за Тимира.

Дальше развивать эту тему мастер не стал, но внести полную оплату позже позволил и скидку сделал хорошую. Даже посетовал, что не может подарить мне все заказанное. Но ему же самому надо оплачивать материал и аренду помещения, так что я не была обижена. Повседневные туфли, босоножки на низком каблуке и обувь для тренировок он обещал закончить за три дня. Мне даже мерок снимать не пришлось, они у него сохранились после заказа Тима.

Я встала, чтоб идти к выходу, но остановилась у стенда с оружием. Мастер Румель рассказал мне несколько историй про свои клинки. Он оказывается когда-то был архаровцем, тогда с Тимиром и познакомился и до сих пор они дружили.

— Но Тимр такие колющие-режущие предметы не любит. — Продолжил он просвещать меня.

— Почему? — Мне казалось, оружие любят все мальчишки, только кто-то носит его для самообороны и устрашения окружающих, кто-то коллекционирует, а кому-то подавай вертуальное, чтобы крутым быть в компьютерных сражениях.

— Говорит, сложно не прирезать кого-то случайно. — Я в шоке уставилась на рассказчика. Мастер хохотнул и исправился. — Шутка. Просто он поклонник кастетов.

Я перевела взгляд на кастеты на стене, выглядели они не менее устрашающими, чем клинковое оружие.

— Вот этот, — он показал на самый симпатичный и безобидный, на мой взгляд,

кастет. — Сделан из акульей кости. Очень легкий, даже кажется, что обволакивает пальцы, как кожаная перчатка. А удары им наносятся ловко, как будто кастет наделен магией усиливать удар. Драться с ним одно удовольствие.

Он с такой любовью смотрел на этот кастет, что и я им залюбовалась. Странно, конечно, когда с такими интонациями говорят об оружии, которое наносит вред людям.

— А Тиму он тоже нравится? — Спросила я, не сводя взгляд с кастета.

— Тимир его у меня давно выпрашивает. — Улыбнулся мастер Румель. — Очень ему приглянулся этот кастет. Это же не просто «костедробилка», это почти что артефакт.

По-моему у меня уже ненормальная реакция на слово «артефакт», стоило мастеру его произнести, как я начала уговаривать его продать мне кастет. Он, конечно начал отказываться, а я его с двойным пылом стала упрашивать. Вспомнила все эпитеты, которым он наградил костяное украшение на четыре пальца. Я посчитала в уме сколько у меня останется денег в банке, после того как я оплачу одежду и обувь и всю эту сумму предложила мастеру.

Он покачал головой и снял со стенда кастет, протянул его мне, а когда я закинула его к ругающейся Сафе в сумку, протянул мне правую руку. И я ее пожала, как бы закрепляя сделку.

— Тимир мне предлагал сумму в десять раз выше, чем вы, леди Сафира Чарх. — Сказал он со страной улыбкой на лице.

— Это значит, что вы отказываетесь от продажи? — Я не понимала этого мужика. — Тогда зачем вы отдали мне кастет? У меня больше денег нет. Но со временем я накоплю и...

— Я предлагаю обмен. — И я, успокоившись, выдохнула. Все-таки я смогу сделать Тиму достойный подарок, чтоб он не смог отказаться. — Я оставляю вам кастет. А вы за него целуете мне руку.

Почему-то первая мысль была, что стоит радоваться, что хоть не ногу предложил целовать. Во вторую очередь я вспомнила, что уже слышала эти слова про целование руки, нужно узнать про этот ритуал или обычай подробнее. Но главная мысль все-таки была, что простой поцелуй-это всего лишь поцелуй. И целовать нужно только руку. А здесь, точно, нет видео камер, так что никто потом из меня посмешище не сделает. И свидетелей почти нет. Если я поцелую руку быстро, Матиас может этого и не заметить, он вообще уже уснуть должен был на стуле. Я оглянулась на дверь, Матиас и вправду уронил голову на грудь.

— Хорошо. Я согласна. Поцелуй в обмен на кастет. — Я специально проговорила условие, чтоб мастер потом вдруг не изменил правила договора.

А он удивленно выпучил единственный глаз:

— Леди Сафира Чарх, вы говорите, что согласны..., - я не дала ему договорить и быстро нагнулась, слегка приподняв его натруженную мозолистую ладонь. Но он вырвал свою руку, я только запах обувной краски услышать и успела.

— Леди? — Спрятав руки за спину, уставился на меня вопросительно мастер Румель.

— Кастет не отдам! — Категорично сказала я. — Мы уже договорились, вы сами отказались от поцелуя.

— Такая же дурная, как Тимир. — Прошептал мастер, отступив на шаг.

— А Тимир тоже согласился вас поцеловать? — Спросила я.

— Тимир бы унижаться не стал. — Загадочно сказал мастер, а потом махнул на меня рукой. — Оставляй кастет себе. А про наш договор никому не говори. Особенно Тимиру. Никогда.

После полумрака мастерской сапожника на улице, в первое мгновение, пришлось щуриться.

А Матиас всю дорогу до ресторана бурчал. Я заметила, что голодным он становится сварливым. А по Тимиру вообще понять невозможно, когда он голоден.

Хорошо, что мы хоть на наемном экипаже поехали, а то я бы его долго не выдержала.

— Уже четвертый час. А мы еще не пообедали. С тобой, Самира, отдых оборачивается голодовкой. Разве можно проводить столько времени в ателье? Кто говорит с сапожником два часа? — На протяжении всей поездки возмущался Матиас. Если бы Сафа оставила в сумке хоть крошку еды, запасенной мной для нее, я бы обязательно угостила Матиаса.

Ароматы из «Ресторана Сыра» нас встретили уже на ступенях, и Матиас ненадолго успокоился. Наверно, усиленно сглатывал слюну.

Только после того, как нам принесли поздний обед, настроение моего спутника немного улучшилось. Заказ сделал он сам, как и в прошлый раз. И, по-моему, он заказал все меню. Еда мне тоже очень понравилась, и за нашим столиком надолго установилось благодушное молчание, которое нарушало только довольное чавканье и хлюпанье Матиаса. И Сафа ела кусочки сыра довольно шумно, может, специально к себе внимание привлекала.

Наконец, мы оба откинулись на спинки стульев и начали заводить неторопливую беседу.

— Хорошо отдохнули. — Сказал Матиас, наверно уже забыл, что ворчал мне всю дорогу. — Сафира, а выходи за меня замуж. По-настоящему. Ты мне очень нравишься. Характер у тебя, конечно, невыносимый, но и я неидеальный. Мы притремся, и будем вполне счастливы.

Я покачала головой.

— Я все время о тебе думаю, сколько раз я приходил в Академию, чтобы просто мельком увидеть тебя.

Не от этого мужчины я хотела слышать такие слова.

— Если ты из-за практики переживаешь и боишься, что твой руководитель будет ругаться, объявим о помолвке после практики. — Он уже давно положил передо мной большую коробку. Откуда только ее достал? Я открывала ее с опасной, боялась, что там обручальный браслет. Но нет, внутри оказались пять больших шоколадных конфет, уложенных по кругу. А в середине лежал зеленый камень, гладкий, овальной формы, это был целительский артефакт, я такие видела у Тимира. Подарок, о котором мы и договаривались с сыном ректора.

— Я не боюсь Тимира. — Сказала я. — Но замуж за тебя выйти не могу.

— Почему? Из-за того, что я говорил, что люблю женщин. Оказалось, что любовь к одной несносной девчонке может вытеснить всех женщин из головы. И я хочу, чтоб у нас были дети, конечно, когда ты закончишь Академию. Мы идеально подходим друг другу.

Я все это время не могла поверить в то, что слышу, ведь дружба с артефактором была таким хорошим вариантом, чтоб спастись от других ухажеров. Наверно, придется забыть про зарождающуюся дружбу:

— Матиас, мы не подходим друг другу, ты меня вообще не знаешь. И я люблю другого мужчину, замуж выйду только за него.

Матиас замолчал, и долго смотрел в окно:

— Зря я поторопился? Нужно было подольше ухаживать за тобой. Тогда у меня был бы шанс? — Спросил, наконец, Матиас.

— Нет, прости. И у меня не было шанса.

— Я его знаю? — Только и спросил Матиас. А не стала отвечать, чтобы не последовали и другие уточняющие вопросы.

Мы возвращались в Академию пешком, я несла только свою сумку с Сафой, а Матиас держал коробку с конфетами, которую мне подарил. На улице заметно потемнело, и мы шли в тишине. Было бы лучше доехать на экипаже, но я не стала делать намеков.

— А зачем у алтаря целуют руку? — Давно хотела узнать, чем леди Вэдр грозила Тиму. И почему сегодня мастер попросил никому не говорить про его предложение поцеловать его руку.

— Я бы никогда не заставил тебя целовать мою руку. — Кашлянув, сказал Матиас.

— А мою бы поцеловал? — Мне нужно было узнать подоплеку этого обряда. Сидеть в библиотеке сейчас совсем не было времени.

Матиас остановился и серьезно спросил:

— Это условие твоего согласия стать моей женой?

Может, было лучше потратить несколько часов в библиотеке, или спросить у магистра про поцелуи рук?

— Я хотела просто нарушить молчание, и узнать про ритуал. — Отводя глаза от его колючего взгляда, сказала я.

А Матиас, стоя на том же месте, пристально смотрел на меня начал с горячностью говорить:

— Сафира, если тот, кого ты любишь, просит, чтоб ты поцеловала его руку у алтаря, забудь его. Никто не будет так унижать свою пару. Это старинный обычай, не ритуал, и означает он полное подчинение супругу. Сейчас все права и обязанности оговаривают в брачном договоре: кто в чей род входит, меняет ли фамилию, кто считается главой семьи, на чье имя копят семейные деньги, кто решает, сколько в семье будет детей, где семья будет жить, в общем, там много пунктов. Только все это семейные дела, никто не вывешивает брачный договор в гостиной. Это одна из семейных тайн. Ничто не мешаем мужу и жене жить вместе, на равных, не зависимо от того, кто родовитее или богаче. Но требуя от будущей жены поцеловать свою руку на церемонии, у алтаря, в присутствии родственников и друзей, мужчина публично унижает ее. Он как бы говорит всем, что его жена не имеет права голоса в родной семье.

— А если жена требует поцеловать себе руку?

Матиаса этот вопрос очень удивил, и он спросил:

— А ты все-таки хочешь, чтоб поцеловали руку тебе?

— Нет, Матиас, не хочу. Ни целовать сама чью-либо руку, ни заставлять целовать свою руку. Меня интересует сам вопрос, его смысл. А ты умный, легче у тебя спросить, чем сидеть в библиотеке.

— А, — выдохнул он, — если ты только в плане самообразования спрашиваешь. Тогда слушай дальше. Для мужчины такое требование жены, конечно, унижительнее. Он признает не только, что менее родовит и обеспечен, он признает свою покорность воле жены. Я не знаю ни одного мужчины, что добровольно пойдет на такое. И ни одна женщина так отца своих будущих детей не унизит.

Конечно, леди Вэрд Тиму детей рожать и не собиралась.

— А если посторонний человек требует...? — Хотела выяснить для себя, чего же хотел добиться мастер Румель.

— Поцелуй руки — это публичное унижение в любой ситуации. Потому что человек сам совершает это действие, признает свою несостоятельность или ничтожность. Странно, что ты, Сафира, это не знала.

— Я много чего не знаю. Но я учусь. — Решила думать, что мастер Румель просто хотел испытать меня. Или проверить, на что я готова пойти ради этого кастета.

Мы с Матиасом, также спокойно разбирая некоторые вопросы по артефакторике, дошли до Академии, он не хотел заходить и передал мне мою коробку конфет, и мы простились возле двери.

— Подумай еще, Сафира. Я буду тебе хорошим мужем. — Я провожала взглядом уходящего мужчину и жалела, что на этом наша дружба закончилась.

Возле моей комнаты стояли коробки из ателье, пришлось занести их внутрь и запихать под стол. И как бы Сафа не возмущалась, что под столом табуретки стоят, и для коробок там нет места, я все равно не стала сейчас их распаковывать. Чтоб Сафа немного помолчала, положила ей шоколадную конфету из подаренной Матиасом коробки и сходила проверить у секретаря, не было ли мне новых посланий.

Когда выяснилось, что больше мне писем никто не писал, я, переодевшись в пижаму, почти до часу ночи читала конспекты и спать легла только когда глаза сами стали слипаться. Поэтому и не сразу услышала, что ко мне в комнату стучат. А когда услышала долго не могла встать, потому что тело отказывалось принимать вертикальное положение.

Наконец, я дошла до двери и, схватив за дверную ручку, облокотилась на косяк и спросила, надеясь что мне не ответят:

— Кто там?

С другой стороны мне громким шепотом ответил голос Лиона:

— Сафира, помоги. Я Тимира принес, ему очень плохо.

45. Это обычная простуда

Услышав слова Лиона, я крепче прижалась к двери: это были самые страшные слова, которые услышать я боялась больше всего. И в голове вихрем закружились сотни мыслей. Я ведь чувствовала, что Тиму нельзя домой. Почему я его не удержала? Почему потом не прорвалась в их имение? Почему получив письмо, успокоилась, и весь день развлекалась в городе?

Сафа, как всегда сохранила присутствие духа и не позволила мне раскинуть. Приказным, нетерпящим возражения тоном, заставила меня отстраниться от двери и натянуть свободное платье прямо на пижаму, завязать волосы и пойти открыть дверь. Я, от страха увидеть Тима, лежащим без сознания на полу, даже дверь распахнуть смогла не сразу.

Но за моей дверью стоял только Лион. Я пристально всмотрелась в его бледное лицо. Одет он тоже был неопрятно, длинное пальто не застегнуто, волосы не стянуты в аккуратный хвост. И, вообще, вид у него был непривычно потерянным:

— Сафира, пойдем? — Просящим тоном спросил он.

— Где Тим? — Спросила я его.

— В своей комнате. Я его там оставил. — И мы вместе поспешили на третий этаж.

— Это целитель Тима залечил? — Схватив Лиона за локоть, потребовала я ответа. — Леди Найт настояла на той процедуре? И ты это допустил?

— А? — Вырвав свой локоть из моей руки, становился на месте Лион. И, так как я ждала его не собиралась, сразу последовал за мной. — Нет! Не было никакой процедуры. Тимир от мамы заразился. Он с ней сидел все это время. — Лион быстро продолжил говорить. Наверно, чтоб притупить чувство страха за брата. Безлюдный коридор и эхом разносящиеся шаги и на меня действовали удручающе. — А сейчас, уже поздно ночью, Тимир постучал ко мне, сказал, что ему плохо. Попросил увезти его в Академию. По-моему, он тоже боялся целителя. Мы уже час как здесь. Я отнес его к нашему целителю, доктору Дирбу. Он сказал, что у Тимира простуда, что-то с горлом, выдал какие-то бутылки и написал лечение. А не знаю, как Тимира лечить, он весь горит и, кажется, бредит.

Мы, уже запыхавшись, добрались до комнаты Тимира, и вошли в приоткрытую дверь.

— Это я не закрыл, — объяснил Лион. Мы вместе подошли к кровати.

Тимир лежал, вытянувшись на своей кровати. Он был одет в форму, в верхнюю одежду, в обувь, даже последние пуговицы на пальто были застегнуты. Дышал тяжело и с долгими паузами. Глаза были закрыты. Я осторожно коснулась его лба, действительно, Тим горел и губы были ярко красными, будто запекшимися. А он открыл глаза и стал долго, пристально всматриваться мне в лицо.

Он попытался приподняться, но не смог. Я присела на край кровати и наклонилась к его лицу.

— Сафира? Какая ты красивая. — С широко раскрытыми глазами, не сводя с меня шального взгляда, севшим голосом проговорил Тимир.

— Не обращай внимания на его слова. Я же говорил, что Тимир бредит, — вставил Лион.

А я медленно встала, чтоб не пугать Тима, потом взяла со стола тетрадь и ударила ею Лиона.

— Почему Тим здесь лежит? Как за ним ухаживать? Где целитель? — С каждым вопросом я наносила ему новый удар тетрадью по голове, но вопросы задавала тихо. А Лион, не защищаясь, отступал к выходу, и я смогла вытолкнуть его из комнаты и потребовала срочно привести целителя к брату.

Когда я вернулась к Тиму, он все также смотрел вокруг почти круглыми глазами. Изгнание мной Лиона из комнаты, похоже, его немного взволновало.

— Тим, что у тебя болит? — Странно было видеть его таким слабым, даже с повязкой на глазах он был все-таки здоровым. А сейчас выглядел беззащитнее ребенка.

— Ничего не болит. Только немного холодно. — Накрывать его одеялом я побоялась, наоборот стала расстегивать пуговицы, чтоб снять пальто и, попыталась приподнять его, чтобы стянуть верхнюю одежду и пиджак. — Сафира, это неприлично. — Стесняясь, и отворачиваясь к стенке, сказал Тим.

— Я никому не расскажу, что раздевала тебя, — наклонившись к его уху прошептала я. Тим рассмеялся, и на его губах появились трещины, и выступили капельки крови. Пришлось аккуратно промочить губы салфеткой.

Пальто и пиджак я с Тима все-таки сняла. Только для этого пришлось Тима с трудом посадить на кровати и приобнять. А он, хоть даже голову держал с трудом, пытался мне помочь.

— Ты такая красивая, — снова сказал Тим.

— Повезло тебе со мной. — Сказала ему, просто чтоб не молчать и чтоб он слышал мой голос.

— Мне с тобой никогда не повезет. — Вздохнув, прошептал эти слова с таким сожалением, что я снова вспомнила слова Ясаман. Раньше, когда она говорила, что Тим в меня влюблен, мне казалось это слишком невероятным предположением. Хоть очень хотелось верить ей.

В комнату вошли взъерошенные Лион с целителем, одетым в домашний халат на светлую пижаму. Лион указал рукой на кровать с Тимом и крикнул на недовольного мужчину:

— Вот, смотрите! Я же говорю: брату очень плохо.

Доктор Дирб, покачав головой, подошел к постели и сел на освобожденное мной место. И спокойным тоном, не превышая голоса, но все же выражая свое неодобрение, начал нас отчитывать.

— У адепта Найта обычная простуда, двустороннее воспаление миндалин. Я вам, — он посмотрел на Лиона, — передал все лекарства и объяснил, как их применять.

Потом целитель встал и прошел к двери, там, чуть в стороне, на полу стояла корзина, ее он и принес, чтоб поставить на стол:

— Вот эти зелья для питья, вот настойка для растирки, чтоб сбивать жар, этой настойкой нужно протирать или хотя бы полоскать горло. — Он доставал из корзины бутылки и, указывая нам на надписи на них, возвращал их обратно. — Вот на этом листке я написал, когда и как пить зелья, и еще объяснил, как обрабатывать горло.

Целитель положил руку на лоб Тиму:

— Лихорадка усилилась. Ещё не сбивали жар? — Он посмотрел на Лиона и подчеркнуто вежливо спросил: — Наверно, стоит поблагодарить вас, адепт Найт, что хоть в одном вы меня послушались, и раздели больного?

Лион вопросительно посмотрел на меня. А доктор Дирб продолжил говорить, как

всегда, мягко, но от его тона стыдно стало даже мне.

— Вместо того, чтобы бегать за мной и шуметь на все крыло, нужно было заняться своим братом. А сейчас помогите мне, адепт Найт, попытаемся сбить жар вашему больному.

Пока Лион не успел сдвинуться с места, я подскочила к целителю первой. И поддерживала Тима со спины, пока целитель снимал с него рубашку. Я смотрела, как доктор Дирб в сложенную лодочкой ладонь слил немного настойки и растер ее по спине Тима. Положил его на постель и растер зелье по груди, и напоследок обтер ему лицо и руки. — Хорошо бы и штаны снять, чтоб обтереть ноги. — Бросил на меня короткий взгляд и обратился к Лиону. — Адепт Найт, вы же сможете справиться с этим несложным заданием, когда адептка Чарх вернется в свою комнату?

Лион кивнул, но очень неуверенно.

— Повторяйте эту процедуру каждые пять десять минут, пока лихорадка не спадет. Зелья можете дать сразу, как больному полегчает. И не забывайте давать ему пить, как можно больше.

— А нельзя Тима перевести в крыло целителей? — Спросила я.

— Смысл? Там никто за ним ночью смотреть не будет. Как я уже говорил, у адепта Найта всего лишь простуда. Мои целители уже спят. У них завтра занятия.

— И у нас завтра занятия, — сказал Лион.

— И вы тоже ложитесь спать, только не забывайте присматривать за братом, — и целитель важно направился к двери.

— Доктор Дирб, Тиму не станет хуже, он не умрет? — Спросила я бросающего нас целителя.

— Юная леди, все мы когда-нибудь умрем. — Мягко сказал, обернувшись, тот, кто должен был отвечать за здоровье адептов в Академии — А Тимир Найт не ранен и не смертельно болен. Просто он тяжело переносит лихорадку. Поите его больше, сбивайте жар, не забывайте обрабатывать ему горло и поить зельями, через два-три дня он будет абсолютно здоров.

И мы с Лионом остались ухаживать за Тимом. Я сразу послала младшего Найта за водой, а пока его не было, успела сама смазать Тима настойкой.

Он был очень слабым, но очень доверчивым и послушным. Стоило попросить его повернуться на бок, как он сразу поворачивался, облегчая мою задачу. Я спокойно смазывала ему спину настойкой, чтобы сбивать жар. Только Тим стеснялся и, все время оглядываясь, на ощупь искал свою рубашку.

— Лежи спокойно. — Глядя Тима рукой, смоченной в зелье, по лбу, колючим щекам, потрескавшимся губам, попросила я.

— Сафира, ты очень добрая. Но лучше уходи. За мной Лион посмотрит.

— Лион только смотреть и умеет. — Хучше сиделку, чем младший Найт, я и представить не могла.

— Леди не могут ухаживать за посторонними мужчинами, это неприлично. — Тяжело дыша, тихо сказал Тим.

— Тим, обещаю никому не рассказывать, что ты передо мной своим прессом хвастался. — Я-то пошутила, но Тим запаниковал и стал, судорожно оглядываясь, искать свою рубашку. Наверно, даже встал бы через силу, если в комнату не вернулся Лион.

Он принес два графина с водой. Напоив Тима, я даже смогла влить в него ложку прописанного целителем зелья.

И началась долгая ночь возле Тима. Он не спал, лежал с широко открытыми глазами, только был очень слаб и, как ни странно, разговорчив. Он говорил, перескакивая с одной темы на другую, часто забывал, о чем только что сказал, но при этом все магические формулы и правила озвучивал без ошибок. И часто-часто говорил мне комплименты, хвалил мою "ангельскую душу" и доброе сердце.

— Лион? — Тим вдруг резко попытался встать. Я сидела на кровати и удержала его на месте. — Сафира? Не ты... мне нужен Лион. — Мне даже обидно стало. Лишнюю одежду с него я сняла, водой я поила, настойкой обмазывала от горячки тоже я. Нежных слов для меня не жалел, но при этом нужна ему не я, а младший брат.

— Тимир, что? — Подошёл ближе Лион. И Тим протянул ему руку. А когда брат присел возле кровати, Тим обхватил его за плечи и потянувшись что-то прошептал на ухо.

И Лион игнорируя мои вопросы стал одевать на Тима рубашку.

— Куда ты его ведёшь?! — Уже истерично спросила я. И надавала бы ему по голове тетрадьё ещё много раз, если не получила ответ.

— Леди Чарх, ведите себя достойно. — Повторяя интонации голоса своей матери сказал Лион. Сейчас он уже не выглядел потерянным и напуганным, как несколько часов назад.

А Тим, ухватившись за брата, встал и облокотился на него. Он посмотрел в мою сторону и с извиняющейся улыбкой сказал, махнув рукой в сторону коридора.

— Сафира, нам туда. Подожди здесь, пожалуйста.

Они вышли из комнаты и направились в левую сторону коридора. В ту, где находятся душевые и уборные. Вряд ли Тим сейчас купаться надумал.

Хоть мне и стала понятна причина их внезапного похода, но сидеть в комнате я не собиралась. Через несколько минут я направилась за ними. Пришлось идти очень медленно, чтоб не догнать спокойно идущих впереди братьев. Тим слегка покачивался и часто останавливался, а Лион поддерживал его, схватив за локоть. Когда они скрылись за дверью уборной, я поспешила вперёд. И остановилась у самого входа.

— Тимир, ты бредишь! Нельзя так говорить. Она может пожаловаться на тебя ректору. — Голос Лиона был хорошо слышен, хоть и доносился из-за двери.

— Она мне нравится! — А Тим говорил осипшим голосом, но и его я прекрасно слышала — И Сафира не будет никому жаловаться.

— Тимир, — уже просящим тоном сказал его младший брат, — не шуми. Нас услышат. Тебе нельзя говорить так про наследницу рода Чарх. У нее долг перед родом.

— А если я люблю ее? — За дверью установилась долгая тишина. А у меня сердце запело песню о взаимной любви.

— Ты не имеешь права на такую любовь. Сафира Чарх не для тебя. — Тон был успокаивающим, он абсолютно не соответствовал словам. Тим тоже возмутился:

— А для кого она? Для тебя? Или Чмира?

— Ты становишься невыносимым, когда болеешь. Если хочешь, я пообещаю, что не женюсь на твоей подопечной. Хочешь? Так вот, я клянусь своей силой и кровью, что никогда не женюсь на Сафире. Даже если мама мне прикажет. Тимир, ты мне веришь? — Может, Тим кивнул головой. А Лион после короткой паузы продолжил. — Но на нее слишком много претендентов. Она после каникул не вернется в Академию. И, если бы её дядя не боялся допустить шумихи перед выборами Главы Принципата, он не выпустил бы ее из своего замка. Тимир, ты же все это и без моих слов знаешь. Просто у тебя лихорадка и, наверно, ты бредишь. — И потом резко крикнул. — Стой!

Дверь от удара резко распахнулась, чуть не ударив меня во лицо. Хорошо, что я стояла чуть в стороне. И из уборной вышел недовольный Тим, а за его спиной показался Лион:

— Сафира, ты что тут делала? — Спросил хмурый Тим, пытаясь выглядеть спокойным.

— Подслушивала, — радостно улыбнувшись, честно ответила я.

— Зачем? — Запнувшись на первом слоге спросил Тим.

— Всегда было интересно, о чем мальчики в туалете секретничают. — Не объяснять же, что подслушивать стала случайно. Но такое "случайно" со мной почему-то происходит очень часто.

Я обхватила Тима за локоть и потянула в сторону его комнаты.

— Подслушивать неприлично. — Заявил Лион, прямо как его старший брат.

— Зато полезно. Лион, хочу чтоб ты и от меня услышал, Тим мне очень нравится. И я сейчас не брежу. — Тим не стал меня обвинять, как обычно, в глупой шутке. А вот Лион ядовитые слова для нас обоих нашел:

— Ваши симпатии и чувства не имеют значения. Ты наследница, за такого как Тимир тебя не отдадут. И Тим болеет, у него простуда! После выздоровления он перестанет говорить глупости и будет держать себя в руках.

Эту ночь мы так и не поспали. Лихорадка Тима усилилась, поить и смазывать его настойками пришлось без перерыва. И все это делал Лион сам, меня он к брату больше не подпускал. Даже пытался прогнать меня с комнаты, но не смог.

А я для себя решила, раз Тим и вправду любит меня, мне нужно найти выход, чтоб женить его на себе. В одном Лион был прав, как только лихорадка пройдет, Тим снова станет сдержанным и правильным. И он больше не позволит себе искренних слов и признаний.

46. Будни в Академии и Открытая тренировка седьмого курса

Рано утром мы с Лионом сидели возле Тима, уставшие и опустошенные. Лион уже давно перестал бросать на меня недовольные взгляды, и, хоть процедуры для брата проводил сам, но принимал от меня другую помощь. Я приносила воду и подавала Лиону нужные бутылки с настройками и зельями. Только лучше Тиму не становилось.

Утром к нам постучали. Открывать дверь пошел Лион и впустил в комнату помощницу доктора Дирба.

— Адепты, можете идти на занятия, до пяти часов я присмотрю за больным. — Строго сказала она мне и Лиону.

Я хотела возмутиться, но Лион сразу схватил свое пальто, брошенное им на стул, и указал на дверь и мне. Он даже поблагодарил эту суровую женщину. Мне пришлось последовать примеру младшего Найта.

Времени, чтоб привести себя в порядок, переодеться и даже позавтракать у меня было более чем достаточно. Но есть мне не хотелось, сейчас я даже кофе выпить не смогла бы. Когда Тим здоров, пить его любимое кофе было для меня способом стать ближе к нему, а сейчас я представляла, как плохо ему и уже от одного запаха этого напитка меня начинало мутить. Поэтому я быстро привела себя в должный вид, взяла сумку, которую собрала ещё в субботу и отправилась, минуя столовую, на первую пару.

Наверно, я никогда раньше не приходила на занятия так рано, аудитория была почти пустой. И я села на самый высокий ряд и стала думать, как, все-таки, заставить Тима жениться на мне. Даже если он сделает мне предложение, а я его, конечно, приму, выстоять перед нашими семьями нам будет очень сложно. Я-то смогу отказаться от рода, а сможет ли Тим перенести разрыв с семьёй? Он столько перетерпел только чтобы сохранить хорошие отношения с матерью. Вывод напрашивается сам собой: нам надо либо пожениться тайно, либо Тиму все-таки придется соблазнить меня. Или мне соблазнить Тима. Тогда уже я смогу сказать, что жду ребенка, и свадьбы будет не избежать. Сложно будет все это устроить. Очень сложно. Больного Тима не соблазнить, а, вылечившись, он снова продолжит скрывать свои чувства и вообще станет адептом Тимиром Найтом, моим руководителем по практике, сдержанным и недостижимым аристократом.

Аудитория начала заполняется адептами, чтоб не отвлекаться на их приветствия, я положила голову на сложенную на столе руку и продолжила обдумывать план своего будущего замужества.

Наверно, я заснула. Потому что меня напугал толчок в плечо, и я подскочила на стуле. Лекция, скорее всего, началась уже давно, магистр Рош объяснял по пунктам "различие в применении стандартных магических формул в заклинаниях магами пятой и шестой ступени". Я придвинула к себе тетрадь и записала тему. Пока я думала, сколько страниц оставить, чтоб дописать пропущенный материал, раздался звук, оповещающий, что занятие закончилось.

— Вторая пара тоже в этой аудитории пройдет? — Спросила я соседа по ряду.

— Нет. — Загадочно улыбнулся мне бровастый парень.

— У нас же две лекции с магистром Рошем. — Расписание перепутать я никак не

могла, а в понедельник две первые пары у нас всегда с куратором. Только меняются помещения, в зависимости от того проводит ли магистр Рош обычную лекцию или показывает на ней наглядные магические примеры.

— Конечно, и ты их нагло проспала. Третья пара — "Зоология". Не усни в коридоре. — Все также улыбаясь, проговорил мой однокурсник. И ушел, закинув за спину рюкзак.

А мне предстояло также спуститься и пройти мимо куратора, чьи лекции я только что проспала. Спускаясь, я надеялась, что магистр Рош уйдет раньше меня, но он сидел за своим столом и никуда не торопился. Я набрала больше воздуха в лёгкие и потопала к нему.

— Дня доброго, магистр Рош. — С приветливой улыбкой обратилась я к куратору.

— Снов сладких, адептка Чарх. — С привычной для него снисходительной улыбкой ответил магистр Рош.

— Простите, я случайно уснула. — Я думала, что он не заметил такого злостного нарушения дисциплины, ведь никому не сказал срочно меня разбудить.

— Сложно не заметить, когда адептка, одна из лучших на курсе, две лекции сопит, не поднимая голову со стола. — Закрывая журнал, в котором делал записи проговорил магистр Рош и быстро встал со стула.

— Простите. Я так больше не буду.

— Верю в это, адептка Чарх, всей душой. А теперь рассказывайте, как идёт подготовка к практике. — Приблизившись ко мне сказал куратор

— Хорошо. Адепт Найт меня многому обучает.

— Претензии к своему руководителю у вас есть?

— Нет.

— Он не срывает занятия, не нагружает вас лишними, на ваш взгляд, заданиями, не использует учебное время в личных целях, не унижает вас? — Магистр Рош проговаривал каждую фразу смакуя, выделяя особо важные слова интонацией.

— Нет. — Уверенно ответила я. — Адепт Тимир Найт прекрасный руководитель. Он добросовестно передает мне полученные в Академии знания, он справедлив, только иногда бывает слишком требователен.

— Рад, что хоть вы довольны подготовкой. Жалоб от третьекурсников поступает слишком много. Кстати, адептка Чарх, почему вы не заходите ко мне или не обращаетесь к другим педагогам со своими проблемами. — Я хотела спросить куратора: что и такое в Академии допускается? Я помню, как Сафа рассказывала, что ходила к нему жаловаться на тату, полученное от Кона Вэдра. А магистр Рош ей не помог, сказав, что адепт-семикурсник никаких правил не нарушил.

— У меня нет проблем. — Бодро начала я, но вспомнила больного Тима. — Только одна жалоба. Этой ночью адепт Тимир Найт вернулся из дома простуженным, но ему очень плохо, лихорадку сбить не получалось до самого утра. А доктор Дирб не оставляет его в целительском крыле.

— Я чем могу помочь? — Внимательно выслушав меня, спросил магистр.

— Скажите, чтоб адепта Найта перевели к целителям и обеспечили должный уход. — По-моему, я и Лион все делали неправильно. Лучше Тиму быть под постоянным надзором целителя.

— Это противоречит правилам Академии. — Я хотела возмутиться, но куратор взглядом пресек мои возражения. — Если каждого простуженного адепта мы будем отправлять на изоляцию, большинство адептов начнет повально болеть. Особенно перед

сессией. И просто чтоб отдохнуть от учебы без риска покинуть Академию. Да все адепты перестанут беречь свое здоровье! Поверьте, Академия проходила и через "повальные эпидемии". — Чуть более душевно улыбнулся магистр. — Доктор Дирб передал вам лекарства? — Я кивнула. — Объяснил, как ухаживать за больным? — Пришлось кивнуть во второй раз. — По кафедрам он разослал сообщение, что адепт Найт освобожден от занятий на три дня. И, насколько я знаю Дирба, он даже сиделку прислал, пока младший Найт на занятиях. Но на Открытых тренировках в четверг адепту Тимиру Найт придется присутствовать. Если не сложно, напомните ему об этом.

Возразить мне было нечего и, поблагодарив куратора, я отправилась на зоологию.

Как только лекция о видах пресмыкающихся подошла к концу, я побежала навестить Тима. Десяти минут перерыва мне должно было хватить. Но мне пришлось очень долго стучаться, пока Лион открыл мне дверь, и мою попытку проскочить под его рукой он сразу пресек. Я только успела увидеть, что Тим сидит на табуретке, поддерживаемый Чмиром. Тим широко раскрыл рот, и помощница целителя обрабатывает ему горло.

Лион вышел в коридор и с хлопком закрыл дверь за своей спиной. И встал выпрямившись, преграждая мне путь к Тиму.

— Я хотела навестить Тима, и узнать, как он себя чувствует. И напомнить про Открытые тренировки. — Не скрывая свое недовольство его действиями, сказала Лиону.

— Спасибо тебе, адептка Чарх, что навестила моего брата. Ему уже лучше. Но на миндаликах обширные гнойные шишки, их сейчас ученица целителя и пытается удалить. Об открытой физподготовке я ему уже сообщил.

— Я могу помочь ухаживать за Тимом, — предложила я.

— Не стоит, адептка Чарх, здесь есть кому позаботиться о Тимире. — Холодно отвергнутое предложение Лион.

— Ночью ты не так говорил. — Напомнила, как он просил меня помочь брату, но Лион лишь пожал плечами. — Почему ты меня не впускаешь к Тимиру? — Я специально долго не сводила с Лиона пристального, немигающего взгляда, что б он разнервничался и отошел от двери.

Мой план почти удался, Лион сорвался. Он сделал ко мне шаг и размахивая руками начал мне выговаривать:

— Как ты не понимаешь, любому мужчине стыдно быть беспомощным в присутствии девушки. А ты подопечная Тимира. И ты не имеешь права столько времени проводить с ним наедине. И, вообще, ты плохо на него влияешь. Тимир никогда не был таким несдержанным...

— Тим не несдержанный, — прервав его, возразила я.

— Не называй его этим дурацким именем! Моего брата зовут Тимир. И в эту комнату больше не заходи, заниматься будете в аудитории, когда Тимиру станет лучше. И, вообще, забудь свои разговоры о симпатии к Тимиру. Замуж ты за него все равно не пойдешь, не доводи его до беды. Его могут судить за использование своего положения в совращении подопечной. Или тебе именно в таком вопросе интересен Тимир? Хочешь, как и другие, проверить на сколько он искусен доставлять удовольствие? Тебя постель волнует? — Я отступала от возмущающегося Лиона, а он выговаривая мне все это продолжал наступать. — У вас Тимиром что-то было? Он допускал себе вольности? Знай, я все передам отцу и твоему дяде. — Лион был настроен серьезно, а у меня времени на споры не было, надо было спешить на четвертую пару. Было стыдно и неприятно от его обвинений и немного страшно

от угроз. А в голове зудела неприятная мысль: сейчас, если к Тиму еще и прорываться придется, соблазнить его станет в тысячу раз сложнее.

— Иди в бездну! Своего отца и моего дядю также захвати с собой! — С этими словами я развернулась и убежала на свою лекцию.

Четвертая пара уже подходила к концу, когда в дверь постучали, и в аудиторию вошёл Чмир Рват. Поздоровавшись с нами и дождавшись, пока мы сядем, он сделал объявление:

— Группа Лиона Найта, группа Тимира Найта и моя группа после перерыва возвращаетесь в эту аудиторию. Сегодня дополнительное занятие у вас проведу я. — И с лёгким поклоном нам и нашему магистру он покинул помещение.

Раз Лион не будет вести занятие у своих подопечных, значит, он все время проведет у заболевшего брата. Сегодня мне к Тиму, скорее всего, не попасть. Поэтому я вообще не стала покидать аудиторию и стала повторять последние пройденные темы.

Я привыкла, что на дополнительных занятиях руководитель всецело принадлежит мне, Тим объяснял мне каждую тему в деталях, пояснял на примерах, часто не останавливался на одной теории, а показывал действие заклинаний в аудитории. И мне позволял практиковаться. Хоть это и считалось нарушением техники безопасности. Для отработки заклинаний были специальные помещения и полигон, если работают большие группы адептов.

А сейчас никому не было до меня дела. Чмир читал общую лекцию по ориентированию на незнакомой местности, и все адепты, а нас было тридцать четыре человека, конспектировали основные тезисы.

"Южный склон горы Пик Магии — пологий, северный — крутой"; "Южный склон покрыт дубом, грабом, буком. Травяной покров густой"; "Ель преимущественно растет на северном склоне. Почва сухая, песчаная"; "Видимые расстояния в горах кажутся меньше". Записи я делала короткие, эту тему я уже прошла самостоятельно, и Тим проверил, как я ее усвоила.

Сейчас я больше думала о резко ухудшившихся отношениях с Лионом. И не могла понять: он переживает, что я могу навредить Тиму, или леди Найт дала ему указания присматривать за братом?

— Адептка Чарх, почему не делаете записей? — Адепт Рват прекратил объяснять тему и впился в меня своими черными глазами. И, конечно, вся аудитория в радостном предвкушении положила ручки.

А мне пришлось встать, чтоб ответить на вопрос:

— Мой руководитель, адепт Тимир Найт, уже объяснил мне эту тему. — Громко сказала я.

— Когда бы он успел? — Не поверил мне Чмир и продолжил задавать вопросы:

— Можете назвать естественные ориентиры в лесистом покрове гор?

— Естественными ориентирами могут быть деревья странной формы или расколотые молнией; необычной формы большие камни. — Более простого вопроса придумать было сложно.

Но Чмир задал ещё один вопрос:

— Чем заменить естественные ориентиры в горах?

— Их можно заменить искусственными ориентирами. Ими могут стать затесы на деревьях, пирамиды из камней, надписи, специально оставленные предметы, надломленные ветки...

— Следующий вопрос. — Определенно, с моими знаниями смириться адепт Рват не желал. — Назовите лучшие линейные ориентиры в горах.

— Это реки и ручьи. По их шумному течению можно ориентироваться ночью и в туманную погоду. Реки и ручьи не замерзают и зимой, поэтому их роль в холода сильно возрастает.

— Последний вопрос: какие компасы надёжнее в горах?

— Надежность компаса зависит от знаний хозяина. Я лучше справлюсь с механическим компасом. А адепт Тимир Найт сможет работать ещё и с магическим компасом. Но, как он мне сказал, такие артефакты очень дорогие и редкие.

Чмир Рват впервые за занятие улыбнулся:

— Компасы-артефакты чаще бывают семейными реликвиями, в свободной продаже их нет, и не каждый артефактор согласится выполнять на заказ работу такой сложности. В общем, стоит поздравить вас, адептка Чарх, с прекрасным руководителем. И, раз уж ничего нового я вам по этой теме поведать не могу, можете быть свободны. — Чмир отпустил меня с лекции, и все адепты провожали меня завистливыми взглядами.

Я бы полетела в комнату к Тиму, но его "сторожевой" брат меня не пропустит, и с грустью выдохнув, мне пришлось идти в библиотеку. Лекцию магистра Роша, которую я проспала, необходимо сейчас пройти самостоятельно по книгам. Может даже выпишу несколько особо сложных вопросов и всё-таки пойду к Тиму в комнату, чтоб он разъяснил их мне. Тут уж, я надеюсь, ничего поделать и Лион не сможет.

Я обложила толстыми книгами и приступила к работе. Я читала и конспектировала с завидным усердием, и только один раз отвлеклась, когда в библиотеку ввалилась толпа адептов, после завершения дополнительной пары. Я уже закончила со своей темой, и пошла относить книги библиотекарю, когда заметила у нее на столе толстый целительский справочник "Редкие и опасные целительские процедуры". Сдав свои книги, я с этим справочником вернулась к своему столу и углубилась в его содержание. Хотела узнать про процедуру, на которую уже почти согласился Тим.

Я поняла, почему все употребляют безобидное словосочетание "процедура у целителя". Настоящее название этой процедуры "маговазорезекция" одним звучанием нагоняет чувство страха. Хоть по описанию ничего страшного в самой процедуре не было, но осложнения от нее, действительно, были опасны для жизни. Опытный целитель, прошедший специальное обучение готовил специальное зелье. В малых дозах его можно было употреблять как болеутоляющее. Но в данном случае жертва должна была выпить, в зависимости от своей мужской активности, от полтора до двух литров светло-зеленой жидкости. Пить желательно было сразу весь объем, но можно и понемногу выпивать в течение двадцати минут. У выпившего зелье сразу поднималась температура, но держалась она не больше трёх часов. И, если жертва нормально переносила процедуру, то у нее просто навсегда пропадал шанс произвести потомство.

Но во многих случаях без осложнений процедура не проходила. Иногда температура не проходила неделями, были случаи, когда жертва так и не приходила в себя. Но в большинстве случаев осложнений жертва резко теряла мышечную массу и, наоборот, набирала жировую. Частыми были осложнения на сердце. А также мужчина мог совсем потерять интерес к женщинам.

И леди Найт требует, чтоб ее родной сын подвергнулся такому риску? Тим даже обычную лихорадку переносит с большим трудом.

— Представь, даже целителя к сыну привела. Такая любовь к дефектному сыну — большая редкость.

От книги меня отвлекли две адептки пятого курса. Сразу стало интересно, о какой самоотверженной матери идёт речь.

— Хоть доктор Дирб и прекрасный целитель, но хорошая мать всегда переживает за сына, будь он даже вырожденцем.

Упоминание целителя Дирба меня сильно насторожило. И аккуратно закрыв книгу, я пошла к этим девушкам. Поприветствовав их, я прежде всего представилась и спросила, вызвав их недоуменные взгляды, о ком они сейчас говорили.

Одна из них сказала другой:

— Мы на третьем курсе чужие разговоры не подслушивали. — А я лучезарно улыбнулась, хоть хотелось послать их в вольер к глототразу. И мое терпение было вознаграждено.

— Мы говорили о леди Найт. Она сейчас прошла в комнату к своему сыну. Он же болеет, и она привела для него целителя. — Она ещё что-то говорила, но от барабанного боя, раздающегося в ушах я уже ни слова не могла разобрать. Оставив книгу на столе и свою сумку на стуле в библиотеке я, даже не попрощавшись с адептками, выбежала в коридор. Библиотека находилась в конце коридора на пятом этаже. И спеша к Тиму в комнату я думала, что же мне сказать, чтоб помешать леди Найт?

И ещё была большая проблема: пропустит ли меня Лион в комнату? Может, он уже давно договорился с матерью, и сам ее и вызвал, когда Тим стал слабым и беззащитным?

Я добежала до третьего этажа и встретила у самой лестницы Лиона и Чмира, они спокойно переговаривались.

— Ты Тима одного оставил? — Спросила я Лиона.

— С ним мама захотела посидеть. — Нехотя ответил он мне. — А тебе я запретил к Тимиру заходить.

— Я с поручением от ректора. — И из-за своей лжи стыдно мне не было.

Я поспешила к Тиму и обеими руками застучала в дверь. Я была не жалея своих рук, но дверь мне открыли не сразу.

А когда она все же распахнулась, на пороге стоял Тим, одетый в форму, застегнутый на все пуговицы. Заглянув за его спину я увидела леди Найт и незнакомого мужчину.

— Тимир, тебя вызывают к ректору, — выпалила я.

Он и так смотрел на меня удивлённо, а после моих слов только прошептал:

— Зачем?

— Артефакты раздает для практики. — Раз уж на меня слово "артефакты" уже имеют магическое влияние, то Тим, собирающий их для практики, должен поспешить к ректору.

И Тим меня не разочаровал. Он обернулся к леди Найт, и уже выходя из своей комнаты, прошептал:

— Мама, я быстро вернусь.

Остановить его леди Найт не успела. Я схватила Тима за запястье, и мы поторопились к лестнице. Но дорогу нам перегородили Лион с Чмиром.

— Вы уже артефакты у ректора забрали? — Все также шепотом спросил их Тим.

— Какие артефакты? — Удивился Чмир. А Лион подозрительно уставился на меня.

Я, упрямо сжав губы, ответила ему не менее подозрительным взглядом. Если он знал про намерения своей матери, я объявляю ему пожизненную войну.

— Тимир, просто так артефакты не раздают. Мы их сможем заслужить только на Открытой тренировке. — Переведя взгляд на брата, сказал Лион.

Тимир, Чмир и Лион посмотрели внимательно на меня, они, определенно, ожидали объяснения.

— Я услышала, что леди Найт привела к Тиму целителя, и испугалась, что она снова захочет провести маговазорезекцию.

Тимир передернулся, Чмир встал ещё ровнее, а Лион возмущённо сказал:

— Не клевети на нашу мать! Она пришла навестить Тимира.

— А мужчина с ней — это ваш семейный целитель? — Спросила я. Лион мгновение смотрел на меня в упор и, вместо ответа, резко развернувшись, направился в комнату Тимира. Через несколько минут он вернулся к нам, в руках он держал двухлитровый сосуд с темно-зеленой жидкостью.

— Пошли, — не смотря на нас сказал он. И сам начал спускаться с лестницы. Мы последовали за ним. Тим, когда мы спустились на первый этаж, отпустил перила и поймал Чмира за локоть. Наверно, ещё не до конца окреп.

А Лион неся в крыло целителей, и мы сильно от него отстали. Дойдя до кабинета целителя, он остановился, и, только когда мы встали рядом с ним, открыл дверь.

Лион поставил сосуд с жидкостью на стол доктора Дирба и спросил:

— Что это?

Целитель посмотрел на сосуд и вежливо ответил:

— И вам дня доброго, адепты. Надеюсь, я не отвлек вас от важных дел.

— Извините, что ворвались. — Отозвался Чмир. — Доброго вам дня. У нас очень срочное дело.

— В вашем возрасте, адепт Рват, все дела срочные. — После этих слов целитель открутил крышку на сосуде и понюхал содержимое. — Очень хорошее зелье. Качественное, насыщенное. Для чего оно вам?

— Мне сказали его выпить, — севшим голосом прошептал Тим.

— Так, так. Маговазорезекция? — Доктор Дирб достал из ящика под столом стакан и наполнил его на треть темно-зеленой жидкостью из сосуда. Потом долил в него воды из стоящего на столе графина. Поставил стакан полный светло-зеленой жидкостью перед нами и сказал:

— Вот. Примерно такого оттенка должно быть зелье для маговазорезекции. Примерно такого. Но я бы никому не посоветовал проводить эту процедуру. Если боитесь наградить подругу нежелательным ребенком, есть более щадящие способы защиты. Если же кто-то настаивает, чтоб вы выпили именно это зелье, я советую вам обратиться к охране порядка, с жалобой на покушение на вашу жизнь.

Мы вчетвером уже час сидели в столовой и говорили. Затащить сюда Лиона оказалось сложнее всего. Слова целителя о покушении настолько его поразили, что он хотел немедленно отправиться домой и выяснить, чего его мать хотела добиться, напоив таким зельем Тимира. Как это ни странно, Тим отнёсся к поступку матери легче даже чем Чмир. Лион и Чмир долго возмущались и удивлялись спокойствию Тима:

— Я просто представляю: мама и меня убить захочет, если я вдруг тяжело заболею? — Уже десятый раз спросил у нас Лион.

— Успокойся, Лион, мама, наверно, ошиблась. — Сказал с трудом, слегка поморщившись, Тим. Он пил маленькими глотками теплый взвар с лечебными травами и

лимоном, специально приготовленный для него Ясаман.

— Вот это меня и возмущает! Что чья-то ошибка может стоить нам жизни. — Никогда не думала, что Лион может так злиться. Не просто возмущаться, а по-настоящему злиться. — Тимир, давай поменяем обе наши комнаты на одну двухместную. Я буду за тебя спокоен. И заниматься нам будет проще.

— Соглашайся, — поддержал Лиона Чмир, ты единственный из седьмого курса живёшь отдельно от всех. Рядом будет и веселее. Хоть далеко ходить не придется, чтоб задание выполнять.

Тим кивнул, соглашаясь с ними. Лион побежал к завхозу устраивать переезд брата. Чмир тоже смаковал будущие перемены. Только я сидела грустная, потому что сейчас шанса соблазнить Тима Лион мне не даст. За все это время я смогла только перекинуться с парнем моей мечты взглядами и спросить его о его здоровье. Он же прошептал:

— Как горло вычистили, намного лучше. Не переживай.

В четверг третий курс гудел так, что пчелы в растревоженном улье могли оглохнуть. Сегодня ожидалась открытая тренировка по физической подготовке адептов седьмого курса. Без применения магии. И приглашены на нее, помимо магистров, были все третьекурсники. Чтоб мы брали пример со старших адептов, уже состоявшихся магов, наверное.

После четвертой пары, адепты с третьего курса забежали в столовую только чтобы залпом выпить какой-нибудь напиток, схватить булку, пирожок или печенье и бежать в зал физической подготовки. Наши пары по расписанию также проходили в этом зале. Поэтому никто не тратил время на разглядывание высокого потолка с изображением неба, стен, что были не ниже десяти метров. Скамеек ровными рядами теряющихся в вышине.

— Здесь не только третий курс, кажется, — заметил кто-то рядом.

Оглядев заполненные посадочные места, я подумала вслух:

— По-моему, здесь вся Академия собралась.

Моя однокурсница, которая совсем недавно набивалась мне в подруги, но в последние дни от этой идеи отказалась, скривившись, проговорила:

— Здесь собрали первый, второй и третий курсы. — И вид при этом важном сообщении имела такой, будто внезапно выросла до мага десятой ступени.

Зрителей, действительно, было много. Я же пересела на скамью к первокурсникам. Адепты моего курса будут болеть только за своих руководителей, а я хотела организовать компанию болельщиков за Тима. Лучше всего на эту роль подходили адепты первого курса.

Когда раздался звук, оповещающий о начале занятия, приглашенные адепты на зрительских местах усиленно засуетились. Но, как по волшебству, нашли свои места, сели и притихли.

В зал начали входить магистры. Среди них был наш куратор Рош, а также кураторы седьмого, первого и второго курсов. Последними шли целитель Дирб и ректор Мартазан. Из всех мы приветствовали стоя. Я бы, если честно, даже поаплодировала им всем от души. С каждым из них мне приходилось пересекаться во время учебы. Ни один из них ни разу мне не грубил, не отмахивался от вопроса, который ждал их решения, и все прекрасно выполняли свою работу. Как только эти шестеро магов заняли места на зрительских скамьях, дверь снова отворилась и вбежал наш общий тренер по физической подготовке, доктор НаDIR, сразу за ним следовали семь адептов-выпускников. Мы, адепты первых трех курсов, вскочили и собирались долго и радостно приветствовать наших звезд.

Но чуть не захлебнулись приветственными криками: доктор НаDIR выкинул над головой

поднятый кулак, а это означало, что тишину нарушать он не рекомендует. Мы тихо сели, каждый из нас знал, а некоторые и на личном опыте, рекомендации доктора Надира важнее команд главнокомандующего. Не то что рекомендации, намек на них не стоило игнорировать.

Достав из кармана артефакт усиления голоса, доктор Надир поприветствовал гостей, приглашенных на Открытую тренировку и, обращаясь к выстроившимся ровным рядом, семикурсникам объявил тренировку открытой.

Вначале это была обычная пара по физической подготовке. Такая же как бывает у всех младших курсов. Десять минут посвятили разминке для разных групп мышц, и началась пробежка. Каждая наша пара в этом зале начиналась именно так. Но нам, зрителям не было скучно. Все любовались стройным рядом из семи красавцев. Первым в строю, на правах старосты курса, стоял Кон Вэдр. Он и следующие три адепта были одного роста.

— Ровно две меры. — Восхищенно шептала, сидящая слева первокурсница.

Пятыми и шестыми стояли Чмир Рват и Лион, они были ниже на целых два деления. Они со своими сто девяносто восемью сантиметрами, на мой взгляд, выглядели почти на одном уровне, с двухметровыми сокурсниками. Но согласны со мной были не все.

Первокурсница, сидящая справа от меня, этим двоим искренне сочувствовала:

— Бедненькие, немного не доросли. Но может еще подрастут.

А Тимир, стоящий седьмым в строю, и с ростом сто шестьдесят восемь сантиметров, вообще не удостоился уважительного слова, хотя бы потому, что является адептом — выпускником. То что он на голову ниже сокурсников сейчас в строю бросалось в глаза.

Я же только им и любовалась. На наши совместные тренировки он всегда приходит в своей каждодневной форме, не надевал специальной одежды. И сейчас я впервые видела его в этой одежде для тренировок. Белой футболке с рукавами длиной чуть ниже локтя. А широкие штаны и жилет формы были сшиты между собой. Поэтому эта форма очень напоминала мне детские полукомбинезоны или одежду слесарей и монтеров. Со своих сокурсников, одетых в такую форму, я всегда смеялась, вызывая их недовольные улыбки. Семикурсники, все, кроме Тима больше напоминали танцоров в ночных клубах, которые выступления начинают водопроводчиками или слесарями, а завершают его уже Тарзанами.

А Тим был идеальный, красивый, ни на кого не похожий. Он ещё не полностью оправился после болезни, и время от времени вытирал выступающую на лбу испарину. Но только Тим во время пробежки помахал своей группе подопечных, а так как входила в нее я одна, мне было в тысячу раз приятнее. И первокурсницы рядом умиленно захлопали ресничками.

Наконец, началось самое интересное. После традиционной подготовки, доктор Надир собрал семерых адептов и задал им первое задание. Все семеро адептов одновременно повисли на турнике и начали подтягиваться. Шесть парней пристав на носочки ухватились за турник на ширине плеч. Тиму же пришлось слегка подпрыгнуть. И, конечно, со всех сторон от зрителей посыпались радостные комментарии:

— Не допрыгнет.

— Он уже запарился.

— Стульчик подставь!

— Не стульчик, стремянку тащите! — Зрители смеялись и радовались возможности пошуметь.

А адепты синхронно подтянулись, сводя лопатки. Мощным движением притянули

верхнюю часть груди к перекладине, на несколько секунд застыли в этом положении. А потом плавно отпустили руки и повисли на турнике. И подтянулись еще раз. Они вместе, синхронно, не торопясь, сделали двадцать подтягиваний. Доктор Надир посчитал задание выполненным и объявил второе задание. Семикурсникам пришлось в следующих заданиях качать пресс, поднимать тяжести, прыгать с места в длину, прыгать с шестом, бегать на короткие расстояния. Результаты у всех семикурсников были почти одинаковыми. Тим не уступал сокурсникам в общем зачёте баллов.

Наконец, объяснили правила по перетягиванию канатов. Сложность задания заключалась в том, что против каждого адепта седьмого курса выступали по два пятикурсника. Задача выпускника была в том, чтобы выстоять десять секунд, не пересекая линии разграничения. К этому времени Тим уже заметно устал, он весь взмок и все время отходил в сторону, чтоб выпить воды.

Тим, довольно-таки, красиво выступил на предыдущих состязаниях, а я в перерывах между выступлениями рассказывала первокурсникам про Тима душещипательные истории. И про то, как он хорошо учится, как работал архаровцем, как обучает меня, как спас младшего брата от глотовавра, а сам потом четыре дня был вынужден ходить с перевязанными глазами. В общем, к началу этого состязания я уже подготовила для Тима мощную команду болельщиков. Тим выступал последним. Каждый из шестерых его сокурсников выстоял от десяти до двенадцати секунд.

И вот Тим выходит в центр зала, напротив него становятся рослые соперники, они берут канат в руки, каждый занимает позу удобнее. Соперник стоящий вторым наматывает канат на одну руку.

А Тим взялся за канат верхним захватом и вытянув руки, отклонился дальше назад. В этот момент прозвучал сигнал к началу соревнования. Тим в отличие от соперников не перетягивал канат на себя руками, а сильнее отталкивался ногами от земли. Он максимально откинулся назад и, застыв так ненадолго, сделал маленький шаг назад.

В этот момент ряд первокурсников, под моим предводительством, грянул в поддержку Тиму:

— Тимир чемпион! Тимир чемпион!

Один из его соперников отвлекся на внезапный шум и поскользнулся, а Тим сделал ещё несколько маленьких, быстрых шажков назад.

— Победа адепта Найта! — Разнёсся по залу усиленный голос доктора Надира. Все семикурсники, Тим в том числе, удивлённо застыли. А я с девочками-первокурсницами громко зааплодировали и продолжили скандировать наш победный клич.

Когда подвели итоги Открытой тренировки и выставили всем адептам седьмого курса баллы, ректор объявил:

— Адепты Академии Магии! Итоги немагических соревнований Открытой тренировки подведены. Свою магическую силу и умение управлять ею адепты-выпускники покажут завтра. А сейчас семикурсники подходят и забирают заработанные сегодня артефакты. — Магистр Вайол передвинул ближе к середине стола черную коробку без крышки — Адепт Станислас Лим может забрать восемь артефактов, адепт Виктор Наут забирает восемь артефактов, адепт Чмир Рват — восемь артефактов, адепт Ромир Литс заработал девять артефактов, адепт Лион Найт — девять артефактов, адепт Кон Вэдр — десять артефактов, адепт Тимир Найт — одиннадцать артефактов.

Я была счастлива, что Тим сегодня может радоваться маленькой победе, и от того, что

крошечную лепту в эту победу внесла я, мне было в десять раз приятнее.

47. Маг десятой ступени

Сегодняшняя победа Тима на Открытой тренировке стала для него настоящим триумфом. Все его поздравляли, и желали успеха на второй тренировке. Первокурсницы обступили его плотным кольцом и хвастались, что это именно они громче всех поддерживали его. Наверно, впервые за годы учебы он стал популярнее своих сокурсников. Мне очень хотелось подойти к Тиму, чтоб разделить с ним радость, тем более, он, хоть и был рад, но не мог позволить себе даже улыбку. Тогда, увидев ямочки на его щеках, все бы снова вспомнили, что перед ними стоит не идеальный адепт. Вот только Лион стоял рядом. И его взгляды, бросаемые на меня, говорили, что до брата он мне добраться не позволит.

Поэтому я направилась в свою комнату, завтра у нас с Тимом будет дополнительное занятие, тогда я ним хоть немного поговорю. Переступив порог своей комнаты, я бросила сумку и скинула обувь. Но расстегивая пуговицы формы я попыталась разобраться, что же меня так сильно беспокоит. Потому что чувство тоски было сильным, и страшнее оно казалось из-за того, что я не могла определить его причину. Я оставила в покое пуговицу, которую начала выкручивать и села на табуретку.

С учебой у меня проблем не было. Не из-за плохих отметок или накопивших задолженностей мне так плохо. Письма с угрозами от дяди Чарха уже давно стали привычными. И полученное в последнем послании известие, что дядя серьезно рассматривает вариант нашего союза с родом Найт, меня совсем не расстроило. Пока я не скажу "да" у алтаря, женой Лиона я не стану, а, значит, дядя может договариваться сколько хочет. Я выйду замуж только за Тима!

Тим. Может, из-за его болезни я так нервничаю? Причина, точно, не в его болезни. Тим вылез, и хоть голос его ещё не восстановился, осложнения ему уже не грозили. Теперь у него даже появился надёжный защитник в лице брата. Лион, мне показалось, не так слепо любить мать, как Тим. Он не станет закрывать глаза на ее попытки навредить брату.

Думая о Тиме и Лионе, я вспомнила ту ночь, когда ко мне в дверь постучали. Свое состояние, как только услышала о том, что Тиму плохо. И как озарение я вспомнила Сафу, которая помогла мне собраться... Сафа! Я ее не видела с ночи с воскресенья на понедельник. Вот кого мне не хватает!

Я же до утра просидела в комнате Тима, потом проспала две пары, в столовую не ходила. Потом поссорилась с Лионом, долго просидела в библиотеке. Услышав от пятикурсниц про визит леди Найт, побежала спасать Тима. А вторник после занятий до самой ночи пришлось помогать в библиотеке. Библиотекарь была очень недовольна, что я ушла, оставив справочник "Редкие и опасные целительские процедуры" на столе в читальном зале, и я сама предложила ей помощь. Чтоб восстановить хорошие отношения, и быть чем-нибудь занятой. К Тиму же меня Лион не пропускал. С тех пор, как они стали жить в одной комнате, я и настаивать на посещениях не могла. А Тим все время спал, он ещё не полностью вылез, и лихорадка не прошла. В среду, после занятий я смогла вырваться с однокурсницами в город. Там я сходила в банк, потом отправилась в ателье и сапожную мастерскую. Оплатила и забрала свои заказы. Немного просидела с мастером-сапожником, рассказала ему наши академские новости. А сегодня, в четверг, я вместе со всем курсом целый день была как на иголках в ожидании Открытой тренировки седьмого курса.

И вот, получается, что моя подруга пропала три дня назад, а я только сейчас это заметила! Лучше такой подруги, как я, может быть только изголодавшийся глототраз.

Я думала, к кому бы мне обратиться за помощью. Вряд ли я найду сейчас надёжнее помощника, чем мой куратор. Тем более магистр Рош просил сразу обращаться к нему, если у меня возникнут проблемы.

Магистра я нашла на кафедре, он сразу пригласил меня войти. Я отказалась садиться и сразу начала говорить о своей беде:

— Магистр Рош, извините, что отрываю от важных дел, но у меня большая проблема. Не знаю к кому ещё обратиться...

— Жалоба? — Прервал меня куратор.

— А? Нет! У меня пропал питомец, нигде не могу найти Сафу, моего дахкилга.

— Адептка Чарх, когда я говорил обращаться ко мне со своими проблемами, я имел ввиду учебные вопросы. — Со снисходительной улыбкой сказал магистр.

Я-то и сама знаю, что не все свои проблемы нужно спихивать на куратора курса. Только обратиться мне было больше не к кому.

— Ладно, адептка Чарх, рассказывайте, когда пропал ваш грызун? — Всё-таки, сердце у магистра доброе.

— Три дня назад.

— Понятно. — Растягивая слоги, проговорил он. — Откуда у вас питомец?

Я вспомнила, что мне Сафа рассказывала про дахкилга, взятого из живого уголка Академии.

— Из Академии, — ответила я.

— Какой Академии? — Терпеливо спросил куратор.

— Из нашей Академии. Дахкилг жил в живом уголке.

— А вы забрали его себе? — Прищурился магистр.

— Я его не крала! — А что ещё мог подумать мой куратор, когда узнал, что я забрала дахкилга из Академии. — Просто Сафа умная, ей хочется быть рядом со мной.

— Она сама вам это сказала? — Недоверчиво изогнул бровь магистр.

— Да. — Я-то и не лгала, но что обо мне мог подумать куратор. Пришлось выразиться более правдоподобно. — Мне кажется, что Сафе хорошо со мной. Я за ней ухаживаю. Мы даже спим вместе.

— Не нужно подробностей, адептка Чарх. — Вставая, сказал магистр. — Пойдемте, посмотрим, что можно сделать.

И я последовала вслед за ним на кафедру Зоологии. Магистр Рош один вошёл в кабинет и долго говорил с зоологами. Я ждала за дверью и от нетерпения и тревоги не могла стоять на месте. Даже прикладывалась ухом к двери, чтоб услышать, о чем там говорят. Но, как назло, ничего не было слышно. Случайно подслушивать у меня, почему-то, получается часто. А когда ставлю себе цель подслушать, прикладывают ухом к щели — не слышу ни звука.

Магистр Рош вышел только минут через сорок. Он вышел и долго стоял, не говоря ни слова. А когда я уже готова была взвыть от беспокойства, магистр заговорил:

— Два с половиной месяца назад у зоологов пропал белый дахкилг. Самочка. В понедельник один из адептов поймал в коридоре грызуна и принес на кафедру. На внутренней стороне левого бедра было магическое клеймо — доказательство, что дахкилг тот самый, что пропал. В общем, адептка Чарх, забрать дахкилга у зоологов нельзя. Мне жаль, что помочь я вам не смог.

— Вы мне очень помогли, магистр Рош. Спасибо. — Поблагодарила его, но в душе мне было очень тяжело. И больно. Мы ведь с Сафой настоящие подруги, а теперь она должна жить в живом уголке с другими животными. А я осталась совсем одна: без Сафы и без Тима.

Пока я так думала, ноги сами привели меня к комнате Тима. К его прежней комнате. Дверь не была заперта, и я вошла в помещение. Пустота. Только кровать, шкаф и стол стояли на прежних местах. Мне расхотелось проходить вглубь когда-то гостеприимной комнаты. Лион даже успел перенести отсюда все вещи Тима.

Я утерла слезы и развернулась к выходу, но уткнулись в стоящего на пороге Тима:

— Сафира? Что ты здесь делаешь? — Спросил он в первую очередь. Но присмотревшись ко мне внимательнее, задал следующий вопрос. — Ты плачешь? Кто тебя обидел? Это из-за меня? — Говорит ему приходилось, напрягая голосовые связки, и то голос срывался с хриплого на шепот.

Я не могла нагружать его своими проблемами. Он только вылез, даже голос восстановиться не успел. И после состязания, скорее всего, был уставшим. Но слова сами сорвались с губ, и сопровождались они горькими слезами:

— Мою Сафу забрали. — Тим пытался уточнить, кто ее забрал, но я плакала и ничего не могла рассказать. В конце концов, Тим обнял меня и долго успокаивал, нашептывая успокаивающие слова. Только тогда я смогла ему рассказать, куда делась моя мышка.

— Так Сафа у зоологов? — Уточнил Тим. — Я её заберу и принесу тебе. — Пообещал он сразу.

— Магистр Рош не смог ее отнять.

— Он и не пытался отнять дахкилга у зоологов. — Поглаживая меня по плечу, с улыбкой прошептал Тим. — Магистр помог нам с информацией, а дальше я сам все решу.

И я поверила, что адепт сможет сделать то, что не по силам даже магистру.

Тим попросил меня посидеть несколько минут, а сам отодвинул от стены кровать и с помощью складного стилета отсоединил и поднял одну доску от пола. Самую ближнюю к стене. Там, оказывается, у Тима был тайник. Он достал три небольших свертка и передал их мне.

— Это артефакты. Сохрани их у себя.

Мы уже шли по коридору, когда Тим неожиданно сказал:

— Сафира, не думай, что я не доверяю Лиону. Он бы мои артефакты не забрал. Только для нашей группы нужно намного больше артефактов, чем другим, а он этого не понимает.

— Я знаю. Лион хороший брат, он тебя любит.

Тим счастливо улыбнулся, а мне стало за него больно. Он же верит даже в то, что леди Найт его всё-таки любит. И оправдывает все ее проступки своим, именно своим, несовершенством.

У лестницы мы с Тимом расстались, он пообещал, что принесет мне Сафу до наступления ночи и посоветовал это время уделить занятиям.

Я читала, хоть ничего из прочитанного не задерживалось в моей голове, но добросовестно следовала совету Тима. Часовая стрелка уже перевалила за отметку с цифрой восемь, когда в дверь, наконец, постучали. Я вприпрыжку кинулась ее открывать. В коридоре стоял Тим, в шапке и весеннем плаще. А на руках он держал спящего дахкилга.

Грызун приоткрыл глазенки, и в голове у меня раздались радостные вопли:

— Сафирочка! Красавица! Не бросила меня! Нашла! Вернула! — Я взяла у Тима свою единственную подругу и крепко прижала к себе. Как же мне ее не хватало. Даже постоянная

критика от Сафы делала мою жизнь полнее.

Когда первый приступ радости от встречи с Сафой прошел, я хотела поблагодарить Тима, но его уже не было в коридоре. И я все свое внимание уделила Сафе и ее слезливой истории, как ее нагло похитили. Заперли в клетке с безмозглыми грызунами. Кормили какой-то вязкой гадостью, а не любимым сыром. А потом пришел Тимир и принес ещё одного дахкилга, такого же глупого, как и все остальные. Потом Тимир уговорил зоолога снять магклеймо с Сафы и перекинуть на купленного им грызуна. И даже заплатил за новое клеймо для самой Сафы. И теперь она по закону принадлежит мне, и никто не сможет нас разлучить.

Еды у меня не было, а Сафа хотела сыр. И мы решили сходить в столовую. Может, Ясаман сжалится над нами и согласится покормить? Но прежде всего я сводила Сафу в душевую, и мы спрятали там в нашем тайнике три свертка с артефактами, которые мне передал Тим.

А Ясаман не только нас пожалела и накормила, она собрала нам с собой целую корзину фруктов, печений и сыра. Даже кувшин морса не пожалела. При этом она намекнула мне, что я могу пригласить к себе Тимира и угостить его.

— Прикормленного мужика соблазнять намного проще, — напоследок сказала она мне, подмигнув.

Я с трудом дотащила тяжелую корзину на второй этаж. Мне и Сафу пришлось нести, она нагло пользовалась тем, что меня мучила совесть. Я же только через три дня заметила, что подружка пропала.

Но от идеи пригласить Тима к себе я отказалась почти сразу, Лион с него глаз не спускает. Но пойти и поблагодарить Тима за спасение дахкилга можно. Я даже собрала немного фруктов и печенья, но с порога вернулась и положила все на стол. Все-таки на Тима обычные методы соблазнения не действуют. Сейчас лучше просто сходить к нему и выразить искреннюю благодарность.

Я надела свое новое бирюзовое платье, которое только вчера забрала из ателье. Летиция, которая мне его советовала, сказала, что этот цвет подчеркивает безупречный цвет моего лица и блеск волос. И что в этом платье я своей жизнерадостностью и обаянием могу покорить любого человека. А волосы я заплела в свою любимую французскую косу. Для этого мне пришлось долго возиться перед зеркалом, но все равно заплести ее получилось совсем не тугой. Раньше, когда мои волосы были не такими густыми и длинными, я справлялась намного быстрее, но в данном случае важен результат. И он был сногшибательным. Сафа восхищенно охала и бегала по комнате, даже забыв, что только что переела сыра и не может встать на лапки.

Я уже приготовилась выходить из комнаты, когда Сафа сказала:

— Уже почти десять часов. Поздно для визитов вежливости. Давай завтра поблагодарим твоего Тимира. — Я ее, наверняка, послушалась бы, если не провела столько времени наряжаясь, а труды мои не должны пропадать.

Я с Сафой на руках поднялась на третий этаж и повернула в сторону комнаты Тима. Через несколько шагов вспомнила, что он уже живет в другой комнате и развернулась в противоположную сторону. В новой комнате Тима я была только один раз, и то Лион даже сесть мне не позволил. Пока Тим находился в ванной, примыкающей к двухместной комнате, его брат меня очень вежливо попросил перенести все дела на следующий день.

Общая для братьев Найт комната была не очень большой, но светлой. Под большим

окном стояли два столика. У одной левой стены расположились две кровати. На противоположной стене находились двери с выходом в гардеробную и ванную. Все вещи и учебники братьев были сложены в коробки. Но, насколько я знаю Тима, он должен был уже избавиться от пирамиды в середине комнаты из коробок, сложенных как попало.

Я уже дошла до нужной двери и хотела постучать, но дверь от моего касания сама открылась вовнутрь. Я не отклонила беззвучное гостеприимное предложение и вошла.

— Уходим, — сказала Сафа. — Быстрее!

Она раньше меня разглядела то, что происходит на обеих кроватях. А я застыла в изумлении и не могла поверить, что сейчас стала свидетельницей самой настоящей оргии. Мне понадобилось время, чтоб сбросить с себя оцепенение, и сделать несколько шагов назад. Я отступала, все так же не спуская глаз с дальней от двери кровати, на которой я узнала, лежащего на боку, Тима. А рядом с ним, также на боку, закинув на него ногу и обхватив его голову рукой, лежала черноволосая девушка.

Оказавшись в коридоре, я сперва не могла понять, в каком направлении мне идти. Но, после подсказки Сафы, я определилась, куда идти и сделала несколько шагов.

— Сафира, подожди. — Я с опаской оглянулась. На ходу надевая обувь, ко мне спешил Тим. — Что ты делаешь здесь ночью? — Щурясь, спросил он.

Он был без пиджака, в немного помятой рубашке, с расстегнутыми пуговицами на манжетах и на груди.

— Пришла поблагодарить... — Отводя взгляд в сторону, ответила ему. Но мне очень хотелось, чтоб я сюда не приходила и ничего в той комнате не видела.

— Прости.

— Ничего, ты, наверно, отдыхал? — Сделав шаг подальше от Тима, спросила я. Но на ответ я не надеялась. Хотела только быстрее вернуть к себе в комнату и поплакаться Сафе.

— Я спал. Устал сегодня. — Застегивая верхние пуговицы на рубашке, тихо сказал Тим. — Прости, Сафира. Я, действительно, спал. А тут просыпаюсь и... Еле отбился, — хохотнул он. — Как будто продолжение кошмара...

Я перестала отворачиваться от него и присмотрелась к Тиму внимательнее. Лицо было заспанным, даже почти незаметные следы от подушки были на одной щеке. И глаза сонные. Он же вначале сильно щурился, а сейчас уже немного привык к свету.

— Тебе кошмар снился? — Чтоб дать ему время застегнуть пуговицы и преодолеть смущение спросила я.

— Они мне часто снятся... Прости, я не хотел, чтоб ты это видела. — Я успокоила его, что ничего и не видела. Он, как бы поверив мне, кивнул, и предложил проводить меня до моей комнаты. Я же думала: уж не леди ли Найт с леди Вэдр снятся Тиму?

Тим, не переступив порога моей комнаты, пожелал мне доброй ночи и развернулся, чтоб уйти.

— Ты вернешься в свою комнату? — Спросила я Тима. Все-таки я его очень сильно ревновала. Хоть и не имела права на это чувство, но от мысли, что он продолжит «общение» с черноволосым «продолжением кошмара» мне стала тошно.

Тим обернулся и кивнул:

— Придется сегодня досыпать в своей прежней комнате. Кажется, туда еще никого не заселили. А завтра я поговорю с Лионом, чтоб он относился с уважением к ночному времени. — И с легкой улыбкой Тим еще раз попрощался, но продолжил стоять на месте. — Сафира, — неуверенно сказал он, наконец. — Тебе идет это платье. Цвет необычный. И

прическа красивая. Ты сама очень красивая.

Последние его слова бальзамом пролились на мое сердце: не зря я старалась, наряжалась. Но я не поверила, что он сейчас пойдет спать. Не то чтобы Тим мне когда-нибудь лгал, но ревность — это такое мерзкое чувство. Я попросила Сафу проследить, куда направился Тим. И вернулась она через минут тридцать с отчетом: Тим, как и говорил, пошел спать в свою старую комнату, где даже постельного белья не было. Но перед этим долго времени провел в душевой.

Пятница. Как пытка затянулись четыре пары. А дополнительное занятие было сокращено до десяти минут, я даже поговорить с Тимом не смогла. Он только передал мне подготовленный конспект, объяснил некоторые формулы и побежал готовиться к состязанию.

Наконец, пришло время Открытой тренировки седьмого курса. Как и вчера, помимо третьего курса, в качестве зрителей пригласили первокурсников и второкурсников. В качестве судей присутствовали ректор Мартазан, целитель Надир и кураторы первого, второго, третьего и седьмого курсов.

В начале пары доктор Надир объявил, что сейчас у адептов седьмого курса есть возможность показать всем свою магическую силу, искусство владения ею и выносливость. А также, устремив взгляд именно в мою сторону, настоятельно попросил всех адептов соблюдать тишину и не мешать своей бурной поддержкой магистрам и адептам-выпускникам. Странно. По-моему, вчера мы с первым курсом никому не мешали.

Тренировка седьмого курса началась, как и вчера с обычной разминки всех групп мышц. Затем доктор Надир объявил двадцатиминутный непрерывный бег. Пока никаких магических знаний применять не требовалось. А я ожидала зрелищ!

Семеро адептов выстроились в ровный ряд, не переступая черты на полу и, после сигнала от доктора Надира, все побежали к невидимому финишу. Только Тим сразу начал набирать скорость и заметно вырвался вперед.

Я помню, еще в школе, мы сдавали на уроке физической культуры тест Купера — двенадцать минут непрерывного бега. Задача была в том, чтобы преодолеть за это время как можно большее расстояние. Я тогда пробежала два километра и очень гордилась своим результатом. Но нам объясняли, что начинать дистанцию нужно с легкого бега, чтоб не выложиться сразу и не потерять силы. При необходимости переходить на быстрый шаг. Наращивать скорость постепенно и на последней минуте уже выкладываться на все сто процентов. Поэтому сейчас, когда Тим в самом начале забега, рванул вперед, оставляя далеко позади сокурсников, я невольно привстала. И мои соседки в зрительном зале разделяли мое беспокойство, а некоторые откровенно злорадствовали:

— Надо же беречь силы...

— Неужели в первый раз бегают?

— Этот низкорослый не выдержит двадцати минут...

— Он пытается казаться быстрее сокурсников.

— Вчера ему просто повезло...

А я переживала, что Тим просто упадет без сил. То, что он не сдастся, уже было очевидно, и беречь себя Тим не умеет... Но время текло, семикурсники постепенно набирали скорость, а Тим бежал все в том же темпе. Невольно возникало ощущение, что по-настоящему здесь бежит только он один, тогда как другие адепты двигаются, как в замедленном кадре. Когда часы на стене показали, что до конца бега осталось только одна

минута, все младшекурсники наблюдали за происходящем на беговой дорожке уже стоя.

Сигнал прозвучал, оповещая, что двадцать минут уже подошли к концу. Но адепты-выпускники продолжили бегать, но постепенно замедляли свой ход и, наконец, остановились. Кто-то наклонился, опираясь на колени, кто-то сел, а Тим упал, раскинув звездочкой руки и ноги. Лион наклонился над ним и, обменявшись с братом парой слов, лег рядом. А мы, адепты, наблюдавшие со своих скамей, начали хлопать.

— Смотрите на табло, — сказала девушка рядом. Напротив имен адептов-выпускников стояли цифры, показывая преодоленное ими расстояние. Результат у всех был от четырех тысяч до четырех с половиной тысяч мер. А напротив имени «Тимир Найт», стоящем последним в столбце высветились цифры «пять-девять-четыре-ноль». Пять тысяч девятьсот четыре метра за двадцать минут!

В шоке была не я одна. Тимира подозвали к судьям, Лион и Кон Вэдр пошли вслед за ним. Ректор и целитель долго о чем-то расспрашивали Тима. Потом Тим опустил руку в стеклянную чашу с чем-то серебристым.

— Его проверяют, не использовал ли он артефакты или специальные зелья, — прокомментировала адептка рядом, чтоб все слышали. — Так проверяют атлетов на соревнованиях. У меня брат чемпион!

— Результат засчитан! — Прозвучал голос доктора Надира. И он же объявил десять минут передышки перед магическим состязанием.

Я хотела поговорить с Тимом, но его не отпускали магистры, особенно долго говорил с ним его куратор, магистр Вайол.

Только на последней минуте передышки Тим смог подбежать ко мне, при этом он улыбался и, точно, был абсолютно доволен своим результатом. Наверно, впервые окружающие не обращали внимания на ямочки на его щеках.

— Сафира, хочешь меня поздравить? — В стоящем передо мной адепте я не видела его обычной скованности и напряженности.

— Конечно. — Одной его счастливой улыбки было достаточно, чтоб улыбаться ему в ответ. — Поздравляю. Ты лучший!

— Они не верили, что я сам... — Раскинув в недоумении руки, сказал Тим. — А сейчас говорят, что я могу после Академии заняться атлетикой. — Приблизив ко мне лицо, он добавил. — Я вообще-то и быстрее бегать могу. Только после простуды дыхание сбивается...

Продолжая любоваться Тимом, я подумала, что на волне сегодняшнего успеха и возросшей самоуверенности, он вполне мог бы меня сегодня соблазнить. Надо только создать подходящие условия, хотя бы уединиться с ним после Открытой тренировки...

И началось самое важное состязание. Магическое.

Семикурсники поделились на две группы. По три и четыре адепта. Состязания начали адепт Кон Вэдр и Чмир Рват. Стоя друг напротив друга примерно на трехметровом расстоянии они перекидывали друг другу магические пульсары. Выглядело все очень красочно и напоминало детскую игру по перекидыванию мяча. Но для участия в таком соревновании нужно было владеть своей силой на высочайшем уровне.

Один адепт создавал устойчивый пульсар диаметром тридцать делений. От качества этого пульсара оценивался уровень силы мага. Далее этот пульсар нужно было направить на пол ровно в центр между собой и соперником, а потом поднять его и направить на этого соперника. По четкости выполнения этой задачи оценивалось умение адепта управлять своей магией. Противник должен был погасить летящий в него пульсар. Этим он показывал,

как умеет блокировать или гасить нападение. Потом он создавал свой пульсар, запускал его на пол в центр между собой и другим адептом, поднимал и ... со стороны это было перекидывание пульсарами, только мы-то знали, сколько сил и знаний нужно на создание, сдерживание, управление и гашение пульсаров. Адепты часто сменяли друг друга. Чмира заменил, Ромир Литс, после адепта Литса создавать и гасить пульсары встал Лион Найт. А место Лиона занял Тим.

Адепт уходил с круга, как только чувствовал усталость или же совершал ошибку. Мне было так интересно посмотреть на их работу вблизи, что я покинула зрительный зал и приблизилась к семикурсникам. Они никак не отреагировали на мое приближение, потому что напряженно наблюдали за соревнующейся парой. В зале уже стало шумно, многие адепты третьего курса громко болели за своих руководителей. И доктор Надир никому замечания не делал. Внимание всех преподавателей приковали к себе руки, создающие и поглощающие магические пульсары.

Тимир все еще магичил, его соперник — Витор Наут сменился Станисласом Лимом. Потом, после его ошибки, напротив Тима встал Кон Вэдр. Они очень долго не уступали друг другу. Но, наконец, и адепт Вэдр, сменился Витором Наутом. В зале стало очень душно. А я увидела, как к нам, стоящим в центре зала, бегут магистр Вайол и магистр Рош. Куратор седьмого курса что-то крикнул нам, но в шуме я не смогла понять, чем он недоволен.

А потом магистр Вайол, зашел со спины к Тиму и оттолкнул его, ударив в плечо. Магистр Рош погасил летевший пульсар, который должен был гасить Тим. И прекратил соревнование. А Тим от неожиданного удара своего куратора, не устояв на ногах, упал. Но быстро встал и, серьезно взглянув на своего куратора, сказал:

— Зачем? Я же не ошибся. Обмен пульсарами шел по плану.

— Я приказал остановиться. Почему, адепт Найт, вы не реагировали на мой приказ?

— Я не слышал, тут же шум...

— Руку дайте, адепт! — И магистр протянул свою руку Тимиру. А Тим посмотрел на протянутую ему руку и спросил:

— Зачем? Я же ничего не нарушил.

— Адепт Найт! Вашу руку! — Уже потребовал магистр, и Тимир протянул левую руку куратору. Но резко отдернул ее, обтер о свое правое плечо и снова протянул куратору.

Магистр Вайол уже играл желваками. Но, схватив Тима за запястье, он прижал к основанию его большого пальца свои указательный и средний пальцы.

— Пульс частит, — сказал магистр.

— Вы меня толкнули, я упал, встал, потом вы еще нервный — у любого бы сердце зачастило. — Попытался объяснить Тим. А все кругом стояли тихо и наблюдали за происходящим.

— Молчать. — Прошипел Магистр. — Сложно стоять? Слабость появилось?

— Нет. Никакой слабости. Вы толкнули меня, я поэтому упал.

— Тимир. Не доводите меня. — Прошипел его куратор. А после того как Тим замолчал, магистр Вайол продолжил его спрашивать:

— Тошнота не мучает?

— Нет, магистр Вайол.

— Шум в ушах? Головокружение?

— Нет, магистр Вайол. — Еще и головой покачал Тим.

— Острота зрения не снизилась?

— Нет. Я себя хорошо чувствую. Магистр Вайол, к чему эти вопросы? Я не устал. Нет никаких признаков магического истощения. — Раз уж даже Тим был удивлен, то мое удивление было вполне обоснованным.

Все это время, пока магистр задавал Тиму вопросы, он не выпускал его запястья и пристально смотрел в глаза, пытаюсь, наверно, заставить Тима быть правдивым.

— Пройдемте, адепт Найт. Сядьте на скамью возле той стены. — Указывая направление кивком головы, сказал магистр Вайол. И обратился уже ко мне. — Адептка Чарх, идемте с нами.

Магистр снова повторил приказ, заставляя Тима сесть, и меня попросил присесть возле него. Потом он убрал свою руку с запястья Тима и заменил ее моей ладонью. Особенно внимательно посмотрел, правильно ли я прощупываю пульс.

— Вы оба сидите здесь. Тимир, если ты встанешь без моего одобрения, просидишь в карцере до самой практики. — Тим нахмурился, но оставил всякие попытки привстать и что-то доказать своему куратору. — Адептка Чарх, следите за пульсом адепта, если он снова начнет частить, поднимите руку и позовите меня, а я пока поговорю с целителем.

Магистр ушел, а мы с Тимиром остались сидеть рядом, и руки наши были почти что связаны, потому что послушаться магистра и отпустить запястье Тима я бы не осмелилась.

— Не знаешь, почему магистр так паникует? — Меня все ещё хриплым голосом спросил Тим. А я вообще не понимаю: магистр паникует или всегда себя так ведет. — Хоть бы они результаты не отменили.

Тимир переживал, и я захотела его успокоить, поэтому начала тихо рассказывать о том, как выступали его сокурсники, и сколько их сменилось, пока он один отражал их пульсары.

— Правда? — Удивился Тим. — Выходит, у меня лучший результат? Может, магистр Вайол поэтому психует?

— А может он переживает за тебя? — Спросила я в ответ. Тим только пожал плечами и нахмурился:

— Хоть бы они не отменили результат... — Повторился он. А кожа у Тимира была нежной, я не удержалась и своим большим пальцем, не теряя контроля над пульсом, прогладила запястье Тима.

Он посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на мою руку. А я продолжала поглаживать его руку и рассказывать о сегодняшних соревнованиях. Настолько увлеклась, анализируя события Открытых тренировок, что не сразу заметила, что пульс у Тимира начал пугающе частить.

— Тим тебе плохо? — Уже по-настоящему испугавшись, спросила я его.

Тим не ответил. Он сидел напряжённый и даже глаза зажмурил. На мой вопрос только отрицательно махнул головой. Я же подумала, что магистр из-за пульса так не переживал бы, если не существовала реальная опасность для его адепта. Поэтому подняла руку и позвала к нам магистра. Тим успел только открыть глаза, но помешать мне не смог. А к нам уже бежали помимо куратора Вайола и целителя Дирба, еще и Чмир Рват с Лионом.

— Пульс бьется чаще. — Сказала я куратору седьмого курса. И, после приказа магистра, брат и адепт Рват вместе подняли Тима на ноги и, закинув его руки себе на плечи, быстро понесли его из зала. Вслед за ними поторопились магистр с целителем. И я поспешила вслед.

Тима занесли в раздевалку и положили на две сдвинутые низкие скамьи. Он пытался отбиться от заботы, говорил, что у него ничего не болит. Но игнорируя его слова, целитель

прямо через одежду стал ощупывать его грудь, особенно с левой стороны. Посадив на скамье, провел рукой по левой стороне спины Тима. Поняв, что проще смириться Тим затих и, целитель продолжил осмотр. Уделил внимание глазам, ногтям на обеих руках, горлу, задал несколько вопросов и вынес свое решение, что Тим абсолютно здоров: не истощен и не рискует выгореть.

— Я же говорю, что не болен — С подавляемым возмущением сказал Тим и попытался встать.

— Лежать! — Магистр Вайол не был настроен на шутки. От его тона лечь захотелось всем в помещении. — Доктор Дирб, почему частил пульс моего адепта? Так быть не должно.

— Магистр Вайол, я могу лишь сказать, что ваш адепт здоров. А сердце бьётся учащенно не только при магическом истощении. Адепт Найт мог переволноваться, испугаться. Или... это естественная мужская реакция на сидящую рядом красивую девушку. — Тим, все ещё лежащий на сдвинутых скамьях, густо покраснел и отвернулся в сторону стены.

Магистр бросил на меня беглый взгляд, как бы сомневаясь, что я настолько красивая, чтоб у его адепта пульс заскакал. Чмир начал переводить удивленный взгляд с меня на Тима. Только Лион все это время продолжал сверлить меня неприязненным взглядом.

Наконец, магистр Вайол поверил, что здоровью его адепта ничего не угрожает, и мы все вышли из раздевалки и направились в зал, где проходили соревнования. Магистры шли впереди, за ними следовали Чмир и Лион, и замыкали процессию мы с Тимом.

В стороне стояли два моих однокурсника из группы Кона Вэдра. Они выглядели как близкие родственники из-за рыжих волос. Один из них окликнул Тима, а когда мы оглянулись, оба поспешно приблизились к нам. Тиму пришлось остановиться, а я прошла чуть-чуть вперёд и обернулась, ожидая, когда мы сможем продолжить путь.

Эти адепты, низко поклонились Тиму и начали ему что-то объясняли, а, когда он через силу кивнул, протянули ему каждый по два мешочка. И прежде чем Тим отвернулся, они ещё по несколько раз поклонились ему и поблагодарили, и повторно извинялись.

Тим подошел ко мне с непроницаемым выражением лица, но в какой-то момент недовольно покачал головой.

— Кто это? — Поинтересовалась я.

Тим сухо ответил:

— Должники.

— А...

Тим посмотрел на меня и тихо объяснил

— Этим двоим адептам я заплатил, чтоб они выбрали меня на распределении, но они ушли к Кону Вэдру. А сейчас подошли извиняться, вернули деньги, и всучили артефакты. В качестве компенсации. — Я остановилась, и Тим замер на месте.

— Но это же хорошо, что они признали свою ошибку? — Спросила я. — Но ты, кажется, говорил, что договаривался с тремя адептами.

— Хорошо, конечно, для них. — Кивнул Тим. — А я надеялся на практике... Жаль. Хоть бы третий извиняться не подошел... — Себе под нос прошептал Тим. Определенно, я сейчас Тима не понимала. По-моему, радоваться нужно, когда человек сам раскаивается в своей ошибке и просит за нее прощение. И он передал мне четыре мешочка, только что полученных им от раскаявшихся адептов.

В зале тренировок нас всех уже ждали. Лион и Чмир Рват успели встать в строй с другими адептами, и Тимир направился в их сторону. А я осталась у стены и так же, как и

весь зал замерла в ожидании оглашения результатов магического состязания.

Ректор Мартазан встал и усиленным голосом объявил:

— Открытые тренировки седьмого курса завершены. Адепты показали высокий уровень владения магией. Адепты Кон Вэдр, Витор Наут, Станислас Лим, Чмир Рват, Лион Найт Ромир Литс можете подойти и забрать по десять артефактов. Они пригодятся вам на будущей практике.

Каждый адепт в порядке перечисленных имен подходил, кланялся магистрам и забирал сверток с артефактами.

А у меня, от напряжения сжавшей зубы, уже разболелась челюсть. Я не могла поверить, что случилось то, чего так боялся Тим. Но даже если его результат за магическое состязание аннулировали, его же должны были наградить за лучший показатель в двадцатиминутном беге. Хотя бы один артефакт ему должны были вручить!

— И я перехожу к главному открытию этого дня. — Продолжил ректор. — Адепт Тимир Найт показал лучший результат на выносливость и магическую силу. Давно стены Свободной Академии Магии не возвращали истинного мага десятой ступени. Адепт Найт можете забрать свои двадцать артефактов.

Когда Тим подошел к столу судей, ему не просто передали сверток с артефактами. Каждый из магистров и целитель встали при его приближении и ответили на его поклон таким же низким поклоном. А ректор Мартазан, прежде чем вручить артефакты, крепко пожал своему адепту руку.

Тим светился от счастья, хотя старался даже не улыбаться. Да я бы на его месте уже показала всем виртуозный танец бешеного бабуина! А Тим смог достойно поклониться зрителям в зале, поблагодарить за поздравления однокурсников, обняться с Лионом и Чмиром. И он стал искать взглядом среди зрителей меня... Я махнула ему рукой, чтоб привлечь внимание, и сделала несколько шагов навстречу. Но сама не контролируя свое тело, посмотрела в сторону Кона Вэдра и невольно удивилась, что спешу не к нему, ведь именно он самый красивый, высокий, статный, умный, соблазнительный человек в этом зале. Нет, во всем мире!

Я сделала уверенный шаг уже в сторону Кона Вэдра и, приложив усилия, остановилась... Разумом я понимала, что все дело в тату подчинения. Я уже привыкла видеть почти каждую ночь неприличные сны с Вэдром. Не настолько я, насмотревшаяся всевозможных фильмов и обучающих роликов по интернету, была трепетной барышней, чтоб страдать от легкой эротики или большой фантазии местного соблазнителя. Сны меня не пугали, и отдыхать ночью не мешали. А после избиения Тимом, всеобщего осуждения и изоляции в карцере, физическое влияние на меня адепт Вэдр больше не оказывал. Тем неприятнее было ощущение, когда родное тело предает тебя и хочет делать то, что для души категорически неприемлемо. А хотелось мне сейчас бежать к Кону Вэдру и выполнять все его самые низменные желания.

— Сафира? У тебя кровь на лице. — Услышала я голос Тима и упала ему на руки.

В сознание пришла уже на своей кровати, и увидела Сафу, сидевшую на плече Тима. А Тим с Лионом стояли у окна и переговаривались:

— Надо было оставить Сафиру у целителя, за ней бы там присмотрели, — говорил Лион брату. — Только не нападай снова на Кона. Это того не стоит. Тебя за повторное нарушение дисциплины отстранят от занятий или вообще исключат из Академии. А Вэдр, скорее всего, готов к нападению, отделать, как раньше, ты его не сможешь. — Тим молчал, только иногда

кивал.

Я мысленно позвала Сафу, и она с плеча Тима сиганула на кровать. А я и не знала, что дахкилги такие прыгучие.

Тим тоже подошел к кровати и сел на самый ее краешек. Лион пожелал мне быстрее оправиться и вышел из комнаты, напомнив Тиму, что будет ждать его за дверью.

— Я испортила твой праздник. — Сказала я Тиму.

Он нежно погладил меня по волосам и качнул головой:

— Сафира, ты сама преодолела призыв. Тату больше нет.

— Правда? — Интересно стало посмотреть на свое отражение без этой проблемной полоски на лбу.

— Ты очень сильная.

— Повезло тебе со мной. — Повторила уже однажды сказанную ему фразу.

— Да, — я не успела обрадоваться, как он уточнил, — практику мы с тобой обязательно сдадим.

Мы немного поговорили, он передал мне заработанные сегодня артефакты. И я его отпустила отдыхать. Он, скорее всего, устал после Открытой тренировки, да и Лион его ждал за дверью. Прежде чем встать Тим тихо мне пообещал:

— Я отомщу Вэдру. Не сейчас. Но он пожалеет, что издевался над тобой.

Тим ушел, а я жалела, что по вине адепта Вэдра, не смогу сегодня соблазнить Тима. С такой слабостью и бледным лицом я могла вызвать только жалость. А Тим на волне сегодняшнего успеха должен был стать намного смелее...

48. О проданной дружбе и публичных домах

Время продолжало ползти, временами идти и изредка нестись... Календарь уже показывал середину второго месяца весны. Мир за стенами Академии заметно преобразился: казалось, что он весь пробудился, зазеленел, расцвел, наполнился звуками и ароматами новой жизни...

А я почти все время занималась. Со своим курсом, самостоятельно, с руководителем практики и с Сафой. Мы с Тимом много времени проводили вместе: в аудитории, в библиотеке, на полигоне. Только все время, что мы проводили вместе, посвящали учебе. Просто поговорить, посмеяться Тим нам шанса не оставлял. Он стал значительно популярнее в Академии, многие уже открыто стали говорить, что отношение к выродкам в Принципате после выборов изменится. Даже магистры выражали свою надежду, что подобные нововведения послужат на пользу государству и магам.

А мне все чаще хотелось просто с кем-нибудь пообщаться. Сафа, конечно, была всегда рядом. И Матиас несколько раз звал меня на прогулку. Но мне хотелось просто человеческого общения, без нравоучений и критики, как с Сафой. И без уговоров выйти замуж, как с Матиасом.

— Сафира, утра доброго! — Отвлек меня от невеселых мыслей голос Чмира Рват. Сам он стоял возле моего столика в столовой. — Можно подсесть к тебе?

Он обычно подсаживался ко мне только если рядом уже сидели Тим с Лионом. Странно. Что могло заставить его сегодня раньше обычного зайти в столовую и навязывать свое общество мне?

— И тебе доброго утра. В столовой полно свободных столиков. — Ответила я.

— Я хотел поговорить с тобой. — Пришлось быть вежливой и пригласить его за свой столик. Он положил свой рюкзак на стул и ушел к прилавку, откуда принес себе чашку кофе.

— Тоже любишь кофе? — Когда Чмир сел, спросила его.

— Ненавижу. Пью, только чтоб проснуться. — Сморщившись, ответил мне.

А для меня этот напиток, его горький терпковатый вкус с долгим послевкусием и насыщенным ароматом даже подсознательно навсегда связан с Тимом. И для меня было странно, как можно кофе не любить. Тем более пить его морщась и задерживая дыхание. Тим всегда наслаждался каждым глотком, смаковал даже пар, поднимающийся над чашкой. Пил его горячим и крепким, только иногда, чаще вечерами, доливал в чашку сливки. Всегда допивал до последнего глотка и, почему-то, облизывал нижнюю губу.

Я отвернулась от чашки в руках Чмира, а то он уже стал бросать на меня настороженные взгляды. Тим бы обязательно после моего пристального внимания его напитку предложил произнести и мне чашечку.

— Странная ты, — сказал Чмир. — Проверься у целителя, посмотреть так на один предмет остановившимся взглядом — неправильно.

А вот Тим мне никогда глупых замечаний не делает. Даже в учебе чаще хвалит или, очень редко, когда долго не могу что-то понять, говорит, что я очень нежная, мне вредно перенапрягаться и лучше, всё-таки, немного передохнуть. Я после таких слов с тройным усердием вгрызаюсь в гранит магических наук.

И к целителю Тим бы меня не послал бы, а сам отвёл.

— Сафира, ты не выспалась? О чем задумалась? — Бесцеремонно спросил Чмир.

— О целителе.

— Вот и сходи к нему, он тебе обязан помочь.

— О чем ты хотел поговорить? — Его общество уже стало невыносимым. Лучше я вообще ни с кем не буду общаться, чем с ним.

— Я хотел предложить тебе стать моей женой. — Хорошо, что я уже проглотила свой бутерброд, а то долго бы пришлось откашливаться. — Я помню, что ты говорила в замке Чарх после похорон. Поэтому учиться я тебе не запрещаю, благом Принципата мы пренебрегать не будем. И я даже буду помогать тебе в учебе.

От кого угодно я ожидала такого предложения, но только не от адепта Рвата. Он же, кажется, давно влюблен в одну девушку и только ждёт одобрения своей семьи, чтоб жениться.

— Чмир, не обижайся, но ничего у нас не получится. — Вежливо заметила я.

— Почему? Объясни причину своего отказа. — Как будто требует ответить на вопросы по самостоятельно изученной теме. Но, раз уж ему нужны объяснения, я ему изложу их по пунктам, как любит излагать лекции магистр Рош.

— Ты мне не нравишься... — начала я.

— Это не повод, — вставил Чмир, но сбить меня с мысли было не так уж и просто:

— ...это во-первых. Во-вторых, я тебе не нравлюсь, ты влюблен в другую девушку. И, в-третьих, мне нравится Тим, за него я и выйду замуж.

— Сафира, не говори глупостей, не разочаровывай меня в своей разумности. Я тебе со временем понравлюсь. Все так живут. А Тимир не может тебе нравится: он вырожденец. Может, только на пару часов, для удовольствия, как другим девушкам. До свадьбы я не буду мешать твоим развлечениям. За Тимира тебя замуж не отдадут, ты должна родить наследника, а от него получатся только такие же выродки, как он. Ты знаешь, что у него даже пальцы на ногах с дефектом? То, что он дважды победил на тренировках, ничего не значит, ему просто повезло. И внешность его от этих побед не изменилась. А насчёт той, кого я якобы люблю, это уже пройденный этап. Я старший в семье и должен выбрать достойную жену из знатного рода.

Даже если бы он мне нравился, после всего сказанного им сейчас, я бы прониклась к нему глубочайшим презрением. И как доказывать ему, что он не прав, и его представления о супружестве совсем извращённые. И как, общаясь с Тимом, называя его своим другом, Чмир смог наговорить про него столько гадостей. Про "ужасный дефект" пальцев даже семья Найт не распространялась. Ну, раз так, и я с этого "старшего в семье" корону собою.

— Адепт Рват, я же раньше говорила, почему ты и Лион в качестве спутников жизни мне не нравятся. Вы несамостоятельные и безответственные. Ты даже любимую девушку перед семьёй не отстоял, что же меня ждёт рядом с тобой? Ты только что предал дружбу с Тимом, а он тебе всегда помогал и всегда говорил о тебе уважительно. И, если говорить начистоту, у меня много предложений от более достойных кандидатов, чем ты. Дядя каждый день присылает мне письма с новыми именами. И Матиас Мартазан намного лучше тебя, он не носит со своей родовитостью и никого грязью не поливает.

Чмир выслушал меня сидя прямо и с плотно сжатыми губами. А потом резко встал и направился к выходу из столовой. Даже чашку свою не унес. Считает меня достойной убирать за ним посуду?

Как я могла настолько ошибаться в Чмире. Это слова Тима, про ответственность и

справедливость друга не позволяли мне присматриваться к нему и анализировать его поступки. Чмир же получал выгоду, общаясь с Тимом, но даже в аудитории они никогда рядом не сидели. Чмир не забывал про ущербность своего друга.

Аромат кофе вывел меня из раздумий. Возле моего столика стояли Тим и Лион. У обоих были полные подносы с едой, как будто сейчас не завтрак, а вынужденная «заправка» перед долгой голодовкой.

— Утра доброго. Можно мы к тебе подсядем? — Спросил Тим.

А Лион, не дожидаясь моего ответа, уже поставил поднос и отодвинул себе стул:

— Это чья чаша? — Кивнув на оставленный Чмиром прибор, спросил Лион.

— Чмира. — Я пригласила и Тима сесть.

— Он здесь сидел? — Удивился Лион.

— Ему было бы сложно звать меня замуж, сидя за другим столом. — Съязвила я.

Лион посмотрел на Тима:

— А Чмир не сдаётся, уже вторая попытка. — А у меня спросил. — Что на этот раз ему ответила? Согласилась? Или сказала, что желание учиться на благо Принципата только окрепло?

Я выдохнула. И собрала свою посуду в поднос. Чувствовать на себе две пары напряжённых глаз было не очень приятно. Но мне столько времени не хватало общения, а никто со мной не разговаривал, интересной беседой меня не развлекал. Так что пусть они почувствуют, каково мне было все это время.

— Ну, Сафира, ты же отказала? — Продолжал допытываться Лион. Долго капризничать я не смогла. А, когда я кивнула, Лион рассказал мне по большому секрету одну историю. — У Чмира была возлюбленная. Он обещал жениться, как закончит Академию. И, конечно, если его одобрит семья. А она неожиданно вышла замуж за другого. Знаешь, что такое Скорый брак? Это когда помолвка и свадьба происходят в один день. Она Чмира даже не предупредила. — И Лион добавил. — Змея.

А я заступилась за незнакомую девушку.

— И правильно сделала. Он ради нее не готов идти против мнения семьи, почему она ради него должна упускать шанс выгодно выйти замуж?

— Выгодно? А как же любовь? Или тоже считаешь, что чувствами сыт не будешь? — С кривой улыбкой спросил Лион.

— Я считаю, что не может одна сторона все время приносить жертвы. Эта девушка была небогатой и незнатной, ей нужна в жизни определенность и мужская забота. Чмир ей ничего не обещал, более того, он даже сватал меня у моего дяди, когда она ждала, пока он закончит Академию. И, вообще, ваш Чмир гнилой человек. Как за столько лет вы оба его не разглядели?

— У него долг перед семьёй и родом. — Впервые вмешался в наш с Лионом диалог Тим.

— У меня тоже долг перед семьёй и родом. И мне теперь за Лиона замуж выходить? — Спросила я Тима. — Дядя уже писал, что готовит между нами брачный договор.

— Не выходи! — Лион озвучил то, что сказали глаза Тима. — А меня и не предупредили, что все так завертелось. — Ударил ладонью по столу Лион. — Сафира, — и начал он сразу искать варианты выйти из опасного для себя положения, — мы можем перед алтарем отказаться от супружества. Тогда даже договор родителям придется разорвать.

— Я с тобой даже не встану у алтаря. Да чтоб я для тебя наряжалась! Ни за что!

Лион лучезарно улыбнулся и искренне сказал:

— Я тебя люблю. Как сестру, — уточнил, поймав напряжённый взгляд брата.

А я решила подбросить им пару мыслей, чтоб ни я одна тут мучилась.

— Вы, всё-таки, не доверяйте Чмиру. Он про Тима тут много чего наговорил, и про пальцы упомянул. Это же тайна, кажется? — Лион вздрогнув, посмотрел на брата, и потом несколько раз огляделся кругом.

А Тим, пожав плечами, сделал плоток кофе, и посмотрел на меня внимательно, но с нежностью.

— Почему ты такой спокойный? Что нам делать? — С шумом отодвинув от себя поднос, спросил у брата Лион. И Тим отвёл от меня взгляд:

— Я не думаю, что Чмир станет выдавать все наши секреты. Но, чтоб потом не жалеть, ты перепрячь свои нелегальные артефакты. Вместе переделаем план практики. Проверь ещё раз адептов в своей группе, если получится, поменяй или переставь лидеров. Об изменениях пусть твои адепты молчат. И... все.

— А ты что будешь делать?

— План буду с тобой переделывать.

— А...

— А с остальным у меня проблемы не предвидятся.

Я слушала их диалог и понимала, что Лион всё-таки переживает за брата. Может, некрасивый поступок Чмира сблизит братьев, и в будущем у Тима будет хоть один родственник, готовый его поддержать.

И снова день закутился в обычном ритме. Лекция. Мои, без ложной скромности, блестящие ответы на практикуме по Магометрии, обед в столовой, почему-то, недовольные взгляды адепта Рвата. Ещё две лекции и долгожданное дополнительное занятие с Тимом. Мне уже было необходимо общение с ним. Не лекция руководителя практики, не объяснение материала от адепта Найта, не разбор с магом десятой ступени сложностей магических потоков... Мне нужно было простое человеческое общение. Я уже даже не мечтала соблазнить Тима.

— Сафира, ты уже пришла? Успела сходить в столовую? — Тимир, как обычно, сразу прошёл к своему столу и положил на него несколько папок.

— Нет. А ты? — Не сводя с Тима пристального взгляда, спросила и я.

— Времени не было Мне нужно в город. Я оставлю тебе конспект. Изучишь его сама? И реши несколько уравнений, они похожи на те, что мы вчера разбирали. Справишься? И, обещаю, с завтрашнего дня будем заниматься вместе.

Я кивнула. А что я ещё могла сделать?

Тим уже приблизился к двери, когда неожиданно, резко развернувшись, приблизился ко мне и присел рядом на одно колено:

— Сафира, мне сегодня очень нужно до ночи попасть в город. Обещаю, с завтрашнего дня мы будем заниматься вместе. Я больше не буду задавать тебе темы для самостоятельного изучения.

Приятно, конечно, что он почувствовал мое состояние и не ушел сразу. Но я устала, что Тим все время куда-то убегает. И даже когда он рядом, остаётся для меня недоступным.

— Сафира, не обижайся. Отпустишь меня сегодня? А ночью, как только я вернусь, разберём с тобой конспект. Хорошо?

И смотрел на меня снизу вверх, прищутив один глаз. Печаль моя, конечно,

окончательно не пропала, но Тиму удачи со спокойной душой я пожелать смогла.

Я бы, наверно, даже смогла продолжить заниматься. Только я собрала все листки с конспектом и направилась в столовую. Мне все ещё хотелось с кем-нибудь поговорить. А у Ясаман сейчас может найтись для меня свободная минутка.

— Сафирочка, тебя уже можно поздравить? Тим не устоял? — Затащив меня в свою комнату, спросила Ясаман.

— Устоял, — выдохнула я грустно.

— Да не может быть! — Взмахнула она руками. — Расскажи-ка, почему такая красавица Тимирчика моего соблазнить не смогла?

И чашками успокаивающее настойки заливая свою печаль, я рассказала Ясаман, как красиво Тим выступил на Открытых тренировках, как я организовала ему группу поддержки, как у него зачастил пульс от моей близости, как Тим переживал за меня и обещал отомстить адепту Вэдру, а потом вдруг снова стал отстранённым руководителем практики.

— Все понятно, — сделала вывод Ясаман, — наш мальчик просто боится не устоять и поэтому держит тебя на расстоянии.

Я с сомнением уставилась на нее, приятно, конечно, слышать именно такие слова. Но что-то раздувать воздушные замки я уже устала.

— Точно-точно, — интенсивно закивала головой Ясаман, — Тимир очень ответственный. Он, скорее всего, не хочет тебя оскорблять. Понятно?

— Понятно. А мне что делать?

— Придется тебе быть настойчивее!

Вопросы "как" и "где" всплыли на горизонте. Как быть настойчивой с мужчиной, который готов сбежать, чтоб не оскорбить единственную наследницу знатного рода. И где, если я отважусь на решительные меры, мне это сделать? В мою комнату он уже не входит. И сам делит комнату с Лионом. Но сейчас все вопросы казались такими неважными, наверно, уже подействовали успокаивающие настойки. Я поблагодарила Ясаман и направилась в свою комнату. Где крепко обняла возмущающуюся Сафу и уснула. Мышка хотела лакомиться сыром, а я хотела только спать.

Голодная Сафа долго поспать не позволит — это правило я должна была усвоить уже давно.

— Хочу есть. Есть хочу. Я голодная, как истинный дахкилг. Ну-у, вставай. Пойдем в столовую. — Бегая по мне, пищала Сафа. — Ты была у Ясаман! И я хочу в гости к этой доброй женщине...

Я, раскрыв только один глаз, взглянула на часы:

— Поздно, Сафа, ходить в гости. Уже восемь часов...

— Тогда пойдем к Тимиру, у него должно быть что-нибудь вкусненькое для меня. — Если учесть то, что Тимир запасов еды у себя в комнате никогда не держал, и, вообще, был патологическим поборником порядка, такое утверждение Сафы было странным.

Только голодная Сафа не только спать не позволяет, но даже просто лежать... Но я попробовала ее вразумить:

— Лион будет недоволен, если мы заявимся в их комнату ночью.

— А мы не к Лиону идём, а к Тимиру, нашему руководителю. — Логично заявила Сафа. — Ты что сегодняшней конспект разобрала, и тебе помощь адепта Найта не требуется?

Я конспект даже в руки не брала, а это значит, что помощь Тима мне просто

необходима!

Я быстро встала и надела свое бирюзовое платье, взяла листки с конспектом из сумки, Сафа в нетерпении подбежала на своих коротких ножках к двери, а я села за стол решать заданные Тимом уравнения.

— Ты почему села? — У меня в ушах даже раздался звон от ее вопля. — Мы же идём к твоему Тимиру...

— ...и он дал мне задание, — прервала я ее, — хоть уравнения я могу решить самостоятельно? Меня Тим всегда хвалит, я не могу его разочаровывать.

Я решала, Сафа угрожала уйти без меня. Но, скорее всего, ее остановило то, что сама она объяснить Тимиру, что пришла за угощениями не сможет. И я ее долго ждать не заставила, уравнения на вычисление силы магических потоков были несложными, поэтому закончила я быстро. И мы обе, довольные и предвкушающие радостную встречу, отправились на третий этаж. Только я хотела увидеть Тима, а Сафа впиться острыми зубами во что-то вкусненькое.

Дверь новой комнаты Тима была приоткрыта, и я застыла возле нее, если бы не ерзающая на моих руках Сафа, я развернулась и ушла к себе. Не хотелось снова своими глазами видеть, как кто-то пытается соблазнить Тима...

Я толкнула дверь и оказалась в абсолютно темном помещении, даже окна были занавешены. Сафа паниковать не пыталась, поэтому я тихо позвала:

— Тим? Лион? — И чуть не ослепла от ярко вспыхнувшего света.

Оргии не было. Но были шесть семикурсников, по трое расположившихся на двух кроватях. Лион сидел между Коном Вэдром и Витором Наутом, и зачем-то подмигивал мне.

— Адептка Чарх, а что вы делаете ночью в комнате старшекурсников? — Спросил адепт Вэрд.

Отпустив Сафу на пол, чтоб она могла забраться на стол и спокойно полакомиться стоявшими там бутербродами, я спросила в ответ:

— А вы что делаете в комнате братьев Найт? Тоже решили, что вместе жить веселее? — Лион рассмеялся. А адепт Вэдр зло сжал губы:

— Мы ловим нарушителя дисциплины.

И я решила обосновать свое присутствие в комнате братьев, чтоб казаться вежливой и правильной.

— А я пришла к своему руководителю, для разъяснения нескольких вопросов по пройденной сегодня теме. — Виктор Наут, сидевший ближе всего ко мне, выхватил листки из моих рук, и начал из просматривать. И потом протянул их Кону и, недоумевая, спросил:

— Зачем выродок пичкает девчонку такой чушью? Для практики это не нужно. И там ещё уравнения, мы же их только на четвертом курсе проходили...

Кон тоже просмотрел листки и отведя руку назад, размахнувшись, швырнул их вверх. Я смотрела, как исписанные Тиминим четким почерком листки опускаются на пол. Они падали медленно, преодолевая сопротивление воздуха и разлетаясь по всей комнате.

Я вопросительно посмотрела на Лиона. Он же, проследив за падением последнего листка, встретился со мной взглядом и сказал:

— Иди к себе, Сафира, я соберу это позже.

— А, может, адептка Чарх, дождется с нами своего руководителя? — Спросил, сидевший на другой кровати, адепт Лим. — Хотя... с публичных домов так рано не возвращаются. — Мне показалось, что я ослышалась, но Кон Вэдр постарался, чтоб я хорошо

расслышала эту фразу:

— Адептка Чарх, вы что-нибудь слышали про публичные дома? — Снова отвратительное чувство дикой ревности и нежелание принимать очевидное накрыло меня. Но фраза Сафы: «Какие дома?» — помогла мне собраться и выбрать правильное поведение.

— Не слышала. А что это? — Для достоверности еще ресничками похлопала.

— А название «публичный дом» вам ни о чем не говорит? — Спросил адепт Вэдр.

— Название говорит, что в этом доме собирается публика. — Как прилежная адептка, ответила я.

— А какая публика? — Вопросы задавал Кон Вэдр, но развлекаться приготовились все. Только, мне показалось, один Лион сейчас чувствовал себя некомфортно.

— Если Тимир все же в этом доме, — медленно начала я формулировать свою мысль, — выходит как минимум один маг десятой ступени там есть. О, там собираются только очень сильные маги, а таких, как вы, не приглашают? — Наивно расширив глаза, спросила я присутствующих.

— Нас в такое место и силой не затащить, — брезгливо скривив губы, сказал сидящий возле Чмира, адепт Ромир, а Лион, посмотрев в его сторону, с ухмылкой сказал:

— Ну-ну, не затащишь вас...

— Да. Это омерзительное заведение. А твой брат туда часто ходит...

— По-моему, так слишком часто. — Впервые раскрыл рот Чмир Рват. Адепты ухмылялись и перешептывались, видно просвещение адептки из знатного рода доставляло им немалое удовольствие.

— Я провожу Сафиру до ее комнаты. — Лион попытался встать, но, сидящие по обе стороны от него, адепты ему помешали. — Тогда или пригласите ее сесть или проводите сами, — столкнув с плеч руку старосты своего курса сказал Лион.

— Идите, адептка Чарх, ложитесь спать вовремя, — милостиво махнув рукой, позволил мне уйти Кон Вэдр.

Выйдя за дверь, я устало прислонилась к стене и закрыла глаза. Почему всегда, когда я прихожу к Тиму, узнаю что-нибудь жальщее прямо в сердце? Даже если Тим объяснит, что ходил в публичный дом просто выспаться, неприятный осадок все равно останется. Даже его однокурсники считают это место омерзительным.

Я постояла еще недолго и направилась в свою комнату, а по дороге меня догнала Сафа.

— Сафира, нам нужно перехватить Тимира, и предупредить, что в его комнате засада!

— Что? — Я ожидала: она начнет возмущаться тем, что я бросила ее, а она вот такое предложение выдает.

— Я их немного послушала, — начала свой рассказ Сафа, — и вот что получается. Чмир рассказал сокурсникам про планы Тимира на сегодняшнюю ночь. Он пошел в этот "общественный" дом за артефактами. И сейчас они поджидают нашего Тимира, чтобы забрать артефакты. Или Кон Вэдр, как староста группы, заявит о нарушении дисциплины, и Тимира накажут.

— А Лион? — Интересно стало, неужели и он хочет ограбить брата.

— Они насильно удерживают Лиона, ты же видела, его даже не выпустили тебя проводить. Боятся, что предупредит брата. — Сейчас я поняла, зачем мне Лион подмигивал. Я взяла заметно отяжелевшую Сафу на руки и поспешила на первый этаж, в коридорах уже было малоллюдно, все сидели по своим комнатам, готовились к завтрашним занятиям или уже спали. Только я носилась по Академии в поисках приключений.

Я встала возле самой входной двери, чуть в стороне, что бы не мешать Тимиру войти, а потом, прежде чем предупредить о засаде, потребовать у него объяснений.

Наверняка, ждали мы с Сафой не меньше тридцати минут, я даже выпустила ее побегать по холлу, так у меня устали руки. Наконец, порог Академии переступил Тимир. Впервые видела его в такой одежде. Широкие брюки темно — коричневого цвета, светло-бежевая рубашка с воротником под горло и белоснежная ветровка. Копюшон Тим не надел, даже не застегнул ее и смотрелся, как... парень моей мечты. Он хоть и выглядел немного уставшим, но не был ни пьян, ни неопрятен. Я даже принялась, приблизившись — женскими духами от него не несло.

Увидев меня, Тим замер, как пойманный на месте преступления кот.

— Сафира? — Немного расслабившись, спросил он. — Что ты здесь делаешь?

— Жду руководителя практики, чтоб уточнить некоторые вопросы по конспекту. — Как ни в чем не бывало, ответила я. — Еще хочу узнать, в каком публичном доме ты пропадал до ночи?

Тим посмотрел мне прямо в глаза и снова замер:

— Это неприличные слова... — Наконец, выговорил он. — Где ты могла услышать?

— В твоей комнате. — Мгновенно ответила я. — Там с твоим братом сидят все ваши однокурсники, и ждут тебя, чтобы что-то отнять. А Лион сбежать не может, чтоб тебя предупредить. Зато мне мигал так, что только чудом не окосел.

Тим улыбнулся на мои слова:

— И сейчас все они ждут меня. — Сразу понял он. — Тогда ты можешь сразу забрать у меня артефакты и спрятать у себя?

Я не возражала. Тим начал выворачивать свои карманы и вытаскивать разнообразные предметы, большинство из них он передал мне, и я расписала их по карманам своего нарядного платья, а некоторые, чтоб карманы не были оттопыренными, нагнувшись, засунула в свои носочки. Тим удивлённо наблюдал за моими действиями. Около двадцати сиреневых камешек, похожих формой на перепелиные яйца, он раскидал уже по своим карманам.

— Это в публичном доме столько интересных штучек раздают? И я хочу туда пойти. — Хлопая ресничками, заявила я Тиму.

— Да. Нет! Тебе нельзя туда. Даже не говори такое вслух. — Отвлекаясь от распределения сиреневых яиц по карманам, очень серьезно сказал Тим.

— Почему? Ты же там был. — Я чувствовала себя ребенком, который ночью просит родителей включить во всех комнатах свет, чтоб быстрее настало утро.

— Я не заходил в тот дом. Сидел в беседке, пока покупал артефакты у... одной женщины.

— Я тоже посижу в беседке и с познакомлюсь с этой женщиной. Может, мы даже подружимся. — Не отставала я. Тим уже и про карманы свои забыл.

— Сафира, нельзя такие вещи говорить. Прошу, не повторяй это. — Уже начал он меня упрашивать. — Это нехорошее место, и от его обитателей нужно держаться дальше. Особенно тебе.

— Ну ты же туда ходишь... — Капризно сказала я. Уже было очевидно, что Тим ходил к девушкам лёгкого поведения не развлекаться. Но подразнить его было приятно, а заодно и шанс получить хоть какую-то информацию возрастал. — Ты же в нехорошие места не станешь ходить?

Тим какое-то время боролся со своим воспитанием и желанием навсегда отговорить меня от похода в публичный дом.

— Сафира, в публичном доме ничего не раздают, там несчастные женщины вынуждены продавать себя...

— ... как? По частям? — От моего вопроса он в который раз за это время замер. И встряхнув головой, начал успокаивать меня. Я же задавая свой вопрос выглядела очень удивленной и напуганной. Тим обе свои руки положил мне на плечи и, медленно и аккуратно подбирая слова, начал объяснять.

— Они, эти девушки, проводят свое время с посторонними мужчинами...

— Как Заира? — Отомстить и ей и Тиму было долгом чести.

— Нет. Почти. В общем, этим девушкам платят... за это. Иногда им вместо денег дают артефакты. Даже семейные. А мне нужен магический компас. Я хожу к хозяйке того дома и выкупаю артефакты.

— И ты пять часов провел в беседке публичного дома, выкупая эти артефакты. — Постучав себя по карманам спросила я. Артефактов, конечно, было не мало, и наверно перед покупкой их нужно проверить, но не до девяти же часов ночи стоило возиться.

— Я не всегда деньгами плачу за артефакты. — Вот эта фраза меня насторожила. — Сегодня я помог хозяйке продлить аренду их дома, составить контракты для поставщиков. С бумагами долго приходится возиться. И мы для них ещё нового целителя подбирали.

Я выдохнула облегчённо. Я надеюсь, что Тим не лгал мне.

Мы уже шли по абсолютно пустому коридору к комнате Тима, когда все его сокурсники вышли к нам из-за поворота навстречу. Я сразу остановилась, а Тим остановился только тогда, когда пятеро адептов окружили его. Они сразу начали его обыскивать, похлопывая по карманам. И, выворачивая их, доставать оставленные Тимом артефакты.

— Что-то сегодня не густо... — покачивая головой протянул Кон Вэдр. — Чмир сказал, что меньше сорока артефактов ты никогда не приносил.

— Мне и этих бы хватило. Может, попробуете сами себя обеспечивать? — Не спуская взгляда с бывшего друга, проговорил Тим.

— Кон, надо бы обыскать Сафиру, Тимир мог ей передать артефакты, — так же не спуская взгляда с Тима, сказал Чмир Рват.

Загораживая меня, встал Лион. А перед Тимом появился ярко-оранжевый пульсар.

— Ты не посмеешь, — Чмир, отступив назад, сказал Тиму.

— Никто не посмеет обыскивать меня, я дяде на вас пожалуюсь, — не чувствуя никакой уверенности, проговорила я.

В этой ситуации умнее всех повел себя староста курса, Кон Вэдр.

— Кто станет адептке третьего курса доверять артефакты? — Невеселых смех разрядил обстановку. И семикурсники, скорее всего, решили не накалять обстановку дальше и разойтись.

Но Тим, развеяв пульсар, окликнул адепта Вэдра:

— Кон, ты ничего не забыл?

Кон, обернувшись, недоуменно пожал плечами.

— Я не для того потратил весь вечер в городе, чтоб отдать все артефакты вам.

Староста курса запустил руку в карман и вынул сжатый кулак с артефактами. Он раскрыл свою ладонь, пересчитал яйцеобразные камешки в ней и протянув пять штук Лиону, сказал:

— Здесь только шестнадцать усыпляющий артефактов. Тебе, Тимир, и мне по три штуки, остальным достанется по два артефакта.

Я с обоими Найтами вошла в их комнату, Лион протянул Тиму и положил перед ним на стол переданные ему Коном артефакты, все пять штук:

— Оставь их себе. Я не мог вовремя тебя предупредить...

— Сафира уже рассказала, как ты чуть не окосел, подмигивая ей, — и Тим вернул брату два сиреневых артефакта.

Лион посмотрел на меня с благодарностью. А, когда после просьбы Тима, я начала выкладывать артефакты из своих карманов, его глаза удивлённо расширились. Но, стоило мне вытащить артефакты из носочков, как Лион присел на стул и и перевел уже шокированный взгляд на брата:

— Как, ты ей доверил артефакты? — Я, не удержавшись, ударила Лиона тетрадь по голове. А он, действительно был в шоке, даже не попытался уклониться.

Тим только посмотрел на нас и стал разбирать, лежащие на столе богатства.

— Лион, медицинские артефакты я тебе дать не могу, мне их и так не хватает. — Тим перетащил на свою сторону все яйцеобразный артефакты разнообразных цветов. Лион же кивнул. — Маскирующих тут только три.

— Мне достаточно одного.

— Восемь "Невидимок". Делим поровну? — Лион кивнул. — Но они слабые, только минут на двадцать хватит.

Так комментируя они разобрали довольно объемистую кучку. Лион был брату благодарен и обещал вернуть деньги хоть за часть артефактов:

— А Чмир неудачник, с тобой мог бы получить больше выгоды, — заключил Лион.

— Чмир предатель, и от нас он уже ничего не получит, — исправил брата Тим, и многозначительно подчеркнул "нас". — Я договорился с мастером Румелем, он будет сам выкупать у хозяйки дома артефакты, мне туда лучше больше не ходить.

Я слушала их тихий разговор и еле держала глаза открытыми. И, когда Тим предложил меня проводить, сразу согласилась. Тим сложил в мешочек артефакты, чтоб я спрятала их у себя. А Лион, уже не удивляясь этому, тоже завернул в лист бумаги оставшиеся на столе бутерброды и пафосно вручил их мне со словами:

— Твой грызун самое вкусное в них уже подъел.

Провожать меня, к сожалению, пошли оба Найта. Если бы не Лион, я могла бы прислониться к Тиму, ему пришлось бы меня приобнять. Я бы даже рискнула подвернуть ногу у своей двери, чтоб он занёс меня на руках в комнату, усадил на кровать, и тогда все могло бы получиться... А сейчас Тим нес Сафу, мешочек с артефактами и свёрток с бутербродами.

Засыпая я планировала, спросить у Ясаман, нет ли у нее безотказных средств от слишком подозрительных братьев объекта соблазнения.

49. Спасибо веселящему пару

Я до этой ночи даже не слышала про веселящий пар. Но с этой ночи стала ему, невольно, очень благодарной.

Сафа разбудила меня поздно ночью. После нескольких неудачных попыток поднять меня она забралась мне на голову и стала нагло дергать мои волосы. Когда я открыла глаза и устремила их на нее с ненавистью, она на мгновение успокоилась.

— Ты же не можешь меня видеть. Здесь темно. — Заявила дахкилг. — Как ты умудряешься смотреть на меня с таким выражением?

— Я тебя чувствую и сейчас всей душой ненавижу. — Прошипела я.

И Сафин нарочито виноватый голосок прозвучал в моей голове, царапая все извилины мозга:

— Зря я тебя разбудила, да? Не надо было сообщать, что Тим сейчас в коридоре совсем пьяный? А, может, он просто неадекватный...

Я вскочила:

— Тим один? — Не верилось, что Лион оставил брата без своей вездесущей опеки.

— Один. И странный совсем. Смеётся. И уже десять минут не может оторваться от стены.

Пришлось снова накидывать платье на пижаму и бежать к Тиму.

Он и вправду стоял на ступеньках, почти поднявшись до второго этажа. И плотно прижимался лбом к стене. Правда, он не смеялся. Мне даже показалось, что он спит стоя.

— Тим? — Попыталась я привлечь его внимание.

— Сафира? — Он, оказывается, не спал. — Не подходи ко мне. Здесь сильная качка. — Серьезным тоном предупредил он меня.

— Где качка? — Удивилась я. — На лестнице?

— А я на лестнице? — Медленно оторвался он от стены и оглянулся. — Точно, ступеньки родной Академии. А почему так качает? — Спросил у меня.

— Может, потому что ты пьян? — Недовольно спросила его. Хотя такой он мне тоже нравился: лохматый, с расфокусированным взглядом, немного потерянный, и очень расслабленный.

— Я не пил. Не люблю похмелье. — Подняв палец громко заявил он. Я же, сдерживая рвущийся смех, обхватила его за талию и попыталась оторвать от стены. А Тим ещё сильнее прижался к ней. — Сафира, не дергай меня. Мы упадем.

Устав его тянуть, я попыталась объяснить, что в Академии нет качки, что это у него, скорее всего, голова кружится. Он мне не поверил, но согласился, что оставаться на лестнице нельзя, лучше пойти в комнату. И, закрыв глаза, позволил себя направлять. Может, так его меньше качало?

Я привела его в свою комнату.

— Сюда нельзя, мне надо к Лиону. — Замахав головой, Тим попытался выйти из моей комнаты. Пришлось снова его уговаривать посидеть, пока я приведу Лиона. Хотя его брата, даже если бы он сам пришел искать Тима у меня, я бы в комнату непустила.

Тимир согласился сесть на стул, только я его, исхитрившись, посадила на кровать и, когда он, засыпая, начал заваливаться на бок, сняла с него ветровку и обувь. Я хотела

откинуть куртку дальше, но меня заинтересовали полные карманы. Пришлось оставить Тима лежать и отойти к столу. Я высыпала из карманов все на стол — артефакты. По-моему, у Тима уже навязчивая идея с этими носителями магии. Он, как сорока хватает все, до чего может дотянуться, и тащит в Академию. Только он же обещал и мне и брату, что больше в публичный дом ходить не будет, а сейчас даже по лестнице подняться не мог из-за "пьянки".

— Тим, ты снова ходил в публичным дом? — Присев возле кровати, спросила его. Подумала, может он во сне говорит. И не ошиблась.

— Я не хожу в такие места. — Немного невнятно проговорил Тим. Но три дня назад он точно туда ходил.

— А где ты был? — Задала я следующий вопрос.

— На складе... — Пробормотал Тим

— Ты на складе напился?

— Я не пью. Там облава была, архаровцы веселящий пар пустили, и я надышался...

Становилось все интереснее, оказывается, я могу провести полноценный допрос спящего человека:

— На кого архаровцы устроили облаву?

Даже сонный Тим не спешил отвечать, сегодня он, скорее всего, чуть основательно не вяпался. Но я уже почувствовала себя работником спецслужб и повторяла вопрос, пока Тим, наконец, не ответил:

— Облава на воров. Там очень редкие артефакты были...

Больше я спрашивать не решилась. Шёпотом благословляя всех архаровцем и их веселящий пар, что позволил мне затащить Тима в постель, я помогла ему удобнее улечься на моей кровати. Потом позвала Сафу и пошла с ней прятать в нашем тайнике новую партию артефактов. Невольно подумала, что у меня тоже навязчивая идея, как у Тима. Только он артефакты ищет, покупает и, видимо, ещё и крадёт, а я их прячу. Когда мы с Сафой вернулись, я села на краешек кровати и рукой убрала упавшие Тиму на лоб волосы. Он был очень красивым, даже отходить от него не хотелось. Я-то сразу это увидела, ещё в день распределения на практику. Только не перестаю до сих пор удивляться, как окружающие не замечают его красоты: мужественной, выделяющейся среди сверстников, временами мальчишеской...

Не удержалась и спросила:

— Тим, ты меня любишь?

А он ответил:

— Я Сафиру люблю. — Я давно решила, что Тим будет моим, только действовать старалась ненавязчиво. Сейчас ещё раз поняла, что нужно быть наглой и решительной.

Кровать моя была очень узкой, если я ложилась на спину, переворачиваться на бок было немного опасно. Поворачиваясь на бок, приходилось одновременно сдвигаться ближе к стене, чтоб не оказаться на полу.

И сейчас я думала, что же мне делать? Тим, наконец, оказался в моей постели, но он занял ее всю. Как я докажу ему, что он меня ночью соблазнил, если я даже рядом лечь не могу. Я постелила свое одеяло на пол, там всё-таки места больше будет, и попробовала аккуратно скинуть Тима на не очень мягкий пол. Но сейчас Тим показался мне очень тяжёлым, я даже сдвинуть его не смогла. Тогда я встала на кровати у стены и, нагнувшись, ухватила его за пояс и рубашку и попробовала слегка приподнять, чтоб поворачивая на живот скинуть с кровати. Молилась только, чтоб Тим не ушибся и не проснулся.

Но я потеряла равновесие и упала на Тима, ударив его своими коленями прямо в живот и грудь. Он, поморщившись, застонал, а потом открыл сонные глаза:

— Сафира? — Прошептал, растирая ушибленные мною места. — Ты почему не спишь?

— Тут места нет. — Не стала договаривать, что планировала скинуть его на пол, потому что там места больше. А Тим вытянул руку и, приподнявшись, обхватил меня за талию и, ложась на место, потянул меня за собой. Я не сопротивлялась и удобно улеглась прямо на Тима.

— Сафира, так удобно? — Спросил он меня на ухо. Если ему несложно спать со мной, растянувшейся на нем, мне-то зачем жаловаться — подумала я. Конечно, мне было удобно. Я уткнулась Тиму в шею лицом, обхватила его голову рукой и, наслаждаясь близостью любимого человека, замечталась. Я уже представляла, как утром потребую, чтоб Тим на мне женился. Картина получилась такой яркой и правдоподобной, что уснула я улыбаясь.

Но пробуждение у нас было экстремальным.

Рано утром, когда за окном ещё было совсем темно, моя дверь с шумом разлетелась, и в комнату ворвались мужчины в черной одежде и с масками на лицах. Тим успел только присесть на кровати и подушкой прикрыть меня. А дальше я уже с раскрытыми от ужаса глазами наблюдала, как двое в черном вытащили его из кровати и бесцеремонно потащили в коридор. Другие люди в масках что-то кричали, с треском распахивали дверцы моего шкафа, выдвигали ящики стола. Меня тоже подняли с кровати, отобрали подушку, которую я крепко прижимала к себе и, вытащив в коридор, поставили у стены. Стоило радоваться, что хоть не заставили поднимать руки над головой. Хорошо, что я была в платье, надетом на пижаму. Когда первый шок прошел, и я смогла оглядеться, то увидела, стоящего лицом к стене, Тима. Вот его заставили заложить руки за голову и шире расставить ноги.

Но и просто стоять ему не позволяли. Человек в черной одежде и маске, оставившей открытыми только глаза, орал на Тима:

— Где артефакты?! Ночью на складе был ты! Куда дел украденное? — Тим только махал головой. Слово сказать Тим не успевал. Ему не позволяли оборачиваться, несколько раз даже ударили раскрытой ладонью по голове. А, когда Тим продолжил молчать, недовольный мужик в маске ударил Тима кулаком в правый бок. Тим завалился в сторону и упал.

Только лежать ему не позволили, подняли, швырнули об стену и снова продолжили кричать:

— Где ты был ночью, Найт? На складе? Признавайся.

К Тиму подошёл еще один подозрительный мужик, и тоже стал спрашивать про пропавшие артефакты. А я стала молиться: хоть бы они не начали допрашивать меня, я же боли не выдержу, сразу расскажу про наш тайник.

А Тима между тем продолжили допрашивать уже двое в масках. Они требовали, чтоб он сам признался, где провел ночь.

— Тим был со мной. — Громко сказала я.

— Я был у друга, — опроверг мои слова Тим.

А я вся сжалась, когда ко мне подошли вышедшие из моей разгромленной комнаты, три мужика. Один из них стал, наклонившись к моему лицу, громко, пугая меня, задавать вопросы:

— Имя говори?

— Сафира Чарх.

— Найт был с тобой ночью?

— Да.

— Как долго?

— С одиннадцати часов. — Уверенно соврала я.

— С одиннадцати?

— Да.

— Всю ночь?

— Да.

— Найт! Подтверждаешь слова этой девушки?

Вместо того, чтобы подыграть мне, Тим снова заявил, что был у друга.

— Тимир, не называй девушку, с которой спишь, другом. Она может обидеться. И больше не даст. — Меня в этих словах удивил не только их циничный смысл, но по-настоящему меня поразило то, что человек только что избивавший Тима, обратился к нему по имени и вполне по-дружески.

Из комнаты вышел еще один мужик. Он положил на пол камешек с краской и кулон на цепочке, когда-то подаренные мне Тимом:

— Вот, больше артефактов в комнате не было.

— Все обыскали?

— Все. Там чисто.

— Тогда собираемся, — сказал главарь. И отодвигая от стены и разворачивая к себе Тима, обратился к нему. — Тимир, без обид. Работа такая.

Тим кивнул и продолжил растирать ушибленный бок и разглаживать взъерошенные волосы.

— Да, ладно, Тимир, расслабься, я же не сильно бил. Думаешь, тем, кого ты задерживал, легче было?

— Я не возмущаюсь, — вытерев лоб рукавом, отмахнулся Тим. — Только с чего вы вообще ко мне пожаловали? Я, по-вашему, на воровство способен?

Несколько мужиков хохотнули, а тот, с кем разговаривал Тим, примирительно сказал:

— Тут наше мнение значения не имеет. Нам приказали обыскать и, по итогам обыска, задержать — мы и работаем. Ты же не забыл, как сам работал? Кстати, брата твоего мы сейчас не били. — Но намного тише, наклонившись к Тиму, добавил. — На тебя был донос. Писали про твое сотрудничество с девками из публичного дома и ночное ограбление склада. Но, раз уж тебе ума хватило следов не оставлять... — Люди в масках, а их было человек пятнадцать, направились в сторону лестницы. А последним уходил их лидер и напоследок бросил Тиму. — Тимир, заканчивай с учебой и возвращайся к нам. И... девчонка твоя — умница: хорошо держится.

Если они сейчас обо мне говорили, то очень ошибались. У меня от пережитого шока зубы стучали, и из-за разливающейся по телу слабости, я боялась отойти от стены, чтоб не упасть.

Тим помог мне дойти до комнаты и усадил на табуретку, для этого пришлось ее поднять и протереть. В комнате был такой бардак, что я даже не представляла, смогу ли навести в ней порядок. Тим нашел свою ветровку и, проверив карманы, накинул ее на меня. Но ничего о пропавших артефактах спрашивать не стал. Вышел и занес мой камень с кулоном, брошенный на полу архаровцем. Когда ко мне в комнату настойчиво постучали, Тим снова вышел. А вернувшись, сел напротив меня на кровать.

— Сафира, нас вызывают к ректору. Там магистры собрались. Сможешь пойти? — Я только кивнула. И Тим напряженно замолчал. — Сафира, тебя ударили? — Я качнула головой. — Сильно испугалась? Прости, это из-за меня.

Ну, что виноват Тим я и сама поняла и почему-то злилась не на него, а на того, кто посмел написать донос. И сами архаровцы тоже бесили. Раз уж они знают Тима и вместе с ним работали, не могли его как-то предупредить. Или хоть не били бы, я же столько нервных клеток потеряла, когда смотрела, как они его об стену швыряют, а потом ему еще и по голове и печени добавляют.

— Сафира, а как я в твоей комнате оказался? — Неожиданно спросил Тим.

Это была последняя капля перелившая океан моего терпения. Все, что полагалось услышать доносчикам и архаровцам, досталось Тиму. Не дословно, конечно, а по эмоциональному накалу. Он, скорее всего, и не понял моих слов, частично искаженных плачем, а частично вообще не выговоренных. Но что мне очень обидно, страшно и неприятно Тим не мог не понять. Ему пришлось долго меня успокаивать.

Он и сам еще не отошел от пережитого шока. Только, его еще мучили вопросы, на которые я ему не смогла ответить.

В кабинет ректора мы попали только через час. Мне пришлось переодеваться в форму, хотя сегодня было воскресенье, заслуженный выходной. Много времени я провела в душевой, пока снимала покраснение с глаз. А когда вышла из душевой наткнулась на собранного, как-то успевшего переодеться, Тима.

И вот — кабинет ректора. Он сам сидит во главе стола с недовольным выражением лица. За длинным столом также находятся около десяти магистров, среди них магистр Рош и магистр Вайол. У стены выпрямившись стоят шестеро выпускников, к ним присоединился и Тим. А мне предложили сесть возле другой стены.

— Всем утра доброго, коллеги, адепты. — Кашлянув начал, ректор Матиазан. — Сегодня мы собрались... — И неожиданно швырнув ручку, которую до этого взял со стаканчика, в сторону, вскочил. — Архаровцы! В моей Академии! Такого не было в последние лет двадцать. Мало того, что ворвались не предупредив меня, мало того что оцепили второй и третий этажи, они еще шум подняли на всю Академию. Но этот вопрос я решу сам с Министром Безопасности. — Ректор в абсолютной тишине вернулся на свое место и, переложив несколько листов на своем столе, продолжил. — Меня сейчас волнует другой вопрос... Обыск адепта Найта и его комнаты был санкционирован из-за доноса. Я рад, что донос был ложным, и Академия не запятнана связью с контрабандистами и другими темными личностями. Вопрос в том: кто посмел донести на моего адепта? Не пришел ко мне с жалобой, а именно пожаловался стражам порядка. Вынес внутренний вопрос на всеобщее обозрение. Имя этого... недалекого человека я уже выяснил. — И поочередно посмотрел на семикурсников, даже на Тиме остановил взгляд. — Из уважения к его роду, я не буду позорить его имя. С его отцом я переговорю лично. Пусть оба знают, что отныне малейший проступок этого адепта, закончится его исключением из Академии.

Адепты седьмого курса бросали друг на друга подозрительные взгляды, только Тим был вне подозрений.

— Если у вас нет вопросов и претензий, можете расходиться. — Наконец сказал ректор.

Я медленно выдохнула и встала:

— Магистр Мартазан, у меня есть претензии.

Ректор очень внимательно и понимающе посмотрел на меня:

— Адептка Чарх, вы в этой ситуации пострадали больше всех. Приношу вам извинение. Скажите, чем мы можем вам помочь?

— Из-за утреннего набега архаровцев, все узнали то, что должно было оставаться... в тайне. И раз уж все знают, что Тимир Найт провел ночь у меня, я требую от него возмещения.

В удивлении на меня смотрели все, даже ректор потерял дар речи. А Тим, на него я бросила только беглый взгляд, вообще застыл каменной статуей. Даже не реагировал на толчки в бок от брата.

— Адептка Чарх, — заговорил ректор. — вы утверждаете, что адепт Найт воспользовался своим статусом руководителя и... пренебрег вашими интересами?

Я кивнула.

— Адептка Чарх, вы понимаете, что требуя возмещения, вы сами раскрываете тайну этой ночи всем. Но если мы замнем эту историю здесь, все присутствующие поклянутся молчать об услышанном, и ваша репутация не пострадает

— Здесь присутствует девятнадцать мужчин, представители восемнадцати фамилий. Также меня с адептом Тимиром Найтом видели архаровцы, и ни один из них не поклялся молчать. Магистр Мартазан, вы еще верите в то, что случившееся можно замолчать? — Ответила я на пристальный взгляд ректора

Все уже отвели от меня взгляды. Я же украдкой наблюдала за Тимом, после того как Лион несколько раз толкнул его в плечо, он обернулся к брату и качнул головой. А потом, опустив голову, уставился на свои ладони, сжимая их в кулак и, наоборот, раскрывая.

Ректор обратился к сидящему ближе всех к нему магистру Вайолу, попросив его вызвать письмом в Академию моего дядю и отца Тима.

— Адептка Чарх, — снова посмотрел на меня магистр Мартазан, — будем ждать лорда Чарха или вы озвучите цену возмещения?

— Дядя, я думаю, прибудет не скоро. — Все с моим планом оказалось не так просто. Как оказалось, переживая за себя, я многое упустила из виду. Не думала, что все будет так серьезно. — А с возмещением все же очевидно: Тимир Найт должен на мне жениться.

И снова гробовое молчание, которое смог нарушить магистр Рош, мой куратор:

— Адептка Чарх, — с привычной снисходительной улыбкой спросил он, — вы не хотите, чтоб вашего обидчика наказали, исключив из Академии? Не требуете, чтоб его судили, за использование своего статуса в личных целях? Вам не нужно финансовое возмещение? Вы хотите, чтоб адепт Тимир Найт стал вашим мужем? Даже учитывая то, что он выродок?

Я сперва кивнула, а потом, осмыслив сказанное куратором, решила четко изложить свои мысли, чтоб никто не вздумал Тима судить, исключать или наказывать еще как-то. Решила, что в данной ситуации можно даже солгать, чтобы потом не остаться без Тима:

— Магистры, я могла, перенервничав, неправильно выразиться. Тим не обидел меня, и не воспользовался своим статусом. У нас все было по обоюдному согласию. — Зря я в этот момент посмотрела в сторону Тима, его удивление было настолько явным, что не заметить это было невозможно. — Раньше я не торопилась с замужеством. Но сегодняшние события... — И быстро, пока не передумала это говорить, закончила. — И у меня может быть ребенок, так что лучше всего нам с Тимом пожениться.

Ректор обеими руками прикрыл лоб, все магистры тоже сидели пораженные. В сторону старшекурсников я решила вообще не смотреть, чтоб их выпученные глаза не преследовали

меня в кошмарах.

— Адептка Чарх, вы не использовали специальные зелья? — Впившись в меня напряженным взглядом, спросил мой куратор.

— Я забыла. Не до того было, — легкомысленно отмахнулась я. Наверняка, сейчас все сильно изменили свое мнение о моих умственных способностях.

В дверь постучали и заглянувшая леди Мариет, секретарь ректора, сообщила, что прибыли лорд и леди Найт. Прежде чем пригласить их в свой кабинет, ректор отпустил по своим делам всех магистров, кроме кураторов третьего и седьмого курсов. И из семикурсников он оставил в кабинете только братьев Найт, а остальным велел сидеть в своих комнатах.

После того как лишние люди покинули кабинет ректора, секретарь пригласила войти чету Найт. После сдержанного приветствия леди Найт набросилась на Тимира, даже не пытаясь сдержать свои чувства и не щадя своего сына:

— Как ты мог обесчестить невесту своего брата? Ты же знал, что мы ведем переговоры с лордом Чарх. Ты безответственный, аморальный выродок! Поэтому я настаивала на скорейшей маговазорезеции. — Тим стоял с опущенной головой и не пытался оправдаться. И Лион не вступался за него. Только ректор смог отвлечь разъяренную леди, пригласив ее сесть за стол и выслушать все нюансы сложившейся ситуации.

А мне стало так жалко Тима, что я перешла на другую сторону кабинета и встала рядом с Тимом:

— Прости, я не думала, что все будет так некрасиво, — коснувшись его ладони, сказала я.

Тим смотрел мне в глаза и улыбался, почти незаметно:

— Не стоит. Это я был... несдержан. Прости. — Я крепче схватила его за руку.

В этот момент кто-то крепко схватил меня за плечо и настойчиво отстранил в сторону. А на мое место встала леди Найт и зашипела на Тима:

— Не смей касаться грязными руками невесты своего брата.

Неожиданно подал голос Лион:

— Сафира мне не невеста. Я на ней не женюсь. — А когда мать замахнулась на него, перехватил ее руку и тихо сказал. — Я не Тимир. Не смейте меня унижать, леди Найт.

Мать Лиона была настолько обескуражена обращением к себе младшего сына, что мгновенно успокоилась и так и замерла с занесенной рукой. К нам подошел лорд Найт и, смерив презрительным взглядом Тимира, сказал.

— Ты возвращаешься с нами домой, там немедленно проходишь маговазорезецию. — Потом отец Тимира перевел взгляд на меня и сказал. — Леди Чарх, вы, также можете отправиться с нами, чтоб избавиться от ублюдка в своем чреве. Только на таких условиях я согласен на ваш брак. Мне в роду больше выродки не нужны. — Снова посмотрел на Тимира. — В ином случае, я вышвырну тебя из семьи, и сделаю все, чтоб подвести тебя под суд. Я все сказал. Жду вас у портала.

50. Лорд Чарх и просто Марина

Тим не двинулся вслед за лордом Найтом, но выражение лица у него было обречённым и в то же время решительным. Глава рода уже покинул кабинет ректора. А леди Найт у самого выхода обернулась и, задерживаясь у распахнутой двери, недовольно посмотрела на нас с Тимом:

— Тимир! — Приказным тоном выговорила она.

Он сделал шаг вперёд и, закрывая меня собой, сказал:

— Мы остаёмся в Академии. Сафира, не будет избавляться от ребенка. И я сомнительных процедур проходить не стану.

— Это не от тебя зависит! Лорд Найт своего решения не изменит.

— Значит, мама, так тому и быть. Свою жену защитить и обеспечить я смогу и сам. Без семьи.

Леди Найт сжала губы крепче и уже хотела выйти в приёмное помещение, когда в кабинет вошли лорд Чарх, леди Чарх и, вслед за ними, лорд Найт.

Тетя Марина нашла меня взглядом и протянула ко мне руки, я поспешила ее обнять. Хоть видела ее третий раз в жизни, почему-то хотелось, чтоб она поддержала меня и помогла выпутаться из созданной мной ситуации. Выглядела она лучше, чем на похоронах. Видимо, ей хватило силы духа отпустить сына, и не тревожить его душу своими страданиями. А лорд Чарх сильно похудел и осунулся. Я не раз слышала, как о нем отзываются магистры в Академии. Все считали его выдающимся политиком и одним из лучших законотворцев Принципата. Он со своей командой давно продвигал закон о Дискриминации Магов. Но после гибели сына ушел в долгосрочный отпуск. Кто-то выдвигал мнения, что лорд Чарх, потеряв сына, лишился и смысла в жизни. И он уже никогда не вернётся в ряды лидеров Принципата. А кто-то до сих пор его побаивался и говорил, что такие люди, как лорд Чарх, просто из вредности подгребают власть под себя и не отпускают ее до последнего вздоха

Навстречу новым гостям вышел ректор Мартазан. После приветствия и обмена вежливыми фразами, магистр Мартазан пригласил всех сесть за стол:

— Я бы хотел познакомиться с адептом Найтом, — сухо сказал мой дядя.

Леди Найт подозвала Лиона:

— Лион Найт, наш младший сын. Он будет вам хорошим зятем и достойным мужем для вашей племянницы.

Лион поклонился наблюдающему за ним с прищуром лорду Чарху и максимально вежливо сказал:

— Я бы с радостью стал зятем именно вам, лорд Чарх, будь у вас ещё одна племянница. Но Сафира невеста моего брата, я давно смотрю на нее только как на сестру. И у них скоро будет ребенок.

— От этого выродка ее избавит целитель, — непреклонно заявила леди Найт, в то время как ее муж, который и должен был вести переговоры, отстранившись, сидел в стороне.

Мой дядя посмотрел на лорда Найта и обратился к нему.

— Женщины слишком эмоциональны. Говорят, не обдумав свои слова заранее. Лорд Найт, ведь ваша супруга не могла всерьез угрожать жизни моего нерожденного внука. Я

давно ожидаю наследника, и слышать подобное... неприятно.

Атмосфера в кабинете мгновенно стала напряжённой. Леди Найт выпрямилась до хруста в позвонках и застыла каменной горгульей. Лорд Найт, наоборот, чуть наклонился к столу и, положив локти на столешницу, сцепил пальцы в замок. Лион и Тимир обменялись быстрыми взглядами. Тетя Марина, слегка улыбнувшись, неожиданно мне подмигнула.

А ректор, почувствовав нарастающее напряжение, подозвал Тимира и представил его лорду Чарху. После поклона Тима лорд Чарх, не сводя с него тяжёлого взгляда, спросил:

— Значит вы и есть Тимир Найт? Маг десятой ступени, победитель обеих Открытых тренировок? Неожиданно.

Тимир снова поклонился. А дядя продолжил:

— Думаете, что справитесь с Сафирой? — Тим застыл, не зная, что ответить моему опекуну. — Поверьте моему опыту, с женщинами проблем больше, чем с целой группой непоседливых адептов.

Поклонившись в третий раз Тим ответил:

— Лорд Чарх, я приложу все силы, чтоб сделать вашу племянницу счастливой.

— Этого мало, молодой человек. — Сухо заметил дядя. — Мирт, мой сын, когда-то писал мне о Тимире Найте. Он ценил ваш ум, упорство, работоспособность и магическую силу. И учитывая случившееся и отношение вашей семьи к этому, у меня к вам один вопрос. Готовы ли вы покинуть свой род и войти в род Чарх? Я гарантирую вам безопасность, статус и уважение. Взамен вы берете на себя обязательства по возрождению рода, и, конечно, заботитесь о Сафире. Главой рода, после моей смерти, будет она.

— Тимир согласен, — громко, нарушая правила этикета, ответил за брата Лион.

Это, наверняка, было более чем щедрым предложением. Потому что Тимир выглядел удивлённым, но при этом молчал, как бы ожидая от лорда Чарха продолжения.

— Так вы согласны, адепт Найт? — Спросил его, уже потеряв терпение, мой опекун.

— Лорд Чарх, простите мое недоверие, но вы озвучили все свои требования? — Осторожно, подбирая каждое слово, будто прохаживаясь по лезвию меча, спросил Тимир.

Дядя откинулся на спинку стула и спросил меня:

— Сафира, ты будешь настаивать на обязательной маговазорезекции Найта?

Вопрос застал меня врасплох, но я собралась с мыслями и быстро ответила:

— Нет. Я хочу, чтоб у нас с Тимиром было много детей.

Дядя удовлетворенно кивнул и задал следующий вопрос:

— Сафира, ты хочешь, чтоб Найт отказался от своей фамилии?

— Только если Тимир сам так решит. — Я не знала, важно ли оставлять свою фамилию, когда переходишь в другой род. Может, взять новую фамилию будет даже лучше, поэтому так и ответила, переложив окончательное решение на Тима.

— И последний вопрос: Сафира, должен ли Найт перед алтарем признать твое главенство в семье? — Вот сейчас я сразу поняла смысл вопроса моего опекуна. Он спрашивал, будет ли Тимир целовать мне в храме руку, перед всеми признавая мое главенство в семье. Как в свое время грозилась его заставить сделать леди Вэдр.

— Нет. Я не желаю унижения отца своих будущих детей. — Мои родственники и ректор были довольны моими ответами, хоть и реагировали сдержанно. Старшие Найты без единой эмоции на лицах встали и направились к выходу. Даже не пожелали счастья или удачи Тиму.

А Лион радовался открыто и заразительно. Я никогда не видела, чтоб он так сиял. Он со спины обнял Тимира, чуть не толкнув его на лорда Чарха, и чмокнул брата в затылок.

Оторвавшись от Тима, он сказал:

— Я сейчас отправлюсь с родителями домой. Предупрежу братьев о твоей свадьбе и к обеду вернусь.

Потом быстро подошёл ко мне и, обхватив руками, обнял и поцеловал в обе щеки. А на ухо, чтоб никто не слышал, сказал:

— Не поменяй своего решения перед алтарем. Не стоит Тимира оскорблять. — Оторвавшись от меня, направился к двери. И уже оттуда громко заявил. — Я буду Гонцом жениха на свадьбе!

После того, как трое Найтов покинули кабинет, дядя велел тете Марине увести меня и подготовить к брачному ритуалу, который из-за моего положения вынуждены провести уже этим вечером в Храме Академии. А сам он с Тимиром и ректором остались составлять брачный договор.

Пока мы шли по коридору, тетя Марина, погладив меня по руке, сказала:

— Сафира, ты уже взрослая. Это раньше было допустимо, когда ты называла меня тетей. А сейчас будет правильно, если будешь обращаться ко мне просто по имени. — Я не возражала, выглядит она хорошо. Хочет быть просто Мариной? Так и буду ее называть.

В мою комнату невозможно было войти, никто не навёл в ней порядок, пока я была у ректора. Я тоже сейчас меньше всего думала об уборке. Только Сафа, сиротливо сидевшая на столе, была глубоко удручена хаосом, оставленным за собой архаровцами.

Я, обрадовавшись, что искать мышку не придется, быстро схватила ее и вышла к тете, оставшейся за дверью. Вместе мы отправились в портальную комнату и перенеслись в замок Чарх. Там тетя вызвала модельера и целую армию швей. Они приступили к самому сложному заказу в своей карьере — сшить роскошное свадебное платье для единственной наследницы рода Чарх за шесть часов. А мы с тетей передали себя в руки массажисток, визажистов, мастера водного оздоровления, парикмахера и мастера-художника по ногтям.

Мы позволяли себя нежить и преображать, но при этом тетя Марина не позабыла про свой долг старшей женщины в семье.

— Сафира, я сейчас должна была рассказать тебе о таинстве первой брачной ночи, научить, как себя вести себя с мужем...

— А что вам мешает, Марина? — Я, конечно, не была непросвещенной воспитанницей пансиона благородных девиц, о взаимоотношениях полов я знала почти все. Но не на личном опыте. Поэтому хотелось послушать, что мне тетя расскажет и что посоветует.

Мой вопрос леди Чарх озадачил:

— Но ты уже позволила сорвать свою розу до благословения в храме. — Туманно выразилась просто Марина. Мы с ней только что, после водных процедур и массажа, легли отдыхать. Поэтому мне нужно было время, чтоб расшифровать ее метафоры. — А надо было хранить свою чистоту до первой ночи с мужем. — До меня уже дошло, о чем говорит тетя. А она, увидев выражение моего лица, решила меня успокоить. — Но ты, Сафира, не переживай. Главное, у тебя будет ребенок...

Я подумала, что долго скрывать от тети отсутствие беременности будет сложновато и решила рассказать ей правду. В случае чего, она поможет мне и дядю задобрить.

— Тетя Марина, даже не знаю, какая новость вас больше растроит? — Присев на кушетке, стала я делиться своей глупостью. — Я не жду ребенка. Тим не срывает розы.

— Но, а как же.... — Марина тоже присела на кушетке.

— Я солгала, чтоб выйти замуж за Тима, — глубоко и печально вздохнув, призналась

ей.

— Боже, какой кошмар! — Марина закрыла себе ладонями рот, отчего ее глаза казались еще больше и выражаемое ими осуждение — сильнее. — Только дяде об этом не говори. Он так обрадовался, что не придется ждать рождения внука ещё три-четыре года. Он так радовался! Ему даже было неважно, что отец наследника деградант. — И уже решительно Марина продолжила. — Тебе надо срочно забеременеть. Тимир тебе, кажется, нравится... Ты же не собиралась держать его на расстоянии? — Я отрицательно и очень интенсивно замахал новой. А Марина улыбкой подбодрила меня. — Для мужчин не имеет особого значения сколько времени женщина вынашивает дитё, девять месяцев или двенадцать. Твой дядя и не поймет, что ты немного... погрешила против истины. Главное, обрадуй его как можно раньше рождением наследника.

Я с облегчением выдохнула. Мне показалось, что тетя меня поняла, и что она не очень недовольна моим поступком.

Учиться и вынашивать ребенка, конечно, будет не просто. Но я видела в Академии двух адептов в интересном положении, так что ничего невозможного мне не предстоит.

Я прилегла, чтоб хоть немного поспать. Но Марина вскрикнув, снова прикрыла рот ладонями.

— Так Тимир Найт, ни в чем не повинный, сегодня просто защищал тебя и твоего ребенка от своей семьи? Даже был готов покинуть род из-за не своего ребенка? — Лицо тети стало очень сильно напоминать суровый лик лорда Чарха. Я даже задержала воздух, не выдыхая. — Ты могла подставить Найта, его даже могли судить. И не на внутренней комиссии Академии.

— Я же сразу сказала, какого возмещения требую. Чтоб у него не было проблем...

Марина откинулась на подушки, мне даже страшно за нее стало:

— Бедный мальчик... — Выдохнула она.

Испугавшись, и я села, сложив под собой ноги:

— Кто бедный мальчик?

— Твой будущий муж. — Уже серьезно посмотрела она меня. — Ты же не предупреждала его о своем плане срочного замужества?

— Нет. Это же неожиданно получилось. У меня просто не было времени... И он бы был против. Тим очень ответственный и самокритичный, он бы не согласился...

— А теперь твой Тимир думает, что воспользовался твоей беспомощностью ночью... Или, что ты ждёшь ребенка от другого мужчины и хочешь, переложить свою ответственность на него. Или он просто смирился со всем, что только может произойти. Те, кого всегда упрекают в несовершенстве, слишком ранимы. Даже когда они выглядят сильными..

Я задумалась, а ведь Марина права, Тим же долго не мог поверить, в чем я его обвиняю. Сейчас даже вспоминать его взгляд в тот момент было больно.

— Я Тиму все объясню, — прошептала я, — он меня поймет и, может быть, простит.

Марина уже взяла себя в руки, и снова стала сдержанной леди Чарх.

— Объясни, Сафира, обязательно объясни. И прощение попроси. А самое главное, напоминай ему, что ты девочка нетронутая. Пусть будет поаккуратнее. — И, пересев со своей кушетки на мою, села рядом со мной и, обняв нежно, прижала к себе. — Бедная девочка, тебе ещё предстоит через это пройти... — И заплакала. До этого момента я не помнила про свои страхи, а сейчас они нахлынули, как девятый вал.

Эротофобия. Мне поставил такой диагноз очень хороший психолог, мамин знакомый.

Но мне тогда было восемнадцать лет, и я отказалась выходить замуж за выгодного, на ее взгляд, жениха. А, по-моему, дело было не в страхе перед близостью с мужчиной, просто именно этот представитель противоположного пола мне вообще не нравился. Мы тогда с подругами почитали в интернете об этой фобии и дружно решили, что психолог — лох. Большинства симптомов этого психологического заболевания у меня не было. Я не боялась смотреть фильмы с пометкой "восемнадцать плюс" и читала эротическую литературу с большим удовольствием, даже обучающие ролики в интернете смотрела. Но представлять себя с облысевшим "выгодным женихом" было противно. И соседские парни мне не нравились, они были слишком зажатыми и неспортивными. А знакомый из фитнес клуба всегда вонял... Одноклассники, даже после того как мы окончили школу, в моем понимании, были детьми. То, что я не встретила достойного парня, ещё не значило, что у меня фобия. А стоило мне увидеть Тима, как я сразу поняла, что он тот, кого я мечтала встретить. Красивый, умный, спортивный, всегда опрятный и чистый, даже аккуратнее, чем я. Представлять себя с ним рядом я не боялась. Даже мечтала, его соблазнить. А сейчас, после предостережения Марины, вдруг стало страшно. Неужели, почти достигнув своей цели, я из-за глупых страхов отступлюсь? Никогда! Я все Тиму расскажу и объясню. Он, конечно, меня поймет, поверит в искренность моих чувств. И все у нас будет хорошо. Тим меня не обидит. Особенно в первую ночь.

Но я все равно была в смешанных чувствах, пока меня наряжали и причесывали. Платье мне сшили волшебное, хоть многие мелочи пришлось доделать, когда это великолепие было уже на мне.

Оно было из нежнейшего белоснежного шелка. С длинными узкими рукавами и овальные воротом под самое горло. Платье плотно облегало лиф, а от талии многослойные юбки расходилось роскошными волнами. И при этом платье оставалось невесомым. В таком можно хоть целый день танцевать и оставаться бодрой. Марина рассказывала мне, как сложно найти такой качественный шелк, что к нему даже нитки нужно покупать специальные. Она сама зашнуровала мне платье на спине и все продолжала рассказывать о виртуозной работе модельера и мастерстве швей. А я ее внимательно слушала, но понимала только общие фразы. Мысленно я пыталась подобрать слова, чтоб объяснить Тиму свой поступок. Должен же он поверить, что я его люблю? И только желание быть с ним рядом заставило меня наговорить на него.

— Сафира, идем к порталу, нас уже должны ждать. — Сказала Марина, и взяла меня за руку. В другой руке она держала сытую и довольную Сафу. А мне позволили за весь день только несколько раз выпить по полстакана обычной воды. Чтоб платье хорошо село. Марина и Сафа бросили на меня до боли похожие оценивающие взгляды. Моим шикарным платьем, прической, напоминающей греческую косу с множеством серебряных заколочек с драгоценными камнями и лёгким макияжем они остались довольны. Марина попыталась накинуть на меня накидку из плотного шифона. Но я его скинула, пусть фаты на мне не было, но укрываться такой накидкой, скрывающей всю красоту, я не хотела.

— Ты права, Сафира, лучше закрыться, когда уже выйдем из портала, — сложив накидку, сказала Марина.

— Сафира, без накидки нельзя, — подсказала мне, молчавшая до этого Сафа, — это свадебный обычай. Тыходишь в храм закрытой, после объявления вас мужем и женой, Тимир снимает накидку и кладет ее на алтарь.

Я поблагодарила свою пушистую маленькую подругу и попросила ее и дальше

подсказывать мне, как правильнее поступать.

Мы перенеслись в Академию, и в самой порталной комнате нас ждал одетый в черный парадный костюм Лион Найт.

— А где Тимир? Почему ты нас встречаешь? — Не скрывая разочарования спросила я.

— Потому что я Гонец жениха, исполняю все его поручения. Сам бы я ни за что тебя встречать не пошел. Вот платье бы твое встретил, оно красивое. И ещё оно молчит. Хорошо что ты не за меня замуж выходишь. А Тимир тебя как-нибудь вытерпет. А сам Тимир до сих пор в кабинете ректора, с брачным договором ещё не всё решили.

Лион проводил меня в свою комнату. Следов утреннего обыска здесь уже не было, в комнате было прибрано и все собрано. Но я сразу поняла, что не Тимир здесь порядок наводил, после него всегда оставался идеальный порядок, а ни как сейчас, только его подобие.

Марина запретила мне садиться, чтоб не помялось платье, а сама с моей Сафой отправилась в кабинет к ректору.

А Лион остался со мной в комнате и удобно усевшись на кровать, начал бросать на меня украдкой взгляды. Но заговорить не решался.

— Лион, долго они ещё будут возиться? — Первой нарушила я молчание.

— С договором? Обычно пункты брачного договора месяцами обсуждают. — Обнадежил меня будущий деверь.

— Не обижайся на Тимира за то что он... ночью... — Лион встал и, явно нервничая, пытался извиниться за брата. За ни в чем не виноватого брата.

— Не обижаюсь. Я и сама хотела его соблазнить. — Махнула я рукой.

Лион разулыбался и засветился ещё ярче, чем даже утром, услышав предложение моего дяди.

— Отлично. Я же тебе говорил, что ты мне нравишься? Вообще-то, Тимир очень хороший. И ты ему сильно нравишься. Только я запрещал ему думать о тебе. — После того, как Лион быстро выговорил эти слова, он выдохнул. — Кто бы мог подумать, что Тимир сможет так быстро от маминого гнета избавиться!

Я поддержала радость Лиона улыбкой.

— Сафира, ты же точно рада? Не изменишь своих слов у алтаря?

Я сказала, что рада, слов не изменю, Тимира подставлять не буду...

— Точно? — Спросил ещё раз Лион. — Тогда почему ты такая сердитая?

Подобной наблюдательности я от Лиона не ожидала. Но будущему деверю, почти что брату, можно же и пожаловаться?

— Лион, мне леди Чарх садиться не разрешила. Чтоб не помялось платье. И я ещё очень голодная, мне же есть не давали. А я сегодня только воду пила. Даже не завтракала.

Лион даже вскочил с кровати:

— Ты сесть хочешь? И проголодалась? — Он нагнулся к подолу моей юбки, поднял один из ее верхних слоев и сделал умное заключение. — Тут же слоев много. Можно же один поднять и сесть?

Лион поставил стул в центр комнаты, чтоб мне было удобнее садиться. Помог поднять верхний слой моего платья и усадил на стул. Я облегченно выдохнула и улыбнулась Лиону.

— Нормально? Тогда я пойду в столовую? Что-нибудь поесть принесу. — В этот момент я любила Лиона лишь чуть-чуть меньше, чем Тимира.

51. До свадьбы. Свадьба. После свадьбы

Гонец жениха — это высокое звание, которым награждают только самого достойного и проверенного из друзей или родственников. В обязанности Гонца входило, выражаясь простым языком, исполнение капризов невесты. А по свадебной традиции, Гонец жениха временно заменял самого жениха. В общем, он делал все, что в его силах, чтоб невеста не чувствовала себя обделенной вниманием. Гонец моего жениха мог бы даже сопровождать меня в замок Чарх и обеспечивать комфорт и безопасность, пока Тим занят на переговорах с моим дядей.

И Лиону было не важно, что он сам назначил себя Гонцом жениха, свои обязанности он выполнял с рвением и огоньком.

Он принес мне со столовой полный поднос еды. Потом по моей просьбе сходил в кабинет ректора за Сафой. Развлекал меня историями, как Тим заставлял его учиться. Потом случилось неожиданное, к нам пожаловали гости, и Лион их впустил ко мне.

Я сразу узнала двух старших братьев Найт. Войдя, они низко мне поклонились, но встать для ответного поклона мне не позволил Лион. А Сафа сидевшая на столе пояснила:

— Ты, Сафира, невеста, можешь сидеть и спокойно принимать дары.

А эти самые дары передо мной сейчас ставили, прямо на пол.

Мужчина, который из двоих братьев выглядел немного старше, поднял крышку с обтянутого кожей сундучка и сказал:

— Леди Чарх, примите от меня с супругой этот скромный подарок. Желаю вам и Тимиру долгих, счастливых лет семейной жизни и сильного потомства. — Почему-то я ожидала увидеть в сундучке артефакты, видимо, общение с Тимиром не прошло для меня бесследно, но там оказался чайный сервиз. Шесть чашек, шесть блюдец, шесть тарелок для десерта, чайник для заварки, сахарница, молочник, масленка, креманка, вазочки для сладостей, сухарница, большая тарелка для торта, и тарелочка для лимона, ложечки, вилочки с двумя зубчиками, щипцы, поднос...

Но все очень красивое, нежное, посуда светло-салатового цвета с серебристыми узорами, а приборы серебряные... Я уже представила, как мы с Тимом по утрам пьем кофе из этой посуды. Я, будто возилась в сокровищах, даже забыла, что сейчас принимаю гостей

— Сафира, Марка можешь не благодарить, в детстве он нас с Тимом из конюшни гонял, — отвлек меня от разглядывания и поглаживания подарка Лион.

Конечно, я Гонца не стала слушать и искренне поблагодарила самого старшего их братьев Тимира за такой трогательный подарок.

А он, выслушав меня, продолжил вежливый разговор:

— Тимира я с конюшни не гонял. Он, в отличие от Лиона, не доводил до ужаса племенного производителя. — Как на светском приеме, проговорил старший Найт.

— Марк заставлял Тимира убирать навоз, — снова сдал старшего брата Гонец жениха.

— Лион, — с нежной улыбкой начал Марк, — ты же не всю жизнь в Академии просидишь. И Тимир тебя больше спасти не сможет. Думай, прежде чем в моем лице врага наживать. — И так по-братски эта угроза прозвучала, что Марк уже стал мне симпатичен, и я решила кое-что ему шепотом рассказать.

— А я Лиона тетрадью по голове бью.

Найт с вниманием меня выслушал, уважительно покивал:

— Отличная идея. — Но подумав, добавил. — Только по голове Лиона лучше не бить, он и так не самый умный человек в нашей семье. — Лион в ответ встал и отвесил брату низкий поклон. И оба брата были такие серьезные, что я засомневалась, что они шутят.

Второй из братьев также поставил передо мной сундучок. Я уже с нетерпением ждала, пока его откроют. Но второй брат, наклонившись открыть крышку сундучка, приблизился ко мне и, сражая меня своей непосредственностью, попросил:

— Скажите всем, что мой подарок лучше, чем у Марка. — И, наконец, показывая мне содержимое сундучка, построил просительную рожицу. Даже брови умудрился поднять домиком. Никогда не думала, что мужчина за тридцать лет способен на такой фокус.

Артефакты во втором сундуке я уже не ожидала увидеть, но все равно была поражена подарком второго брата Тимира. Он подарил на свадьбу невесте своего брата канделябры. Красивые, бронзовые, но... Зачем они мне? Все давно пользуются магическими светильниками, они и экономичнее, и безопаснее, и даже проще в эксплуатации.

— Спасибо! Очень красивые канделябры! Всю жизнь о них мечтала! — С пафосом поблагодарила я брата Тимира

А он, принимая благодарность, как должное, проговорил:

— В сундуке не только канделябры, я даже свечи купил. Ароматические. Девять штук.

Я покивала на его слова и поблагодарила ещё раз.

— Роберт, а почему свечей только девять? — Спросил старший брат, Марк, наверно, тоже хотел, чтоб я выделила именно его подарок. — Для двух канделябров нужно десять свечей, для начала.

Оскорбленный в лучших чувствах Роберт с улыбкой сказал:

— Я и купил десять свечей, только одна не ароматическая. Все ароматические свечи уже разобрали, пришлось выбирать и того, что было в наличии в лавке.

Лион решил, ради моего спокойствия, разобраться с подарком. Он вытащил и поставил на стол канделябры. Установил в них свечи. Смотрелось очень необычно, особенно одна желтоватая толстая короткая свеча среди тоненьких длинных розовых свечек с золотистым напылением.

— Как я рада, что они не будут моими братьями, — пропищала Сафа, когда Марк, Роберт и Лион стали громко спорить, как именно поставить канделябры, чтоб не ароматическая свеча не бросалась в глаза. Они переставляли канделябры по столу, поворачивали их в разные стороны, меняли местами свечи в ячейках.

А я не могла, как Сафа, отмахиваться от братьев Тима:

— А может купить ещё одну ароматическую свечу? — Попыталась я привлечь внимание к себе и этим завершить уже довольно таки шумный спор.

— А кто ее покупать будет? — У меня спросил Роберт. И на него указали пальцами оба других брата. Я, соглашаясь с ними, тоже указала на него пальцем. И, как ни странно, он сразу согласился, но свечу, не вписавшуюся в общую картину, вынул из ячейки канделябра и положил в свой карман.

Спор на этом завершился, все сели и продолжили неспешную беседу. Только я все не могла понять, зачем Роберт забрал свечу, и чего они такой шум подняли из-за канделябров. Развлечь меня пытались? Или они просто такие шумные, а я раньше неправильно сложила о них суждение?

Наконец, Марк и Роберт, а мы с ними сразу перешли на неформальное общение,

собрались уходить. И, передав мне подарок от своей сестры, Тары, оба старших Найта покинули комнату. Но прежде они пояснили, что их сестра часто болеет и не смогла сейчас сама прибыть на свадьбу Тимира, поэтому передала подарок с ними.

Будущая золовка упаковала свой дар не в сундучок, а в широкую коробку, задрапированную черным бархатом. Раскрыв ее, я на мгновение потеряла дар речи. На темно-вишневой подстилке лежали диадема, серьги, колье, три кольца с камнями разной величины, один широкий и два узких браслета. Все из золота и платины с россыпью сверкающих камней.

— Красота, — прошептала я. Лион тоже взглянул на подарок и кивнул. — А когда ваша сестра успела это купить? — Спросила я Лиона.

— Тара давно готовила подарок Тимиру на свадьбу.

— Так этот гарнитур предназначалось леди Вэдр? — Неприятное чувство шевельнулось на сердце.

— Этот дар предназначался жене Тимира. Серьезно сказал Лион. — Тара любит всех нас, своих братьев, и всегда была с нами щедрой.

— Но она и вы все хотели, чтоб целитель искалечил Тимира в угоду леди Вэдр. — Я не понимала такой любви и не могла забыть, каким раздавленным был Тим в ночь семейного ужина в замке Найт.

Лион замолчал. Потом пересел с кровати на стул, поставив его прямо передо мной, и сказал:

— Никто из нас не хотел, чтобы Тимира искалечили. Мы его любим. Можешь не верить, но Тимир это наша кровь, и мы все желали ему лучшей доли. Только представить не могли, что кто-то ещё захочет стать его женой. Он же не такой, каким должен быть маг. Признаю: Тимир умнее нас и сильнее, среди Найтов никогда раньше не рождались маги десятой ступени. Но... Мы каждый раз смотрим на него и как будто видим в последний раз. Нас же учили, что выродки быстро выгорают и умирают рано. И нам казалось, что родители знают, что для Тимира лучше. И он же не просил о помощи! Никогда не говорил, что не хочет этого союза с Вэдр. Сейчас мы все видим, что были неправы, но раньше... Если у вас с ним все получится, и Тимир станет счастливым, я буду твоим личным должником. Поверь, я хочу, чтоб мой брат обрёл настоящую семью. А не так, как было бы с леди Вэдр.

Потом Лиону пришлось бежать к Тимиру. Нам сообщили, что договор подписан, и Тимиру тоже нужно было переодеться в парадную черную форму. Ещё я дала Лиону поручение: пригласить на наш с Тимиром обряд Яна и Ясаман. С ними Тимир давно сдружился, а дружеские лица приятно видеть на своей свадьбе. Потом вдруг выяснилось, что на праздничном угощении муж с женой должны похвастаться перед гостями подарками, которые получали от своей пары. Я сразу вспомнила о кулоне с цепочкой, когда-то подаренном мне Тимом, и кастете, который я выторговала у мастера Румеля, но так и не успела Тиму подарить. Но в каком месте моей комнаты их искать после обыска, я не представляла.

— Серебряный кулон на цепочке и костяной кастет? — Спросил Лион. — Не переживай, я их быстро найду.

И вернулся Гонец с находками через каких-то десять минут. Он же посоветовал мне надеть цепочку с кулоном на запястье, как браслет, и сам же помог застегнуть замочек.

Пока я сидела в комнате с Сафой, я снова думала над взаимоотношениями Тимира с братьями. То, что он любит всю свою семью, я поняла уже давно. Но для меня было

открытием, что и они хорошо к нему относятся.

— Сафа, может, мне, все-таки, рассказать Тиму о моем мире? И нам будет легче общаться, если он узнает, что я на него смотрю не так как все, не как на выродка... — В последний раз мы говорили с Сафой на эту тему в день, когда Тим рассказал о своем страшном дефекте, нестандартной форме пальцев на ногах. Тогда я не смогла ему объяснить, почему не считаю это страшным-ужасным изъяном. Я была уверена, если Тим узнает, что я вообще не из этого мира, и местные правила для меня не являются незыблемыми, он быстрее меня поймет и не будет стесняться. Но Сафа тогда уговорила меня молчать, и вообще, потребовала навсегда забыть, о другом мире:

— Ты Сафира Чарх, и забудь, кем ты была раньше. Твое происхождение не имеет значения. Проблема Тимира в том, что для него правила его мира незыблемы. Он изменит свое отношение к себе только тогда, когда сам победит возвращенные в нем комплексы. А знания о том, какой лёгкой была твоя жизнь в прошлом, его только будет давить. Ты не можешь не видеть, что Тимир и так держится из последних сил. Он дитя этого мира и раб этих законов. Даже если пока сопротивляется...

— А как же искренность между влюблёнными? — Спросила я, мне не хотелось иметь тайн от Тима.

— Секреты делают женщину только загадочней, твой Тим никогда с тобой не заскучает. И у него тоже будет много тайн, которые он тебе не откроет, просто оберегая твой покой, — последовал однозначный ответ Сафы

— Но мы вместе с Тимом могли бы вернуть тебе прежний человеческий вид, — прибегла я тогда к последнему аргументу.

— Это невозможно. Я, проводя ритуал, даже не верила, что смогу переселиться в дахкилга. Тогда для меня было главное не стать самоубийцей, чтоб не попасть в ад. А если бы ритуал не удался — вина же не моя, я думала, что за это Бог бы мог меня простить. И не в моей власти было переселить твою душу в это тело, на подобное способен только Бог. И я больше не осмелюсь идти против его законов. И вообще, мне нравится быть дахкилгом — никакой ответственности, все проблемы связаны только с голодом...

И сейчас Сафа только напомнила мне про данное в тот вечер мною слово. Я вздохнула, придется самой исправлять свои ошибки, не перекладывая их на свое земное происхождение.

— Вставай быстрее, леди Чарх идёт! — С такими словами заскочил ко мне Лион и помог быстро встать, скрыл стул под столом, разровнял верхние слои моей юбки, запихнул поднос с остатками еды под кровать и замер рядом со мной верным стражем.

Марина зашла, окинула меня критическим взглядом и удовлетворённо кивнула. Они вместе с Лионом, держась за разные стороны накидки, покрыли меня, закрывая от всего мира. Лион предложил мне свою правую руку, за которую я ухватилась, как за спасательный круг, и мы втроем немногочисленной процессией двинулись к храму. Я только удивлялась полной тишине и безлюдности в коридорах Академии. Но сегодня было воскресенье, вышедшие в город адепты, скорее всего, еще не успели вернуться.

Пришлось подняться на пятый этаж. Половину левого крыла и занимала храмовая комната. Странно, что Сафа ни разу меня сюда не приводила. Возле высоких дверей стояли старшие Найты и между ними Тимир. Он стоял, замерев каменным изваянием, и смотрел в сторону распахнутого окна. Когда Марк подтолкнул его в плечо, Тимир перевел взгляд в нашу сторону, и посмотрел на своего брата, и только потом перевел взгляд на меня. Я,

конечно, ожидала, что первый взгляд Тимира, обращённый на меня, будет полон восхищения... Но чем он восхищаться, когда меня покрыли плотной непрозрачной накидкой их перл шифона? Может, только самой накидкой...

Лион подвёл меня к Тимиру и хлопнул его по плечу. Тим, слегка улыбнувшись, кивнул брату и попытался рассмотреть мое лицо сквозь накидку:

— Сафира, устала?

— Немного. Не так, как ты.

— Ну, я только с одним твоим дядей общался. А ты с тремя моими братьями.

— Они втроем не страшнее моего дяди. — Сказала, вызвав улыбку Тима. — И мне понравилось принимать дары. — Хотела рассказать ему подробнее о сервизе и канделябрах, но дверь храмовой комнаты распахнулась. Пора было входить.

Первой прошла в храм Марина, за ней последовали Марк и Роберт. Лион передал мою руку Тиму, и мы вошли третьими, и последним зашёл сам Лион.

Храмовая комната Академии была ничем не примечательна. Никаких статуй, картин, мозаик и других украшений. Просто высокие выбеленные стены, потолок с круговой лепниной и роскошный ковер на большей части пола. Подойдя к нему, все снимали обувь. Я остановилась, решая, как мне стоит поступить. Лион же быстро наклонился, чтоб на правах Гонца, помочь мне снять туфли.

— Я сам, Лион. — Тим выпустил мою руку и, присев на одно колено, по очереди снял каждую из моих туфелек. Потом разулся сам, встал и также вступил на ковер. Ко мне очень быстро подошёл дядя и, взяв за одну руку, провел в противоположный конец комнаты. Когда мы остановились у лежащего большого овального камня, Марина оправила накидку на мне и красиво уложила волны моего платья. Только после этого лорд и леди Чарх отошли в сторону, позволяя Тимиру встать рядом со мной.

Церемонию бракосочетания вел магистр богословия, который был куратором пятого курса.

Мое волнение нарастало, я через накидку видела, как магистр что-то говорит, и Тимир ему отвечает. Потом магистр посмотрел на меня в ожидании, я кивнула. И он, довольный, продолжил говорить...

Я стояла, уже устав от бесконечного монолога магистра богословия, когда Тим сделал шаг в мою сторону и снял, очень аккуратно, с меня накидку. Сразу стало легче дышать. И Тим застыл рядом, даже не шевелясь... Я взглянула в его лицо и тоже потеряла ход времени. Какой же он красивый! Не смотря на явно усталый вид, лёгкую бледность и настороженный взгляд...

— Найт, — отвлек Тимира голос Лиона. И Тимир, держа на весу мою накидку, сложил ее несколько раз и, приложив к своему лицу, аккуратно положил на алтарный камень. Магистр, проводивший брачный обряд, прочитав ещё одну молитву, махнул над камнем рукой, и моя нарядная роскошная накидка мгновенно вспыхнула, и через секунду на ее месте остался только пепел.

— Пеплом забвения накроет прошлое. Отныне Сафира и Тимир, женой и мужем, рука об руку пойдут в будущее. Лепестками взаимопонимания, терпения, любви и уважения усеете путь друг другу. — Эти слова, первые за всю церемонию, я слышала ясно. Даже нетерпеливое цоканье Лиона за моей спиной, не осталось мной не услышанным. Недовольно взглянув на Гонца, магистр застегнул сначала на моем запястье брачный браслет, а потом также украсил и правую руку Тима. — Да будут жить в ваших потомках кровь ваша и сила!

Тимир Найт из рода Чарх, можешь поцеловать свою жену. — Мне всегда казалось, что именно этих слов с предвкушением ждёт жених на своей свадьбе, но Тим, услышав их, побледнел ещё сильнее.

И, как в замедленном кадре, я видела, что Тим протягивает мне свою правую руку. Не в руку же он собрался меня целовать? Ведь я говорила, что унижать мужа не желаю.

Поэтому, сделав к Тиму шаг, я встала ближе, и своей левой рукой поймала его правую ладонь и положила себе на талию. А сама обеими руками обхватила его за шею и прижалась губами к его губам. Тим все также стоял, не шевелясь, и я реального опыта в поцелуях не имела. Но просто стоять так близко к Тиму, и видеть близко его потемневшие шоколадные глаза было для меня незабываемым удовольствием. Я уже шагнула назад, отстраняясь от Тима, когда почувствовала, как он неуверенно лизнул мою нижнюю губу. Хорошо, что я уже отступила, потому что сейчас оторваться от Тима я бы не смогла.

Развернув к себе, меня обнял Лион, его сменил Марк, Роберт уже обнимал нас обоих. Потом ко мне прорвалась Марина, а дальше лица сменяли друг друга калейдоскоп... Я только пыталась не терять из виду Тима, которого также все, поздравляя, обнимали. И он старался не выпускать меня из виду...

Так суетливой толпой мы, наконец, дошли до конца коврового настила. Всем пришлось надевать свою обувь. Лион обулся первым и подал Тимиру сначала мои туфельки, а затем и его обувь. Мне нравился эта неразбериха с обувью. Дядя Чарх, успев обуться одним из первых, стоял важно и одними глазами искал пропавшие туфли жены. Без пар к уже надетым на одну ногу сапогам стояли магистр Рош и Марк. И оба делали вид, что именно так и планировали провести свой вечер: искать обувь, после того как толпа разойдется. Те, кому повезло больше, уже выходили из храмовой комнаты и спускались на первый этаж, где в столовой было готово свадебное угощение.

У входа в столовую нас встречала нарядная Ясаман, обняв и поздравив нас с Тимом, она извинилась, что не была на приеме. Кто-то же должен был готовить и накрывать столы.

В столовой людей было не меньше, чем на большом перерыве. Откуда только все приглашенные взялись, на обряде бракосочетания они же не присутствовали? В общем, в столовой было шумно и весело. Все ели, рассказывали друг другу разные истории и просто хорошо проводили время. Я все время чувствовала на себе взгляд Тима, но стоило мне обернуться, как он быстро отводил глаза.

— Почему вы не едите? — Гонец, насытившись, вспомнил и о нас. Он переложил в тарелку Тиму запеченных в раковине устриц и громко сказал. — Тимир, тебе сегодня морепродукты пригодятся. — Потом посмотрел на меня и, игнорируя предупреждающие взгляды своего брата, также громко спросил: — Сафира, тебе, наверно, корнишоны соленькие нужно положить? Или тебе больше мороженое с копченой рыбой нравится?

Гостям большего повода для разговоров и шуток было и не нужно.

Тимир наклонился ко мне и сказал:

— Лион выпил. Не обижайся на него. — А я и не видела причины для обид, Лион был веселый и радовал окружающих: за такое на свадьбе не обижаются. Но Тимир нашел повод отправить его с Ясаман по важному делу.

Через несколько часов гости встали, чтоб проводить нас с Тимом. Немного смущаясь, мы поднялись из-за стола, но тут кто-то из магистров крикнул во все горло:

— Кто-то забыл про подарки. — Тим начал искать глазами братьев. А я уверенно подняла левую руку и продемонстрировала всем дар от Тима, только несколько часов назад

надетый мной на запястье. Гости похлопали и стали ждать, чем будет хвастаться Тимир. И я протянула Тиму завернутый в мой платочек кастет. Тимир поблагодарил меня и хотел спрятать мой подарок в карман, но тот же голос потребовал показать всем сделанный мной подарок. Следуя свадебной традиции, в этой просьбе Тим не мог отказать гостям. Поэтому он быстро развязал узел и развернул подарок. В первый момент я подумала, что мастер Румель подшутил надо мной, и Тим никогда не мечтал о кастете. Эмоции Тима невозможно было прочесть, он просто поднял вверх и показал всем подарок и быстро положил его в карман, куда до этого отправил платок, в который он был завернут. Гости похлопали, еще раз нас поздравили, а ректор Мартазан сказал:

— Молодожены обменялись украшением и оружием. Да будет их жизнь достойной и счастливой! А сейчас отпустим молодых, завтра понедельник, нам всем предстоит учиться и работать.

Но, как только мы в сопровождении Лиона оказались в коридоре, Тим остановился и достал кастет. Он держал его на раскрытой ладони и просто разглядывал, а потом накрыл другой ладонью.

— Это артефакт? — Спросил Лион.

Тим широко улыбнулся и помахал головой:

— Лучше. Это кастет моей мечты. — Лион фыркнул. А Тим вернул кастет в карман и предложил мне руку. — Спасибо. — А через несколько шагов Тим остановился и снова сказал мне. — Спасибо. Что же старик потребовал в обмен на кастет? Скажешь мне? — И при этом так смотрел мне прямо в глаза, что я уже хотела ему рассказать все, что произошло в сапожной мастерской.

Но мою тайну спас Лион, он толкнул Тима в плечо и напомнил, что ночь закончится, пока мы стоим в коридоре. Тим был вынужден идти дальше и больше не останавливаться.

Но нас все же остановили. Однокурсники Тима и Лиона стояли, преграждая нам путь в коридоре третьего этажа. В столовой ни одного из них не было. И сейчас они явно не поздравлять нас собирались.

— Тимир, поздравляем тебя. — С презрительной улыбкой выговорил Кон Вэдр. — Слышали, ты вышел замуж...

Пока однокурсники смешками поддерживали скользкую шутку Вэдра, Лион и Тимир задвинули меня за свои спины, и приготовились к драке. На руке Тима уже красовался подаренный мной кастет.

Драка мне сейчас была не нужна. Не в день моей свадьбы. И не с таким численным перевесом противника.

— Тим, — громко сказала я, — тебя с Лионом в карцер посадят за жестокое избиение однокурсников. А у нас брачная ночь...

Лиона мои слова только подстегнули к драке, а Тим уже не так рвался в битву. Но решающее действие возымело появление в коридоре дяди Чарха, Марка и Роберта. Они с жаром спорили по очень важному вопросу и одним своим явлением остудили все стороны назревающего конфликта.

Наконец, мы оказались в комнате Тима. Лион остался за дверью. Даже странно было, что с этого места я уходила сегодня в храмовую комнату свободной девушкой, а вернулась уже в сопровождении мужа. На столе стояли сундуки и коробки с подарками. Тим бросил на них лишь мимолетный взгляд. Он был очень напряжен, я даже пожалела, что Тим немного не выпил и не наелся устриц.

Кровати стояли на том же месте, что и раньше. Только постель Тима была разобрана и буквально сверкала белоснежным бельем.

— Это Ясаман сделала. — Прокомментировал Тим, увидев, куда я смотрю.

— А почему не сдвинули кровати? — По-моему, было бы логично сдвинуть две односпальные кровати, чтоб получилось одно ложе, пригодное для супружеской пары. Хоть эти кровати и были шире, чем та, что стояла в моей комнате, но мне хотелось настоящей семейной постели.

— А мы будем спать в одной кровати? — Спросил Тим.

— Но мы же женаты... — Неуверенно сказала я. Сафа мне не говорила, о каких-то традициях, запрещающие мужу и жене спать на одной кровати.

— Мои родители спали в отдельных комнатах. — Сказал Тим.

— Ты тоже так хочешь? Спать в другой комнате? — Настроение мое неукротимо падало вниз.

— Нет. — Мы стояли в центре комнаты и говорили в том же тоне, что раньше, обсуждая лекции или планы на практику. Я решила сразу извиниться перед Тимом, может, после того как я все ему объясню, он перестанет быть таким напряженным.

— Я хотела извиниться, Тим, что наговорила сегодня на тебя. Ночью ты просто спал в моей кровати, и между нами ничего не было. — Мне было так стыдно смотреть на него, что я до малейших деталей рассмотрела узоры на канделябрах.

— Я понял, что мы только спали. — Не сдержав смешок, сказал Тим. — Не сразу, конечно. Но я в ту ночь мог только спать. Но мое поведение это не оправдывает. И доказать бы я свою правоту, скорее всего, не смог. В общем, тебе не за что извиняться, я сам вел себя, не как... взрослый человек.

Я с облегчением выдохнула. Раз Тим не обижается и не злится, все у нас будет хорошо, даже если кровать не достаточно широкая. На радостях, я подошла к Тиму и обняла его, и он крепко прижал меня к себе. Было так приятно в его объятиях, и запах его мне нравился.

— Сафира, только ответь мне на один вопрос. — Шепотом сказал Тим. — Мне необходимо это знать, чтоб быть готовым... Я тебя не обвиняю и никогда не упрекну. — Мне пришлось покинуть родные уже объятия, чтоб соображать трезво. Потому что интонации голоса Тима были слишком серьезные для брачной ночи. — Просто скажи: отец твоего ребенка доктор Мартазан?

— Нет! — Быстро ответила я.

— А кто? — Этим вопросом Тим меня немного оскорбил.

— Никто. У меня не будет ребенка. Я и в этом всем солгала.

Тим погладил меня по плечам и ненадолго прикрыл глаза.

— Ты не беременна? — Наконец, спросил он. Я покачала головой. — Тогда зачем ты вышла за меня замуж?

Как с Тимом сложно! Любой бы на его месте радовался сложившейся ситуации, и благодарил за это свою неотразимость. А Тиму все приходится объяснять:

— Ты мне нравишься, Тим. Очень давно. С самого распределения на практику. Я поэтому и пошла к тебе в группу. И улыбка твоя мне нравится, и ямочки на щеках, и рост твой меня не смущает, даже пальцами своими ты меня не испугаешь. И я тебе нравлюсь, я слышала, как ты признавался в этом Лиону. Иначе я бы не стала заставлять тебя жениться на мне...

А Тим шагнул назад, качая головой:

— Ты ошибаешься. Я не могу нравиться. Не так, как ты говоришь.

Как его можно было убедить в моей искренности? Я просто попросила:

— Тим, только не порть все. Я не смогу любить за двоих. Я не такая стойкая, чтоб бесконечно бороться за тебя.

Тим сам приблизился ко мне и заключил в свои объятия.

— Это же невозможно. — Тихо сказал он. — Меня не за что любить. Я же выродок. Меня даже мама не любит.

— А я люблю. — Упрямо произнесла я, уже не сдерживая слез. — Ты же лучший. Я столько раз планировала тебя соблазнить или подстроить, чтоб ты соблазнил меня. А ты все время сбегал, даже с повязкой на глазах смог устоять передо мной. И Лион тебя сторожить стал... А все говорят, что я красивая.

— Ты очень красивая, самая красивая... Но как можно поверить в то, что я тебе нравлюсь? — Тим рассмеялся. Вытер мои слезы, и переполненным нежностью голосом сказал. — Ты ж моя стратег... А я тебя глупенькой считал... Но ты даже планы строила. — Он снова вытер слезы с моего лица и серьезно сказал. — Мне надо было план практики с тобой разрабатывать, а не с Лионом и Чмиром.

— Правда? — Обрадовалась я такой похвале.

— Нет. — Тим сейчас стал чаще смеяться. — Ты же глупенькая... Разве можно было в меня влюбиться?

Я закивала. Сейчас даже быть глупенькой было не обидно.

Тим снова обнял меня:

— Значит, ты раньше не шутила? И жениться на себе просила серьезно, не издевалась? И хочешь от меня ребенка? И насчет брачной ночи не просто так говорила? — Я на каждый вопрос качала головой. — А сейчас мы что будем делать? — Тим посмотрел мне в глаза. Я кивнула в сторону разобранной кровати. — И сейчас ты не шутишь? — Мой ответ ему уже был не нужен, руки Тима заскользили по моей талии и спине, он нащупал шнуровку, развернул меня спиной к себе и, расшнуровав платье, помог мне его скинуть на пол.

А я, вместо того, что бы млеть от счастья, почувствовала сильный приступ паники. Когда я осталась без моего платья, без моей защиты, все страхи из прошлой жизни нахлынули со страшной силой. Я уклонилась от поцелуя Тима и, выставив перед ним руки, не понимая, что именно говорю, забормотала:

— Нет-нет, не хочу, нет-нет...

— Сафира? — удивился Тим резкой перемене моего настроения.

— Нет-нет, не подходи, я одна буду спать. — И двигаясь спиной от Тима, я добралась до кровати и, повернувшись лицом к стене, укрылась с головой одеялом, и затихла, как будто давно и крепко сплю.

В комнате стояла удушающая тишина. Раздались какие-то шорохи, заставляя меня напрячься и крепче ухватиться за одеяло. Через какое-то время Тим зашел в ванную комнату, потом вышел из нее. Постояв возле моей кровати, сказал мне, что скоро вернется и покинул комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. И при этом не забыл выключить светильник.

Когда Тим ушел, я потихоньку смогла взять себя в руки. Сердце перестало стучать в горле, дышать стало легче, слабость в ногах прошла, даже руки перестали дрожать. Я села и, закрыв руками лицо, стала себя ругать. Было очевидно, что Тима я напугала своим поведением, и он уже не вернется к жене со странностями. Он и так считал меня глупенькой, а сейчас подберет более точный эпитет... Я же сама его только что подтолкнула

к Заире и к таким особам, как она.

Я ругала себя и свои страхи. Неужели тот психолог был прав, и у меня фобия? Я, после небольшого отдыха, продолжила себя ругать. Стоило столько бороться за Тима, чтоб в первую брачную ночь его оттолкнуть!

Оглядела комнату, которую освещал только свет, льющийся в окно. Платья своего я на полу не увидела. Приглядевшись, нашла его сложенным на второй кровати. Даже сейчас Тим остался аккуратистом. Или это я его довела до такого состояния, что он проверенным способом стал снимать моральное напряжение?

Я очень долго ждала, вернется ли Тим, и уже устала себя ругать. Хорошо бы было поругать Тима, но он даже сделать ничего не успел, и придраться мне было не к чему. Потом я легла на спину и попыталась отбросить все мысли и расслабиться, чтобы, наконец, заснуть.

Я уже забывалась в тяжелом сне, когда дверь немного открылась, и в комнату боком вошел Тимир. Он снова прошел в ванную комнату, но скоро вышел. И остановился возле моей кровати:

— Сафира, можно я рядом лягу? — Шепотом спросил Тим. Я разрешила. Другую кровать заняло мое платье, не выбрасывать же мне из-за этого мужа в коридор.

И Тим прилег на самом краешке кровати, с удовольствием вытянув ноги.

— Сафа спит на Лионе в твоей прежней комнате. — Порадовал меня Тим.

— А Лион ее не обидит? — Так же шепотом спросила я.

— По-моему, это она его успела покусать: Лион вообще ни на что не реагирует. — Жалоба Тима вызвала у меня улыбку. — Сафира, у тебя раньше никого не было? — Я промолчала, только плотнее прижалась к стене. А Тима, кажется, вообще ко мне не тянуло, его беспокоили совсем другие проблемы. — Надо было нам поесть, я проголодался. — Мне кажется, что с голодом бороться намного проще, чем со страхами. Я рассказала Тиму, что под кроватью стоит поднос с едой. Тим, не включая светильника, достал поднос и, осмотрев остатки еды на нем, вернул его на место. — Сафа за нас поужинала. — Тим с такой грустью это сказал, что я не сдержала смеха.

Когда Тим тихо начал рассказывать, каким был первоначальный план практики, разработанный им, Лионом и Чмиром, и какие позже пришлось внести изменения, я, чтоб лучше его слышать, перелегла ближе к Тиму и вытаскила голову из-под одеяла. Так отвлекая меня разговорами, а временами доводя до смеха, Тим начал легко гладить меня по руке. Водить пальцем по каждому миллиметру чувствительной кожи. Потом погладил живот. Но не успела я почувствовать панику, как, повернувшись ко мне лицом, стал гладить другую руку. А я от «не опасных» ласк млела и все заметнее расслаблялась.

— Я остановлюсь, как только ты скажешь, — Тим сказал это перед поцелуем, уже смелее обнимая меня.

52. Начало семейной жизни

Я проснулась рано утром и в первое мгновение даже не сразу поняла, где нахожусь. А вспомнив, что я уже жена, а Тим, наконец, стал моим мужем, улыбнулась воспоминаниям, как ночью мы не виновно спали, развернувшись друг к другу спинами. Одного воспоминания хватило, чтоб стало перехватывать дыхание, и сердце забило сильнее. И счастливая улыбка не сходила с моего лица, когда я посмотрела на другую половину кровати, Тим лежал на боку лицом ко мне, подложив одну руку под голову, и сладко спал. На нем были только пижамные штаны, даже одеяло я все забрала себе.

Жалко было его будить, но наши пары никто не отменял, и на них лучше было не опаздывать. Выпутавшись из одеяла я, вытянувшись, оперлась рукой на крепкий живот Тима и поцеловала его в губы. Не открывая глаз, скорее всего, даже ещё не проснувшись, Тим ответил на поцелуй, затягивая его и делая глубже. Удовольствие это я не хотела останавливать, но пришлось делать попытку оторваться от нежных губ. А Тим, не выпуская моих губ, обхватил меня руками и переложил прямо на себя.

— Никто ещё меня так сладко не будил. — Всё-таки, открыл глаза и оторвался от меня Тим.

— Даже Лион? — Захлопала я ресничками.

Тим не сдержал смеха:

— Лиона всегда я бужу. — Но спохватился и уточнил. — Не так, как ты меня. — Я всем своим видом продемонстрировала недоверие. Тим рассмеялся еще громче и уточнил. — Его приходится с кровати скидывать.

Я еле сдерживала смех, но все-таки продолжила подкалывать Тима:

— Если ты по утрам целуешь брата только в щечку или лобик, я не буду ругаться... — Тим уже понял, что я издеваюсь над ним, и, перевернув меня на спину, слегка придавил собой.

— Сафира, — погладив меня по щеке, сказал Тим. — Ты необыкновенная. — Мне нравится слушать, как меня хвалит именно Тим. А он неожиданно став очень серьезным, сказал. — Ты единственная, кого я вообще целовал. — Спросить, чтоб уточнить, что именно он имеет в виду, мне было тяжело, я-то помню и Заиру и других набивавшихся на свидания к Тиму адептов. Поэтому я попыталась все свои вопросы выразить во взгляде. Понял он мое недоумение сразу, только отвечать не спешил. А потом погладил меня по щеке еще раз и объяснил то, что я никак не могла принять. — Дефекты на моем лице...

— ямочки, — упрямо исправила я его.

— ... для всех это дефекты. Полезь я к кому-нибудь с поцелуем, даже в щеку, они бы это приняли за нападение. — Я подумала, что Тим тоже надо мной издевается. — Не веришь? — Я покачала головой. — Я выродок. Все, кроме тебя, ко мне именно так и относятся. Я же даже на занятиях всегда сижу отдельно. Раньше я садился на соседнем с Чмиром стуле только на контрольных работах.

— Но, Лион...

— И Лион меня всегда стеснялся. Я с шестого курса просил его поселиться в одной комнате со мной. Он всегда отказывался. Я же даже в столовой всегда отдельно сидел... только в этом году все изменилось...

Я толкнула Тима в плечи, чтоб самой лечь на него, нельзя нам сейчас предаваться тяжелым воспоминаниям и грустить. Однако подробности жизни Тима мне очень хотелось узнать:

— Тим, — растянула его имя, — выходит, ты мне совсем нецелованный достался?

А он, пытаясь сдержать смех, даже покраснел:

— По-моему, это слово красит только девушек, — задумчиво произнес Тим.

— Серьезно? — Я поняла, что Тим не шутил, когда говорил, что никого не целовал. Что бы там у него не было с девушками, целовать они себя не позволяли. Я даже смутно припомнила фразу Заиры про маску, которой Тим прикрывает «ужасные впадины на щеках». В маске-то не особо нацелуешься. Мне стало обидно за Тима, но ему настроение я решила приподнять. — А ночью ты вполне умело целовался. Спрашивается: откуда такое мастерство? — Я подозрительно прищурилась. А Тим уже не сдерживал залиvistый смех и нежно поглаживая меня по спине.

Так приятно было лежать на любимом. Думала, зря мы с Тимом не поженились в пятницу, чтоб впереди было два выходных. И нам можно было бы двое суток вообще не отрываться друг от друга.

— Не знаю. — Наконец, ответил на мой шуточный вопрос Тим. — Когда ты первый раз поцеловала меня в храме, я даже не знал, что делать. А дальше все само получилось. — И с умным видом, с каким обычно разъяснял мне сложные темы, заключил. — Я предполагаю, что дело было не в мастерстве, а во вдохновении. — И после вдохновенного поцелуя спросил меня:

— Как себя чувствуешь? Что-нибудь болит? Я не был ночью груб?

— Все хорошо. — Хоть мы и стали мужем и женой, но обсуждать женские физиологические проблемы мне пока было стыдно.

— Доктор Дирб говорил, что... после первого раза женщине нужно беречься. И тебя могут беспокоить боли и дискомфорт... и ещё...

Я закрыла рукой рот Тима:

— Все нормально. Я буду беречься. — Чтоб он не беспокоился, сказала я.

— Честно? Я могу сводить тебя к целителю. — От такой перспективы я замаха головой. — И несколько дней нам нельзя...

— Я знаю, Тим. — Мне было настолько неудобно продолжать сейчас эту тему, что я уже была готова бежать на занятия. А Тим, как и всегда, дотошный даже в нюансах, решил прояснить все мелочи:

— Точно? Значит, ты не будешь меня соблазнять? — Я замахала головой, отворачиваясь от Тима, а лежа на нем это было непросто сделать. — И подстраивать, чтоб я тебя соблазнил, тоже не будешь? — Вот сейчас я посмотрела в его наглые глаза, а Тим, пытался вытянуть губы трубочкой, чтоб скрыть улыбку. Значит, он издевался, напоминая мне мои вчерашние слова.

Неожиданно, нарушая всю нашу идиллию, в дверь постучали, и Тим, прежде чем открыть дверь, предложил мне пройти в ванную и подождать, пока я за собой закрою дверь. Туда же через несколько минут он подал мою форму. Наверно, ее и принес стучавший. Вообще я продолжала удивляться, как у Тима получалось держать все под контролем. Помню, он ночью вставал, чтоб проводить меня в ванную, а там уже лежала для меня сорочка и белье со всем необходимым. Откуда он мог знать, что мне это понадобится? Я к последствиям первой ночи вообще не была готова. И Марина меня не предупредила, только

страху нагнала, когда узнала, что девочка я неопытная.

Выйдя из ванной, я увидела Тима, успевшего надеть ежедневную форму, Лиона, удобно усевшегося на своей бывшей кровати и Сафу, разомлевшую на его руках.

— Утра доброго, сестра! — Пройдясь по мне взглядом, весело поприветствовал меня Лион. Но, не дожидаясь ответа, вернулся к разговору с Тимом. — Доктор Надир был недоволен, что ты пропустил сегодня тренировку. И сказал явиться на отработку в восемь вечера.

Тим кивком дал понять, что понял, но не высказаться по этому поводу не смог:

— Я вообще в первый раз занятие пропустил, мог бы и не назначать отработки.

И мы вчетвером отправились в столовую. Я сильно нервничала. Из-за моих вчерашних слов отношение магистров ко мне ощутимо изменилось. Никто меня вслух не обвинял в неподобающем поведении, но взгляды выдавали все их мысли. Раньше на меня смотрели с интересом и уважением, а сейчас не заметить презрения было невозможно. Даже за свадебным угощением, проговаривая поздравления, они выражали уважение моему дяде и роду, а на меня старались лишней раз не смотреть. В тот момент я все видела и понимала, но весь ужас своего положения ещё не прочувствовал. Репутация — это не пустое слово.

Я представила, как сейчас ко мне будут относиться преподаватели и адепты и встала ближе к Тиму. А он, будто почувствовав мое состояние, взял меня за руку.

— Сафира, тебе плохо. Сходим к целителю?

Качнув головой, я попросила:

— Тим, давай, не будем в столовую ходить, — попросила я.

— Почему? Ты всё-таки, сбила аппетит? — Когда я уходила в ванную, увидела шоколадную конфету, лежавшую на салфетке. На мой вопрос, Тим ответил, что принес ее для меня ночью. Я тогда была напугана, а он ничего больше найти не смог. Столовую уже успели к тому времени закрыть. И я эту конфету, с очень ароматной ванильной начинкой и унесла в ванную и съела.

Я быстро кивнула и потянула его в противоположную сторону, а Лион поймал Тима за левую руку и грубо дёрнул в сторону столовой:

— Нам с грызуном нужно полноценное питание, — заявил мой деверь и все-таки потащил нас в место, которое сейчас мне казалось средоточием зла: клеветы, сплетен и неуместных острот.

Не зря мне так не хотелось в столовую. Все бросали на меня, именно на меня, презрительные взгляды, даже первокурсники проходили, скривив лица. А Тимира, наоборот, все приветствовали и поздравляли. Все адепты с шестого по четвертый курсы чуть ли не в очередь выстроились, чтоб лично позжать руку Тиму. С третьего курса нас обоих поздравили только адепты с группы Лиона. А два первых курса просто проходили, низко поклонившись, мимо. Только однокурсники Найтов обошли наш столик широкой дугой, но я была этому только рада, драки нам сейчас были не нужны.

Но занятия прошли намного лучше, чем я ожидала. Каждый магистр искренне поздравлял меня и желал долгой и счастливой жизни. Ни у кого я не заметила ухудшившегося ко мне отношения, даже магистр Рош, который вчера определенно был мною недоволен, подозвал меня после пары и сказал, что может дать мне академический отпуск на неделю. Посоветовал мне поговорить с Тимиром, когда нам вдвоем удобнее будет поехать на отдых.

После четвертой пары я рассказала Тиму об этой странности магистров.

— Ничего странного, — даже не удивившись, заметил Тим, — целитель, наверняка сказал им, что ты не вела беспутный образ жизни.

— Как целитель им сказал? По кафедрам разослал сообщение? — Сказать, что я была удивлена, значит забыть все многочисленный синонимы этого слова. — И откуда целитель знает, какой я образ жизни вела?

Тим накрыл мою руку своей, и несколько раз прогладил. А потом вообще пересел ближе ко мне и начал тихо объяснять.

— Сафира, не обижайся. Просто я не знал, что мне делать. У меня никогда не было невинной девочки... И ночью я пошел к доктору Дирбу, и он мне все объяснил. — Наверно, Тим поступил правильно. У кого еще он мог спросить, как ему действовать. Тем более, у меня назревала нешуточная истерика. Не сумеет Тим найти подход, в жизни бы я его к себе не смогла подпустить. Но все равно было неприятно, что на такие личные вопросы Тим говорил с целителем. А он рассказал всем вокруг, как об освобождении по болезни сообщение по кафедрам рассылает. — Не обижайся. — Поцеловав мочку моего уха, попросил Тим.

Я попыталась встряхнуться, и не мучиться над тем, чего изменить не могу. Если подумать, я от этого только выиграла: и ночь с Тимом была незабываемой, и уважение магистров не растеряла...

Еще одним плюсом семейной жизни стала возможность проводить дополнительные занятия в нашей комнате. Но сейчас мы с мужем вдвоем решили выспаться...

После дополнительного занятия, во время которого мы с Тимом отсыпались в нашей комнате, он сказал ещё спящей мне, что у него еще одно дополнительное занятие, уже со своим курсом. Тим даже успел надеть форму. И он ушел, оставив меня в сомнениях, разобраться с которыми, ещё окончательно не проснувшись, я не могла. Я раньше не слышала от Тима, что в понедельник у них бывает и шестая пара. Тем более официальное дополнительное занятие. Поэтому я тоже собралась, хотя из-за ноющей боли внизу живота вставать совсем не хотелось, и поспешила узнать, куда пошел мой муж. Сейчас дело было не в моей ревности, Тиму я верила. Я беспокоилась, что он устроит драку или дуэль. То, что Кон Вэдр вчера во всеуслышание поздравил его с "замужеством", Тим ему никогда не простит.

Возле лестничной площадки я растерянно остановилась. Даже не представляла, в какую сторону мне нужно идти. Тим не сказал, занятие по какой дисциплине собирается посетить. Я подумала и решила, что правильнее подняться на кафедру к магистру Вайолу. Он точно будет знать, какое занятие у его курса. А если занятия сейчас нет, то он будет сам заинтересован найти своих адептов и помешать свершиться глупости.

Я начала быстро подниматься по ступеням, но спешащие по лестнице вниз мои однокурсники утащили меня с собой. Там было около двадцати адептов из группы Лиона, и услышав тихо бросаемые ими фразы, я перестала сопротивляться сносящему меня движению, и пошла за ними.

— Я не хочу на эти занятия, — сказал один адепт.

— И я не хочу, — вторил ему другой.

— А когда адепт Найт вообще спрашивает, чего мы хотим? — Пробасил хмурый здоровяк, уже на третьем курсе достигнувший восемь ступеней в магии.

— Адепт Найт сказал, что это необходимо, — робко попытался вступить за своего руководителя ещё один адепт.

— А если меня стошнит? Мне от одной мысли об этом уже плохо. — Не скрывая страха, сказал адепт, который мне всегда казался самым бесстрашным.

— Хорошо, хоть Найт девочек не заставляет туда ходить, опозорились бы мы на всю жизнь! — Почему-то жизнерадостно заявил еще один адепт, самый смешливый на нашем курсе.

Я думала, чем может заставлять заниматься своих подопечных Лион, что они не хотят в этом участвовать и боятся опозориться перед однокурсницами. И, вообще, все адепты были так удручены, что даже не обращали внимания на меня, затесавшуюся в их компанию.

— Стоять! — Я даже не предполагала, что Лион может говорить таким тоном. Для меня он всегда был младшим братом Тима, которого можно было и поругать, и тетрадью по голове бить. А в последнее время он вообще был душкой. А с подопечными он, оказывается намного строже, чем даже Чмир Рват. — Вы должны были стоять здесь две минуты назад.

Все парни стали вразнобой говорить: кто-то оправдывался, кто-то просился уйти, а кто-то даже позволил себе заметить, что они не обязаны посещать дополнительные занятия седьмого курса по «Агрессивному целительству». А я поняла, на какое занятие ушел Тим. Лион не стал устраивать разборки в коридоре. Он пообещал, что каждый адепт все свои требования сможет разъяснить ему лично, но только после пары. И кивнул в сторону аудитории.

— Я не пойду туда. — Сказал «восьмиступеечный», и все адепты, уже готовые выполнить команду Лиона, отступили назад. — На эти занятия не приглашают девушек, значит, и мы можем их не посещать. — Уверенно продолжил третьекурсник, вызвав согласные взгляды и поддакивания однокурсников. Лиону оставалось либо отпустить всех подопечных и пойти на занятие одному, или не идти сейчас на занятие, а остаться разбираться в конфликте со своей группой.

Но я, помня, каким замечательным Лион был Гонцом на моей свадьбе, и какую оказал поддержку Тиму, решила деверя поддержать. Я растолкала однокурсников и вышла к Лиону:

— Лион, где Тим? Я же не опоздала?

— Куда? — Прищурился на меня братик Тима, хорошо, хоть удивление смог скрыть.

— На целительство, конечно.

Лион не сразу нашелся, что сказать:

— Туда не приглашают девушек.

— Туда не приглашают слабаков. Пойдем, братик. — И я первой протянула ему руку.

Лион с кривой улыбкой галантно обернул мою руку о свой локоть и повел в сторону единственной деревянной двери в этом конце коридора. Но на ходу он обернулся и бросил своим подопечным

— Слабаки могут идти по своим комнаткам.

В аудиторию Лион пропустил меня первой. Когда я поздоровалась с целителем Дирбом, со своего стула, а сидел он на крайнем месте в первом ряду, встал Тим. Сзади нас с Лионом подталкивали входящие адепты. А вперед я не могла пройти из-за удивленно-недовольного взгляда Тима, и целитель так и не ответил на мое приветствие и занять себе места не предложил.

— Адептка Чарх, — когда входившие адепты, наконец, перестали шуметь и встали у стены, обратился ко мне целитель Дирб, — вы не ошиблись аудиторией? Или вам нужно поговорить с адептом Тимиром Найтом? — Он, как и все остальные преподаватели, сохранил ко мне хорошее отношение. И сейчас говорил с легкой понимающей улыбкой.

— Доктор Дирб, я пришла на ваше занятие по Агрессивному целительству. Извините за опоздание, не сразу нашла аудиторию.

Целитель Дирб посмотрел на Тима, который все это время стоял у своего стола, сделал свои выводы и сказал мне:

— Адептка Чарх, Агрессивное целительство слишком сложный раздел врачевания, поэтому проходят его только на седьмом курсе. И то в форме дополнительных занятий.

— Но мои однокурсники... — Хотела я возмутиться, как только поняла, что меня красиво выпроваживают за дверь, но целитель меня прервал:

— Ваших однокурсников допустили к занятиям по личной просьбе их руководителей. Во время практики, если вдруг пострадает сам руководитель, нужен хотя бы один подготовленный адепт, способный оказать ему помощь. Все прибывшие сюда адепты третьего курса сами хотели пройти обучение. И среди них нет ни одной девушки, так как мы щадим ваши нежные сердца. — Рассказала бы я сейчас целителю, как адепты Лиона «сами хотели пройти обучение», но у меня была другая проблема. Сейчас мне очень хотелось проникнуть на эти занятия. А если мне не понравится, или все здесь и вправду будет слишком «агрессивным», я же могу больше и не приходить.

— Доктор Дирб, я тоже сама хочу пройти обучение. А у моего руководителя никого, кроме меня в группе нет, так что нам не приходится выбирать. — И добавив побольше мольбы во взгляде, я попросила:

— Доктор Дирб, можно я останусь на занятии. Кто окажет помощь Тиму, если поранится он...

Целитель смерил меня внимательным взглядом, проигнорировал пытавшегося ему что-то сказать Тима, несколько раз стукнув костяшками пальцев по столешнице, заставил успокоиться адептов в аудитории и сказал, обращаясь ко мне:

— С каждым разом, вынужденно общаясь с вами, адептка Чарх, невольно начинаю восхищаться вашим умом и здравомыслием. Проходите и занимайте себе место. — И уже строже обратился к Лиону. — Адепт Найт, не срывайте мне занятия, проходите со своими подопечными в аудиторию.

Я села возле Тима, и под столом взяла его за руку. Он, продолжая сидеть прямо и смотреть в сторону доски, обхватил мою ладонь обеими своими руками и нежно растер ее. Потом слегка наклонился ко мне и тихо сказал:

— Если будет неприятно или страшно, говори сразу мне, я уведу тебя отсюда. — Я благодарно кивнула Тиму. Все-таки я боялась, что он начнет отчитывать меня или как-то покажет, что недоволен моим поведением.

Занятие по Агрессивному целительству проходило в небольшой аудитории. Места для слушателей располагались полукругом, и было их только четыре ряда. Сейчас здесь присутствовали все адепты-выпускники и их подопечные с третьего курса. Больше всех было адептов из группы Лиона. У остальных — от трёх до пяти адептов. И у Тима, конечно, я была одна. Рассмотреть висевшие на стенах картины, стоящие в остекленных шкафах баночки и макеты я даже не пыталась. Доктор Дирб сразу начал говорить для адептов, пришедших сегодня на занятие в первый раз.

— Больному и раненому можно оказать помощь с помощью магии. Если же целителя рядом нет, помочь могут приготовленные им зелья. Но бывают такие случаи, когда зелья не только не помогают, но и вредят. Перед их применением необходима серьезная диагностика и, в зависимости от ее результатов, лечение, вплоть до применения магической хирургии. Во

время практики, я уже говорил об этом, может случиться так, что кому-то из вас срочно понадобится помощь. До прибытия целителя вам в помощь Агрессивное целительство.

Сидевший за последней партой Кон Вэдр поднял руку и задал вопрос:

— Почему не могут придумать такое зелье, которое поможет продержаться раненому до прихода целителя? Тогда нам бы не пришлось терять время, изучая кости и кишки. — Все адепты с последних рядов дружно одобрили этот вопрос.

— Выбор зелий, адепт Вэдр, обширен. Но не всегда пострадавший может зелье хотя бы выпить. Иногда, при внутренних повреждениях, пить что-либо смертельно опасно. Поэтому необходима диагностика и время. Время выгадать вам помогут полученные сегодня знания. На прошлом занятии я объяснял вам, как, не применяя магии, оказать помощь при повреждении кости. А также, какими эти повреждения бывают и как их отличить друг от друга. Так вот первое задание: перечислите признаки повреждения кости.

Адепты старшего курса отвечали быстро и четко. А я получала знания, внимательно их слушая.

— В каких случаях применение магических артефактов и зелий будет опасно для жизни и здоровья пострадавшего, и без Агрессивного целительства не обойтись? — Вопросами целитель сыпал без перерыва, и уже все в аудитории внимательно слушали и дополняли друг друга. Даже адепты из группы Лиона не пытались бежать или позориться.

Целитель достал из шкафчика макеты и стал показывать нам на них, как выглядит травмированное место снаружи и изнутри при открытых переломах, переломах со смещением, множественных переломах, вывихах.

Все очень напоминало уроки по основам безопасности жизнедеятельности. Нас доктор Дирб учил даже накладывать шины и фиксировать поврежденные места.

— Все, что мы сейчас повторили, не будет иметь смысла, если пострадавший мучается от сильной боли. Он сам навредить себе, пытаясь избавиться от повязки или, что еще страшней, сердце может не перенести боли. Действие обезболивающих артефактов очень ограничено, не более десяти минут. И не всегда их, из-за дорогой работы, возможно достать. Зелье, как я уже говорил, еще нужно выпить, что невозможно при внутренних травмах. Больной может находиться в обмороке. Также пострадавший зелье должен усвоить, чему может мешать рвота...

— А что делать? — Выкрикнул кто-то впечатлительный из группы Чмира Рвата.

— Ответ на этот вопрос вы получите в сегодняшней теме. Записываем: «Впрыскивания и вливания специально подготовленных смесей»

А дальше целитель очень подробно, показывая макеты и картины, начал объяснять, как делать внутримышечные и внутривенные уколы. Это я мысленно сразу назвала эти процедуры, привычными мне уколами. Хотя шприцов и металлических иглолок здесь не было.

Доктор Дирб достал из шкатулки иглы темного цвета и показал нам.

— Это иглы обычного горного ежа. Они достаточно крепкие, полые и острые. После специального магического очищения, они пригодны для впрыскивания смесей. Сама смесь, также прошедшая через магическое очищение, находится в таких капсулах...

Доктор Дирб долго говорил, как готовятся смеси, соединяются с иглами капсулы, под каким углом и как вводить иглу в мышцы на предплечье, бедре и правом верхнем углу ягодицы. Особо заострил наше внимание, на впрыскиваниях в вену, потому что туда делают впрыскивания и вливания только в экстренных случаях, когда дорога каждая потерянная

секунда.

— Итак, каждой группе на практике будет передана целительская шкатулка с шестью подготовленными системами: игла, капсула, смесь. Каждая система — это чья-то спасенная жизнь. В каждой шкатулке будет три смеси останавливающие боль, две — восстанавливающие кроветворение и одна- снижающая лихорадку. До прихода целителя продержаться вы сможете. А теперь я жду желающих сделать пробное впрыскивание.

Я быстро подняла руку, уколы я всегда делала легко, даже вены ловила без каких-либо сложностей. У двух моих подруг сестры учились в медицинских колледжах. И мы вместе с ними учились делать уколы. Они тренировались друг на друге и своих сестрах, к которым присоединилась и я. Позже будущие медицинские сестры и нам позволили колоть глюкозой и физраствором их. Поэтому я уверенно вышла к доске, сопровождаемая удивленными взглядами всех присутствующих.

— Адептка Чарх, я правильно понял, вы хотите сделать впрыскивание? — Спросил целитель. Я кивнула. — На ком вы собрались тренироваться?

Жалко мне не было Кона Вэдра и Чмира Рвата. Их я и хотела назвать, но Тим встал сам и приблизился к столу доктора Дирба.

— Отлично, — растер целитель руки, — оказывается, с семейными парами очень просто работать.

Целитель спросил меня, куда я буду делать первое впрыскивание. Я хотела сделать его в ягодицу, все говорили после таких уколов, что у меня легкая рука. Но хорошо, что я не успела озвучить ответ, в этом мире за него меня приняли бы за сумасшедшую.

— Адепт Найт, снимайте пиджак, начнем мы с предплечья. — Решил целитель за нас, куда я буду колоть своего мужа. Он же подал мне вату, смоченную в дурно пахнущем растворе и систему для впрыскивания. Сложность в ее использовании заключалась в том, что и держать приходилось за иглу, вводить ее только наполовину, а другой рукой выдавливать содержимое капсулы. Я специально встала так, чтоб Тима с сидячих мест не было видно. Он заметно нервничал, даже испарина появилась на лбу.

— Быстро же ты жене надоел, Тимир — сказал Кон Вэдр со своего места. Я заметила быструю, но многообещающую улыбку мужа. Все-таки, он готовит что-то в отместку Вэдру, и последними словами староста курса только увеличил свой долг перед Тимом.

Колола я в левую руку. Как только я легко вынула иглу и крепко прижала к ранке на предплечье Тима ватку, целитель захлопал. А когда я облегченно выдохнула, Тим удивленно посмотрел на меня, а потом перевел взгляд на свое предплечье:

— И все? — Улыбнулся он облегченно. А я почувствовала гордость, как будто в мою честь сейчас дали залп из всех орудий. Было очень приятно, что Тим не почувствовал боли.

Наконец, он сам прижал пальцами вату и встал, чтоб отойти от стола. Но доктор Дирб поймал его за оба плеча и вернул на прежнее место:

— Адепт Найт, вам придется потерпеть, пока мы не закончим экзекуцию, — широко и радостно улыбнулся целитель. И громко сказал для всей аудитории:

— Адептка Чарх показала, что, в случае надобности, сможет оказать помощь своему руководителю. Я впервые видел, чтоб кто-то проводил впрыскивание так легко и безболезненно. Поэтому, — начавшие шумно выражать свои чувства адепты мгновенно затихли, — адептка Чарх попробует сделать адепту Найту и внутривенное впрыскивание.

Я была не против, в вену я всегда попадала даже подруге, которой медсестры в больнице капельницы ставили с трудом. Я всем своим видом показала целителю, что я

готова. Только выражение лица Тима меня немного расстраивало, он смотрел в одну точку остановившимся взглядом. И старался не смотреть по сторонам, чтоб всем окружающим не стало очевидно, что он испытывает.

Целитель подал мне жгут, который я повязала выше локтя на несколько сантиметров уже правой руки Тима. Целитель подсказал Тиму, что нужно пару раз сжать и разжать кулак. А я нашла самую выпирающую вену, на ощупь определилась, что в нее и буду вводить смесь. Жаль, здесь нет необходимости проверять наличие пузырьков в шприце и выпускать струйку раствора — это действие, оказывается, настраивало меня на правильный лад. Я, обработала место будущего впрыскивания специальным раствором на ватке и, медленно выдохнув, ввела иглу поэтапно, вначале прокалывая кожу, а потом вену. Промажнуться я не могла. Но все равно пожалела, что здесь невозможно втянуть в капсулу, как в шприц, кровь из вены, чтоб убедиться в правильном попадании. Я развязала жгут и, наконец, медленно, очень бережно, выдавила содержимое капсулы в вену, легко вынула иглу и прижала к ранке ватку. Странно, я была уверена в своих действиях, хоть и испытывала некоторые неудобства из-за непривычных мне игл с капсулами, но после укола на меня накатила такая слабость, что целителю пришлось меня посадить на стул и принести стакан с водой.

— Адептка Чарх, поздравляю вас с полученным опытом. — Незамысловато похвалил меня целитель.

Целитель, конечно, не мог не поиздеваться над Тимом, он предложил ему ответить жене добром на добро, и сделать ответное впрыскивание мне. Но Тим, еще прибывая под впечатлением от «эзекуции», шутки не понял. Он тихо попросил целителя не заставляя его делать мне больно. И доктор Дирб, конечно, милосердно согласился.

Занятие подошло к концу, но никто из адептов не расходился. Все, даже Кон Вэдр, подошли посмотреть на ранки на коже Тима, все были под впечатлением:

— Маленькие... — Сказал кто-то удивленно.

— Ага, но страшные.

— На раны от удара мечом не так страшно смотреть.

— Никогда не смогу пройти через подобное. — Вслух высказываться себе позволили только адепты моего курса. А Лион сказал только, что очень рад, что мой муж Тим, и измываться я буду над ним.

Я помогла Тиму подровнять рукава рубашки, надеть пиджак и даже сама застегнула пуговицы. Он уже был спокоен, и я спросила:

— Тим, тебе было больно?

Тим качнул головой и добавил:

— Было немного страшно. А тебя я буду беречь на Пике Магии, чтобы не пришлось делать впрыскивания.

Знал бы он, сколько раз мне делали уколы, больше за меня бы не переживал. Но это было тайной, как и вся моя прошлая жизнь.

53. Вечерняя отработка с доктором Надиром

Мы с Тимом после ужина в столовой засели в нашей комнате, чтоб проштудировать сегодняшние лекции. Мы очень комфортно устроились на кровати и, если быть честными, больше целовались и обнимались, чем читали и разбирали темы. Когда часовая стрелка приблизилась к восьмерке, Тим вскочил и начал собираться на ночную отработку. Я уже устала и смотрела с удивлением, как бодро он собирается. Ночью мы оба спали мало, целый день были на ногах, успели только час поспать днем. Я сейчас была способна только лежать и принимать и дарить ласки, а Тим резво подготовился к отработке по физической подготовке.

— Сафира, я вернусь через полтора часа. Спи, не стоит меня ждать. — До этих слов я и планировала скорее заснуть, но сейчас сползла с кровати и надела пиджак. Я решила присутствовать на тренировке Тима. А он расширившимися глазами наблюдал за моими ленивыми движениями. Но отговаривать меня не стал, наоборот, помог заплести волосы в косу и, взяв за руку, потащил меня за собой. У лестничной площадки мы встретились с Лионом, который с радостным оскалом вручил мне Сафу, а обратился при этом к брату:

— Тимир, я согласился переселиться в комнату Сафиры на втором этаже, хотя должен был жить на третьем. Я навел в этой комнате порядок после обыска. Я, даже не тороплю тебя унести вещи твоей жены. Но нянчиться с этим мохнатым чудовищем я не нанимался. Так что забирайте дахкилга, и чтоб больше я ее в своей комнате не видел.

Если бы мы не торопились, я бы провела с деверем воспитательную беседу, но Тим брата поблагодарил за помощь и понимание и поторопил меня.

Пока я шла, ведомая мужем, смогла спросить у Сафы, чем она довела Лиона.

— Он все наши запасы сладостей из шкафа съел, даже обе бутылки вина выпил. — Пожаловалась она.

— И? — Я бы поняла, если она пыталась Лиону помешать, но раз уже все съедено, зачем доводить брата Тима.

— А что мне в той комнате делать, ничего же съедобного не осталось? — Резонно спросила Сафа. — Я снова буду жить с тобой.

А вот это меня абсолютно не устраивало:

— Я сейчас живу с Тимом, и у нас полноценная супружеская жизнь. — Я рассмеялась одной крамольной мысли, что даже Тим остановился и перестал меня торопить:

— Что случилось? — С улыбкой спросил Тим.

— Вспомнила канделябры. — Ответила, чтоб он не устраивал допроса в коридоре. А для Сафы еще и разъяснила смысл этих слов:

— Я хотела сказать, что все свечи стоят в канделябрах, нет необходимости держать их... ночами... над нами с Тимом. — Сафа начала возмущенно брыкаться в моих руках, а я от смеха останавливалась и продолжала говорить с ней только после продолжительных пауз. — Будешь жить с Лионом. Отныне вы сожители.

Тим меня в слабоумии подозревать не стал, кажется. Он просто забрал Сафу себе на руки, сказав, что я слишком радуюсь встрече со своей питомицей, а он может опоздать на отработку.

У нашего курса все занятия по физической подготовке проходили в здании Академии. А

Тим повел меня к площадке, прилегающей к правой стене Академии. Недалеко от магического полигона, где мы с ним вместе отработывали силу и направление магических импульсов.

На улице мы с быстрого шага перешли на легкий бег. Но еще издали мы заметили стоящего под ярким светом светильника доктора Надира. Он демонстративно смотрел в нашу сторону и, кажется, всей фигурой выражал недовольство.

— Тим, я дойду сама, а ты беги пока еще не опоздал, — отнимая свою руку, сказала я. И попыталась забрать Сафу. Он сразу отдал мне дахкилга, а сам сделал шаг ближе ко мне и, левой рукой приобняв за середину спины, а правой подхватив под колени, поднял меня на руки и прижал к себе. Я не ожидала, что меня начнут носить на руках и удивления сдержать не могла, хотя сердце, казалось, уже бьет меня по подбородку от суматошного дерганья.

Тим подмигнул мне и побежал к тренировочной площадке. А я правой рукой обхватила его за плечи, а левой прижала к себе крепче Сафу.

Когда мы добрались до доктора Надира, Тим аккуратно поставил меня на пол и продолжал придерживать за спину, даже когда я устойчиво встала на ноги.

— Чета Чарх пожаловала. — Сухо прокомментировал наш приход после приветствий тренер. — Адепт Найт, от вас я ожидал большего рвения в учебе...

Тим покаянно повесил голову, не стал возмущаться, как утром передо мной и Лионом, что впервые пропустил дополнительное занятие, и можно было ему отработку и не назначать.

А тренер, который внимательно наблюдал за Тимом, резко шагнул к нему и, грубо ухватив за волосы на затылке, запрокинул голову. Я не привыкла, чтоб наши преподаватели вели себя так непедagogично. А то, что так обращаются с моим Тимом вообще было за гранью допустимого. Я отпустила Сафу на пол, чтоб кинуться мужу на помощь, хотя с трудом представляла, как можно отбить Тима от этой груды мышц, но доктор НаDIR вогнал меня в ступор вопросом:

— Найт, ты чего наглотался? Стимуляторы запрещены законом.

Тим, стоя все той же неудобной позе, тихо ответил:

— Я не употреблял ничего запрещенного. — При этом он бросил искоса взгляд на меня.

— У тебя зрачки расширены. И носишься, как ненормальный. Или брачная ночь так бодрит?

Меня обдало жаром от предположения тренера. Но тоже стало интересно, почему Тим такой активный. Я уже сплю на ходу, а он как будто только с постели поднялся и, пробежав почти двести метров со мной на руках, даже не запыхался. Пусть методы доктора Надира и не самые щадящие, но лучше разобраться сейчас, чем потом мучиться с привыканием к запрещенным препаратам. Вот только Тим за собой вины не признавал.

— Я не пил зелий, — проговорил он.

А доктор НаDIR, не выпуская волос Тима, при каждом своем слове встряхивая его голову, продолжил допрос:

— Веселящий пар? Артефакт? Курил что-нибудь?

Смотреть на это было больно. Тим приподнял руки, пытаясь утихомирить тренера, но касаться его или вырваться не смел. Наконец, терпение закончилось у меня, я схватила тренера за руку, чтоб он не тряс Тима, и прошипела громиле прямо в лицо:

— Отпустите моего мужа! Он весь день был рядом со мной, и ничего не мог употребить. Доктор НаDIR, удивившись моему поступку, разжал пальцы и также прошипел в лицо

мне:

— Не покрывайте его. Зависимость от стимуляторов необратима.

— Нет у меня никакой зависимости! — Растирая затылок, сказал Тим. — Почему вы самое худшее обо мне думаете? — И мне стало обидно за мужа.

А доктор Надир стал кричать на застывшего Тима, напоминая, что стимуляторы запрещены. Их употребление и распространение наказывается законом, а расширенные зрачки — один из признаков употребления стимуляторов. Любых стимуляторов.

— Сейчас пойдем к ректору и проверим, чего вы не употребляли Найт. — Закончил свою гневную речь преподаватель. А я не могла поверить, в чем сейчас обвиняют Тима, он и сам выглядел шокированным. Тим вообще застыл, и, играя желваками, смотрел в одну точку неподвижным взглядом. Конечно, у ректора его оправдают, я верила в это, но сама ситуация была неприятной. Я стала припоминать события сегодняшнего дня и вспомнила кое-что важное:

— Я делала Тиму впрыскивания, — сказала я тренеру.

— Что? Какие впрыскивания? — Перевел доктор Надир на меня злой взгляд.

— Внутримышечные и внутривенные. На занятии по Агрессивной медицине. — Опешив от тяжелого взгляда, пояснила я. Доктор Надир посмотрел на Тима, и он, подтверждая мои слова, кивнул.

— Я проверю. — Наконец, проговорил тренер. — Адептка Чарх пойдете со мной. Адепт Найт — пробежка по периметру, пока мы не вернемся.

Тим посмотрел на меня и, развернувшись вправо, побежал по беговой дорожке, а я последовала за доктором Надиrom. Мы не направились к входу в Академию. Он провел меня через какую-то незаметную низкую дверь в полупустой зал и пригласил сесть за стол. И сам занял удобное кресло. Я рвалась к целителю, чтобы скорее оправдать мужа. И не доводить дела до разбирательства в кабинете ректора. Все-таки, слишком часто посещать кабинет ректора — не лучшая мысль.

А тренер никуда не спешил, он спокойно достал лист бумаги, долго выбирал пишущую ручку в ящике стола и сел что-то писать. Потом исписанный крупными буквами листок вложил в стоящую на столе серебристую шкатулку.

— Может, пойдем к целителю Дирбу? — Спросила я его.

— Рад за Тимира, что жена у него не равнодушная. — Не выражая этой радости интонацией проговорил тренер. А потом открыл крышку шкатулки и достал из него листок. Мне показалось, что исписан он был совсем другой рукой. Доктор Надир медленно развернул листок и прочел, что там написано:

— Так и есть. — Сказал он мне. — Целитель подтверждает, что вы дважды впрыснули мужу бодрящей смеси. — Я облегченно выдохнула. — Она не вызывает привыкания, не влияет на сознание и действует только три-четыре часа. — И дал мне бесплатный совет. — Приобретите себе такую смесь на практику — пригодится.

Мы решили вернуться на площадку, так как действие бодрящей смеси могло закончиться, а Тиму еще до комнаты на третьем этаже идти нужно.

Тим, как ему и было сказано, бегал по периметру. Когда он добрался до нас, тренер строго сказал ему:

— Извиняться я не буду. — Тим кивнул. И расстроенным он не выглядел. — Но приглашаю тебя с супругой к себе на обед в субботу. Моя жена хочет познакомиться с леди Чарх. Я от удивления не знала, что сказать. Я никогда даже не представляла, что

преподаватель пригласит меня к себе домой и познакомит с женой. Но Тима приглашение не порадовало:

— Простите, доктор Надир, но в субботу днем мы уже приглашены с Сафирой на обед. — Сказал Тим, а я постаралась не выказывать удивления.

— Вот как? И куда же, позвольте поинтересоваться? — Не принял отказа тренер.

— В ресторан. Знакомые архаровцы хотели познакомиться с моей женой и поздравить нас. — Спокойно ответил Тим. А я удивилась еще больше: значит, нас и вправду пригласили на обед? Я впервые пойду с мужем официально в ресторан!

— Тогда я жду вас в субботу на ужин. Можете идти, отработка засчитана.

54. Суббота

Рабочие будни пролетели падающей кометой. Слишком насыщенные новыми знаниями дни и наполненные нежностью ночи сменяли друг друга. И в первую субботу, в которую я проснулась в объятиях Тима, я больше всего не хотела выбираться этой сладкой неги.

Но сегодня мы должны были ходить в гости. И коробки, которые принес с моей комнаты Тим все еще стояли не разобранными. Чтобы быстрее закончить с делами и успеть собраться вовремя, я сразу приступила к разбору своих вещей. А Тимир один отправился в столовую, чтоб принести нам завтрак. В верхней коробке лежала моя одежда. Даже мое новое, ни разу мной не надетое платье, было здесь же. Его я решила надеть сегодня для знакомства с архаровцами и с женой доктора Надира.

Я уже развесила и разложила свою одежду, когда Тим вернулся с полупустым подносом. Он принес нам только одну чашку кофе, один стакан морса и два бутерброда. Я разочарованно посмотрела на мужа:

— Мы же в ресторане поедим. — Сказал он, оправдываясь. — В столовой очередь была, я не хотел задерживаться.

— Но ты же уже дошел до прилавка, раз достал это. — Я кивнула на наш скудный завтрак.

— Это я у Лиона отнял. — Отведя взгляд в сторону, сказал Тим. А мне очень понравилась идея съесть завтрак Лиона, он даже уже не казался таким скудным. То, что в бутербродах не было сыра, который, скорее всего, достался Сафе (а она, все-таки, прижилась с Лионом) меня совсем не расстроило. После быстрого завтрака, я разобрала вторую коробку, в ней я нашла камень-артефакт с краской, и положила его на стол. Пока я раскладывала вещи в шкаф, наткнулась там на папку с бумагами. Тим, обычно, все учебные материалы хранил отдельно от одежды. Хотелось полистать содержимое этой папки, и ее тоже я оставила на столе.

Я долго наряжалась в свое элегантное длинное платье золотисто-коричневого цвета. Рукава у него были длинными и свободными, собранными на запястье. Расклевенная свободная юбка спускалась от талии, подчеркивая ее. Вырез на лифе был круглым, чуть ниже ключицы. А особо мне понравилось, что в платье были глубокие карманы, туда я положила артефакт с краской. Не знаю как, но он сегодня мог пригодиться.

Тим, чтоб не мешать мне, со своим костюмом ушел в комнату Лиона и вернулся уже полностью готовым к выходу в город. В черном костюме с белой водолазкой он выглядел необыкновенно красивым. Каждый раз удивлялась, что он теперь мой.

Тим, когда вошел в комнату, ненадолго застыл, рассматривая меня от еще не уложенных волос до кончиков туфель:

— Какая ты красавица. — Восхищенно сказал он. — Как ты могла достаться мне? — Я от слов мужа радостно рассмеялась и в ответ сказала ему.

— Тим, я тоже подумала, удивлялась, что ты, такой красавчик, теперь мой. — Он с недоверием приподнял брови, но приближаться ко мне не стал. Я быстро собрала уже расчесанные волосы в небрежный низкий пучок, скрепила его несколькими заколками и выпустила несколько локонов по бокам. Тим, наблюдавший все это время за моими действиями, приблизился и что-то сделал на моей голове:

— Так прическа долго не растреплется, — сказал он, и нежно поцеловал меня в шею.

Мы уже были готовы, и направились к выходу. Только взгляд Тима остановился на папке, которую я положила на стол:

— Ты ее переложила? — Посмотрел он на меня. Я кивнула. — Это мой экземпляр. — Нахмурившись, сказал он.

— Экземпляр чего? — Папка была довольно толстой.

— Брачного договора. — Каким-то отчужденным голосом ответил Тим.

Я же этот договор и в глаза не видела. Поэтому вернулась к столу и аккуратно, чтоб не помять платье, села и раскрыв папку, ознакомилась с написанным на первой странице. И вправду, это оказался наш с Тимом брачный договор, заключенный между моим представителем, лордом Чарх и самим Тимом. И заверенный нотариусом и десятком свидетелей. Я перевернула договор на последнюю страницу и в шоке уставилась на количество пунктов в нем:

— Шестьсот двадцать четыре пункта? — Я посмотрела на Тима. — Что в них можно расписать?

Тим тоже сел на стул:

— Сафира, ты не читала договор? — Спросил он меня.

— Я его в первый раз вижу! — Честно сказала я.

Вернувшись к первым страницам, я начала просматривать их, пока не наткнулась на оглавление «Обязанности леди Сафиры Чарх из рода Чарх перед супругом». Ровно двадцать пунктов.

Принять супруга в род Чарх...

Родить двоих детей...

Не позорить имя рода...

Относиться с уважением...

Ничего страшного и обременительного для себя я не прочла.

Далее следовало оглавление «Обязанности лорда Тимира Найт»

Я сперва не поверила бумаге и несколько раз перелистала все страницы. Остальные шестьсот четыре пункта были обязанностями Тимира передо мной и моим родом и формулировки, под которыми подписался Тим, были значительно жестче, чем мои.

Перейти в род Чарх..., по первому требованию супруги поменять фамилию..., порвать всякие отношения с бывшей семьей...,

Если у меня был пункт: «Родить двоих детей», то Тим считался ответственным за создание условий, благоприятной обстановки, должного целительского сопровождения и комфортных родов. Он отвечал за жизнь и здоровье жены и ребенка. При этом Тим не мог требовать от меня обратиться к подобранному им целителю, муж права не имел принуждать меня к лечению. Но вся ответственность за последствия моей возможной безалаберности ложилась на него.

Если я не имела право позорить имя рода, то у Тима по пунктам было расписано, что именно он обязан делать: говорить о роде Чарх и обо мне только в уважительной форме, не выставлять недостатки, не критиковать, не поддерживать критику третьих лиц, оправдывать и все это расписано на страницах договора.

Там, где я просто обязана относиться с уважением к мужу, Тимир должен хранить верность, слушаться, делиться планами, обсуждать траты, передавать все доходы мне... он даже не мог быть моим наследником, и опекуном своих детей в случае моей смерти.

Тим не имел права ни на одно самостоятельное решение. Даже имена своим детям выбрать не мог. По этому договору я уже могла его наказать по родовому суду за то, что он принял предложение от друзей и ведет меня на встречу с архаровцами в ресторан, не спросив раньше моего совета. Немного свободы ему давал статус моего руководителя. Но после Академии я могла сама выбрать его дальнейшую деятельность, могла даже запереть дома, вообще запретив чем-либо заниматься.

— Ужас. И ты это подписал? — Уставилась я на угрюмого Тима.

— У меня был иной выбор? — Не посмотрев на меня, вопросом ответил он.

Никогда не думала, что брачный договор, являющийся гарантией стабильности семейной жизни, может быть таким унижительным... просто кошмарным.

— Тим, — голос у меня невольно дрогнул, — ты же не из-за договора со мной? И заботишься обо мне не из-за страха перед родовым судом? Хоть что-то ты ко мне чувствуешь?

Тим встрепенулся и быстро встал со стула. Он и так сидел не далеко от меня, но сейчас, приблизившись, сел возле моего стула на одно колено и, запрокинув голову, посмотрел на меня снизу вверх:

— Сафира, тебя невозможно не любить. Ты же необыкновенная. Я таких никогда не встречал. И не верил, что ты по-настоящему такая. Я ждал подвоха на церемонии в храме и все время жду, что меня ткнут носом в этот договор. Но я понимаю, что лучших условий для меня вообще не существовало, и благодарен лорду Чарху.

Он опустил голову и некоторое время собирался с мыслями, а я его не торопила. Сейчас мне было важно понять его. Для моего ума было непостижимо, как можно жить при таких условиях. Выходит, что так называемые вырожденки прав имеют не больше, чем рабы в самые неразвитые времена земной истории.

— Я все время опасаясь, что ты станешь приказывать мне, как мама и леди Вэдр. — Тихо сказал Тим, так и не подняв на меня лицо. — Я не хочу быть вырожденком в твоих глазах.

Я тоже пересела на пол, чтоб быть ближе к Тиму и крепко обняла его. Я столько должна была ему сказать, объяснить. Но я боялась разрыдаться от жалости к мужу и нам, ведь эти договоры и правила могли уничтожить все светлое и чистое, что между нами существует.

— Спасибо. — Наконец, посмотрел на меня Тим. — Пойдем? Некрасиво опаздывать.

Я сразу протянула мужу руку и позволила себя поднять с пола. Мы уже выходили из комнаты, когда я остановила Тима и сказала:

— Это дурацкий договор. Я хочу настоящую семью, где любят друг друга и уважают. Только, Тим, измену я пережить не смогу. Со всем остальным мы справимся...

Тим кивнул. Мне показалось, что он меня понял. И лишние слова нам не нужны.

Мы приехали в непрезентабельный с виду ресторан. Темное невысокое одноэтажное строение и односкатной крышей. Деревянное крыльцо слегка покосилось и вывеска была совсем выцветшей. Я посмотрела на Тима, он не выглядел озадаченным. И я уверенно последовала за ним. Нас у самой двери встретил привратник и проводил в зал. Зайдя с улицы, где ярко светило солнце, я некоторое время привыкала к плохо освещенному помещению. И крепче вцепилась в руку Тиму.

Кто-то неожиданно крикнул, заставив буквально слиться с Тимом:

— Тимир и его прекрасная супруга, леди Сафира Чарх.

Мы прошли в центр зала, где вдоль трех стен стояли обильно накрытые столы. И к нам с Тимом по очереди подходили суровые неразговорчивые мужчины, представлялись, желали

нам счастливой жизни, вручали подарок и проходили дальше, не задерживая стоящих позади себя ребят. Подарки были в больших коробках и в маленьких конвертах. Но я все принимала с радостью и искренне благодарила. Если первые дарители больше обращались к Тиму и подарки протягивали ему, то остальные больше говорили со мной и одаривали меня. А Тим кивал друзьям и смотрел на меня с нескрываемой гордостью. Запомнить имена всех гостей я даже не пыталась. Замечала только, что среди пришедших к Тиму были люди различных сословий, одетые как богато, так и скромно, стандартно высокие и не достигшие необходимых «мер и делений», были как молодые и полные сил парни, так и люди преклонного возраста, и инвалиды. Мастер Рюмель, сапожник, поцеловал меня в щеку и вручил коробку.

— Там туфли. Размер ваш у меня сохранился, — сказал он с улыбкой. — Тимир, спасибо за приглашение. — И он, постучав по плечу Тима, прошел занять себе место за столом.

Последним подошел высокий светловолосый мужчина и, грубо обняв Тима, приподнял его над полом:

— Тимир, какую красоту ты себе отхватил! — Он вручил Тиму конверт. Но меня сейчас заинтересовал до боли знакомый голос. Это он вломился в мою спальню и поставил Тима к стене, орал на него и ударил так, что Тим даже упал.

Я указала пальцем в лицо этого мужика и обвиняющим голосом сказала:

— Я вас помню! Как вы могли Тима ударить? А сейчас другом прикидываетесь! — Он, скосив глаза, уставился на мой палец и, повернувшись к Тиму, сказал:

— Какая воинственная! Может, и ее в архаровцы?

Тим, обхватив меня за талию, прижал к себе. Я этот недодруг, поклонился мне и с уважением сказал:

— Наша работа — борьба с нарушителями закона. А Тимира я слегка ударил. Поверьте, он бы не встал, бей я его, не как друга.

Застолье затянулось до вечера, и все поднимали за нас тосты и благодарили Тима за приглашение. Я решила уточнить у Тима некоторые нюансы:

— Тим, ты же говорил, что твои друзья пригласили тебя на обед. Почему тогда они тебя благодарят за приглашение.

Тим положил вилку, на которую уже наколот кусок мяса и замялся. Потом он развернулся ко мне и тихо сказал:

— Они хотели собраться в мастерской Рюмеля и там накрыть столы. Но тогда пришли бы не все, у многих пенсия слишком маленькая для таких трат. Я сам предложил снять зал в этом ресторане и оплатить угощение. — Я его внимательно слушала. И Тим добавил. — У меня были свои деньги.

Подумала, что сейчас получается, что я требую у Тима отчет о его тратах. Поэтому я погладила его по щеке и с улыбкой сказала:

— У тебя хорошие друзья. Когда-нибудь, когда у нас будет свой дом, мы будем часто приглашать их в гости.

Нам уже пора было возвращаться в Академию, когда встал Друг, бывший Тима, и произнес последний на сегодня тост:

— Тимир и Сафира! Будьте счастливы. Уважайте и цените друг друга. Тимир, дружище, я не нашел для тебя компаса, прости. Но все подарки, что тебе подарили, я гарантирую, в дороге не потеряются и доедут до тебя. — Те, кто был не слишком пьян, похлопали. — А

теперь, молодожены порадуите нас свадебным танцем. — Сейчас захлопали все, даже те, что уже лежали лицом в тарелках. И я обрадовалась, хотелось хоть раз потанцевать с мужем. В столовой Академии даже места для танца предусмотрено не было.

Я с предвкушением посмотрела на Тима, но он танцевать не хотел. Я подумала, что он стесняется. И на дружное подбадривание гостей пообещала всем сюрприз и вышла с Тимом из зала.

— Тим, давай потанцуем, — попросила я. В зале уже заиграла веселая музыка. — Там же твои друзья.

Тим сперва просто отказывался, а потом он просто протянул мне руку. А я почувствовала, что Тим не просто стесняется, наверно, было что-то связанное с танцами очень неприятное для него. Но отказать же мне по брачному договору он не мог...

— Тим, а мы можем покрасить гостей? Это не очень подло получится? — Спросила я, вызвав его удивленный взгляд.

— Зачем? — Не понял Тим.

— Я обещала твоим друзьям сюрприз. — Я достала из кармана камень с краской и протянула Тиму. Мальчишеская улыбка осветила лицо Тима, отчего ямочки не его щеках стали казаться совсем озорными. Он взял артефакт и, активировав его, забросил в зал и запер дверь. Потом схватил меня за руку, и мы побежали к выходу из ресторана.

Мы с ним смеялись и с удовольствием вспоминали, как прошел праздничный обед.

Но вернуться сразу в комнату мы не могли, нас ждал в своих покоях доктор Надир с женой.

— Не хочу к ним идти, — сказал Тим, пока мы поднимались на пятый этаж, где и находились комнаты преподавателей.

— Ну и не пойдем, — махнула я рукой и остановилась, чтоб развернуться назад. А Тим взял меня за руку и все-таки потянул по прежнему маршруту.

— Доктор Надир не терпит неуважения, — объяснил Тим. — Но жену его не слушай. Мы раньше учились на одном курсе, ничего хорошего она обо мне не скажет. И, вообще, она всегда лицемерно прикрывается верой в Бога.

Нас с леди Луизой Надир сразу представили друг другу. Встретили нас в семье Надир очень радушно, сразу представили меня жене тренера, Луизе. Пригласили за стол, где помимо нескольких видов салатов и подогретых хлебцов, стоял уже разлитый чай.

Мы с Тимом не так давно плотно поели, поэтому ужин не затянулся. Когда тренер Надир вместе с Тимом стали прибирать со стола, что меня очень удивило, мы с Луизой пересели на кресла.

— Ты очень красивая, Сафира, как Божий ангел. Как ты могла выйти замуж за этого выроodka? — Вот и началось то, что я не должна была слушать. — Первые пять курсов мы учились вместе с Найтом, и он всегда был очень неприятным человеком. Представляешь, даже пришел однажды на занятие по танцам. Ни одна адептка не согласилась встать с ним в пару. Как можно стоять рядом с таким недомерком? Я так радовалась, когда он ушел с Академии. Даже находиться с ним в одном помещении было карой Божьей.

Я с недоверием посмотрела на нее, этим подтолкнув ее говорить подробнее.

— Он всегда был дерганым, нетерпимым, стоило ему показаться, что кто-то не так на него смотрит, сразу устраивал дуэли. И, — она наклонилась ко мне и таинственным шепотом сказала, — представляешь, за деньги мыл посуду в столовой.

— А, — я не знала, что ей отвечать. Вроде такая набожная женщина, а к труду

относится с презрением.

— Говорят, — также шепотом продолжила Луиза, — Найт многим девушкам нравится, но только в одном смысле... Если у и тебя так, могла бы просто встречаться с ним, но замуж не выходить.

Набожный человек, по-моему, не может к «таким» отношениям быть терпимым.

— У меня не так. Мне Тим очень нравится во всех смыслах. — Без улыбки сказала я.

Она уставилась на меня, вытаращив глаза, как кальмар:

— Но у него страшные впадины на лице. Как будто злая сила пометила его. Всех воротит, когда он улыбается. Раньше он хоть маску носил... — Я встала, слышать этот бред дальше у меня не было сил:

— Это не впадины, а божественная маскировка. — Смогла я выдавить из себя. А когда она еще сильнее выкатила глаза, я шепотом, как по секрету, сказала ей. — Бог, своей милостью, замаскировал Тима, чтоб он не привлекал к себе недобрые души. И таким образом сохранил его для меня. Я же, как очень набожная девушка, от божьего дара не отказалась, поэтому и вышла за Тима замуж. И нисколько об этом не жалею.

До нашей комнаты мы с Тимом дошли в абсолютном молчании. Но закрыв за нами дверь, Тим с улыбкой спросил меня:

— Божественная маскировка? — Я кивнула. Тим медленно расстегнул пуговицы на своем пиджаке и, сняв его, откинул в сторону. Потом протянул мне руку и положил мои ладони себе на плечи, а сам обхватил мою талию и повел меня в медленном плавном танце. Ни отсутствие музыки, ни маленькое пространство для маневров не мешало мне наслаждаться близостью с Тимом, и его мастерством в танце. Я прижалась к нему еще ближе и поцеловала в шею. По телу Тима прокатилась чувствительная дрожь:

— Мы так не сможем дотанцевать, — прошептал Тим.

— И не надо, — увлекая его к постели, сказала я, — у нас вся жизнь впереди.

55. Ревность

К концу третьего месяца весны у нас с Тимом уже сложились первые семейные традиции. Мы каждое утро вместе ходили на завтрак, садились за самым дальним и темным столиком и ели в только в компании друг друга. Иногда, очень редко, к нам присоединялась Сафа, которую я, почему-то, сейчас немного стеснялась.

Тим провожал меня до моей аудитории и всегда во время перерыва ждал меня в коридоре, чтоб хоть несколько минут до начала следующего занятия побыть вместе. Когда в расписании Тимира выпадала свободная пара, а я сидела на занятии, он напрашивался на присутствии в моей аудитории. Магистры вначале с удивлением реагировали на желание семикурсника тратить время с третьим курсом, но проявляли понимание. И Тим садился рядом со мной, я даже могла взять его за руку или даже положить ему голову на плечо.

При том, что Тим был заботливым и нежным мужем, он продолжал оставаться почти деспотичным руководителем. Ни один адепт седьмого курса так не обучал и не тренировал подопечных, как он меня. К концу весны я уже мечтала о скорейшем наступлении практики, чтоб быстрее пройти ее, закрыть сессию и хоть два месяца отдохнуть от учебы. Иногда бросала учебники и отказывалась слушать объяснение Тима, тогда ему приходилось прибегать к особо изощренным пыткам в постели, чтоб я продолжала заниматься.

И все, даже Лион, стали замечать, как изменился Тим. Он уже был не замороженным от неуверенности в себе и постоянного страха перед семьей выродком. Вокруг Тима возникла непробиваемая стена уверенности и силы. Для меня-то он всегда был самым лучшим, но сейчас его дружбы стали искать многие адепты с разных курсов. Уже никто не опасался стоять возле него в коридоре, как будто можно заразиться от выродка и потерять драгоценные сантиметры в росте. Или, наоборот, получить ямочки на щеках. Сокурсники уже не стеснялись приходить открыто к Тиму с просьбой помочь в чем-либо. Никто не пытался, как раньше, бросить Тиму оскорбление в спину, толкнуть в коридоре, высказать свое важное мнение о внешнем виде Тима.

Наверно эти изменения в Тиме стали заметнее после одного случая с моими однокурсниками. Наверняка, они растрезвонили всем, что произошло однажды вечером в моей комнате. Не знаю, какие слова они подбирали и, какими красками разрисовали меня и Тима, но авторитет моего мужа с тех пор заметно подрос. А ко мне перестали относиться как к единственной капризной наследнице рода Чарх.

В общем, мне не нравилось спать на узкой кровати. Хотелось нормального супружеского ложа. И то, что Тим, когда я нечаянно ночью толкала его или отнимала одеяло, спрашивал у меня, уйти ли ему с моей постели, меня тоже расстраивало. По-моему, для мужа и жены не должно быть «твоей-моей» постели, она должна стать общей. Как и судьба, мечты, интересы... Я уже поняла, что абсолютно без секретов друг перед другом нам с мужем не прожить. Моей прошлой жизни он бы не понял, как Сафа и говорит, для Тима мои откровения о другом мире могут быть слишком травмирующими. И о своей работе, если Тим вернется к архаровцам, он все мне говорить не станет. Да и не хочу я знать, кого и как они пугают ночами...

Но постель — это святое, она должна быть общей. Я попросила Ясаман, купить для меня несколько комплектов постельного белья для двуспальной кровати, потому что ждать

до выходных терпения мне не хватало. И однажды вечером, когда Тима вызвал к себе магистр Вайол, решила переставить вторую кровать близко к нашей, перестелить новым бельем — в общем, сделать Тиму сюрприз. Я думала, не обрадовать его это не может, все-таки опасение, что я в любой момент переселю его на другую кровать, должны были пропасть навсегда.

Когда я с трудом отодвинула кровать от стены, в комнату ко мне постучали. Я открыла дверь, а там стояли два моих однокурсника.

— Сафира, конспект лекции Роша дай. — С ходу потребовал один.

— Мы ее через полчаса вернем. — Добавил другой. Тетради мне жалко не было, тем более тему я уже повторила. Но два парня, высоких и крепких, мне сейчас были очень кстати. Они же за пять минут переставят кровать, с которой я буду возиться до возвращения мужа.

И я пригласила их в комнату и сказала, как нужно поставить вторую кровать. Они без лишних вопросов, быстро выполнили мою просьбу. А, когда получили мою тетрадь и разрешение оставить ее у себя до утра, стоя уже у самого выхода, один из них спросил:

— Сафира, это, конечно, не мое дело, но тебе не жаль адепта Найта? — Смысла вопроса я не поняла, и попросила уточнить, почему я должна его жалеть. — Ну, ты себе обе кровати забрала. Он что же будет спать на полу?

— Нет, конечно. Мы, — я показала на получившуюся широкую кровать, — будем спать на ней.

— Вы вместе спите? — Сильно удивились оба. — Но адепт Найт деградант, он же должен...

— Мужу и жене удобнее спать вместе. — Не позволила ему договорить. — Теплее, — многозначительно пояснила я, еще и губы облизала.

Мои сокурсники покраснели. Оба. И спиной двинулись выходу, на прощание один из них помахал мне тетрадь, и они ушли, плотно прикрыв дверь.

Я приступила ко второй стадии преобразования кровати, уже взяла новый комплект белья, когда о дверь что-то сильно ударило. Пришлось идти открывать дверь, но распахнуть ее у меня не получалось, что-то подпирало ее с коридора. Тогда я стала сильнее толкать ее плечом, даже один раз пнула ногой. Приготовилась ударить во второй раз, но пришлось быстро отскочить от порога, когда в резко открывшийся проход втокнули моих однокурсников. Я еще удивленно хлопала глазами и пыталась понять, что только что произошло, когда Тим с громким треском захлопнул дверь и обоих моих однокурсников чуть ли не вбил в стену, с размаху швырнув их в нее. А Тим был на голову ниже каждого из них, и не таким мощным, как они, в телосложении.

— Что случилось? — Пытаясь осознать произошедшее спросила я их. Но вынужденные гости стояли лицом к стене в положении «руки вверх, ноги на ширине плеч» и молчали. А Тим какое-то время тоже ничего не говорил, только смотрел на меня незнакомым осуждающим взглядом:

— Что они делали в нашей комнате? Ночью. — Сквозь стиснутые зубы спросил, наконец, Тим.

— Пришли за конспектом. — Ответила я тихо. Такой Тим даже немного пугал. И я решила быстро ему все объяснить. — Они пришли попросить конспект лекции магистра Роша. А я пригласила их, чтоб они пододвинули кровать. Мне нужна была помощь.

Тим бросил взгляд на кровать и, пару раз моргнув, сказал:

— Ты должна была... ты могла сказать мне.

— Я тебе сюрприз готовила, — выговорила с трудом и очень тихо.

Тим приподнял удивленно брови, потом посмотрел на мою тетрадь, которую держал в вытянутых руках один из стоявших у стены адептов и, пожав плечами, улыбнулся мне. А потом снова сделал серьезное лицо и строгим командным голосом обратился к моим сокурсникам.

— Адепты, отошли от стены! Лицом ко мне! — Интонациями он удивительно напоминал доктора Надира. — Чтоб больше я вас в своей комнате не видел. Вон пошли! — И мои сегодняшние помощники, толкаясь и мешая друг другу, вылетели из комнаты.

А мы с Тимом остались. Я подавила неприятные воспоминания, когда разные люди на все лады говорили мне, что Тим несдержанный, нервный, всегда нарывался на драки и дуэли... Тем более я видела, что он сейчас чувствует себя виноватым:

— Ты меня ревнуешь! — Без осуждающих ноток сказала я.

Тим кивнул.

— Я повода не давала. — Наблюдала я за сменой эмоций на его лице.

— А я все равно ревную. — Сказал он. И раскрыл для меня объятия. Я с радостью в них окунулась. И крепко прижимаясь к мужу, слушала его объяснение. — Тебя невозможно не ревновать. Не приглашай больше никого в нашу комнату. Я же даже Лиону запретил сюда приходить, когда ты одна.

— Но я не была наедине с парнем, их же двое было. — Тима я понимала, сама ревновала его, когда к нему в столовой подсаживались девушки, или останавливали в коридоре и пытались куда-то пригласить. Только сейчас же со мной адептов было двое, и пришли они по делу.

Тим обхватил мое лицо ладонями и сказал:

— Нельзя доверять людям, особенно мужчинам. Я боюсь за тебя. Не впускай сюда никого. И носи с собой клинок. — Хотела сказать ему, что он не прав, что так перестраховываться и бояться глупо, но вспомнила Кона Вэдра. От него я и сама всегда ждала подлости. Его отношение к Тиму и ко мне было откровенно неприязненным. Поэтому я кивнула. И с того вечера всегда носила в кармане ножик с выкидным лезвием. Его подарил нам с Тимом один из архаровцев на праздничном обеде.

Но искренние мои опасения вызывали не скрытые или возможные недоброжелатели, а старшекурсницы. Подросткий авторитет Тима, изменения, произошедшие в нем, имели и обратную сторону. Я стала замечать, что многие адептки начали бросать на Тима заинтересованные и голодные взгляды. Своему мужу я доверяла, да и сказала я ему сразу, что единственное чего я не смогу пережить — это его измена. Не простить, а именно пережить. Даже раньше, когда я не имела вообще никаких прав на Тима, я выгорала изнутри, представляя его с этими озабоченными особами. А хозяйские взгляды, которые когда-то бросала на Тима леди Вэдр, надолго выбивали меня из ритма жизни.

К Ясаман я Тима не ревновала, но любая другая девушка вблизи Тима заставляла меня напрягаться. Я радовалась, что у него на курсе нет ни одной представительницы противоположного пола. И, анализируя свои чувства, я все чаще боялась превратиться в патологически ревнивую жену. Не хотелось бы портить Тиму жизнь бесконечными истериками.

Поэтому однажды в коридоре, когда идущего на пару метров впереди Тима перехватила Заира и стала ему что-то быстро говорить, я постаралась держать себя в руках и не мчаться

вперед, сбивая с ног окружающих. Я шла так же спокойно, не ускоряя шаг, но глаз с них не спускала.

Тим односложно ответил Заире, а после того как она продолжила ему что-то говорить несколько раз махнул головой. Но она определенно на чем-то настаивала. Даже подруги, стоявшие в стороне, приблизились к ней и попытались ее увести. Я остановилась на месте, чтоб собраться с мыслями. Я, конечно, могла и ошибаться, но мне стало казаться, что эта не обремененная условностями особа пытается склонить моего мужа к супружеской измене. Следующее действие Тима доказало, что я права. Он поднял правую руку и похвастался, мне хочется так думать, своим брачным браслетом. Рядом с Тимом встал подошедший Лион и тоже что-то сказал девушкам. Но все подруги заняли воинственные позы, а я поспешила к мужу. Что-то мне уже не нравилось, что все девушки начали говорить с обоими Найтами на повышенных тонах и вокруг них начала собираться толпа.

Но Заира была настроена очень решительно, когда я протиснулась в образовавшийся круг зрителей, она пыталась обнять моего Тима. Моего мужа! Причем он хотел аккуратно ее отцепить от своего пиджака. Я же знаю, что я очень ревнивая, поэтому всегда старалась контролировать свои эмоции. Но сейчас у меня были все причины для нападения. Я отлепила цепкие острые пальчики Заира от пиджака моего мужа и оттолкнула ее. И также молча, без предупреждения, замахнулась своей сумкой и с нарастающей силой ударила ее по голове. Она, как подкошенная упала на пол и осталась лежать неподвижно. Я только и подумала с облегчением о Сафе, которую я успела выпустить в столовой, подруга моя пострадать не должна была.

— Ты что наделала? — Спросил меня Лион. Я резко обернулась на звук его голоса. А Лион подняв перед собой руки быстро сказал:

— Все нормально. Правильно ты ее стукнула. — Я снова посмотрела на растянувшуюся на полу Заиру, она была подозрительно тихой. Тим обнял меня со спины, успокаивая. Меня порадовало, что его беспокоит мое спокойствие, а не ее здоровье. Одна из подруг нагнулась над Заирой и сказала громко, что Заира дышит. А потом, застонав, постаралась сесть на полу и сама пострадавшая.

Я развернулась к Тиму и, обняв его, уткнулась ему в шею:

— Сафира? Все хорошо. Не волнуйся, никто не пострадал. — Нашептывал мне Тим на ухо, а толпа продолжала нарастать.

— Ничего хорошего. — Зашипел рядом Лион. — Твоя жена, Тимир, чуть голову адептке сумкой не снесла. Сафира, — уже ко мне обратился он, — меня бей только тетрадь. И не по голове.

В центр круга прошли магистр Рош и несколько ассистентов с разных кафедр. Нарушителей дисциплины пригласили в кабинет ректора Мартазана.

Я, Тим, Лион и две подруги Заиры стояли в приемной. Нас уже опрашивали каждого по отдельности. А Заиру только сейчас отпустил целитель, и она уже находилась перед ректором. Мне ее жалко не было ни капельки, но помяла я ее, оказывается, здорово. Доктор Дирб сказал, что помимо легкого сотрясения, у нее сильная гематома на затылке от падения, и на половине лица долго будут держать синяки от удара сумкой. А у меня сумка пустой никогда не бывает, как минимум четыре книги всегда ее утяжеляют.

— Входите, — дверь открыла леди Мариет, секретарь ректора, впуская меня и Тима в кабинет ректора.

Заира сидела на стуле в центре кабинета и жалобно плакала. Я бы так сыграть ни за что

не смогла.

За столом, помимо самого ректора сидели магистр Вайол, магистр Рош и магистр богословия, куратор пятого курса.

Ректор заметил, несколько раз кашлянув:

— Адептка Чарх, за все время моей работы в Академии, никто чаще вас с адептом Найт не стоял в этом кабинете. А у вас только третий курс.

— Простите, — только и смогла я произнести, не поднимая глаз от пола.

— Адепт Найт, зная темперамент своей жены, в будущем не доводите до подобных ситуаций. — Тимир, стоявший рядом со мной, промолчал.

— За подобное нарушение дисциплины, адептка Чарх, по правилам Академии вас следовало бы исключить. — Сердце у меня испугано застучало. — Но до практики на Горе остались считанные дни, не хочется, чтоб пропадали труды вашего руководителя... А также куратор пятого курса полностью признал вину за своей адепткой. Поэтому ваше наказание ограничится отстранением от занятий на сегодняшний день и изоляцией в карцере до завтрашнего утра. — Я бросила испуганный взгляд на Тима, он тоже смотрел на меня, только с искренним беспокойством.

Сделав шаг вперед, Тим попытался обратиться к ректору:

— Магистр Мартазан, позвольте мне отсидеть срок за мою жену...

— Нет. — Категоричным тоном прервал его ректор. — Адепт Найт, возвращайтесь на занятия. Немедленно. Адептка Чарх, вас проводят, можете идти оба...

Выйдя из кабинета ректора, я потянулась к Тиму, и он, сделав шаг ко мне, крепко меня обнял:

— Я что-нибудь придумаю, Сафира. И прости, я виноват во всем этом...

Нам пришлось расстаться. Тим должен был присутствовать на своих парах, я меня повели в полуподвальный этаж. Карцер представлял собой огромную комнату, поделенную решетками на множество клеток, в которых находились только низкие нары.

Сидя за решеткой в прохладном полутемном помещении я уговаривала себя, что я сама виновата. Что наказание мое еще не самое строгое. Мня вообще могли исключить, и тогда пропала бы наша с Тимом практика. Еще я напоминала себе, что за удовольствие ударить сумкой Заиру карцер не самая дорогая плата. В общем, мысли мои были вполне позитивными до вечера. Но за день безделья, ожидающихся отработок за пропущенные сегодня пары, холод и отсутствие еды, а также необходимость вызывать криками дежурного, чтоб сходить по нужде, сильно мой оптимизм потрепали. Я уже держалась из последних сил, чтоб не заплакать. И даже не подняла опущенной головы, когда входная дверь распахнулась, и вошел дежурный, а за ним следовал Тим с Сафой на плече.

Тим стал возле решетки моей клетки и, покачав головой, несколько раз цокнул:

— Никогда не думал, леди Сафира Чарх, что буду навещать жену в карцере. — Я очень обрадовалась, увидев, что Тим пришел, тем более он улыбался, играя своими ямочкам. Но потом подошла к решетке и, не сдержавшись, заплакала. А Тим уронил сумку, которую держал в руке и, просунув руки сквозь решетку, начал гладить меня по лицу, утирая слезы.

— Я же пришел, Сафира. Раньше не получилось... Только не плачь. Я же не вынесу твоих слез... — Я попыталась успокоиться, но так не хотелось отпускать Тима, снова остаться здесь одной было очень страшно. Только Тим никуда не торопился, он пересадил на меня Сафу, и она тоже стала меня успокаивать и поддерживать.

Дежурный, который стоял до сих пор к нам спиной, сказал:

— Тимир, держи ключи, что тут и где находится ты и сам помнишь... — Тим взял ключи и поблагодарил работника Академии. А дежурный, пожав Тиму руку, ушел, оставив весь зал в нашем распоряжении.

Тим открыл мою клетку и занес внутрь сумку. Вложил мне в руки сверток с едой и бутылку с молоком. А сам достал из сумки покрывало и расстелил его на жестких нарах. А потом достал второе и, усадив меня, накрыл им мои плечи.

— Сафира, ешь, я уже ужинал. — Обнимая поверх покрывала меня за плечи, сказал Тим. Он сидел рядом и держал для меня емкость с молоком, пока я ела. Сам открыл с нее крышку и галантно подавал мне бутылку, как только мне хотелось запить застревающий в горле кусок бутерброда.

— Я нас опозорила? — Собравшись с духом, спросила я.

— Нет. Наоборот, тебя сейчас все боятся. — Тим сказал это, подавляя улыбку. Но потом хмыкнул и добавил. — А магистр богословия сегодня зашел на занятия каждого курса и рассказал о супружеской верности и вреде прелюбодеяния.

— Ужас. — Прошептала я.

— Это еще не все. Заиру забрал из Академии отец, сказал, что неделю она проведет в монастыре на перевоспитании.

— Что-то еще? — С опасением спросила я.

— Ну, у Лиона сегодня свидание сорвалось. Угадай, кого он винит?

— А я тут причем? — Сразу поняла я намек.

— Богослов был очень убедителен. Теперь воздержание — одно из важнейших требований адептов друг к другу. Высокая мораль снова в моде.

— Ужас. — Шепотом повторила я. — Хорошо, что мы женаты.

Тим слегка толкнул меня плечом и со смехом сказал:

— Мы везунчики. Хоть воздержание нам не грозит. — И мы с Тимом весело рассмеялись, откинувшись на каменную стену карцера. А я еще и села ближе к мужу.

56. В начале лета

После карцера моя жизнь стала намного легче. Хоть поняла я это и не сразу. Только закрыв две свои отработки, полученные из-за отстранения от учебы, я смогла спокойно влиться в нормальный ритм жизни. И заметила, что больше никто из наглых хищниц на моего мужа не засматривается и привлечь его внимания не пытается. Наверняка, все поняли, что со мной лучше дела не иметь и окончательно приняли факт, что Тимир Найт принадлежит мне. А может выступления богослова так повлияло, что, как заметил Тим, скромность снова стала в Академии модной. Или конец учебного года всех встряхнул. Даже Лион за несколько дней смирился с вынужденным воздержанием в Академии и уже не бросал на меня возмущенных взглядов.

Наконец, наступило лето. В последний день весны все адепты, нарядные, в парадной форме, собрались в актовом зале Академии. На трибуне важно восседали наши магистры с ассистентами. Первым слово, конечно, взял ректор:

— Дня доброго коллеги, адепты. — Начал он без пафоса, и его магией усиленный голос пронесся по огромному залу, заставляя всех отвлечься от важных разговоров и прислушаться к руководителю родной Академии. — Поздравляю всех с завершением учебного года. Адепты, надеюсь, труды ваших магистров принесли вам пользу, и вы продолжите работать над собой. Помните: магия должна всегда расти. Развивайтесь! Достигайте недоступных на первый взгляд вершин. Для Принципата Сотни Объединенных Земель настало время перемен. Вы должны быть к ним готовы. Только знания подготовят вас, расширят кругозор и отточат ум. Всем удачи на предстоящей сессии.

Думаю, не только я, выслушав речь ректора, рвалась в бой с невежеством, и хотела сразу засесть в библиотеке. Дальше выступили семь магистров — кураторов каждого курса и короткой речью, поясняя планы на ближайшее время и озвучивая имена лучших адептов своего курса. Удивил всех только магистр Вайол самым коротким из прозвучавших монологов:

— Адепты седьмого курса, не стоит сейчас ждать от меня хвалебных речей. Желаю удачи на сессии, с честью пройдите практику и блесните на дипломном экзамене. И обещаю, вручая дипломы, я горячо похвалю каждого. — Все семикурсники хлопали своему куратору стоя.

После этого непродолжительного собрания, адепты первого и второго года обучения разъехались по домам, кроме тех, кому некуда было ехать. У четвертого, пятого и шестого курсов началась летняя сессия.

Адепты-выпускники с подопечными третьего курса заканчивали подготовку к практике, сессия для них начиналась только после практики. Хоть по желанию адепты и могли сдавать экзамены и зачеты досрочно.

Я совершать такие подвиги не планировала, но Тимир уговорил меня, применяя запрещенные методы, закрыть до практики все гуманитарные предметы. А их было немало. Еще мы с Тимом должны были посетить замок Чарх, дядя давно прислал приглашение, но из-за плотного графика учебы вырваться из Академии у нас с Тимом не получалось. Тим и сам подал заявку, чтоб досрочно закрыть сессию, и в первые шесть дней лета он должен был сдать пять зачетов и три экзамена. Поэтому мы с ним решили навестить лорда и леди Чарх

первого июня. Переместиться порталом с Академии в одиннадцать часов, после зачетов, который и у меня, и у Тима были назначены на восемь. И вернуться в Академию на следующий день до девяти утра, чтоб успеть уже на следующие в наших расписаниях зачеты.

Я свой зачет сдала легко. Историю Принципата я знала хорошо, занятий не пропускала и всегда работала добросовестно, готовясь к каждому практикуму. Под контролем мужа иначе и быть не могло.

Окрыленная своей удачей я поспешила к Тиму. Где находилась его аудитория, я хорошо знала и, несясь вприпрыжку по коридору, надеялась, что он тоже уже справился с зачетом. И у нас будет хоть пара часов, чтоб посидеть вдвоем в столовой. Хоть есть мне не хотелось, резкие запахи начали меня сильно раздражать, но просто посидеть с мужем было бы здорово. Да и Сафу хорошо бы покормить, еще неизвестно, как нас встретит замок Чарх. В общем, пребывая в мечтах, я спешила к мужу. Но, повернувшись на повороте в коридоре, я влетела в кого-то, чуть не упав вместе с ним на пол.

— Так-так, Сафира. — Я, еще не посмотрев в лицо Вэдра, узнала его по голосу. Лучше бы я ректора сбила, проще было бы извиниться. — Не ко мне ли спешишь?

Я попыталась проскочить сбоку от Вэдра, попросив прощения на ходу. Но он, причиняя боль, схватил меня за локоть, и, оглядев безлюдный коридор, потащил в ближайшую аудиторию. Я упиралась обеими ногами, и громко позвала на помощь. Но Вэрд одной рукой обхватил меня за туловище, прижав мои руки к телу, другой прикрыл мне рот, поднял над полом и понес в аудиторию. И только заперев дверь изнутри, отталкивая от себя, отпустил меня на пол. Он стоял между мной и дверью, и проскочить к выходу у меня бы не получилось. Я на ощупь развязала сумку и поставила ее на пол, так в случае необходимости Сафа сможет прийти мне на помощь. Но я попыталась поговорить со старостой седьмого курса, чтоб разойтись с ним по-доброму:

— Адепт Вэдр, вы же староста курса... — Но он шагнул в мою сторону. — Я пожалуюсь лорду Чарху. — Но и эти слова должного эффекта не возымели, Вэдр сделал второй шаг, заставив меня еще раз отступить. Тогда я прибегла к последней спасительной фразе. — Тим уже ищет меня. — Семикурсник непроизвольно вздрогнув, оглянулся, но сразу со злостью посмотрел на меня:

— Пока Найт сдает зачет, мы уже закончим...

— Адепт Вэдр, вы нарушаете правила дисциплины.

— Да ну... Это вы, адептка Чарх, нарушаете пункт брачного договора, позоря имя рода. — Сочувствующе приподнял он бровь. — Некрасиво изменять мужу так открыто. Хотя выродок к тебе претензий иметь не будет, не в его это интересах...

Сафе уже пора было выбираться из сумки и спасать меня. Но семикурсника пока никто не остановил, он сделал ко мне широкий шаг, а я, отступая назад, не устояла на внезапно ослабевших ногах и упала на колени.

— Вот в этой позе мы можем и продолжить, — самодовольно провозгласил Вэдр. Но и сам внезапно упал возле меня на колени. Потом с криком отцепил от своей ноги Сафу, крепко вцепившуюся в нее. Он отбросил дахкилга к стене и этой же рукой схватил меня за шею, крепко сжимая ее, и, брызгая слюной, прошипел мне в лицо:

— Ты думаешь, меня этот грызун остановит? — Сейчас я убедилась, что по-хорошему остановить Вэдра не получится, и зашарила по своим карманам. — Сил опозорить Найта мне даже сейчас хватит.

Он, поддавшись вперед, опрокинул меня на спину и своим немалым весом придавил к

полу. Потом, не выпуская моей шеи из захвата, другой рукой рванул за ворот моего костюма, вырывая пуговицы до самого пояса. А я смогла, наконец, нашарить в кармане нож и, нажатием кнопки выпустив лезвие, решительно ударить Вэдра в лицо. Бить лежа на спине, когда шею сжимают далеко не бережные руки, и так оказалось сложно, а Вэдр на последнем мгновении еще успел отдернуть голову, так что удар пришелся не в правый глаз, как меня учил Тим, а прошелся острием ножа по щеке к подбородку. Вэдр, ослабнув, обеими руками закрыл свое лицо, и я смогла нормально вдохнуть. А выползти из-под Вэдра, растерявшегося от вида своей крови, уже было несложно. По-моему, он даже потерял сознание.

Я отползла в сторону, отталкиваясь от пола ногами. Потом поднялась на ватных ногах, взяла дрожащими руками Сафу и сумку. С трудом отперла дверь и вышла в коридор. Там все также было безлюдно и тихо. Я отпустила Сафу на пол, так как сил нести ее у меня не было, и, прижав сумку к разорванному спереди пиджаку, направилась к нашей с Тимом комнате. Идти с каждым разом становилось сложнее, и все сильнее накатывала тошнота. Я, приложив все силы, открыла дверь и, войдя в свое убежище, уронила сумку. Смогла только чуть отвернуться в сторону и мой ранний завтрак оказался на полу. Дойти до ванной комнаты я бы не все равно не успела. Опираясь рукой на стол, добралась до кровати и упала на нее. Даже плакать, от пережитого страха, сил у меня не было. Я свернулась на боку, обняв подушку, и прикрыла глаза, пытаюсь успокоиться... Все равно, вздрогнула, когда дверь открылась, но глаза сжала сильнее, до появления в них цветных узоров.

— Сафира? Что случилось? — Я услышала рядом нежный дрогнувший голос Тима. Он хотел развернуть меня лицом к себе, только я крепче обхватила подушку и прижала ее к себе. — Сафира... — Он прижался лбом к моему плечу и застыл.

— Сафира, это кто тут у двери обрыгался? Глототраз? — Громко просил с порога голос Лиона. Тошнота накатила снова, я вскочила, закрывая грудь скрещенными руками, и засуетилась, чтоб быстрее добежать до уборной. Даже оттолкнула руку Тима, когда он попытался мне помочь.

И сидя на полу возле ванной, ощущая горьковатый привкус во рту, я не могла собраться с силами, чтоб выйти и предстать перед мужем. Было стыдно и за то, что я оставила возле порога, не прибрав за собой. Раз уж Лион это видел, Тим просто не мог не заметить. Стыдно было и за то, что Вэрд смог застать меня врасплох. А ведь Тим много раз предупреждал меня, чтоб я одна никуда не ходила. Или дожидалась его, или шла с группой девочек, в крайнем случае, меня мог сопровождать Лион.

— Сафира, я захожу. — После быстрого стука, предупредил Тим и сразу вошел. Я успела только прижать к себе крепче полотенце. Он помог мне встать с холодного пола и поддерживал, пока я умывалась. Очень хотелось пить, но вода из-под крана была на вкус неприятно-сладковатой, не смогла ее проглотить и сплюнула. Чувствовала себя столетней бабушкой, когда опираясь на руку Тима, выходила из ванной. Я, поморщившись, села на кровати и оглянулась. Сумка моя лежала на стуле, и в комнате вроде было чисто.

— Сафира? — привлек мое внимание Тим.

— Ты убрал? — Кивнула в сторону двери.

— Магией. Это несложно. — Отмахнулся он. — Что случилось? Ты зачет не сдала?

— Сдала...

Тим снова хотел что-то спросить, но не стал. Он попытался вытянуть из моих объятий полотенце, но я еще крепче прижала его к груди. Было неудобно сидеть под пристальными взглядами Тима и Лиона. А они смотрели на меня очень внимательно.

— Я пить хочу. — Сказала я. — Обычную воду. Не сладкую.

— Лион, принеси из столовой воду с лимонным соком. — Попросил Тим. И как только брат ушел, снова потянул полотенце из моих рук, но я вцепилась в него крепко. — Я сдал зачет. — Раньше я бы обязательно крепко его обняла и поцеловала, а сейчас только кивком дала понять, что услышала. — Лион сдал раньше меня. Мы с ним шли к тебе, когда подбежала Сафа и устроила истерику с писканиями. Лион думал: она проголодалась. Но она захотела покусать его... А потом мы пошли за ней, и она привела нас сюда. — Тим говорил тихо, временами поглаживая меня по руке или колену. А потом пришел Лион, надо заметить, обернулся он очень быстро, и подал мне воду в большой кружке. Я с наслаждением начала пить прохладную, свежую воду с легкой кислинкой и ненавязчивым ароматом лимона. Кружка была большой и тяжелой, где он только такую нашел, пришлось держать ее обеими руками. Напившись, я протянула ее Тиму и встретилась с его застывшим взглядом. Он, правой рукой принимая у меня кружку, пальцами левой руки провел по моей шее, а потом вытянул полотенце, которым я прикрывала лиф формы, пуговицы с которого сорвал Вэдр,

— Тебя душили? — Металлическим голосом спросил Тим. — Кто? — И я поняла, что именно этого я и боялась. Не стыд и не шок от пережитого нападения так ослабили меня. Я больше всего боялась, что Тим захочет отомстить моему обидчику, и устроит драку. А ректор и так нами недоволен. Тим неуверенно потянулся ко мне, а я выпустила кружку, которую все еще держала, и закрылась подушкой. Тим поднял руку в успокаивающем жесте и быстро прикрыл ей свое лицо. Я только успела заметить, как у него несколько раз дернулись уголки губ. — Все нормально. — Приглушенным голосом сказал он. — Я скоро вернусь. — И Тим тихо встал и направился к выходу. Я подумала, что кружку можно было оставить на столе, не обязательно прямо сейчас относить ее в столовую.

Лион, который сидел у стола, спешно встал, опрокидывая стул, и перекрыл дорогу Тиму:

— Тимир, сейчас ты ничего не решишь... Приди в себя, за убийство и тебя казнят... — Громким шепотом сказал он брату, обеими руками поймав его за локти и трясая. А до меня дошло, что мой муж не кружку относить в столовую собрался.

— Тим, мне плохо, а ты уйти хочешь? — Жалобно сказала я. Лион бросил на меня благодарный взгляд. Тим же быстро вернулся и сел возле меня на кровать. Уголок губ у него заметно подергивался. Но Тим сразу стал, повторяясь, спрашивать, что бы я поела, что мне принести, что для меня вообще сделать, не лучше ли мне прилечь, переодеться, умыться.

Я отрицательно махала головой. И не сразу поняла, что Тим просто не может преодолеть волнение. Пойти сейчас и прибить кого-нибудь для него было бы проще, чем смотреть на меня. Я же сама всегда тянулась к нему. Даже споря с мужем мне хотелось быть ближе к нему. А сейчас я отгородилась подушкой... Я протянула Тиму руку, и он сразу сжал мою ладонь.

— Я по коридору шла, и спешила. Хотела быстрее похвастаться своим зачетом, — даже не планируя что-то сейчас говорить, наоборот, мечтая не вспоминать о произошедшем, начала я рассказывать о нападении Вэдра.

Лион встал за спиной Тима и руки свои положил брату на плечи.

— Вот так, — закончила я, — и мой ножик, наверно там остался.

Тим выпустил мою руку, аккуратно положив ее на постель, и порывался несколько раз встать. Но Лион не позволил ему подняться, давя на плечи.

— Отпусти, — наконец, не оборачиваясь, сказал Тим брату.

— Тимир, мы его на практике накажем, как и планировали. Сейчас ты ничего не докажешь... — Просящим тоном проговорил Лион

— Руки убери. — Упрямо повторил Тим.

Лион, не убирая рук и плеч Тима, прося о помощи, посмотрел на меня.

— Тим, я к Марине и дяде хочу, — обхватив лицо мужа, сказала я. Ради этого даже пришлось отпустить подушку. — Мы же обещали сегодня навестить их.

Тим улыбнулся мне, уже почти незаметно дергающимися уголками губ и только через какое-то время кивнул. Потом обернулся к Лиону и сказал:

— Ты прав. Придется потерпеть до практики. Нам пора к лорду и леди Чарх. Лион, пока мы с Сафирой собираемся, сходи в ту аудиторию, посмотри, не лежит ли там ее ножик. И расскажи обо всем магистру Вайолу. Пусть сам решит, стоит ли доводить это до ректора. — Лион радостно кивнул и пошел выполнять поручение старшего брата.

А мы с Тимом остались вдвоем. И я сама потянулась обнять мужа. И чего я утешения в полотенце и подушке искала? Надо было сразу обнимать Тима, возле него даже тошнота прошла бесследно.

— Сафира, Вэрд точно был один? Чмира... или других парней рядом не было. — Поглаживая меня по спине и обнимая крепче, спросил Тим. Я покачала головой, и он облегченно выдохнул.

Когда Лион вернулся, мы уже были готовы. Я нарядилась в свое золотисто-коричневое платье, но пришлось поискать мой единственный шарфик, чтоб повязать его на шею. А Тим только сменил рубашку на свежую, оставшись в традиционной форме Академии.

Лион сразу, как вошел, положил мой выкидной ножик на стол и начал рассказывать:

— В аудитории на полу нашел. А Кон с разрешения куратора уже отправился домой. Магистру он сказал, что упал на лестнице и поранил ногу и лицо. Думаю, денег на целителя Вэдры не пожалеют, чтоб привести сына в нормальный вид. Магистр Вайол сказал, что ректор должен знать о происшедшем, куратор сам ему и расскажет. И на этом все. — Закончил свою речь Лион.

Он проводил нас до самой портальной комнаты. Слегка поклонился на прощание мне. Удивил меня и Тима, крепко обняв брата. Долго не выпуская его из объятий, Лион, наконец, тихо сказал ему на ухо:

— Тимир, только не дергайся. Кона мы вместе накажем, он на Горе и останется... — Мне не понравились и последние слова Лиона и то, как Тим отреагировал на них. Он, до этого стоявший неподвижно, в ответ обнял брата и, оторвавшись от него, с холодной улыбкой кивнул, соглашаясь. Соглашаясь на убийство Вэдра во время практики?

Меня повело в сторону, и не упала я только потому, что Тим успел меня обнять и поднять на руки. Меня понесли на первый этаж в крыло целителей. Бегом по коридору четвертого этажа, через лестничные пролеты на первый этаж и по длинному коридору к самому доктору Дирбу. Пока меня несли, я уже полностью пришла в себя, хотела даже встать на ноги. Но Тим сильнее прижал меня к себе и не выпустил из крепких рук. Лион распахнул дверь в кабинет целителя, и меня усадили на кушетку, вернее села я сама, Тим же хотел меня уложить. Оба Найта начали одновременно объяснять целителю, что я упала в обморок, требовать немедленного внимания, срочного лечения, побольше зелий, Лион даже про впрыскивания смесей вспомнил:

— Адепты, вас обоих следует лечить! — Не повышая голоса, прервал Найтов доктор

Дирб. — Оба покинули мой кабинет. Немедленно. — Наверняка, они уже не раз сталкивались с целителем, и хорошо знали, когда с ним спорить бессмысленно. Братья сразу направились к выходу, только Тим до последнего не спускал с меня тревожного взгляда.

Когда дверь захлопнулась, доктор Дирб запер ее и переставил ближе ко мне стул и сел:

— Адептка Чарх, самая беспокойная из адептов Свободной Академии. — С улыбкой начал целитель. — На что жалуетесь?

— Ни на что, — чувствовала я себя сейчас замечательно. Если бы еще забыть слова Лиона и реакцию на них Тима.

— А в чем причина суеты, что развели Найты? — Уже прощупывая мой пульс, спросил целитель.

Я пожала плечами.

— В обморок падали? — Сказала, что только голова слегка закружилась. Уточнить, что так отреагировала на разговор братьев, не стала.

— Слабость? Тошнота? Рвота?

Высыпаюсь ли я? Не утруждаюсь ли на тренировках? Соблюдаю ли правильный режим работы и отдыха? Успеваю ли полноценно поесть? Наверно, доктор Дирб узнал обо мне все, пока проводил обычный осмотр с помощью артефактов. Но последним вопросом он смог вогнать меня в краску:

— Я правильно понимаю, в последний раз женское недомогание посещало вас до свадьбы? Полтора месяца назад? — Я кивнула. А доктор Дирб с улыбкой поставил диагноз. — Поздравляю, адептка Чарх, вы носите под сердцем дитя.

57. Из замка Чарх в замок Найт

Странно, но мы с Тимом опоздали в родовой замок Чарх только на час. Как только целитель отпустил меня и Тима, проведя с нами воспитательную беседу, мы сразу перенеслись в замок. В порталной комнате нас дожидался сам лорд Чарх. Он стоял у самой двери и, покручивая в руках белый конверт, ждал, пока мы с Тимом подойдем к нему. На низкий поклон Тима дядя ответил легким кивком, бросив на него лишь поверхностный взгляд, и посмотрел пристально на меня. Я поздоровалась. А дядя, который всегда смотрел на вою племянницу, как на пустое место, протянул мне руки для объятия. Я неуверенно приблизилась к нему и позволила себя обнять. Подумала о Сафе, которая внезапно решила никуда не идти и осталась в Академии. Сейчас было бы хорошо задать ей пару вопросов об отношении к ней лорда Чарх.

— Ты похорошела, Сафира, — легко похлопав меня по щеке, сказал дядя. — Только выглядишь уставшей и бледной. Может, не стоило выходить за Найта? Обижает он тебя?

— Нет, дядя, Тим очень хороший, — быстро проговорила я. Не хотела, чтоб и тут Тима притесняли. Он и так был очень скованным, и после известия целителя, что я жду ребенка, еще окончательно не пришел в себя.

— Точно? — Мне показалось, что дядя специально издевается, проверяя реакцию Тима на свои слова. — Тогда идите за мной. — За дверью к нам троим присоединился и дворецкий, поприветствовавший нас лишь легким поклоном.

Лорд Чарх пошел впереди нас. А я облокотилась на руку Тима, не столько ища поддержки, сколько желая подбодрить его. Возле лестницы, ведущей на первый этаж, лорд Чарх остановился и обратился к нам:

— Я могу подождать в кабинете, пока вы поедите и отдохнете. Но можем переговорить прямо сейчас, и я не буду задерживать вас в замке, и отправлю обратно в Академию.

Я посмотрела на Тима, а он спросил меня, не хочу ли я сейчас перекусить и отдохнуть. Я покачала головой. Тогда Тим ответил лорду:

— Мы бы не хотели заставлять вас ждать. — На лице дяди впервые появилось что-то отдаленно напоминающее улыбку. Он, определенно, наблюдал за нами и делал свои выводы. Может, его интересовало, насколько я пользуюсь властью, данной мне как главе семьи, ведь Тим сам подписался под пунктами брачного договора. А, может, брата отца Сафы интересовало что-то совсем иное. Но он продолжил идти к своему кабинету. И мы с Тимом и дворецкий последовали за ним.

Полутемное мрачное помещение с громоздкой мебелью и заваленным папками столом сразу вызвало у меня неприятные воспоминания о моем первом визите сюда. Вслед за нами в кабинет вошел и дворецкий, который одним своим суровым видом подавлял всякие проблески хорошего настроения.

— Садитесь, — только заняв свое место во главе стола, хозяин кабинета пригласил сесть и нас. Тим сперва пододвинул стул мне, только потом сел сам.

— Марсель, налей нам что-нибудь и можешь ожидать за дверью, — обратился к дворецкому лорд. А когда нам с Тимом налили обычную воду, как мы и пожелали, а перед дядей поставили бокал с жидкостью рубинового цвета, и мы в кабинете остались втроем, лорд положил перед собой конверт, который все это время держал в руке. Неторопливо

достал из выдвинутого ящика стола канцелярский ножик и вскрыл этот конверт. Такими же размеренным движением вернул ножик на место, достал свернутый лист бумаги из конверта, неторопливо его развернул и начал читать. По мере чтения он заметно хмурился и несколько раз бросил недовольный взгляд на Тима. Волноваться начала даже я, и чтоб поддержать Тим, быстро, чтоб не увидел дядя, погладила мужа по руке.

Дядя, наконец, закончил читать довольно-таки длинное послание, почему-то с улыбкой на лице сложил лист и вложил его обратно в конверт. Потом положил на него обе ладони и посмотрел поочередно на меня и Тима. Не знаю, каково было моему мужу, но я себя чувствовала в чем-то очень виноватой.

Наконец, может, сжалившись над нами, а, может, и достигнув желаемого эффекта, лорд заговорил:

— Получил это письмо перед самым вашим прибытием. Не успел прочитать. — Он не извинялся за то, что отвлекся на чтение, когда мы сидим перед ним, но я все равно облегченно выдохнула. — В нем не очень приятные, точнее, очень неприятные известия о вашем поведении в Академии. — Я снова напряглась. — Радует только приписка внизу, что ты, Сафира, наконец, готова подарить роду наследника.

— Но, дядя, вы же и так это давно знали. — Неуверенно заметила я

— Ты напоминаешь мне о своих неуместных заявлениях перед свадьбой? — Я кивнула. — Глупости. Я был уверен, дочь моего брата никогда не вступит во внебрачные отношения. Тот, в ком есть хотя бы капля нашей крови, скорее умрет, чем запятнает честь рода. Ты даже с тату подчинения справилась сама — в этом сила духа рода Чарх. — Последнее заявление было сомнительным. Но Сафа, и вправду сделала все, что было в ее силах, чтоб уберечь себя от Вэдра.

— Но вы же одобрили наш союз. Если вы знали... достаточно было сводить Сафиру к целителю, чтоб ... И, вообще, ее слова бы списали на пережитый испуг, как-нибудь нашли бы объяснение и моему присутствию в ее комнате. Зачем вы...? — Бросив сначала взгляд на меня, начал Тим, но замолчал, не сформулировав вопроса.

— Тимир, значит, ты понимаешь, что я мог поступить именно так? — Поддавшись вперед, спросил лорд Чарх. — Но я предпочел тихо замять историю. И ты, надеюсь, знаешь, что условия брачного договора тебе, именно тебе, никто бы лучше не предложил? — Тим кивнул. — Также ты не можешь не понимать, что от глупой выходки моей племянницы только выиграл. — Тим снова кивнул. — Но то, что Сафира не злоупотребляет своими правами, как бы это делала любая другая на ее месте, меня радует. Впрочем, с ее характером и отношением к тебе, другого я и не ждал. Но объясню, все же, почему я ей подыграл. Ждать, пока Сафира закончит Академию я не мог, мне нужны наследники. А ее невозможно заставить сделать то, чего она не хочет. Упрямство — еще одна черта представителей нашего рода. Я просто воспользовался ситуацией и выдал ее, наконец, замуж за того, кто ей нравится. И, нет, предотвращая ваш следующий вопрос, говорю, предубеждений против, так называемых деградантов, у меня нет. Я достаточно изучил этот вопрос, чтоб понимать, от особенностей характера, роста, веса, черт лица, формы носа, косоглазия и тому подобного сила и стабильность магии не зависит. Милостью Бога, мы со следующим лидером Принципата донесем эту истину до всех уголков страны... — Дядя внезапно замолчал и уставился на Тимира, и я перевела взгляд на мужа. И в первое мгновение мне показалось, что он плачет, закрыв лицо руками. Слишком заметно у него дергались плечи. Я потянулась к Тиму и, чтоб успокоить, погладила его по спине. Тим обернулся ко мне, убрав руки с лица,

тогда я увидела, что он смеется. Может, вначале он и пытался сдержать неуместный смех, но сейчас смеялся как от самого убойного анекдота в своей жизни. Дядя протянул мне свой бокал с темной жидкостью, чтоб я передала его мужу.

Только Тим вернул его на стол, и сам взял стоявший перед ним стакан с водой, чтоб отпить пару глотков. Видя мое волнение, Тим встал со стула, а, когда сел, уже смог взять себя в руки и перестать смеяться.

— Простите. — Все еще улыбаясь, сказал он, посмотрев сначала на меня и переведя взгляд на дядю. — Не ожидал таких слов от вас, лорд Чарх.

Дядя махнул рукой, и мы немного посидели в тишине. Тим явно чувствовал себя неуютно из-за своего смеха и еще раз извинился перед нами.

— М-да, — задумчиво посмотрел на моего мужа лорд, — мне вас, Тимир, конечно, не понять, но будьте сдержанней. Я вас еще ругать собираюсь.

После последней многообещающей фразы дяди, чтоб дать мужу время собраться с мыслями, я спросила у дяди, почему мы не видели Марины. Она же уговаривала меня посетить замок и очень нас с Тимом ждала. Я даже подумала, что она обиделась, из-за того, что мы долго не принимали приглашения. И дядя мне рассказал, что Марина ждала нас до одиннадцати часов. Но она должна была посетить приют, которым сейчас занимается, и не смогла ждать нас дольше. Потом сообщил, что меня в моей комнате ждут наряды и другие подарки, подготовленные его женой. И я могу их забрать в Академию. Потом дядя спросил Тима, готов ли он продолжить беседу, или лучше прерваться на обед. Тим уже был спокоен, и дядя вернулся к письму, недавно прочитанному им.

— Расскажите, Тимир, что произошло сегодня в Академии, почему вы не предотвратили нападение на мою племянницу?

От тона, каким был задан вопрос и какие именно лорд Чарх подобрал слова, руки заледенели даже у меня. Если бы я уже не контролировала свою силу, наверняка, как в прошлый раз покрылась коркой льда.

Но Тим наоборот собрался и четко рассказал все, что узнал от меня.

А я, чтоб дядя не обвинял во всем Тима, вставила:

— Дядя, я сама виновата, Тим предупредил, чтоб я не ходила одна по Академии. Только я, сдав зачет, не дождалась его...

Дядя вместо того, чтобы стать мягче и проявить понимание, посмотрел с неодобрением на нас обоих:

— Никогда раньше не слышал, чтобы коридоры Академии были не безопасны. Объясните, Тимир, чего вы опасались. Кон Вэдр как-то угрожал безопасности Сафиры?

— Это давняя история, — начал Тим. Но мы с дядей приготовились очень внимательно слушать, и Тим продолжил. — Адепт Вэдр, как староста группы, мог заметно облегчить мое пребывание в Академии. А он, наоборот, довел ситуацию до того, что даже мой брат и Чмир Рват, а мы с ним тогда дружили, боялись при свидетелях общаться со мной. Он постоянно подчеркивал, кто я и где мое место. Остальные однокурсники поддерживали Вэдра. Я часто вызывал его на дуэли, в магических он участвовать отказывался, а в классических я всегда проигрывал. Тогда мы с Чмиром и Лионом решили наказать его во время практики, чтоб он на себе прочувствовал, каково это быть вырожденцем.

— Вы хотели Вэдра изуродовать или покалечить?

— Второе.

— Сломать руки? Ноги?

Дядя спрашивал с таким спокойным тоном, как будто это вполне нормальная ситуация, когда адепты калечат друг друга. Но ответ Тима заставил меня от ужаса прикрыть рот, чтобы не выразиться как-нибудь неподобающе:

— Хребет. И еще...как получится... — Такого даже дядя спокойно перенести не смог:

— То есть за свои мелкие, в принципе, обиды вы втроем хотели покалечить единственного наследника семьи Вэдр? Лишить его возможности ходить, завести семью, а может и вообще магичить и двигаться?

Тим кивнул, но стыдно ему не было. Дядя, многозначительно помолчав, снова обратился к Тиму:

— Почему Рват переметнулся к Вэдру? Ты или твой брат чем-нибудь оскорбили его?

— Нет, он же был моим единственным другом в Академии. Может, он так изменился из-за своей возлюбленной? Она вышла замуж за другого. А потом он повторно сватался к Сафире.

Мог ли Чмир Рват предать Найтов из-за того, что его бросила девушка, а я отказалась становиться его женой? Мои размышления прервал дядя, спросив, могу ли я что-нибудь добавить к словам мужа.

— Дядя, когда отказывала Рвату, я ему нагрубила. Но первым начал он. И еще я сказала, что мне нравится Тим, и замуж я пойду только за него. — Дядя заметил, что потеряв возлюбленную и оскорбленный моим отказом, или только формой этого отказа, Рват вполне мог совершить предательство.

А мне сейчас захотелось, чтоб дядя помог мне отговорить Тима от опрометчивого решения. Они же с Лионом уже решились не просто покалечить Вэдра, а «оставить» его на Горе. И я, попросив прощения у Тима, рассказала дяде об услышанном мной разговоре между Лионом и Тимом и специально добавила, что плохо мне стало после этого разговора.

Тим сидел, низко опустив голову, а дядя долго сверлил его взглядом, постукивая при этом пальцами по столешнице. Мне этот перестук даже стал напоминать похоронный марш.

— Очень глупо. — Я вздрогнула от внезапно раздавшегося голоса дяди. — Значит, Вэрд узнал от Рвата, что ты с братом планируешь его покалечить, и решил нанести упреждающий удар. С вашей же стороны еще глупее мстить бездумно. Какой смысл в мести, если сможешь насладиться ее плодами? А вас обязательно вычислили бы и казнили.

Мне не показалось, что дядя смог напугать Тима. Слишком решительно был настроен мой муж.

Но дядя не все сказал:

— Тимир, если ты не боишься смерти, то подумай о своем брате. Его казнят вместе с тобой за соучастие в преступлении. Подумай о своем будущем ребенке, которого будет воспитывать чужой мужчина, и хоть мимоходом вспомни, что у тебя есть жена, ублажать которую также станет другой мужчина. — Тим вскочил со стула, и несколько мгновений я боялась, что он не станет сдерживаться и бросится на моего дядю. Но Тим медленно сел, и продолжил слушать, что ему говорит абсолютно спокойный и расслабленный лорд Чарх. — Ты же не думаешь, что я позволю племяннице долго хранить вдовство. Мне нужны наследники. Одного твоего ребенка для возрождения рода недостаточно. И Сафира уже не посмеет, как раньше, отмахиваться от меня и от блага рода. Если она захочет жить рядом со своим ребенком, пойдет замуж за того, кого я ей подберу.

— Я не могу оставить Вэрда безнаказанным, — упрямо проговорил Тим.

— Оставляют без наказания преступление против семьи только слабаки. Но за

убийство, даже под прикрытием практики, даже чужими руками тебя накажут. Нужен только допрос под веселящим паром или специальными зельями. И доказательство у обвинителя готово. — Тим нервным движением взял со стола стакан с водой и поднес к губам, но, не выпив, вернул на место. — Ответь мне сейчас, чтоб Сафира тоже слышала твои слова, готов ли ты ради мести потерять ее?

Тим покачал головой.

— Тогда говоришь своему брату, что я лично запретил тебе мстить. Убивать, калечить, уродовать Вэрда, Рвата или любого другого адепта я, как глава рода, вам запрещаю.

Тим нахмурился, но кивнул.

— С завтрашнего дня после восьми вечера, раньше освободиться у меня не получится, приходишь сюда. И приносишь план своей практики. Попробуем вместе его пересмотреть, должно быть что-нибудь подходящее, чтоб не нарушая закона, восстановить справедливость.

Тим быстро кивнул. И встав, низко поклонился.

— Садись. — Сказал ему мой дядя, который сразу стал в моих глазах намного добрей и справедливей. — Сколько денег вам нужно на сбор всего необходимого для практики?

— Спасибо. — С уважением поблагодарила лорда Тим. — У меня есть деньги, я накопил.

Но дядя ему не поверил. Он стал перечислять, все, что бывает необходимым адептам в горах:

— Ты уверен, что твоих денег хватает на рюкзаки, комбинезоны, палатку, артефакты, зелья, запасы еды, карту...?

Дядя мог, наверно еще долго перечислять, но я знала о нескольких вещах, которые точно были нам нужны:

— Дядя, нам доктор Надир посоветовал приобрести смеси для бодрости. Те, что вводят в мышцу. — Он удивился, но кивнул. А я продолжила. — Еще мы не нашли магический компас. А он нам очень нужен.

— Понятно. Компас, смеси и немного денег на непредвиденные расходы принесут вам в комнату. Сейчас идите и поешьте, отдохните. И мне тоже нужно передохнуть. Когда соберетесь в Академию, ждать меня не стоит, обойдемся без долгих прощаний. — И дядя указал нам на дверь. — Марсель вас проводит.

Мы с Тимом от всего сердца поблагодарили лорда Чарх и отправились в комнату Сафы, туда же я сказала принести нам поздний обед.

Когда за нами закрылась дверь моей комнаты я, чтоб скрыть свою нервозность прошла к столику, на котором стояли коробки. На одной из них лежала наспех написанная записка.

Я быстро пробежалась по ней глазами: "Сафира, солнышко, не могу тебя дождаться, спешу к сиротам в приют. Забери с собой платье из гардероба. Оно для выпускного бала в Академии. Ты же пойдешь с Тимиром, как его пара? Я заказала его по твоим меркам. Удачи на практике. Я молюсь за тебя и твоего мужа. Хотя он тебя недостоин. Целую. Марина."

Тим подошёл ближе и обнял меня со спины:

— Я знаю, — сказал он мне на ухо, запуская мурашки в суматошный бег по моей спине.

— Что знаешь? — Оглянулась я на мужа, он стоял так близко, что не смогла отказать себе в удовольствии и поцеловала его в щеку, в висок, потом он сам подставил губы...

— Знаю, что недостоин тебя, — прошептал Тим.

— Ты лучший. — Развернулась я к мужу лицом. — Но читать чужие письма неприлично. — Копируя тон самого Тима, сделала ему шутливое замечание.

Он рассмеялся:

— Правилам приличия меня учит виртуоз подслушивания чужих разговоров.

Отсмеявшись, я обняла мужа и спросила о том, что меня беспокоило.

— Тим, ты на меня обижаешься?

— За то, что сдала меня и Лиона лорду Чарх? — Я кивнула. — Ты меня... удивила. Глупо обижаться, когда появился шанс не погибнуть из-за мести.

Хоть мы изначально планировали с Тимом остаться здесь на ночь, но нежелание дяди задерживать нас, и то, что он практически открытым текстом сказал, что устал от нас, заставило нас торопиться. Мы поели в спешке, как только принесли подносы с едой. Тимир есть не хотел, чтоб не задерживаться в замке, но я была очень голодной, и пришлось ему подстраиваться под мои желания. Потом нам передали от дяди футляр с магическим компасом, коробочку с десятью смесями бодрости и четыре мешочка с монетами. Тим вскрыл один из них и с присвистнул. Странно было видеть такое проявление восхищения от Тима.

Все эти вещи, необходимые нам на практике, мы упаковали в сумку и забрали сразу с собой. А дворецкому сказали, чтоб он сам переслал нам остальные коробки и платье в футляре. Дольше необходимого мы не стали задерживаться. Тим рвался в Академию. Может, ему хотелось скорее приступить к подготовке к завтрашнему зачету? И за окнами было ещё совсем светло, когда мы отправились в Академию.

Как только мы вышли из порталной комнаты, Тим куда-то заспешил, и торопясь, тянул и меня за собой.

— Тим, что случилось? Куда мы спешим? — Его внезапной тревожности я понять не могла.

И он тоже, как оказалось, не отдавал отчета своим эмоциям:

— Не знаю, — растерев свою грудь с левой стороны раскрытой ладонью, ответил он. — Что-то... Это ещё в замке началось. Давай, сходим к Лиону. Может, ему помощь нужна?

Но с братом Тима все было нормально. Хорошенькая адептка, тихо сидевшая в моей бывшей комнате, сказала, что Лион отправился за угощением для нее. И, смущаясь, попросила нас им не мешать, и никому не говорить, что мы ее видели здесь.

— А как же скромность, которая снова стала модной в Академии? — Спросила я тихо у идущего по коридору рядом со мной Тима

— Не устояла перед обаянием Лиона? — Улыбнулся он. Но неожиданно нахмурился. И остановившись в центре коридора, спросил уже серьезно. — Сафира, ты веришь в интуицию?

— Я верю, что мысли могут воплощаться в жизнь. Поэтому стараюсь думать о хорошем.

Тим кивнул, как бы соглашаясь со мной:

— Тогда я тоже постараюсь так делать.

Но думал он все-таки не о хорошем. Даже в нашей комнате Тим оставался настороженным, как будто ожидая в любой момент чего-то плохого. И когда в нашу дверь постучали, стучавший, скорее всего, еще не успел опустить руку, как Тим распахнул дверь. Но за ней стоял младшекурсник, оставшийся в Академии на лето. Он заглядывал в комнату поверх плеча Тима и при этом говорил ему:

— Меня прислала леди Мариет, сказала передать, что вам сделали пересылку с замка Чарх. Секретарь требует немедленно унести эти вещи из порталной комнаты, они там мешают.

Тим поблагодарил парня за сообщение, но тот не торопился уходить, все пытаюсь рассмотреть, что у нас творится в комнате. Наконец, Тим, потеряв терпение, резко развернул его лицом к коридору и подтолкнул в спину, и при этом вежливо сказал:

— Передайте, пожалуйста, леди Мариет, что пересылку унесут в течение часа.

Когда Тим, захлопнув дверь, обернулся ко мне, я сказала ему, что парня, скорее всего, удивила двуспальная кровать в комнате общежития.

Тим недовольно ответил:

— Он не на кровать смотрел. А тобой любовался. — И неожиданно улыбнулся.

Приятно стало, что Тим меня снова ревнует. Я развязала и сняла с шеи шарфик, намотанный, чтобы скрыть появившиеся на ней синяки. Тим быстро подошел ко мне и легко погладил кожу на шее и перешел на ключицы. А мне только этого, оказывается, и было надо. Я прильнула к нему и приникла к губам, ожидая, что Тим, как обычно, перехватит инициативу. Но он откинул свою голову, прерывая поцелуй:

— Нам нельзя. — Подавляя прерывистое дыхание, сказал он. — Доктор Дирб запретил это...

Вот такого оборота я не ожидала, тем более я, в отличие от ошалевшего от новости о моей беременности Тима, внимательно целителя слушала. И про такие запреты он не говорил.

— Доктор Дирб сказал, что надо быть аккуратными. — Притягивая ближе к себе голову Тима, возразила я.

— Он сказал, что ребенку можно так навредить. — Упрямо проговорил Тим, отвечая на легкий поцелуй, но снова отстраняясь от меня.

— Еще он сказал: если мне чего-то нельзя, но я очень этого хочу, то я должна это получить, только в небольшом количестве. — Тим замер, наверно, вспоминая эти слова целителя:

— Доктор Дирб говорил это про кофе и шоколад. И некоторые фрукты. — Кривовато улыбнулся Тим, и выражение лица у него при этом было такое, как будто он только что раскрыл преступление всемирного масштаба.

— Ладно, — сдалась я, — тебя не переубедишь. Пойдем и спросим у доктора Дирба, вынесу ли я воздержание семь с половиной месяца.

Тим, который уже поворачивался к двери, порывисто посмотрел на меня:

— Сколько месяцев? — Мне даже показалось, что для Тима было тайной, что ребенка вынашивают девять месяцев.

— Семь с половиной до родов и еще два месяца послеродового очищения. — Специально стала я нагнетать краски.

— Столько и я не выдержу, — сдаваясь, сказал Тим. — Что же нам делать?

— Все то же самое, что и обычно, только аккуратнее. — Я чувствовала себя победительницей. Тем более побежденный мной Тим тоже был счастлив и с многообещающим взглядом начал расстегивать пуговицы на своем пиджаке...

За окном уже начало темнеть, когда Тим, укрыв меня одеялом, ушел в ванную. А вышел оттуда, уже приняв душ, и начал надевать форму.

— Ты куда? — Не скрывая подозрительности, присела я на кровати.

— Надо вещи с портальной комнаты забрать. Секретарь Мариет дважды не повторяет, — Радостно улыбаясь, ответил Тим. И был он таким расслабленным, довольным, что я не стала навязываться и заставлять его ждать, пока я соберусь. Перед тем, как встать он

уже сотый раз спросил, как я себя чувствую, и не беспокоит ли меня хоть что-то. И после поцелуя ушел.

А я тоже направилась в ванную, чтоб принять легкий душ и надеть ночную сорочку. Когда я вышла из ванной, в дверь постучали. Я прямо на сорочку надела одно из своих простеньких платьев и поспешила открывать дверь. Но, конечно, как учил Тим, прежде чем открыть я спросила, кто стоит за дверью. Там был Лион.

Он быстро поздоровался и спросил, где Тимир, одновременно высматривая его у меня за спиной.

— Ушел по делу, — ответила я.

— Куда именно ушел? Он мне срочно нужен. — Не свойственным себе нетерпеливым и грубым тоном сказал Лион.

— Зачем? — Я вспомнила плохое настроение Тима, его вопросы про интуицию... В общем, нехорошее предчувствие появилось и у меня.

— Нас дома ждут. Марк сказал, что Тара умирает.

Все что угодно я могла представить, но не то, что Тима позовут домой. Туда, где находятся предавшие его родители, мать, пытавшаяся его отравить.

— Тим в замок Найт не пойдет! Я его не пущу! — Так же, как и он, грубо сказала я Лиону.

— Ты не понимаешь... — Я не позволила ему договорить:

— Все я понимаю! Тим останется здесь. Убирайся в свой замок один! — Я была настроена серьезно. И не моргающий взгляд Лиона я выдержала, даже не щурясь.

Но дрогнул Лион, он начал уговаривать меня и просить:

— Сафира, пойми, наша сестра умирает. Отпусти Тимира проститься с ней. Она уже давно болела. Мама с папой сказали, что не против, чтоб Тимир попрощался с Тарой. Они не будут мешать. — Я упрямо покачала головой. И Лион уже со злостью добавил. — Тара хочет видеть Тима! Если ты его непустишь, он подчинится, не только из-за договора, он не захочет расстраивать тебя сейчас. Но, запомни, он тебя никогда не простит. Если он не увидит Тару, в ее смерти он будет винить тебя.

Я же захлопнула дверь перед носом Лиона.

Пустить мужа в это логово с больными на всю голову родителями? Они же его унижат, расстроят, отравят... Для них он деградант, и его здоровье и чувства ничего не значат... Только бы Лион не дожидался Тима у двери — просила я Бога.

Тим вошел, когда я уже окончательно измучилась. Я сразу поняла, что Лион ему рассказал и о больной сестре, и мои слова пересказал. Тим был сильно расстроен и казался очень уязвимым. Он присел возле моего стула на пол и посмотрел на меня снизу:

— Сафира, Тара моя сестра. — Все, сказанное Лионом, звучало пустым звуком в сравнении с этими словами Тима. Просто их говорил человек, которого я люблю, и боль Тима я ощущала, как свою.

— Можно мне пойти с тобой? — Только и смогла я спросить. А Тим кивнул и, быстро поднявшись с пола, поднял и меня. Порывисто обнял и поцеловал в висок. А дальше мы вместе вышли из комнаты. Только Тим внес и оставил у порога вещи, за которыми ходил. Когда мы подошли к лестнице, я вспомнила Сафу, и заставила Лиона принести ее из своей комнату. Она, в случае надобности, могла хоть как-то заступиться за Тима. А перед тем, как пройти к порталу, уже в самой порталной комнате, я взяла лист бумаги с полки и написала короткое сообщение дяде, чтоб его сразу отослали в замок Чарх. Я сообщала, что мы с

Тимом внезапно собралась в замок к Найтам, и просила его побеспокоиться, чтоб мы выбрались оттуда невредимыми.

Второй раз посещаю замок Найт. И снова делаю это в компании Тима и Лиона. Только на этот раз на выходе из портала встречали нас не родители Тима, а его старший брат, Марк. Он кивнул Лиону, а Тима крепко обнял и от души похлопал его по спине. Когда Тим, отмахиваясь, выбрался из медвежьих объятий, Марк двумя руками обхватил Тиму лицо. Тим снова попытался освободиться, только Марк на него шикнул:

— Замри! Дай, хоть налюбуюсь на тебя, — грубо добавил Марк.

Тим оттолкнул его руки и, высвободившись, пробурчал:

— Отстань. Раньше любоваться надо было.

Марк рассмеялся, как обычно смеется Лион. И стал очень походить на самого младшего своего брата.

— Раньше, Тимир, ты был просто моим братом, а сейчас ты лорд Чарх. Когда еще я представителя другого рода потискаю? — И сразу посмотрел на меня. А Тим опередив его, задвинул меня за спину, я оттуда помахала Марку рукой. И старший брат Тима в ответ помахал мне рукой и подмигнул:

— Что, ревнивый муж тебе достался? — С сочувствием спросил он.

Я стояла, удивляясь отношениям братьев друг к другу, и не знала, что ответить на, скорее всего, шуточный вопрос. Но меня опередил Тим, задав вопрос Марку:

— Как Тара? Ей уже лучше? — И только что улыбавшийся и шутивший Марк мгновенно помрачнел. Он, покачивая головой, сказал:

— Ей хуже. С каждым разом хуже. Пойдем. — Махнул он к выходу из порталной комнаты. И по дороге стал рассказывать подробности. — Она уже вторую неделю из комнаты не выходит, а сегодня с обеда вообще не вставала. Мы думали, ей станет лучше. Но она сначала вызвала к себе нотариуса, а потом попросила вызвать тебя и Лиона, чтоб попрощаться. Мама сказала позвать только Лиона. А Тара, как только увидела его, отправила за тобой. И папа разрешил тебе посетить замок, он сказал, что мама не будет мешать.

Мы прошли по освещенному парку и вошли, как и в прошлый наш визит, в холл. Здесь нас уже ждал Роберт, подаривший мне канделябры с девятью свечами, и куча детей всех возрастов, который с криками бросились на Тима и Лиона. А я, прикрываясь Сафой, отошла в сторону.

— Дядя Тимир, а ты принес нам...?

— Дядя Лион, а что ты нам дашь...? — Перекрикивали друг друга дети. Я присмотрелась и пересчитала из — всего пять детишек. А шума как от всего нашего третьего курса во время перерыва. И еще я заметила, что дети, даже обнимая Тима, не целовали его и не тянулись за поцелуями сами. Даже в этих детях, которым было от трех до семи лет, уже воспитывали настороженное отношение к дяде. Потом в холл вышли две молодые женщины, скорее всего это были жены Марка и Роберта. Они поприветствовали Лиона, обратившись к нему по имени, почему-то проигнорировали стоявшего тут же Тима и приветливо обратились ко мне. Я же, будто не услышав их, отвернулась. Мне было неприятно, что они не смогли хотя бы одного вежливого слова найти для моего мужа.

А Тим торопился к сестре, и Марк отослал женщин и детей, чтоб мы смогли навестить

больную в ее комнате.

Я помнила Тару Найт по единственной встрече на семейном ужине. Она тогда показалась мне холодной, безэмоциональной, сосредоточенной только на себе, женщиной. Хотя она из всех в семье Найт больше всего походила на Тима темно-каштановыми волосами, карими глазами и какими-то еле уловимыми чертами лица и жестами, но она мне тогда не понравилась. Сейчас, поднимаясь под руку с Тимом по бесконечным ступеням, я представляла, что увижу ее возлежащей на белоснежных хрустящих простынях, и нюхающей баночки с солью или выпивающей точно отмененные капли в маленьком стаканчике. Сопровождавшие нас Марк и Роберт, остались за дверью, а Лион, Тим и я вошли в комнату, которую освещали горящие свечи в двух канделябрах. На большой кровати я не сразу увидела истощенную женщину. И даже позже, хорошо приглядевшись, я не смогла признать в измученном, исхудавшем создании идеальную когда-то Тару Найт. Она была почти облысевшей, со сморщенной кожей, покрытой многочисленными язвами, очень слабой, даже прозрачной...

Лион неуверенно обнял сестру, хотел ей что-то сказать но, закрыв лицо рукой, быстро вышел из комнаты.

Тим хотел брата остановить, но Тара позвала его к себе.

— Тара? — Тимир обнял сестру так тепло и нежно, как будто не заметил произошедших в ней изменений. — Я же чувствовал, что тебе плохо.

А сестра, не обращая внимание на впечатление, производимое ею, потянула Тима к себе и заставила его сесть очень близко к себе, чтоб полулежа на подушках тихо говорить с ним. При этом она гладила брата по волосам, щекам, плечам, груди, приподнимаясь, старалась обнять его, прижать к себе его ладони:

— Какой ты красивый! Какой же ты красивый. — Переходя на шепот, говорила Тара. — Как ты изменился. Я так счастлива, что ты не сдался. Род Чарх всегда был достойным, там тебя не обидят. Тимир, какой же ты красивый...

Я чувствовала себя лишней, присутствуя при их встрече. Они вспоминали и рассказывали, дополняя друг друга, истории, свидетелем которых я не была. Но сейчас я верила, что братья и сестра все-таки не могли желать плохого Тиму. Ровно до слов Тары:

— Тимир прости родителей, они не понимают, что чуть не натворили.

— Конечно. — Сразу ответил Тим. — Я на них и не обижен. Им просто не нужен был в семье выродок.

— Нет, ты не понимаешь. — С трудом покачала головой Тара. — Я же умираю...

Тим не стал убеждать ее в обратном, он просто прижал ее ладони, которые держал в руках к своим губам. А Тара отдышавшись, совсем тихо сказала:

— Я прошла маговазорезекцию. — Тим вздрогнул, но ничего не сказал, он продолжил внимательно слушать сестру. — После смерти нашего второго ребенка, мы с мужем решили, что больше не желаем хоронить своих детей, и оба прошли эту процедуру. Он сгорел сразу, целители просто не смогли сбить жар. И я тоже уже скоро... Только я жалею, что сразу не рассказала маме и папе, почему болею. Тогда бы они не слушали Вэдр. Мама и папа просто хотели, чтоб у тебя была хоть какая-то семья

Я хотела возразить ей, что у Тима была бы не «хоть какая-то семья», а леди Вэдр, которая его унижала и притесняла. Тим при ней должен был бы стать ручным мужем и воспитателем ее сыновей. А смог бы он так жить? Я очень сомневаюсь в этом.

А Тара между тем продолжила:

— Они вправду не понимают, что могли своей заботой погубить тебя. И... Ты же не знаешь... В ту ночь, когда мама и леди Вэдр настаивал на процедуре, даже если бы ты не скрылся, ничего бы у них не получилось. Я попросила братьев... Марк и Роберт напоили целителя и зелье, подготовленное им, слили. Ты же веришь мне? Мы бы тебя в обиду не дали. Я только недавно рассказала маме и папе из-за чего постоянно болею, им больно и за меня, и за то, что чуть не сотворили с тобой...

Тим кивал сестре, обнимал, когда она тянулась к нему. А когда она позволила, еще раз сказал, что всегда родителей понимал и сейчас на них не злится.

— Я очень рада, что ты не отказался от фамилии. — Сказала Тара. А потом неожиданно попросила Тима приготовить ей кофе, а она пока поговорит со мной, поделится женскими секретами. Тим замялся, не решаясь оставить меня одну, но Тара его поторопила. — Иди, Тимир, хочу попробовать настоящий кофе, никто не готовит его таким вкусным, как ты.

И я сказала Тиму, что подожду, пока он принесет сестре напиток, только попросила его взять с собой Сафу, чтоб она поела в кухне. Но я просто боялась отпускать мужа одного, что бы ни говорила его сестра, Найтам я не верила. А Сафа была хорошей защитницей, по крайней мере, Вэрда она от меня отвлекла.

Тим посадил Сафу себе на плечо и, бросив на меня беспокойный взгляд, вышел. А Тара, хлопнув возле себя по кровати, попросила меня присесть. А потом она вытянула из-под подушки, лежащей рядом, папку и протянула, не сказав ни слова, мне. Когда я ее взяла, Тара попросила открыть и просмотреть лежащий в ней документ. Я, чтоб она не нервничала, сразу выполнила ее просьбу. В папке лежала дарственная на имя Тима. Тара дарила ему крупную сумму денег, лежащую на счете в банке.

— Завещанное Тимиру могут попытаться оспорить другие наследники или те, кто считает себя более достойным принять наследство... Оформить дарственное надежнее. — Сказала Тара. Я промолчала. Мы сейчас с Тимом ни в чем не нуждались. И Тим сразу после дипломного экзамена хочет вернуться к архаровцам, так что деньги нам не были необходимы. Но если сестра хочет ему что-то подарить, я не видела смысла ей мешать. — Сафира, ты не же против? — Почему-то настороженно спросила она меня. И сразу стала объяснять. — Любой мужчина должен иметь свои деньги. Они дарят ему уверенность. И Тимир же сможет делать тебе подарки. Он не будет использовать эти деньги бесцельно или во вред своей семье.

В разумности и надежности своего мужа я не сомневалась. Только было непонятно: зачем об этом вообще говорить? Братья и сестры могут делать друг другу подарки, ничего страшного я в этом не видела.

— Сафира, — уже совсем тихо сказала Тара, — позволь Тиму принять дар от меня.

Ее внезапная слабость меня сильно напугала, я схватила пустой стакан со столика и налила в него воду. Но Тара замахала него рукой:

— Не надо. Разрешит Тимиру принять мой подарок и..., - а я вспомнила пункт брачного договора, где говорилось, что все траты муж должен согласовывать со мной. Может, это и даров касалось? И Тимир не может принять ничего даже от сестры, если я не одобряю это? И именно поэтому Тара сейчас нервничает и просит, чтоб я одобрила ее дар брату.

— Тара, — снова сев возле нее, сказала я, — конечно, Тим может принимать от тебя дар. Я не буду ему запрещать. — Я угадала. Сестра Тима облегченно выдохнула и попросила, чтобы я сразу подписала бумагу, составленную нотариусом. Я просмотрела этот документ, это и вправду было разрешение на имя Тима, позволяющее ему принять подарок от сестры и

иметь доступ к этим деньгам без дополнительных разрешений от меня. Я, поставив роспись, протянула лист Таре. Она, поблагодарив меня, вложила его в папку. И уже папку протянула мне.

— Забери папку с собой. Тимиру будет сложно взять ее у меня. — Потом закрыла глаза и затихла.

Я ждала. Но казалось, что Тара уснула. Я решила поискать Тима и попыталась встать, только Тара положила мне свою почти невесомую руку на локоть:

— Сафира, пусть Тимир помирится с родителями. Они не виноваты, что так воспитаны.

Вот в этом я с ней согласна не была, они чуть не убили Тима. Дядя Чарх воспитан так же, как старшие Найты, но он, наоборот, поддержал Тима и помог нам. Это я ей и сказала. И добавила, что сделаю все, чтобы Тим как можно меньше общался с лордом и леди Найт, и к нашим детям их близко не подпущу. Золовка моя недовольно замолчала, даже засопела возмущенно.

— Знаешь, как зовут нашу маму? — Неожиданно спросила она и сама быстро ответила. — Тимирика.

Я задумалась, зачем мне имя матери Тима? А Тара, воспользовавшись моим молчанием, продолжила рассказывать важные для нее истины.

— Папа и мама оба из рода Найт. Их поженили для благо рода. И мама долго не могла смириться с таким союзом. Марк, я и Роберт не были для нее желанными детьми. Она выполняла долг перед родом, но она всегда была нам хорошей матерью. К тому времени, когда был зачат Тимир, они с папой уже смирились с выбором семьи, может даже по-своему полюбили друг друга. Мама очень ждала рождения Тимира, говорила, что это самая легкая ее беременность. Она даже назвала его своим именем. Тимир с самого рождения был красивым и веселым. Он всегда улыбался или смеялся так заразительно, что все начинали смеяться в ответ. И умным был и сообразительным не по годам. Родители им гордились. Но он был слишком активным и непоседливым. Придумывал разные истории и рассказывал их так, что невозможно было не поверить. Няни, которые работали у нас по десять лет, воспитали нас, трех старших детей в семье, не справлялись с Тимиром. Они уволились. Гувернер тоже ушел, Тимир над ним издевался. Не со зла, но вынести его шуток не каждый мог. Только мама ему все прощала, потому что любила больше всех. Она говорила, что его поведение — это признак сильного характера. Она твердила, что его ждет великое будущее. Пока целитель не заметил, что лет с девяти Тимир растет не так быстро, как Марк и Роберт. Впадины на щеках, которые были вначале не так заметны, стали еще глубже. Тимиру запрещали улыбаться, а он, как будто специально, смеялся громче и всегда улыбался. Даже когда его ругали и наказывали. А в двенадцать лет нам сказали, что он выродок, и сомнений в этом нет. Но тогда мама и папа еще могли что-нибудь придумать... есть же способы магической хирургией удлинить ноги и... Но мама сказала, что ребенок-выродок это ее наказание, крушение ее надежд. Она только хотела скрыть своего неудавшегося сына, чтоб он не позорил семью. А Тимир сбежал в Академию. Я хотела сказать, мама не виновата, что все так сложилось. Она любила его, только разочарования вынести не смогла

Может леди Найт кто-то и смог бы понять, но не я.

— Леди Найт хотела Тима отравить в Академии. Подобралась к нему, когда он болел. Принесла зелье, смертельно опасное для жизни, даже целитель это подтвердил. — Сказала я.

— Это все Жисса Вэдр. Она влюблена в моего брата и хотела его получить любой

ценой. А сейчас, когда начали ходить слухи о новом законе, она стала подгонять события.

— Это не любовь. — Сказала я. Но следующие мысли озвучивать не стала: Тим никогда не выпил бы того, что принесла сама леди Вэдр. Зелье ему собиралась поднести мать, которой он, не смотря ни на что, верит. С ее рук он чуть не выпил перенасыщенное ядами зелье. А Тара между тем тихо говорила, отвечая на озвученную мной фразу:

— Любовь бывает разной. Бывает, как у Тимира к тебе и у тебя к нему. Нежная, заботливая, окрыляющая. Тимир рядом с тобой очень изменился, от него сейчас веет уверенностью. К нему хочется прислониться в поисках поддержки и защиты. А у Жиссы любовь эгоистичная, злая, она хочет обладать Тимиром, и чтоб он не вставал с колен перед ней. Может, это и не любовь? — Сказав последние слова, Тара надолго затихла, а потом ухватила за мои пальцы и прошептала. — Но ты берегись ее. Она шесть лет ждала Тимира, хоть всем и кажется, что это мама ее уговаривала взять Тимира в мужа и одаривала ее. В действительности, Жисса сама не давала о себе забыть и всегда появлялась в этом доме с намеками на ущербность Тимира и говорила, что она бы окружила его заботой, чтоб он не выгорел, а прожил тихую спокойную жизнь в заботе и уюте. Берегись леди Вэдр, сейчас, когда Тимир от нее спасся, она может и тебе навредить, отомстить за то, что потеряла идеально послушного мужа, о котором давно грезил. Он бы, конечно, и репетитором ее детям бы хорошим, но Жисса, которую я хорошо знаю, хотела Тимира, в первую очередь, для себя... Даже если она сама себе стыдилась в этом признаться.

Очень неприятно было это слышать..

Не знаю, почему Тима не было так долго, но мы с Тарой успели хорошо пообщаться и многое друг другу рассказать. А, когда Тим вернулся, он сам помог сестре сделать пару глотков кофе. Даже налил его в блюдце, чтоб она могла спокойно его пить, хоть Тара и возмущалась, что кофе пить подобным образом неприлично.

И Тара сама попросила нас не задерживаться у ее постели и отправиться обратно в Академию. Тим, что меня удивило, сразу ее послушался, сказав, что нам и вправду лучше поторопиться, так как в холле нас ждут лорд Чарх с несколькими мужчинами подозрительно воинственного вида.

Дядя, получив мое послание, пришел нас выручать. Мне стало очень приятно, что нас не бросили в логове Найтов.

59. Первая ссора с Тимом

На следующий день мы встали очень рано, хоть зачет у нас был только в девять часов, и отправились в столовую. Сейчас здесь было тихо и безлюдно. Мы заняли по привычке свой уединенный столик и сели друг напротив друга. Хотя Тим всегда садился рядом со мной. Я не понимала, почему он был такой сумрачный с утра. С другой стороны, у него серьезно болела сестра, а Тару он любит. Но обычно, даже если Тиму было плохо, он все равно улыбался, пытался скрыть свои истинные чувства. Как бы тяжело ни прошла утренняя тренировка с доктором Надиром, Тим не показывал, особенно в моем присутствии, негативных эмоций.

Но, я одернула себя, мы же только вчера навещали Тару, никто бы, на месте Тима, не смог веселиться.

— Тим не переживай, Тара обязательно поправится. — Сделала я попытку заговорить первой и успокоить его.

— Тара умерла. — Не подняв на меня голову проговорил Тим. И, конечно, я сразу выразила ему соболезнование, попыталась успокоить и не смогла не спросить, когда он узнал эту трагическую новость, почему не сообщил мне, и во сколько мы должны пойти на похороны.

И Тим вместо того, чтоб просто ответить на мои вопросы, обвинительно бросил мне:

— Ты не любишь мою семью. И от похорон отговоришься зачетами. Ани и Илана, жаловались, что ты вчера даже не ответила на их приветствие.

Я помнила, на чьи приветствия я вчера не ответила, и почему так сделала, тоже помнила очень хорошо:

— Зачем ты так, Тим? — Мне хотелось видеть его глаза, но Тим не поднимал на меня свое лицо. Я решила объясниться, но стала злиться. — Жены твоих братьев не поприветствовали тебя. А ты их деверь... Зачем мне их приветствия, если они открыто игнорируют родного брата своих мужей? И, да, семью твою я не люблю. А их есть за что любить? Но похороны... — Мне от обиды спазмом сдавило горло. — Я бы не стала ничем отговариваться. И, вообще, иди сам к своей любимой семейке, они-то всегда тебя поймут и поддержат!

Я прижала к себе сумку, из которой Сафа еще не успела выбраться, и направилась к выходу из столовой. Я загадала, если Тим догонит меня, а не догнать он просто не может из-за опасений за мою безопасность, и только извинится или отговорится, я запрещу ему общаться с семьей. Видать, не просто так возникли эти пункты про всевозможные запреты от главы семьи в брачном договоре. Если его бывшие родители собираются портить мои с Тимом отношения, общаться он с ними не будет никогда.

Но если Тим попытается оправдаться, просто привести разумные доводы такого отношения ко мне, я попытаюсь его понять и обговорить с ним границы, переступить которые его бывшие родственники не могут.

Я не отошла и на пару шагов от столовой, как Тим догнал меня и, загородив собой дорогу, остановил.

— Сафира, подожди. Не злись. Прости. Я неправильно выразился. Я неправ. Прости меня. Мне во время тренировки Лион сказал, что Тара не пережила ночь. Он уже дома. А я...

Мне сложно было говорить об этом, не так легко смириться со смертью сестры.

Мне его было жалко, очень. Я понимала, какого это остаться без родного человека. Наверняка, такую потерю еще сложнее перенести, когда знаешь, что близкий человек умер, страдая, не успев пожить, воплотить мечты, порадоваться жизни. Но меня уже понесло, просто замять сегодняшнюю историю я не могла, мне необходимо было понять, почему Тим себя так вел, и в лицо бросил мне надуманные обвинения.

— Я не злюсь, просто пытаюсь осмыслить: ты с ночи недоволен тем, что я не ответила на приветствие твоих невесток? И сейчас до последнего момента скрывал от меня, что твоя сестра умерла, из-за этого недовольства? И меня обвиняешь, что я не пушу тебя на похороны... хотя, вчера я тебя к сестре даже проводила, хоть боюсь твоих родителей больше, чем бешеных животных. И ты сегодня отвернулся, когда я утром хотела тебя поцеловать, и ночью ты впервые спал, повернувшись ко мне спиной. Ты показываешь мне, как сильно мной недоволен? Может, мы и кровать разделим, чтоб ты мог спать отдельно, когда снова найдешь к чему придраться? Или, давай, сразу заведем нам отдельные спальни, как у твоих родителей? — Хорошо, что уже было лето, и в такую рань никого не было в коридоре, потому что говорить тихо я не могла. Даже успокаивающий писк Сафы на меня не действовал.

А Тим сильно побледнел и несколько раз пытался меня успокоить, но проглотить свои обвинения я не смогла бы при всем желании. И мужу пришлось меня выслушать, как бы тяжело ему не было слышать правду. Только потом он смог что-то сказать:

— Сафира, все не так. Я не недоволен тобой, наоборот, я благодарен. За все благодарен. — Я недоверчиво отмахнулась. — И ни в чем тебя не обвиняю. Дело в том... Когда я вчера готовил кофе, Роберт принес фруктовый лед. Это мороженный сок. Его замораживают артефактами. — Я кивнула, давая понять, что знаю, что такое фруктовый лед. — Я тогда нервничал и, наверно, переел его. У меня с ночи в горле першит, я боялся заразить тебя и навредить тебе с ребенком. Я хотел на пол перелечь, но потом просто развернулся к тебе спиной. Я не думал, что ты обидишься, и целовать тоже из-за болезни не хотел. И я, честно не обвиняю тебя ни в чем из-за жен Марка и Роберта. Просто это Роберт мне сказал...

— Теперь Роберт виноват? — Подозрительно сузила я глаза. Хотя в душе у меня все пело: знать, что Тим хотел уберечь меня от простуды, а не отвернулся от меня с пренебрежением из-за своей семьи, было большим облегчением. Но Тим еще не знал, что я уже все ему простила. И продолжил оправдываться.

— Да! — Быстро ответил он. — Роберт виноват. — А потом покачал головой и добавил. — Я сейчас кого угодно очерню, только бы ты не нервничала.

Я рассмеялась от его самоиронии и потянулась к Тиму. Он также потянулся ко мне и обнял, прижимая к себе обеими руками. Но при этом отвернулся от меня в сторону.

— Сафира, тебе нельзя нервничать. — Нежно сказал Тим. И продолжил объяснять, крепче обнимая меня и поглаживая по спине. — Роберту пожаловалась жена, что ты не ответила на приветствие. И он спрашивал у меня, это из-за того, что Ани и Илана не пришли на нашу свадьбу?

Вот таких предположений я не ожидала. Посмотрела, высвободившись из рук Тима ему в лицо. Может, он так шутил? А Тим продолжил:

— Еще братья переживали, как ты ко мне относишься. — С улыбкой поделился он.

— Бедный, они тебя, наверно, жалели? — Посочувствовала и я. Тим ухмыльнулся:

— Знали бы они, как сложно мне живется. — Сейчас я узнавала моего Тима, который даже когда сердце сдавливает тяжелая утрата, пытается шутить и улыбаться.

— Пойдем на похороны вместе? — Спросила я его. Он поспешно кивнул. — А зачеты можно же и после практики сдать? — Спросила я его. — И я думаю, магистры нас поймут. — Тим с облегчением выдохнул.

Но прежде чем идти к портальной комнате, я потащила мужа к доктору Дирбу, лучше проверить горло и подлечиться сразу, чтоб, как в прошлый раз, не мучиться от лихорадки несколько дней.

60. Седьмой день лета

Я всю ночь не спала. Почти не спала, иногда на коротенькое мгновение забывалась, но, все же, эта ночь мне казалась бесконечно долгой. И Тим не спал, хоть и делал вид, что сон его крепок и спокоен. Я тоже ради него старалась лежать спокойно, чтоб он не переживал и не думал, что я нервничаю. Или слишком напряжена. Но невозможно легко относиться к тому, что уже сегодня в семь часов утра у нас начиналась практика, вернее, ее активная фаза на Горе Пик Магии.

Мы с Тимом проделали огромную подготовительную работу. И в последние шесть дней, сдавая зачёты и экзамены, даже казалось, что те полчаса, которые мы проводили в аудитории, готовясь к ответу по билету, мы просто отдыхаем от настоящей изнурительной работы. А было ее много...

Когда, в день кончины Тары Найт, мы с Тимом перенеслись в их родовой замок, все уже собрались идти на кладбище. Мы вдвоем влились в общую колонну провожающих. На кладбище я и Тим, как и все пришедшие, выразили соболезнование родителям Тима, его братьям, всем троим, и двум невесткам. А так как такого понятия, как поминки, в этом мире не было, мы сразу направились в замок, чтоб воспользоваться порталом и вернуться в Академию. Но портал долго нас не пропускал. Наверно, мы прождали не меньше двух часов, пока портал в Академии согласился нас принять.

— На лошадях мы бы добрались быстрее, — заметил Лион, который присоединился к нам полчаса назад.

— Я побоялся, что Сафиру укачает, — ответил Тим. Я с облегчением, но незаметно, выдохнула. Посадить меня на лошадь было бы очень сложно.

— Что же там могло случиться? — Который уже раз стал возмущаться Лион.

Я пожала плечами. А Тим начал делать предположения:

— Могли прибыть важные гости к ректору, и портал закрыли в целях безопасности. Артефакторы могли переустановить портал, тогда работу вынужденно останавливают, чтоб синхронизировать работу всех артефактов. Но, я думаю, стали поступать заказы адептов, и портал забронировали для доставки грузов.

— Каких грузов? — Интересно, что такого могли пересылать в Академию, что пришлось более чем на два часа занять портал. Лион уже сходил в кухню и принес нам на троих закуски и прохладный морс. Сейчас можно было и поговорить спокойно.

— Все, что мы заказывали на практику. — Ответил с полным ртом, еле двигая губами, Лион.

— А, — уточняющих вопросов я задавать не стала, Тим и Лион и так с набитыми ртами напоминали хомяков, отвечая мне, они могли ещё на верблюдов стать похожими. К тому же мне и самой хотелось спокойно поесть, не обрабатывая никакую информацию. Мы с Тимом сегодня не завтракали, а уже было послеобеденное время.

Когда мы вышли из портала, я сразу поняла, что дело и вправду было в прибывающих грузах. Портальная комната была забита ящиками, тубусами, свертками, коробками, торбами, чемоданами разных размеров и даже клетками с животными. Царила в этом хаосе секретарь Мариет. Всегда сдержанная и элегантная леди сейчас больше напоминала разъяренную дикую кошку. Не столько внешним видом, в руках она себя еще пыталась

держат. Но взгляд... Взгляд внушал страх. И не только мне, Лион сразу спрятался за нашими с Тимом спинами. Я тоже попыталась скрыться за мужем.

— Тысячу раз предупреждала, чтоб присылали заказы заранее. Или хотя бы предупреждали загодя, чтоб адепты, заказавшие их, были на месте. — Смотря прямо на нас, прошипела секретарь Академии.

— Леди Мариет, — шагнул к ней Тим, — дня доброго. Мы с братом можем помочь разнести хотя бы часть этих пересылок по комнатам адептов.

Ни я, ни секретарь, ни, тем более, Лион не ожидали такого предложения от Тима. Тим, всё-таки, был аристократ, и сейчас принадлежал к роду Чарх. И если Лион недовольно скривил лицо, то леди Мариет была очень рада, и сразу ухватилась за это предложение:

— Мальчики, вы только порталную комнату освободите, пересылки можете оставить в коридоре. Ближе к стенам и можете все сложить. — С надеждой посмотрела она на Тима.

Братья Найт схватили по первым коробкам и вынесли их в коридор, а там уже Лион позволил себе возмутиться:

— Тимир, я аристократ и маг, а не грузчик. Почему я должен все это таскать?

Тим, качнув головой, выдохнул, посмотрел на меня и, повернувшись к Лиону, ответил:

— Мы поможем леди Мариет, и она это запомнит. Без проволочек заберем свои вещи. А ты сможешь еще и проверить, не заказали ли лишнего твои подопечные. По возможности, спутаем пересылки Вэдра, Рвата и их групп. — Взгляд Лиона уже достаточно прояснился и не выражал изначального скептицизма. — И еще, Лион, мне после похорон нужно встряхнуться. Можно же и не идти в тренировочный зал? — Теперь и я была обеими руками за физическую работу для Найтов. Раз Тиму так будет легче пережить кончину сестры, пусть братья поработают грузчиками.

Они сняли и передали мне свои пиджаки, закатали рукава рубашек, а Тим еще и повязал на голову мой шарф, который я вынужденно носила после встречи с Вэдром. Волосы Тима все время лезли в глаза и мешали ему, а в моем сочно-зеленом шарфе он выглядел забавным. Даже Лион оценил и отвернулся, скрывая улыбку. И еще Лион впервые увидел синяки на моей шеи и, указав на них пальцем, сказал:

— Вот за это Вэдра можно было и покалечить! Почему лорд Чарх запретил это делать? — И даже мне деверь умудрился нагрубить. — А ты не могла Вэдру хоть глаз выбить? Чему тебя Тимир учит?!

Тим с размаху хлопнул брата по спине, что Лион, зашипев, выгнулся:

— Не показывай пальцем на мою жену. И не стоит грубить леди Чарх. — Чопорно проговорил Тим, и с предвкушением улыбнулся. — Лорд Чарх поможет с планом, так что, Вэдр еще пожалеет, что одним глазом не отделался.

И Найты принялись за дело. Огромные коробки — что только в них было упаковано? — они выносили вместе и ставили возле стены в коридоре. Все остальное носили по отдельности, соревнуясь, кто больше кучу соберет в коридоре. Только Лион отдельно складывал все, на чем были имена его подопечных и свои собственные заказы. Тим, как только видел на пересылках свое имя, также отставлял это в сторону. Особо бережно приходилось обращаться с животными и птицами в клетках, Тим даже принес для них угощение из столовой и накидал щедрые порции всем.

Когда порталная комната уже была освобождена, Тим и Лион вместе вытащили последнюю коробку. Наверно, она была самой большой их всех полученных в Академии.

— Лион, надо отнести ее в мою комнату, — сказал тихо Тим.

— Это ты заказывал? — Лион стал обходить коробку кругом, пока не наткнулся на имя заказчика. — Кон Вэдр. Мы все его вещи к тебе утащим? — Шепотом спросил он брата. Но, кажется, не возражал против воровства.

— Нет, конечно, мы же до ночи не управимся. — Также шепотом проговорил Тим. И уже нормальным голосом сказал. — Давай, для начала, разнесем наши вещи по комнатам. И только один этот ящик Вэдра заберем, просто проверим, что в нем.

— Проверим и сразу вернем, — с готовностью согласился Лион. А я отметила для себя, что только что стала свидетелем преступного сговора братьев. Но мешать не стала, я тоже хотела хоть как-то подгадать Вэдру.

Когда Лион и Тим разнесли по своим комнатам пересылки, мы все вместе собрались в нашей комнате вокруг большого ящика. Открыть замок не получалось даже с помощью металлического прута, который приволок Лион. В конце концов, Тим предложил использовать кислоту плототраза. Они капнули эту разъедающую жидкость на замок, и мы все сели, приготовившись к недолгому ожиданию. Тим, чтоб не тратить время начал распаковывать наши коробки и свертки. Два зеленых комбинезона с редкими серыми и коричневыми горизонтальными полосками, по две пары кожаных сапог и перчаток, шапки, очки, маски. Я с интересом рассматривала эти приобретения Тима:

— Потом померим, — сказал он и поднес Лиону тубус, откуда они достали карты и начали сверять их с теми, что уже были у нас. Они искали различия между старой и новой версиями карт Горы Пик Магии, и отмечали что-то на новой карте.

Оба так увлеклись этой работой, что даже не заметили, когда кислота плототраза разъела части замка, и он, развалившись, кусками осыпался на пол. Я сама сняла с ящика крышку и взглянула внутрь. Пришлось еще и самой вынимать из ящика древесные опилки. Наконец, я увидела то, что предназначалось в пользование старосте седьмого курса- Кону Вэдру. И, если честно, была сильно разочарована. Не знаю, что я ожидала увидеть, но точно не скейт. Необычный, будто металлический, но это была доска на четырех колесиках. Правда, на ней были присоединенные две пары обуви, напоминающие сандали. Я даже подергала их, но приклеили обувь крепко. Я долго ждала, пока Найты сами отвлекутся от карт, но братья уже мысленно были на Горе и, кажется, перепрыгивали обрывы и перебирались через горную речку, мешая друг другу. Сделала я такое умозаключение, потому что слишком громко они спорили и одергивали друг друга.

Наконец, я подошла к братьям, усевшимся на пол, и похлопала Тима по плечу, привлекая его внимание.

— Сафира, устала? Давай провожу тебя в столовую, когда мы закончим, — предложил он мне, не отводя взгляда от карты.

— Я ящик открыла. — Сказала мужу достаточно громко, чтоб и Лион слышал. Но ни один из Найтов меня, кажется, не услышал. Лион вообще не поднял головы от бумаг, а Тим только покивал:

— Да-да, собирайся, мы уже заканчиваем.

Я понимаю, что сопоставление карт — очень важное занятие. И если Тим и Лион так возмущаются, сравнивая прошлогоднюю карту и то, что для них подготовили в этом году, значит, изменения для практики на Горе произвели не символические. Но мне захотелось проверить, насколько Тим увлечен скучной работой, да и надоело мне сидеть без дела:

— Мне к целителю надо. — Тихо сказала я, отступив на шаг к двери. И даже вздрогнула, когда Тим отбросив карту, что держал на коленях, вскочил и мгновенно оказался возле меня:

— К целителю? У тебя что-то болит? Горло? Все-таки заразилась от меня? — Все, я снова чувствовала себя абсолютно счастливой. Оказывается, это так приятно, когда меня слышат и за меня переживают.

— Это тебя и Лиона нужно сводить к целителю, у вас большие проблемы со слухом. — И я еще обиженно добавила, чтоб братья почувствовали, как я мучилась. — Целый час до вас докричатся не могу. Даже крышку с ящика сама сняли и опилки вытащита.

Тиму было очень стыдно, Лион же просто извинился. Но центром всеобщего внимания я была ровно до тех пор, пока Найты не увидели в ящике скейт:

— Авиона! — С восхищением произнес Лион.

— Настоящая! Последняя модель! — Не уступил в эмоциональности брату Тим.

Дальше они не менее часа обсуждали, сглатывая слюни, особенности этой модели авионы. Оба сыпали терминами и хвастались друг перед другом знаниями современной магической техники.

Я очень быстро устала от мальчишеских восторгов

— Так эта штука едет? — Скептически осмотрев странный скейт, спросила я.

— Она летает! — В один голос вскричали братья. В восторженном состоянии они оказались очень схожими. И оба решили сразу продемонстрировать мне летные качества местного самолета. Сандали на авионе оказались креплениями для стопы.

Тим и Лион — оба встали на доску, закрепились и взлетели над полом. Но до этого они с жаром спорили, кто из них будет управлять авионкой. Лион доказывал, что уже летал у какого-то знакомого, много об авионах читал, даже ходил в одну артефакторскую лавку на платную экскурсию и видел, как авионы собирают. У Тима же был только один довод в свою пользу — он ниже ростом, и обзора Лиону закрывать не станет. И Лион с глубоким страдальческим выдохом уступил брату, наверно, он впервые в жизни увидел недостаток своего стандартно высокого роста. Но от души полетать по комнате было невозможно. Они только немного оторвались от пола и несколько раз облетели комнату. Когда Тим поднял авионку выше стола, обоим братьев пришлось присесть. Выглядели они потешными, сдерживать смех я даже не пыталась. И Найты завершили пробный полет на чужом летательном аппарате.

— Жаль, здесь не разгонишься, — с сожалением заметил Лион. — Я бы полетал на нем хотя бы в коридоре.

— Нельзя. — Категорично отрезал Тим. — Жаль, из-за авионы у Вэдра будет фора на практике. Он вообще может выполнить минимум заданий, почти всю группу передать организаторам, а с одним подопечным долететь до финиша. Еще и дополнительные баллы заработает, продемонстрировав, как умеет летать. — Аккуратно укладывая авионку в ящик, сказал Тим.

— Давай испортим авионку, чтобы она вообще не взлетела, — предложил Лион.

— Вэдр не болван, он проверит ее до отправки на Гору. — Отверг предложение брата Тим.

— Вэдр болван. — Упрямо проговорил Лион. — Но мы ещё можем заменить некоторые детали, я знаю, какие отвечают за продолжительность полета...авиона позже сломается. — Сыпал идеями Лион.

— Вэдр же может разбиться. — С сомнением заметил Тим.

— Вот и хорошо. И мы к этому не причастны. — Обрадовался Лион. Я, конечно, и сама хотела навредить Вэдру, но не таким образом.

— Нельзя. — Неохотно возразил Тим, покачав головой. — Лорд Чарх запретил калечить Вэдра, он в семье единственный сын.

— Он же сам разобьется, на нас даже не подумают. — Начал уговаривать Лион.

— Лорд Чарх будет недоволен. — Нахмурился Тим. — И Вэдр на авионе обязательно поднимется с одним из подопечных. Двое пострадавших на практике — это слишком много, расследование будет серьезным.

И Найты с сожалением начали закидывать на авиону опилки и накрывать ящик крышкой. Тим начал поторапливать Лиона, ведь день начал переходить в вечер, скоро должны были вернуться адепты из города. И лучше было успеть вернуть пересылку в коридор перед порталльной комнатой, до того как там начнется столпотворение.

— И мне еще в замок надо к лорду Чарху, он не одобрит опозданий, — закончил Тим.

Найты подняли ящик на четвертый этаж и поставили возле порталльной комнаты, прижав к стене.

— Ничего не сломали? — Строго спросила, подкравшись леди Мариет

— Нет, только замочек отвалился, — невинно заметил Лион.

— Пересылка для Вэдра? — Окинула она взглядом ящик.

Тим и Лион синхронно кивнули, кажется, даже я неосознанно повторила за ними кивок.

— Если поставить возле самой лестницы ящики третьекурсников, желательно по три-четыре друг на друга, а этот, со сломанным замком, водрузить на самый верх — конструкция получится неустойчивой. — Спокойно заметила Леди Мариет. Мы втроем посмотри на нее, ожидая пояснения. — Обычно третьекурсники пытаются вытянуть свои ящики с нижних рядов, не снимая тех, что стоят выше. Ленъ им лишнее движение сделать. — По-моему, глупо похлопала ресницами не я одна. Леди Мариет, закатив глаза, разъяснила свои слова особо понятливым адептам. — Если правильно поставить верхний ящик, есть большая вероятность, что потеряв под собой основу, он завалится на бок и упадет с лестницы.

Больше она нам ничего не сказала, а, поблагодарив за помощь в освобождении порталльной комнаты, ушла в свой кабинет. Мы с Найтами в недоумении уставились друг на друга. И, сделав какие-то выводы, Тим и Лион, будто получив личный приказ от Главы Принципата, спешно перетасили ближе к лестнице больше десяти ящиков и поставили их, прижимая к стене, у самого начала ступеней. Сложили по четыре ящика в три ряда, пересылку Вэдра установили на самом верху. Лион даже что-то подложил под этот ящик, чтоб нужный уклон был в сторону лестницы. И, довольно улыбаясь, братья подошли ко мне:

— Это не опасно? — Спросила я Тима. — Если ящик и вправду свалится на лестницу, им никого не придавит?

Тим пожал плечами, Лион вздохнул, как бы смиряясь с вынужденными потерями. Мы отошли чуть дальше по коридору и стали ждать, когда адепты начнут возвращаться в Академию.

Наконец, распахнулась дверь порталльной комнаты, и в коридор вывалилась толпа прибывших третьекурсников.

— Мои явились. Не опоздали. — С этими словами Лион отправился навстречу подопечным и показал им отдельную кучу с их пересылками. Пока группа Лиона разносила свои заказы по комнатам, в коридоре столпились новые прибывшие. И пребывало их все больше. Мои однокурсники суетились, разыскивая свои коробки, адепты седьмого курса пытались навести порядок, шум стоял несусветный. Из порталльной комнаты также выходили адепты других курсов, которые после зачётов уходили в город.

Движение в коридоре было напряженным. А я, Тим и Лион затаили дыхание, наблюдая, как к «нашей» пирамиде из ящиков подошли адепты. Обзор для нас с Тимом был не самый лучший, поэтому Лион комментировал вслух происходящее:

— Один узнал свою коробку, сейчас потащит ее. Вот же! Поддержал верхний ящик. Почему этот третьекурсник такой ответственный? О! Эта адептка из группы Вэдра. — И опережая объяснение Лиона на лестнице раздался грохот. Падая вниз, застучали деревянные ящики. — Лихо она пирамидку разрушила! Хрупкая с виду, а как дернула... — Даже присвистнул Лион.

Но нам и так было понятно, что подсказанный секретарем ректора план, оказался более чем удачным. Ящик с авионой Вэдра кувыркаясь, перескакивая через ступени, летел вниз. За ним вниз устремились ещё пара деревянных упаковок. Странно, что сами ящики не сразу развалились, но, видать, делали их на совесть. Некоторые, особо любопытные, адепты побежали вниз, вслед за кувыркающимися ящиками. Чуть погода откуда-то снизу раздалась крики:

— Здесь авиона...

— ...была.

— Вдребезги!

— Вэдр всех убьет, когда вернется.

Лион даже не мог скрыть ликования: радость от произошедшего и, кажется, самодовольство исходило от него волнами. Я перевела взгляд на Тима. Он был более сдержан, только легкая улыбка и парочка ямочек на щеках свидетельствовали, что настроение у него стало чуть лучше с тех пор, как он получил известие о смерти сестры.

— Сафира, нам уже пора собираться в замок Чарх. — Сказал Тим. Для него было важно получить советы от более опытного и сведущего в законах человека. Куратор Вайол никогда не позволил бы себе помогать одному адепту в ущерб другим. А к отцу с просьбой о помощи Тим никогда не мог обратиться.

С того дня, как и велел лорд Чарх, мы с Тимом ровно в восемь часов вечера уже находились в замке Чарх. Я проводила несколько часов с Мариной в приятных женских хлопотах: купании в бассейне, косметических процедурах, разговорах о предстоящем прибавлении в семье, моих планах на жизнь и о детском приюте, патронаж над которым взяла леди Чарх. Для меня время пролетало незаметно. Тим же из кабинета дяди всегда выходил уставшим и с трудом заставлял себя не спешить к портальной комнате. Но часы в обществе лорда Чарх, как заметил Тим, во многом ему помогли. После первого визита, выходя их портальной комнаты в Академии, муж сказал мне улыбаясь:

— Лорд Чарх обещал достать нам авиону. — На мое естественное удивление Тим начал с охотой делиться подробностями. — Я рассказал твоему дяде, как сегодня разбилась авиона Вэдра, и, по-моему, немного его развеселил. Он сказал, что постарается заказать и для нас такой артефакт. Если мастера успеют, возьмем ее на практику, если же времени на работу им не хватит... Пусть дома стоит. На ней же можно просто над садом летать или в гости отправляться. Марк и Роберт от зависти лопнут, — с воодушевлением размахивал Тим руками. Я даже представила, как он уже летает над замком Найт, а братья и племянники бегают внизу и просят Тима позволить полетать и им.

За шесть дней, пока мы с мужем были частыми гостями у моего дяди, наши семьи сблизилась и даже подружились, не смотря на то, что Марина всегда на прощание говорила Тиму, что он меня не достоин и должен носить меня на руках. А в наш последний, шестой

визит, Тим покинул кабинет дяди чуть ли не в восторженном состоянии и тихо сказал мне:

— Лорд Чарх гений.

Дядя, который обычно не выходил нас провожать до портала, в этот раз нарушил свою привычку. Пока Тим выслушивал от Марины, как он должен обо мне заботиться на практике, на какие жертвы пойти, чтобы облегчить мое пребывание на Горе, дядя сказал мне:

— Я вначале просто смирился с твоим выбором, Сафира. Думал, главное выдать тебя замуж, а зятя потом воспитаю по своему усмотрению. Но вынужден признать, что более сообразительного парня, после моего сына, я раньше не встречал. Он даже чем-то напоминает мне Мирта. С Тимира выйдет толк. Постарайся на практике не загружать его своими женскими проблемами, не капризничай. Просьбы мужа выполняй, как приказы Главы Принципата. У вас есть все шансы с честью сдать практику.

Прощаясь, лорд и леди Чарх пожелали нам удачи и обещали, что через двадцать дней практики придут в Академию на Выпускной бал.

А удача нам сейчас была необходима. В последние несколько дней я стала просыпаться с непереносимой тошнотой. До обеда меня раздражали любые запахи, одни только мысли о еде надолго привязывали меня к уборной. Доктор Дирб уже стал прятаться от моего мужа. Своими бесконечными вопросами, сомнениями в знаниях целителя и просьбами немедленно меня вылечить, Тим уже исчерпал терпение доктора.

Тим даже предложил мне отказаться от практики. И, если бы я не была единственным адептом в его группе, могла бы по уважительной причине отказаться от путешествия по Горе. И мне бы проставили зачет только за продолжительную подготовку к практике.

У нас еще продолжались занятия по Агрессивному целительству, Тим и Лион упражнялись друг на друге научились делать внутримышечные впрыскивания, вправлять вывихи, фиксировать переломы шинами, останавливать сильные кровотечения.

В последнюю ночь перед практикой мы с Тимом закончили собирать в рюкзаки самые необходимые вещи. Большая, но далеко не самая объемная часть которых составляли артефакты.

Однажды поздней ночью я потащила Тима с дахкильгом в женскую уборную на втором этаже. И оставив мужа за дверью, вытащила с помощью Сафа все артефакты из тайника. Тим был сильно удивлен, когда я попросила его самого забрать из уборной две полные сумки, куда я сложила все добытые им артефакты. В нашей же комнате его удивление стало граничить с шоком. Он искренне был поражен, откуда у нас скопилось столько магических штучек. Я стала вспоминать и рассказывать Тиму, когда и при каких обстоятельствах он передавал мне на хранения артефакты. В первый раз это было в то время, когда он из-за нападения плототраза сидел с завязанными глазами. И, когда возвращался с публичного дома, сразу отдал почти все принесенное собой, чтоб это не отняли однокурсники. Были несколько коробок, которые Тим вытащил из тайника в своей прежней комнате. Артефакты, которые отдали ему в качестве компенсации третьекурсники. Еще были целительские артефакты, выигранные им на Открытых тренировках....

— А эти откуда? — Взял Тим сверток в руки и раскрыл его. Там лежали косметические артефакты, для быстрого увлажнения кожи, отбеливания, шпильки, фиксирующие на продолжительное время прически, стельки, в которых никакая обувь не натирает ноги. Муж очень долго пытался припомнить, откуда мог все это принести. — Я бы такие артефакты приобретать на практику не стал. — Вынес он свое решение.

И я неохотно призналась, что мне их подарил Матиас Мартазан, в вечер, когда предлагал фиктивную помолвку.

Желание сейчас же выбросить мои сокровища было написано у Тима на лице. Но от молча передал мне сверток, который я схоронила в шкафу.

— А это откуда взялось? — В который раз удивился Тим. — Артефакты невидимости? Маскирующие запахи? А это что? — Тим долго читал бирку на фигурке. — Иллюзия на час? — Муж подозрительно посмотрел на меня. — Доктор Мартазан и это тебе дарил? Зачем? Это контрабандные артефакты.

Это была минута моего триумфа! Когда Тим узнал, что сам выкрал эти артефакты с какого-то склада, а я только освободила его карманы и спрятала все в тайнике, он долгое время и не мог ничего сказать.

— Я же думал, архаровцы все тихо забрали, чтоб меня не арестовывать. — Выговорил он. — А с кем из друзей обсудить это не знал, чтоб никого случайно не подставить. Потом махнул рукой. А это ты... Ты же меня от суда спасла! А почему не рассказала мне, что карманы мои вытряхнула? — Приблизившись, посмотрел Тим мне в лицо, и при этом улыбался, что я не знала тонуть мне в его шоколадных глазах или любоваться многообещающими ямочками...

— Тим, тогда же столько всего произошло... Я про артефакты совсем забыла. — Извиняющимся тоном сказала я. И я позволила себе слегка упрекнуть мужа. — А ты, вместе с допроса своего архаровского, мог бы меня просто поблагодарить...

Ну, что сказать? Благодарить Тим умел, тем более, что сам получал от благодарственных процедур удовольствие.

И вот раннее утро, за окном совсем темно. Мы с мужем весь прошедший день работали, как и всю пролетевшую неделю: сдача зачетов и экзаменов, сбор вещей, визиты в замок Чарх, тренировки. А сейчас лежим, уставшие, потому что не смогли заснуть и выспаться.

— Может, лучше встать? — Тихо спросил Тим. — Все равно не уснем.

А у меня как раз начали слипаться глаза.

— Сафира, встаём. На Горе поспим, а сейчас лучше соберемся. — Пришлось, потягиваясь и зевая, подчиниться руководителю практики.

Одеваться нужно было в обычную форму, чтоб в специальную одежду переодеться уже после выхода из портала. Я надела свое старое форменное платье, которое сейчас мне было ощутимо туго в груди. Но Тим сказал не менять его на брючный костюм, так как это платье не жалко будет сжечь. Только сам накинул мне на шею мой многострадальный шарф, и небрежно свесил мне на грудь его концы. Сам Тим также надел самую заношенную свою форму. Мы с Тимом были готовы уже к пяти часам утра. Даже сходили и забрали у уже бодрого Лиона Сафу и передали ее на воспитание Ясаман.

Многие адепты специально на практику привезли своих питомцев из дома, но Тим отказался вести с нами Сафу. Он сказал, что за двумя девочками может и не уследить. И если за меня ему придется держать ответ перед лордом и леди Чарх, то за Сафу ему жестоко отомстит Лион.

Ясаман уже накрыла столы, еды для раннего завтрака адептов было слишком много.

— Не все надо есть прямо сейчас, — сказала Ясаман, поглаживая Сафу на своих руках. — Там, на столике лежат пакеты и бумажные миски, чтоб адепты взяли еду с собой на Гору. Когда вы там ещё приготовить себе что-то успеете!

Я сразу поспешила собрать себе самого вкусного и хотела набрать побольше, но Тим

меня удержал:

— У нас слишком объемная поклажа, Сафира. Может, ты сейчас просто поешь, а там еду будем добывать на месте?

Ну, как спорить с Тимом, когда он так говорит? Он же даже ничего мне не запрещает брать, просто объясняет, почему не стоит это делать. И есть не мешает.

Я и поела, тошнота сейчас не была непереносимой и не отбивала аппетит. А я еще боялась, что в следующие двадцать дней буду вынужденно голодать, поэтому и пихала в себя кашу с ягодами, печенье и сырники. И запила все любимым апельсиновым соком. А Тим только выпил свое привычное утреннее кофе.

Раздался сигнал, оповещающий всех адептов седьмого и третьего курсов, что пора собираться на площадке четвертого этажа, недалеко от портальной комнаты. Мы с Тимом направились в свою комнату за вещами. Но на выходе из столовой нас перехватила Ясаман и вложила Тиму в руки сумку, довольно тяжёлую на вид, и сказала:

— Сафире нужно хорошо питаться. Я собрала вам только орешки, сухофрукты, сухари, твердые сыры и колбаски. — А потом, обнимаясь с нами на прощание, прослезилась и просила Тима беречь меня. — Тимир, я и тебе кое-что положила. — Нежно, по-матерински сказала она Тиму.

Добраться до комнаты уже было непросто, везде сновали беспокойные адепты. Ещё нас перехватила девчонка со второго курса и передала требование секретаря Мариет срочно зайти за утренней пересылкой. Пришлось идти на четвертый этаж, потом нести большой ящик в нашу комнату. Тратить время на распаковку. Я хотела оставить ящик под столом не распакованным. Но прислал его лорд Чарх, и Тиму не терпелось посмотреть, что мог прислать нам перед самой практикой мой дядя.

— Авиона! — С трепетом произнес Тим. И вытащил из ящика доску на колесиках. — Одноместная. — Посмотрела внимательнее, на то, что Тим держал в руках. И вправду, крепления были только для одной пары ног. — Но груз поднимает, как двухместная. Буду тебя, Сафира, на руках возить! — Торжественно пообещал мне муж. И приступил к сборам. Он помог мне надеть мой рюкзак и вручил мне также сумку с нашими комбинезонами.

— Когда мы переоденемся, тебе идти станет легче, — успокоил он меня. И начал собираться сам.

Рюкзак его был почти вдвое больше моего и набит самыми тяжёлыми артефактами, ему предстояло также нести в рюкзаке и шкатулку с системами для бодрости. К этому рюкзаку сверху присоединялись свёрнутые спальные мешки и палатка, снизу, покачиваясь, висели прикрепленные фляжки для воды и котелок для варки еды в походных условиях, тубус с картой и несколько немаленький мешочков.

А в руках Тим планировал нести только небольшой кофр с инструментами. Но сейчас к нему добавились авиона и сумка с едой, подготовленная для меня Ясаман.

Когда мы, наконец, поднялись на четвертый этаж и присоединились к тесно стоящим на небольшой площадке адептам, я смогла хорошо всех рассмотреть. Никто не был так нагружен, как мы с Тимом. Ни у кого не были рюкзаки набиты под завязку. И ноша за спиной никого не тянула назад. А у Тима даже обе руки были заняты. Ректор должен был уже подойти, а пока перед строем ходил Кон Вэдр и пытался выяснить, как именно шесть дней назад с лестницы упал ящик с его авионной.

Оказывается, Вэдр успел вернуться. На лице даже не был замечен шрам, хоть и от его прежней беззаботности и холености не осталось и следа. Увидев нас с Тимом, он

демонстративно провел рукой по своей левой, полностью вылеченной, щеке. Тим многообещающе ухмыльнулся, скорее всего, он вспомнил план, разработанный им с моим дядей. Кстати, мне подробностей он рассказывать не стал, только повторил, что у нас гениальный глава рода.

Адепт Вэдр, почему-то, зло сжал губы. Может, ему не понравилась улыбка Тима и то, что в руке мой муж держал авиону. А, может, ему показалось несправедливым, что тот, кого он зовёт выродком, всё-таки, попадет на Пик Магии, даже с одним единственным подопечным:

— Тимир Чарх, все еще счастливо замужем! — Провозгласил староста, и все, стоявшие впритык друг к другу и отчаянно шумящие адепты затихли и посмотрели на нас с мужем. — Нравится роль выючного животного, или тебя и до других радостей допускают?

Если бы не приказ моего дяди, это было видно по выражению лица Тима, он бы на месте забил Вэдра до смерти. И никто бы не смог ему помешать. Может, нападения Вэдр и добивался?

Чтоб отвлечь Тима от мыслей о жестокой расправе, я, повторяя недавний жест самого Вэдра, прогладила мужа по левой щеке, поворачивая его лицом к себе, и с удовольствием прижалась губами к его губам. Тим, как всегда, перехватил инициативу и углубил поцелуй, затягивая его. Он, выронив кофр с сумкой, обхватил меня одной рукой за талию и, слегка приблизившись ко мне, прижал меня к себе.

Тим, который всегда тяжело переносил именно такие колкости, наконец, полностью отдался поцелую, и только громкое хлопанье массы людей заставило нас с мужем оторваться друг от друга.

Толпа затихла. Лион, уже стоявший возле нас, вручил Тиму, поднятые им с пола сумку с припасами и кофр.

— Фу, — тихо ворчал Лион, — хоть на людях, Тимир, соблюдай приличия. Марк и Роберт себя так не вели.

Хотела ответить воспитанному деверю за себя и мужа, но окружающие стали шикать друг на друга. И в наступившей тишине к адептам вышел ректор Мартазан и магистры Вайол и Рош.

Ректор пожелал нам не уронить чести рода на практике, проявить терпение и упорство, показать, на что мы способны, оказать уважение магистрам, продемонстрировав наши знания. Далее он порадовал нас, что наблюдать за практикой будет присланная Главой Принципата комиссия, обеспечивать безопасность и своевременную помощь — направлены с Министерства Безопасности и Министерства Здоровья и, конечно, магистры Академии. Предупредил, что в портал одновременно входят не больше двадцати адептов с поклажей, а те, у кого есть питомцы, в портал идут последними.

Дальше к ректору вызывали семикурсников и вручали каждому по шкатулке с системами для впрыскивания, которые всем обещал целитель, и по почтовому артефакту, такой же, как тот, что я видела у доктора Надира. Он по ним отсылал и получал письма.

И пополнился груз Тимира, который ему придется нести на себе.

После традиционной процедуры напутствия ректор не ушел в свой кабинет. Он прошёл в порталную комнату, чтоб контролировать отправку адептов. И магистры стали пропускать по двадцать адептов в эту комнату. В первую группу вошли и мы с Тимом.

Выйдя из портала, мы оказались в большой палатке. Встречали нас несколько проректоров и доктор Надир. Но помимо них у тентовых стен палатки сидели с десятков

незнакомых нам мужчин. Они тихо переговаривались, демонстративно не обращая на нас внимания. Нам сказали дожидаться прибытия всех адептов снаружи, и мы потянулись к выходу.

— Адептка Чарх. — Окликнул меня один из проректоров. — На вершине Горы сейчас холодно, и дождь начинается, в вашем положении лучше не мёрзнуть. Можете остаться здесь, в тепле.

Я, соблюдая правила вежливости, поблагодарила магистра за заботу, но оставаться отказалась. И дело было не только в том, что мне хотелось быть рядом с Тимом. А любопытные взгляды множества посторонних мужчин, бросаемые на меня исподлобья, сильно меня раздражали. На меня ещё начала накатывать утренняя тошнота, и была она, как всегда, непереносимой. А я ещё позавтракать успела плотно. Тогда в столовой меня волновала только предстоящая долгосрочная голодовка, а сейчас я боялась, что не удержу в желудке обильный завтрак.

На свежем воздухе, и вправду было очень холодно, мелкий морозящий дождь бил наискосок, и, казалось, иголочками впивался в кожу. И холодный пронизывающий ветер, хоть не был слишком сильным, но остудил меня мгновенно. Я сразу прижалась к боку Тима, а он отстегнул от рюкзака один из мешочков и, достав оттуда, развернул и накинул на меня утеплённый дождевик. Сразу же стало намного теплее. Пока адепты перекинулись несколько фразами о неприятной погоде, из палатки вышла ещё одна группа прибывших адептов.

Адептки стали возмущаться, что в обычной форме холодно, а переодеться в комбинезоны пока нельзя. Я единственная была укрыта дождевиком, и мне от этого было не только сухо и теплее, чем остальным, мне было приятно, что Тим даже в этом вопросе побеспокоился обо мне. Я в благодарность обняла его, подумала, что так и ему будет тепло.

— Замерзла? — Растирая мне спину, спросил Тим.

— В дождевике не холодно. — Честно сказала мужу. — Просто хотела и тебя согреть.

Тим тихо сказал, что к такой непогоде он подготовлен, и, в принципе, холод переносит легче, чем жару. Но адептки кругом продолжали возмущаться, одна моя сокурсница из группы Лиона даже начала хныкать. Тогда Тим снова положил на пол сумку и авиону и растер руки. Я подумала, что у него есть ещё один дождевик.

Но Тим создал над руками золотистый пульсар и запустил его вверх, чуть выше двух с половиной метров. И там пульсар распался, разлетаясь в разные стороны лучами, которые в свою очередь стали раскрываться веерами и соединяться между собой. Слившись, они образовали над нашими головами гигантский зонт, под которым поместились двадцать адептов. Даже прибывшая третья группа адептов нашла под ним приют.

Палатка выпускала под морозящий дождь новые группы прибывающих. И все они укрывались под магическим щитом Тима.

— Тимир, ты не обязан это делать. Выдохнешься, как будешь проходить практику? — Один лишь сокурсник, а это был Чмир Рват, подошёл к Тиму, выражая беспокойство о бывшем друге. И только он вообще поблагодарил моего мужа, когда Тим убрал щит через час, после того, как прибыла последняя группа, адепты в которой были с питомцами.

У большинства были охотничьи птицы и собаки. Даже Кон Вэдр держал на поводке огромных черных собак, устрашающего вида.

Нас снова стал хлестать острый дождь и задувать ветер. Я, как и все стоявшие рядом, запрокинула голову — Тиминого магического зонта не было.

Но и надобность в нем уже отпала. Из палатки вышли важные мужчины вместе с ректором Мартазаном, наверно, перенёсся сюда с последней группой адептов, и произвели быстро жеребьевку. Семикурсники вытаски из общей чаши свёрнутые листки с указанием, в каком направлении должна начинать путь его группа.

И все адепты разошлись, как лепестки цветка, по семи направлениям. Тим, держа мою ладонь, тянул меня в северную сторону, а меня в ушах ещё звучало окончание речи ректора:

— Любой третьекурсник на любом этапе может закончить практику. Главное, подать сигнал тревоги, чтоб его забрали с того места, где он стоит. Практика выпускника засчитывается только если он сохранил всех своих подопечных. И довел их до подножия Горы или раньше передал в руки спасателям. Чем больше вы выполните заданий и перешлёте их по Магпочтовому комиссии, чем выше ваш балл за практику. Вплоть до выставления высшего балла за дипломный экзамен. Адепты, помните, все во благо Принципата!

И вот все спешили к победе. А мне вдруг стало интересно, если Тим ведёт меня за руку, то как справляются другие руководители, ведь тридцать третьекурсников они за руку не поведут.

— Они проводили тренировки, каким строем идти, все адепты знают свое место в общем ряду, чтоб не мешать друг другу и не потеряться. — Ответил Тим. Оказывается, я задала вопрос вслух.

Хотелось ещё много о чём спросить, но пришлось отдернуть свою ладонь и склониться к ближайшим кустам. Держать завтрак в себе уже не было сил.

Тим подошёл совсем близко и снял с меня рюкзак. Я махнула ему рукой, чтоб он отошёл дальше, если мне самой было противно, то и ему видеть и слышать как выворачивает меня, должно быть неприятно. Но он остался рядом, поддерживая меня за плечи, а потом и фляжку с водой подал.

— Надо было отойти, — сказала я мужу. — Мне неприятно, когда ты смотришь на это...

— Как я смогу попросить помощи у тебя, если ты стесняешься принять помощь от меня? — Я задумалась над этими словами. Действительно, глупо же мужу и жене стесняться своей слабости друг перед другом.

И Тим попросил меня снять, закрепленную на рюкзаке собранную палатку. И объясняя мне, как ее нужно раскладывать и какие прощелки использовать маг потоки, установил ее под ближайшим невысоким деревом.

— Кольшки нужно забивать вручную, иначе все ночь придется сидеть и держать щит от ветра. — Тим забил по два деревянных кола с каждой стороны палатки. Причем вбивал как-то наискосок. Потом Тим вынул из своего рюкзака десяток артефактов, и, показав мне, как их правильно активировать, положил под палатку.

Когда мы с нашим скарбом оказались в сухом убежище, Тим развернул и спальные мешки.

— Ложе подано, можно и отдохнуть, — С приглашающим жестом сказал Тим. И снял с себя промокший пиджак и откинул его в сторону. Впервые видела, что он так небрежно относился к одежде.

И еще меня немного шокировало начало нашей практики:

— Мы же должны спешить вниз. — Я еще рукой указала Тиму, куда именно мы должны спешить.

— Мы не бег на скорость сдаём, времени на отдых и сон достаточно. Тем более мы и не спали ночью, — попытался мне объяснить Тим.

— А если нас найдут. — Почему-то вспомнились черные псины Вэрда. — И застанут врасплох спящими.

— Не найдут, я же активировал артефакты невидимости и маскировки запаха. Зачем я, как сумасшедший, за артефактами гонялся? Чтоб обеспечить нам здоровый отдых, без постоянного дежурства. Так что, до завтрашнего утра у нас по плану сон и нега. — Тим с улыбкой кивнул мне на расстеленные спальные места. И серьезным тоном добавил. — Только из палатки не выходи одна. Звать меня придется, а я планирую спать крепко.

Все было понятно, Тим, как всегда, все предусмотрел. Но в спальный мешок мне не хотелось. Тим предложил лечь прямо на них, так мы и поступили, только пришлось ему ещё один артефакт активировать, чтоб я не мёрзла.

И в первое утро практики, когда впереди был целый день спуска по Горе с прохождением заданий, мы с мужем в обнимку заснули в палатке. В тепле и уюте, вместо того, чтобы мокнуть под морозящим дождем и скользить по намокшей траве.

А я постаралась запомнить одну мысль, внезапно пришедшую мне на ум: можно ли приспособить авиону под грузоперевозки. Зачем нести все на себе, в том числе и авиону, если есть хоть малейшая возможность везти все на ней? Главное, не забыть поделиться этой мыслью с Тимом...

61. В туман и в дождь

Тим проснувшись, так же, как и я, хотел, в первую очередь, выйти на воздух. Он привязал один конец моего шарфика к каркасу палатки, а второй держал в руке, когда мы покинули наше убежище от непогоды. Странно было смотреть, как мы выходим из палатки и, уже обернувшись на нее, видим только мой шарфик, висящий в воздухе.

Мы с Тимом по очереди ходили по округе. Тим приноравливался работать на местности с магическим компасом.

Когда мы вернулись в палатку, Тим усадил меня на спальный мешок и сам стал накрывать нам поздний обед, состоящий из того, что собрала нам Ясаман. Я захрустела сухариком и взяла еще небольшой кусок сыра, а Тим от удовольствия причмокнул, когда надкусил копченую колбаску.

— Ясаман замечательный друг, — с уважением к еде и ее дарителю произнес Тим.

— И чтоб мы делали, если она не побеспокоилась о нас? — Спросила я, что-то страх скорого голода снова стал расправлять крылья.

— Я бы нашел пропитание. — Заверил меня Тим. Я кивнула, и не стала углубляться в тему. — Здесь много всего съедобного: от ранних ягод до мелких животных. — Уточнил Тим.

Я сейчас ела вкуснейший сыр с большими дырочками, и что-то ещё, растущее или бегающее по округе, меня не привлекало. В данный момент. Но Тим мое молчание понял превратно.

— Сафира? — Когда он произносил мое имя с лёгкой вопросительной интонацией, мне всегда хотелось замереть и любоваться шоколадными глазами мужа. А он даже отложил вторую колбаску, которую уже успел взять из бумажного свертка. — Ты сомневаешься, что я смог бы позаботиться о тебе?

Я не сомневалась. Тиму я доверяла полностью, хоть и не уставала удивляться его предусмотрительности. Вряд ли вообще можно довериться кому-нибудь больше, чем я верю мужу. Это я ему и сказала.

Я бы даже про другой мир ему все рассказала, если бы не запрет Сафы. Но Тим решил мне доказать, что найти еду на Пике Магии просто и потащил меня наружу, хоть я и говорила, что он ещё успеет за двадцать-то дней тысячу раз мне все показать. Мне пришлось идти за мужем, хоть за стенами палатки было сыро, и туман я никогда не любила. Тим не забыл снова взять за кончик мой все ещё привязанный шарф и вложить мне его в руку.

Я сделала шаг вслед за пропавшем в густом тумане Тимом и остановилась. Палатки за спиной уже не было видно, и шарфик висел, как бы тоже теряясь в тумане.

Кругом ничего не было видно, только раздавались обычные для живой природы звуки. Я уже трижды обругала себя за то, что не была более убедительной, и Тим все же засомневался в моей вере в него. И сейчас я вынуждена стоять здесь в одиночестве.

Тим неожиданно вынырнул из тумана и протянул мне руку с зажатыми в ней желтыми листьями.

— Кленовые листья, — сказал он.

Я покивала, тем более не узнать листья клёна было невозможно:

— Они съедобные? — Если надо будет, я готова была их поесть ради Тима. Но только

после того, как в сумке Ясаман ничего не останется.

А Тим удивлённо приподнял брови, а потом задумчиво нахмурился. И неожиданно рассмеялся:

— Сафира, я их не на обед принес. Это листья клёна, а дерева рядом нет. — Видя, что я не поняла глубокий смысл его слов, Тим попытался мне объяснить:

— Листья лежат там, где нет дерева, с которого они могли упасть. И они жёлтые, а сейчас начало лета. — Тим вложил букет из осенних листьев мне в руки. — Мне кажется, это первое задание. Магистр Вайол говорил, что надо искать все необычное или странное.

— Или опасное. — Нам на лекциях тоже об этом говорили

— Нет, опасное само нас найдет. — И с такими обнадеживающими словами Тим снова скрылся в тумане, чтоб вернуться, когда у меня уже заболели глаза, с таким напряжением я вглядывалась в туман и высматривала мужа. Он принес в одной руке ещё кленовых листьев и пригласил меня войти в палатку. Как только я села на свой спальный мешок, Тим забрал у меня листья и бросил их ближе к стене, куда ранее кинул и те, что занёс сам. А потом с очень загадочным видом взял мою руку и переложил в нее темно-фиолетовые продолговатые ягоды.

— Жимолость. Съедобная. — И одну ягодку взял с моей руки и закинул себе в рот. Я наблюдала, как улыбка на лице Тима сменилась гримасой.

— Невкусная ягодка? — С сочувствием спросила его.

— Вкусная и полезная. Только я кислое не люблю. — Быстро проговорил Тим. И с беспокойством спросил. — Сафира, а ты любишь кислые ягоды? — Я мужа обнадежила, сказав, что сейчас все кислое люблю. Он улыбнувшись, пообещал, что чуть позже добудет что-нибудь более сытное. И отошел разбираться с заданием на листьях клёна, а я, наблюдая за ним, приступила к жимолости. Мне ягоды кислыми не показались, мясистые и сладкие. Ароматные. Очень вкусные. Может даже и кисленькие, только самую малость.

Пока я наслаждалась ранними ягодами, Тим что-то высматривал на желтых листьях и складывал их по принципу, понятному только ему одному.

— Сафира, здесь карта сложилась, — сказал мне со своего места Тим. — Я быстро схожу и заберу то, что на ней указано.

Я была против того, чтобы Тим уходил. Он же говорил, что до завтрашнего утра мы можем отдыхать. Сейчас был туман, после дождя ещё было сыро, и мне самой в данный момент никуда не хотелось.

— Сафира, оставайся в палатке. Мне недалеко идти, к той площадке, на вершине. Мне надо только забрать то, что лежит под плоским камнем.

— Хорошо ещё ничего копать не надо. — Пробурчала я. Уже было понятно, Тим легко не отступится, впрочем, ему и нужен на практике результат.

— Посиди здесь, — стал уговаривать меня Тим. — Я один обернусь быстрее.

Вспомнила, что дядя велел мне не капризничать, и отпустила Тима, пожелав ему удачи. Он надел свой мятый и влажный пиджак, положил в карман магический компас, попросил вслушиваться, если он из-за невидимости палатки пройдет мимо и позовет меня. И ушел в туман.

Я тоже решила быть полезной и достала из сумки наши комбинезоны и разложила их на своем спальном мешке. В этой же сумке лежали по две водолазки, смены белья, две пары носок и лёгкие спортивные штаны на меня и Тима. Я достала ему по одной вещи на смену, скорее всего он захочет переодеться, когда вернется, а все остальное снова сложила в сумку.

Потом разобрала сумку с едой, нашла в ней кофейную пасту. Оказывается, это ее Ясаман положила специально для Тима. Он же говорил, что в походных условиях заваривать кофе не получится и жалел об этом. Нашла в рюкзаке Тима артефакт быстрого огня и с его помощью вскипятила воду в котелке. Я встряхнула спальный мешок Тима и аккуратно положила его на пол, потом сложила в углу наши рюкзаки и сумки, собрала все кленовые листья в кучу.

И я уже не знала, чем себя занять, потому что Тима не было слишком долго, или это мне так казалось. Я не хотела поддаваться панике и боялась выйти из палатки, чтоб не потеряться. Стала выглядывать наружу и, замерев, прислушиваться к звукам. Мне казалось, что отчаянный стук моего сердца, раздаваясь в ушах, мешает расслышать, как Тим зовёт меня по имени. Сейчас не было и пяти часов вечера, но из-за тумана казалось, что час более поздний. И я решила обратиться за советом к дяде. Я быстро нашла в одной из сумок блокнот с ручкой, чтоб написать дяде записку, и Магпочтовик, обращаться с ним меня научил Тим. В уме формулируя вопрос для дяди, я открыла крышку почтовика, а оттуда вывалился целый ворох листков. Я стала просматривать послания, пришедшие нам с Тимом. Одно было от Лиона, он сообщал, что с группой разбил лагерь. И спрашивал, как дела у Тимира.

Три коротких послания были от дяди, он тоже интересовался нашими делами, и писал, чтобы Тимир не стеснялся обращаться к нему за помощью. С заданиями на логику и знание законов Принципата он сможет помочь и на расстоянии. Почти двадцать пространных писем было от Марины лично мне, где она просила меня заботиться о себе, хорошо питаться, много отдыхать и не жалеть мужа, так как он должен заботиться обо мне.

— Как Марина представляет, чтобы я следовала всем ее советам на практике? — Спросила я вслух пустоту.

И около десяти коротких посланий Марина написала специально Тиму, где она, как обычно, требовала уделять мне много времени, заботиться, ходить, часто и вкусно кормить...

— Истинная теща для Тима, — вслух прокомментировала я и эти послания.

Когда я открыла уже опустошенный мной почтовик, чтоб вложить свою записку для дяди, там лежало ещё одно письмо. Полноценное письмо, а не клочок бумаги и не просто сложенный лист. Оно было уложено в конверт и запечатано. И подписано адресату — "Лично Тимиру Найт".

Я подержала этот подозрительный конверт над паром, поднимающимся над котелком, и смогла, не порвав, распечатать конверт. Неприятно кольнуло в сердце, когда я прочла подпись, Тиму писала леди Найт.

Я сперва прошлась по этому, довольно длинному, письму только глазами, не вчитываясь внимательно в его смысл. Но даже от поверхностного знакомства с содержанием письма, написанным леди Найт, мне стало нехорошо. Разве может мать писать такое сыну? А если это не первое письмо от нее Тиму? Если до сих пор он всего лишь следовал ее советам?

Я подавила почти непреодолимое желание это письмо разорвать и выбросить. Но я же все равно буду думать над его смыслом. И скорее всего снова устрою Тиму истерику.

Собравшись с духом, я стала перечитывать письмо ещё раз, уже внимательно разбирая каждую фразу, перечитывая некоторые из них по несколько раз. Все-таки, я надеялась, что могла понять письмо превратно.

"Тимир.

Я довольна тем, что ты смог правильно воспользоваться шансом, который выпадает людям, подобным тебе, очень редко.

Твоя жена достаточно привлекательна, чтобы ночи с ней не были неприятны. И достаточно глупа, чтоб ты мог использовать ее во благо нашего рода.

Не жалея для нее ласк и трепетных слов — женщины это любят. Обаяние всегда было твоей сильной чертой, не смотря на все физические недостатки.

Используй свое влияние на нее и лорда Чарх, чтоб сделать кое-что для своей семьи. После выборов Главы Принципата лорд Найт может потерять место Министра Внешней Политики, а, вслед за ним потеряют работу и многие наши сородичи в Министерстве. Марк и Роберт в том числе. Лорд Чарх, многие слышали это, отзывается о тебе с одобрением, так замолви слово о своем отце. И пусть Сафира настоятельно посоветует леди Чарх отказаться от своих теперешних поставщиков для приюта, чтоб заключить договор с торговым двором, принадлежащим леди Вэдр. Мы думаем, твой унижительный отказ ей необходимо как-то компенсировать.

После того, как ты покинешь стены Академии, все деньги, подаренные тебе сестрой, окажутся под властью лорда Чарх. Не упрямясь, пока у тебя есть время, передай их кому-нибудь из братьев. Я принесу заверенный нотариусом документ на Выпускной бал, чтоб ты смог подписать его. Сообщи только, на чье имя оформлять доверенность. Или ты хочешь поделить всю сумму между тремя братьями?

И последнее, помоги Лиону набрать больше баллов, пройдя задания, пока ты ещё на Горе. Я слышала от многих умных людей, что пройти практику с твоей малочисленной группой невозможно. Вы нефункциональны. Так сделай хоть что-нибудь для младшего брата.

Помни, я всегда пекусь о благе рода.

Леди Тимирика Найт из рода Найт".

Содержание послания было ещё хуже, чем мне показалось вначале. Я снова запечатала письмо и положила его на дно почтовика, все остальные листочки сложила на него. А то, что я написала дяде, сунула, скомкав, в карман своей формы. Крышку почтовика закрывать не стала, чтоб случайно не отослать всю нашу почту кому-нибудь.

И все это время я думала над содержанием этого отвратительного послания. Вряд ли леди Найт в каждом письме радовалась бы, что Тим правильно воспользовался удачной женитьбой. Это письмо должно быть первым. Но с другой стороны, она, мать, ничего не написала о том, что тоскует по умершей дочери. Значит, писала о своих чувствах раньше? И эти просьбы. Она пишет, чтоб Тим не упрямялся и отдал им деньги Тары — это значит, что Тим уже отказывал матери в этом вопросе? Как все это понимать?

И если леди Найт так рада за Тима, зачем она просит его отстаивать интересы другого рода перед лордом Чарх? Дядя этого не потерпит, он воспользуется правом главы рода на родовой суд. А он значительно строже, чем суд государственный. Я много читала про права главы семьи и главы рода — они безграничны. В их власти подвергнуть провинившихся младших родичей и членов семьи физическим наказаниям и даже запереть в монастыре. Исключение только для адептов Академий и служащих регулярной армии. Тим уже заканчивает Академию, а в Армию он может попасть только по рекомендации самого главы рода. Я не хочу, чтобы моего мужа пытали из-за леди Найт.

И что за мать будет постоянно указывать сыну на его недостатки?

От давящих дум меня отвлек нарастающий шум за стенами палатки, я выглянула

наружу. Сейчас вместо тумана видимость осложняла пелена льющего как из ведра дождя. Снова подумала о пропавшем Тиме, слишком долго его нет. Я надела свой дождевик, достала из рюкзака Тима магический светильник, привязала шарфик к каркасу палатки, как это делал Тим, и вышла наружу, под льющийся дождь. Ничего не было видно, я активировала светильник и подняла его над головой. Казалось, что тьма стала гуще и опаснее, но я отошла от палатки настолько, насколько мне позволяла это сделать длина шарфика и стала ходить из стороны в сторону, размахивая светильником. Хотела громко позвать Тима по имени, но дождь хлестал по лицу, даже руки из-за занятости, сложить рупором не получалось, чтоб приложить их ко рту и позвать Тима. Я вернулась к палатке и, поставив светильник на пол у входа, вошла внутрь. Там скинула мокрый дождевик и стянула сапоги, купленные Тимом специально на практику. Я хотела найти верёвку, чтоб заменить ею шарф. Так бы я смогла отойти от палатки намного дальше. Стала рыться в сумках, нашла ее в той, откуда Тим доставал дождевик. Ещё в ней была пара полотенец. Их я тоже вытащила, сейчас они нам с Тимом понадобятся.

Я быстро привязала верёвку возле шарфика и, натянув сапоги, взялась за дождевик, когда снаружи раздался голос Тима:

— Сафира, это я. Не пугайся.

Я сразу отдернула край палатки, чтоб Тим быстро нашел вход. Он и нашел и встал у самого порога абсолютно мокрый, со светильником в одной руке.

— Сафира, ты зачем оставила под дождем светильник? — Спокойно, как про невыученную тему, спросил Тим. А я от радости, что он вернулся живой, бросилась его обнимать и целовать. Даже допрос о причинах его долгого отсутствия устраивать сразу не стала. Только слезы удержать не получилось, я и так стала слишком чувствительной. А напряжение в последний час было слишком сильным.

— Сафира, только не плачь. Все же хорошо. Я выполнил первое задание, сейчас отошлем его комиссии. Все хорошо. Промокнешь... — Пытался успокоить меня Тим. Сперва он хотел отодвинуться от меня. Но я только сильнее принималась к мужу, так приятно было знать, что он в безопасности, пусть и мокрый, как дельфин.

Когда я выпустила Тима из объятий, он сразу начал раздеваться, сбрасывая мокрые вещи в кучу. Я принесла ему оба полотенца, чтоб он смог вытереться и завернуться в них.

— Тим, почему у тебя брюки порваны?

У него были не просто разодраны штаны на коленках или слегка порваны от касания об острые камни или колючие кусты. С брюк были вырваны огромные куски ткани, и не одном только месте.

— Не важно. Главное, ноги целы — Посмотрел на меня Тим. И стал думать вслух. — Волков на Горе быть не может. Но я убежал и отбивался, кажется, от них. В тумане было не разобрать. Вот запах и клыки... — Тим продолжил снимать с себя одежду и, завернувшись в одно полотенце, а другое накинув на голову, сел на свой спальный мешок. Я, все ещё пребывая в шоке от услышанного, принесла Тиму, пока он вытирал волосы, вскипяченную мною воду, кофейную пасту, сухари, колбаски и сыр. Сложила все в свою миску и хотела вытащить Тиму ещё орешков и сухофруктов, но меня отвлек Тим.

— Сафира, я сам все сделаю, а ты садись.

— Я хочу поухаживать за тобой. — Не оборачиваясь, сказала я.

— Ты и так мне помогла со светильником. Я на этот свет шел. Ты умница.

А мне хотелось плакать: какие ещё волки посмели напасть на моего мужа?

Пока Тим ел и пил горячую воду, я, на правах жены, осмотрела вещи Тима. Они были изодраны и мокрыми до последней нитки. Я достала из его карманов маленький кожаный тубус, стилет, раздавленные ягоды жимолости, несколько артефактов...

— А где компас? — Спросила Тима.

— Потерял. — Нахмурился он. — Завтра с утра я найду его, он выпал недалеко от плоского камня.

Я не стала больше мешать Тиму есть. А положила возле него белье, водолазку, носки и спортивные штаны. И когда он наелся и оделся, узнала все подробности. Тим, как и сказал мне, сразу пошел к плоскому камню, указанному на карте. Под ним он нашел небольшое углубление и достал из него маленький тубус, но что в нем из-за тумана даже не посмотрел. Тим достал компас, чтоб уточнить направление, тогда и напали волки, или что-то на них похожее. Тим выронил компас, но успел поставить магический щит от агрессивных тварей. И, пока щит держался, побежал в сторону, откуда слышался шум текущей воды. Он планировал, таким образом, сбить со следа преследование. И так как не видел отчётливо зверей и не знал, сколько их, вступать в битву опасался, хотя одного огненного пульсара на одного зверя было бы достаточно.

И вот Тим дошел до мелководной речки и пошел по течению, держась по ее середине. Когда отошёл на достаточное расстояние, вышел из воды и, примерно определив, где должна стоять палатка, направился к ней. Но клыкастые твари напали снова, и Тим запустил в них пульсар. Попал в одного зверя и он, загоревшись, скуля, завертелся на месте. Другое животное, как показалось Тиму, рядом была ещё только одна особь, смогло скрыться. Тим выдохнул от облегчения, он же боялся, что зверей не несколько, а целая стая. На какой-то момент туман приник к земле, а потом, не предупреждая о себе молнией или громом, полил сильный дождь. Тогда Тим смог хорошо разглядеть обгоревшего зверя, внешне это был волк.

Тим продолжил идти в выбранном направлении, когда заметил блуждающий огонек чуть в стороне и, сменив направление, пошел уже на него. А это оказался светильник, который вначале был блуждающим, пока я ходила с ним в руке возле палатки, а потом просто светил в наступившей темноте, даже сквозь завесу дождя.

— Как ты догадалась активировать светильник? — Приобняв меня, спросил Тим, а я пожала плечами. Не помнила я, чтобы какие-либо умные мысли в тот момент озаряли мой мозг.

И ещё меня волновал другой вопрос:

— А могли тебя преследовать собаки, Тим?

— Какие собаки? У всех же таксы для охоты.

— Псины Вэдра точно не таксы. У него их две было. — Тим помолчал, а потом встал и пошел искать что-то в сумке.

— Что ты ищешь?

— Магпочтовик. Напишу о произошедшем лорду Чарх, может он сможет поговорить с отцом Вэдра.

Я протянула Тиму блокнот с ручкой и почтовик, с распахнутой крышкой и полный писем. Тим увидев, как много посланий нам пришло, поморщился, как от жимолости.

— Я на них год отвечать буду. — Он прочитал первые послания, они были от Марины. — Леди Чарх меня убьет. — Со смирением сказал он. — Может, не стоило спасаться от собак? — Спросил он у меня.

Я взяла у Тима почтовик и вытащила оттуда все послания. И прямо на виду у Тима

раскидала из по кучкам.

— Это от Лиона. — Протянула я ему один листок. Тим прочел его и отправил брату ответ, что у нас все хорошо, и мы тоже разбили лагерь.

— Эти от лорда Чарх. — Тим прочитал все три письма и написал ответ, рассказав и про нападение собак. Я уговорила Тима сделать приписку о моих подозрения, что собаки принадлежат Кону Вэдр.

И я сама написала ответ на все послания Марины. Сказала, что только и делаю, что отдыхаю, сплю, ем и позволяю о себе заботиться. И попросила ее больше не писать Тиму, а то он в заботах обо мне может провалить практику.

За такую заботу о нем Тим искренне поблагодарил меня и обещал выполнять все указания Марины даже без ее напоминаний.

Потом мы с Тимом вместе открыли маленький тубус и достал оттуда свиток. Тим с предвкушением развернул его и вслух прочёл:

"Два — ноль — ноль — семь — один — один. Поздравляем Вас, адепты Свободной Академии Магии, с выполнением первого задания на практике. Пять баллов за него откроют ваш счёт. Не забудьте переслать отчёт комиссии и указать номер задания."

Тим быстро написал отчёт, как он собрал листья клёна, мы вместе сложили из них карту и он забрал тубус из-под плоского камня. Внёс шесть указанных цифр и отослал отчёт. А сам тубус со свитком Тим отправил моему дяде. На мой вопрос, зачем он это сделал, ведь в правила практики это не входит, он ответил:

— Правилами и не запрещается так поступать. А я хотел немного похвастаться. Мы же выполнили первое задание. — Значит, за пределами Горы лорд Чарх единственный человек, перед которым Тим хочет похвастаться или чье одобрение стремиться заслужить.

И, наконец, осталось только одно письмо, на которое нужно было ответить. Я протянула Тиму конверт от его матери, а сама стала собирать разбросанные послания. Боковым зрением я следила за Тимом и видела, как он хмурился, читая письмо, а потом, скомкав его, сжёт. Долго наблюдал за опавшим пеплом, и нервно сдул его со своего спального мешка. Не убрал магией, как всегда поступал. Я уже убрала все листочки и даже Магпочтовик отставила в сторону, я надеялась, Тим проигнорирует послание матери. Но Тим стал писать ответ, он, скомкав, отбросил несколько листков, на которых начал писать ответное послание. А потом, дописав последний лист, сложил его и начал озираться:

— Сафира, где почтовик? — Решил он обратиться ко мне за помощью.

Я указала кивком головы, где он стоит. Тим неохотно встал и подошёл к Магпочтовику, наклонившись, он открыл крышку и вложил ответное послание для матери. В этот момент снаружи раздался жуткий грохот, и палатка ярко осветилась со всех сторон. Тим, не закрыв крышку почтовика, направился к входу. А я, воспользовавшись удобным моментом, вытащила из почтовика листок, быстро развернула его, чтоб успеть прочитать. Я Тиму верила, но хотелось знать, насколько он предан матери и бывшему роду. Пробежав короткое послание глазам, я вернула его на прежнее место. А Тим закрыл плотно щели в проёме палатки и застегнул магические петли. И остался стоять там у самого входа, ссутулившись, спиной ко мне.

Ему, наверняка было тяжело и читать мамины слова, и писать ей такой ответ.

"Леди Найт.

Проблемы рода Найт меня не касаются.

Помните, я буду всегда печься о благе моего рода.

Тимир Найт, из рода Чарх".

Я подошла к мужу и, обняв его за шею, поцеловала в мочку уха. Тим вздрогнул и, выпрямив спину, откинул голову назад. Я воспользовалась приглашением, и следующий мой поцелуй пришелся Тиму в шею. Он рассмеялся и, обернувшись, обнял меня за талию и плечи, и прижал к себе.

— Моя Сафира — прошептал он. — Почему не все люди, такие как ты? — Мне показалась, я сразу поняла, что Тим хотел сказать. Я же от него ничего не требую. Не пытаюсь использовать или унижить, наоборот, мне плохо, когда он тоскует или переживает. Поэтому стараюсь отвлечь Тима и успокоить. Кроме тех случаев когда ревную. Ну, и с этим своим недостатком я стараюсь бороться. Но для Тима я решила притвориться непонимающей.

— Как я, влюбленные в тебя, Тим? — Ответила я вопросом на вопрос. — Тогда бы все человечество устроило великую битву за Тимира Найт.

Тим разжал объятия, но руку с талии не убрал. А свободной провел по моей щеке и, посмотрев мне в глаза, серьезным тоном сказал:

— Тимир Найт никому раньше не был нужен. Все указывали мне на мое место. И называли позором семьи. А сейчас напоминают о долге перед родом.

Как можно утешить или подбодрить человека, когда у него такие мысли в голове? Где найти правильные и умные слова?

Я просто обняла мужа, прижимаясь к нему и опираясь на него. Пусть он держит меня и знает, что в его поддержке я нуждаюсь сейчас и буду нуждаться всю жизнь.

— Я не умею красиво говорить. — Сказал Тим. Захотелось напомнить ему несколько случаев, когда он говорил очень красиво, но промолчала, чтоб не перебивать его. — Чаще всего именно за излишнюю словоохотливость меня ругали. И, вообще, я всегда считал, что о чувствах говорить глупо, их нужно доказывать поступками. А не разбрасываться пустыми словами. Я же прав? — И Тим замолчал, ожидая моего ответа.

Наверняка, он задал этот вопрос, потому что леди Найт написала ему, что женщины любят "трепетный слова". Ну, слушать комплементы и признания в любви мне очень нравится, только... Тиму этого говорить нельзя, хотя бы потому, что я не хочу даже косвенно соглашаться с его матерью.

— Главное, чтоб чувства были настоящими, а слова — искренними. — Сказала, потому что Тим все еще ждал моего ответа.

Он покивал и предложил лечь спать, чтоб завтра встать с первыми лучами солнца. Мы снова улеглись на спальные мешки, и Тим сразу задышал тихо и ровно. А мне под шум бесконечного дождя не спалось. И я придвинулась к мужу ещё ближе, не привыкла я спать с Тимом, не обнимаясь с ним. Поэтому я положила руку ему на грудь и прогладила крепкое тело до самого пояса. Там моя рука нагло пробралась под его водолазку и совершила путешествие в обратном направлении. Но сейчас я поглаживала нежную кожу и чувствовала затвердевшие мышцы под ней. На долго терпения Тима не хватило, он вытащил мою руку из-под водолазки и, перекатившись, оказался надо мной:

— Ну, леди Сафира, — с преувеличенным неодобрением поцокал языком Тим. — Я очень старался, чтоб ты в эту ночь выспалась и отдохнула. Теперь не жалуйся своей тете, ты меня сама довела. — У меня от сладостного предвкушения сжались все мышцы.

Тим всегда был внимательным и заботливым. И я невольно вздрогнула, когда он вместо того, чтобы, как обычно, аккуратно, хоть и торопливо, расстегнуть пуговицы на моей форме,

одним рывком разорвал мое форменное платье. От горлышка, где находилась первая пуговица, и до самого пояса:

— Прости. Не удержался. Всегда мечтал так сделать, — с извиняющейся улыбкой сказал Тим. Но было заметно, что он уже пожалел о своем поступке. Ведь его жена хрупкая, изнеженная аристократка. Хоть, при желании, она и может сбить с ног старшекурсницу, ударив сумкой по голове.

Поэтому я, подражая самому Тиму, с неодобрением пару раз цокнула. И оттолкнув его руками, заставила, перевернувшись, лечь на спину, чтоб самой оказаться над ним.

— Ну, лорд Тимир, — продолжила я удивлять мужа. — Я буду очень стараться, чтоб в эту ночь ты не выспался и не отдохнул. И ты тоже не смей никому жаловаться.

Не спать с Тимом ночью на полу, в палатке под шум льющего дождя оказалось очень романтично.

62. Пора в дорогу!

Мы, как Тим не грозился разбудить меня с первыми лучами солнца, проснулись поздним утром. И дождя уже не было. Пока мы надевали новые комбинезоны, Тим раскладывал по своим многочисленным карманчикам только в ему понятном порядке артефакты, кастет, стилет, блокнот с ручкой, салфетки. Как только Тим собрался, он поспешил на поиски потерянного вчера магического компаса. Я приготовилась к долгому томительному ожиданию, но Тим вернулся минут через десять и с довольным видом показал мне найденный компас. Тим сразу принялся его чистить, прибегать к бытовой магии он остерегся. Но даже с помощью одной лишь салфетки не только отчистил компас от грязи, он довел его до блеска, как драгоценный камень. Пока Тим увлеченно приводил в порядок компас, я рассказала ему о своей вчерашней идее, связанной с авионой. Что было бы хорошо приспособить ее под перевозки грузов. Тиму идея не то, что бы совсем не понравилась, он даже был возмущен:

— Это же авиона! Артефакт! Как можно перевозить на ней грузы?

На что я логично заметила, что порталы тоже создаются с помощью артефактов, но грузы по ним переправляют. И Тим, наверняка, заглушив звонкий глас своей совести, забросил все сборы. Он стал думать над тем, как нагрузить одноместную авиону нашими вещами. И, самое важное, как ее активировать, чтоб управлять летательным аппаратом, когда не стоишь не на нем, а идёшь рядом. Пришлось беспокоить лорда Чарх, описывая нашу идею, и просить у него достать инструкции у артефактора.

Странно, конечно, но дядя вывел на связь с нами самого артефактора. И Тим весь день занимался авионой. Он и мастер-артефактор активно переписывались и делились идеями и вариантами преобразований. Тим превратил нашу палатку в мастерскую, раскидав везде инструменты. Я раньше даже представить не могла, что аккуратист Тимир Найт способен учинить такой бардак. Хорошо, хоть для пробных полетов авионы, Тим покидал палатку.

А я тоже не скучала: писала письма Марине и Ясаман. Марине дала полный отчет с том, как я все время отдыхаю, ем и сплю. Заметила, что адепты даже на каникулах так не бездельничают, как я на этой практике. Марина меня за это похвалила. Искренне посочувствовала, когда я пожаловалась на тошноту. И обещала прислать мне по почтовику мятные леденцы, которые помогают от этого неприятного недуга.

А Ясаман я описала все вчерашние события и попросила, если ей не сложно, чтоб она почитала мое письмо вслух для Сафы, мне хотелось, чтоб моя подруга знала, как проходят дни на Горе. Ясаман моя просьба даже не удивила, в ее родных краях ко всем животным относятся с уважением.

К вечеру наша авиона стала первой грузовой моделью летательного аппарата. Только вести ее нужно было на привязи, чтоб она не улетала в сторону. И поднимать ее над землей выше полуметра, было запрещено. Активировалась и отключалась она только вручную. Но артефактор был в восторге от результата и обещал, что Тим получит процент от продаж, если получится грузовую модель усовершенствовать, провести публичные успешные испытания на полигоне, и, самое важное, государственная комиссия включит ее в список рекомендованных для населения.

Тим тоже радовался, даже не сожалел о целом потерянном дне. И вот во вторую ночь

практики мы снова с самыми благими намерениями легли спать пораньше. Но разве можно просто спать, когда рядом Тим, а я целый день маялась бездельем?

Но проснулись мы с первыми лучами солнца. Так как я из-за тошноты завтракать перестала вообще, Тим тоже не стал тратить время на еду. Он только выпил кружку воды и заел ее любимой кофейной пастой.

Тим очень быстро собирал все наши вещи и складывал их на авиону. Уложив на самый верх последнюю сумку, он связал весь груз одной веревкой, а второй сделал своеобразный поводок для авионы.

Много времени Тим потратил, собирая меня. Комбинезон, конечно, я надела сама. Но Тим сам стал раскладывать по моим кармашкам все, что он считал необходимым. И каждое свое действие он комментировал:

— Конфетки, их тебе вчера прислала Марина, должны лежать в правом среднем кармане, чтоб легче было их доставать. Складной ножик положим в кармашек на правом бедре. Маскирующие артефакты удобнее брать из кармана на левом предплечье комбинезона. — Тим сразу напомнил мне, как их активировать и что маскировку они держат только тридцать минут. В этот же карман он положил и один артефакт невидимости. Тим даже шарфик сложил и положит мне в один из многочисленных, еще свободных карманов. — Фляжку с водой повесим тебе на пояс, чтоб ты могла попить в любой момент. И, может, положим тебе немного орешек и сухофруктов в карман? Если ты вдруг в пути проголодаешься.

Наконец, все приготовления были завершены, все нужные вещи собраны, а ненужные — сожжены. И мы пошли, как я радостью предвкушала, искать приключения. А то два дня, проведенных нами в палатке, совсем не походило на ту практику, к которой стоило столько готовиться, и которую я тайно от мужа немного боялась.

Мы шли по уже подсохшей земле. Утренняя прохлада хорошему настроению никак не мешала, от тошноты меня спасали мятные конфетки и леденцы. Тим шел рядом, держа меня за руку. Но разговорами я его не отвлекала, он высматривал возможные задания, или опасности. А я держала другой рукой поводок авионы и просто наслаждалась прогулкой на свежем воздухе.

Тим внезапно остановился и стал прислушиваться:

— Что случилось? — Шепотом спросила я.

— Странные звуки оттуда, — махнул Тим рукой в сторону от нашего направления. — Надо пойти и проверить, что там.

— Обычные для природы звуки, — сказала я. А Тим уже шагнул в сторону. — Тим, давай дальше пойдем. Не нравится мне здесь. — Вполне мирное до этого момента место мне показалось недоброжелательным и опасным. Я не хотела никуда сворачивать, по-моему, правильнее было идти по уже выбранному направлению, никуда не отклоняясь.

Тим остановился и, не поднимая на меня голову, спросил:

— Сафира, ты же помнишь, что я руковожу нашей группой. — Я кивнула. Но Тим кивка видеть не мог и, подняв на меня лицо, он безэмоциональным голосом повторил свой вопрос. У меня во рту сразу появился кисловатый неприятный привкус и рот наполнился слюной. Я снова кивнула. — Тогда, подопечная Чарх, идите за мной. — Холодно, как абсолютно чужой человек, сказал он, подчеркнув, что я все лишь подопечная.

И Тим развернулся в нужном себе направлении и пошел вперед, даже не оборачиваясь, чтоб проверить, иду ли я за ним.

Почему стоит Тиму начать вести себя со мной так, как все семикурсники всегда себя ведут с подопечными, мне сразу становится так неприятно? Даже плохо? Неужели я вправду стала изнеженной аристократкой, слабой и слезливой?

Я даже пойти за Тимом не смогла, мне пришлось нагнуться, чтоб сплюнуть вязкую слюну. Но тошнота не проходила, а, наоборот, становилась сильнее, мне пришлось присесть на колени, чтоб не упасть, а Тим не возвращался. Я смогла сама снять фляжку с пояса и сделала глоток, чтоб ополоснуть рот.

В этот момент и вернулся Тим, но не остановился, чтоб помочь мне, а пробежал мимо меня, тихо ругаясь. Я от несправедливости и обиды заплакала. Но вернулся Тим быстро.

— Сафира? Ты плачешь? Потому что тебе плохо? — Тим сыпал вопросами и пытался успокоить меня, поглаживая по спине. — Из-за тошноты? У тебя что-то болит?

— Ты на меня накричал! — Сквозь слезы обвинила я мужа. И, отталкивая его руки, сказала, почему еще не могу успокоиться. — И ушел, бросил меня! И ругался. А мне же плохо.

Тим все-таки исхитрился и обнял меня, прижимая крепко к себе. Даже руки зажал, чтоб я не сопротивлялась. И от бессилия я заплакала еще громче.

Тим долго меня успокаивал и оправдывался. Он говорит, что не кричал, потому что кричать привычки вообще не имеет. А на меня тем более не смог бы повысить голос. И не бросал меня, а пошел проверить, что за странные звуки ему слышались. Но как только заметил, что я за ним не последовала, вернулся за мной. Только увидел, что я выпустила поводок авионы, и она улетает в сторону. Поэтому не остановился возле меня, а побежал ее ловить.

— Может, я случайно и ругнулся. — Закончил Тим объясняться. — Но, Сафира, я же не тебя ругал, а ситуацию. Оставшись без вещей, мы бы не смогли продолжить схождение.

Я глубоко вздохнула и выдохнула: Тим прав, а я, скорее всего, истеричка.

Когда я окончательно успокоилась, Тим напоил меня водой еще раз и все-таки повел, держа за руку, искать источник странных звуков. Мы вместе вышли к границе небольшого луга с мелкими синими цветочками. Вид был живописный, так и хотелось пройти в середину и улечься на живом ковре.

— А здесь плотоядных цветов нет? — Все еще всхлипывая, спросила я Тима. Он почему-то удивленно посмотрел на меня. — Матиас рассказывал мне, что на лугах бывают плотоядные цветы, и обычно руководитель группы посылает какого-то адепта, как приманку. — Тим, внимательно слушая меня, тихо отходил назад, оттаскивая и меня дальше от границы луга. Когда мы отошли на достаточное расстояние, Тим подтянул к себе авиону и, вытащив из рюкзака, с десятков артефактов, сел возле меня лицом к лицу. И серьезным тоном, стал мне объяснять.

— Сафира, я сейчас пойду на луг один. — Он не дал мне возмутиться, повторив настойчиво. — Один. А ты останешься здесь и будешь меня ждать. У меня хорошая подготовка и есть все необходимые артефакты. Я просто пройду по лугу, поищу что-нибудь странное. Если там и есть плотоядники, они меня не заметят, артефакты меня скроют. Но ты, в любом случае, должна стоять здесь, и ждать меня. Хорошо?

Я кивнула, хоть ничего хорошего в этом и не видела. Просто не хотела, чтоб Тим снова напоминал мне, кто из нас главный в группе.

Тим разложил артефакты по своим еще свободным кармашкам:

— Сафира, ты меня будешь отсюда видеть. Я просто замаскирую свой запах и

температуру тела и пойдю очень тихо. Что бы не произошло, не переживай и жди меня здесь, на этом месте. — Он еще вручил мне поводок. — И не упусти авиону.

Тим, улыбнувшись, подмигнул мне и пошел на луг, а я наблюдала за ним из-за деревьев. По дороге он взял с земли в одну руку пару камней, а когда ступил на луг, стал передвигаться медленно и аккуратно. Я не знала, начал ли действовать маскировочный артефакт, но Тим шел вполне уверенно. Он дошел до середины луга, когда остановился на месте и стал внимательно смотреть на землю, или то, что находилось на земле. Только я не видела с такого расстояния, что привлекло внимание Тима. Он посмотрел в мою сторону, показал указательным пальцем на землю прямо перед собой, махнул мне рукой и... исчез. Я даже подумала, что Тим активировал артефакт невидимости. Но вскоре голова Тима показалась над землей, и он вылез, скорее всего, из ямы, что-то держа в руках. Что мой муж прижимал к себе, с моего места разглядеть было невозможно.

А Тим явно с довольным видом, но так же аккуратно, тихо переставляя ноги, двинулся в обратную сторону. Я уже представляла, как я Тима обниму, когда то, что он держал, дернулось и издало странный чихающий звук. Тим, болезненно скривившись, застыл на месте, и почти в тот же момент над землей поднялись с десятков змееподобных зеленых стеблей с ярко-красными бутонами. Тим стоял, не двигаясь, да я бы на его месте даже не дышала. Я вспомнила про камни, которые Тим набрал в руку в последний момент. Но с руками, занятыми странной ношей, он бы ими не смог воспользоваться.

Поэтому я, не обращая внимания на запрещающее легкое качание головы Тима, взяла с земли несколько камней не больше моего кулака и, приблизилась к лугу. Я видела, как красивые с виду бутоны, раскрываясь, разделяются на три части. И из их центра появляются, вытягиваясь все выше, отвратительные присоски. Даже я, стоя на таком отдалении, передернулась от распространившегося запаха тухлого мяса. Тим стоял, не двигаясь, он даже не мог отступить ни в одну сторону, гибкие зеленые стебли стояли слишком плотно к нему, просочиться между ними было невозможно. Я вспомнила слова Матиаса, что можно попытаться уничтожить плотоядники, но тогда ранений будет не избежать. Я не хотела, чтоб мой Тим пострадал.

Не приближаясь к границе луга, я замахнулась и бросила камень подальше от стоящего Тима. И хищные цветочки, все одновременно, почти мгновенно переместились в сторону упавшего камня. Растения двигались быстрее, чем змеи в момент нападения. Не найдя себе добычу, они остановились на месте. И стояли, возвышаясь над лугом, и колеблясь, как от дуновения ветра. А Тим сделал широкий, но очень осторожный шаг в мою сторону. Потом еще один шаг. И следующий.

Когда я уже поверила, что Тим покинет луг без проблем, и он поспешил быстрее покинуть луг, живность на его руках снова фыркнула или хрюкнула. И плотоядники кинулись в сторону Тима. Он, быстро обернувшись в их сторону и, прижимая шумную особь к себе левой рукой, правой запустил в клыкастые растения два пульсара, один за другим, почти одновременно. Объятые огнем растения затрепали. Тим побежал к границе луга, а несколько непострадавших плотоядников устремились к нему. Я бросила в них камень, который давно держала наготове. Никогда не отличалась особой меткостью, но сейчас мой камень угодил прямо в один из раскрывшихся бутонов. Подбитый мной цветок остановился, и сородичи бросились на него, опутывая его стеблями и присасываясь к нему со всех сторон. Треск сгорающих плотоядников перекрыл звук громкого хлюпанья.

Тим успел добежать до меня и упал на колени, потом лег на спину, все еще прижимая к

себе что-то серое. Я наклонилась над мужем и он, посмотрев на меня, сказал:

— Сафира, где авиона?

Охнув, я побежала догонять наш улетающий груз. Повезло, что авиона полетела не в сторону луга, туда бы меня никакая великая цель не заставила ступить.

Мы с Тимом уже минут тридцать сидели, облокотившись спинами о ствол молодого деревца. Мои руки были свободны, я привязала поводок авионы к своему поясу. А Тим хмурился и с помощью палочки раскатывал по земле свернувшегося клубком ежа. Отпускать его Тим отказался. Все-таки, полез ради него на луг с плотоядниками, вытащил из ямы. И еще Тим думал, что спасение ежа — это наше новое задание, только нужен был номер, подтверждающий, что задание мы прошли. Но еж представлял собой колючий мяч, и своим великим предназначением носителя номера делиться с нами не собирался.

— Надо было бросить ежика на съедение цветам, — сказала я мужу. Но он хмурился и не ответил мне. Может, устал, все-таки долго отчитывал меня, за то, что я спасла его от плотоядников. Только выговорившись, что я должна соблюдать правила безопасности, не вмешиваться, пока он не попросит, выполнять его указания, а то авиона следующий раз точно улетит, Тим сел. Но со мной не разговаривал. А меня нельзя игнорировать, мне от этого становится тоскливо.

Когда они нужны, слезы никогда не приходят. Если бы я сейчас заплакала, желательно навзрыд, Тим бы сам начал извиняться. А так, мы просто сидели. Только я демонстративно привязала к своему поясу поводок авионы, чтоб Тим больше не переживал, что она потеряется.

— Может, посадим ежа на авиону и увезем? — Внесла я следующее предложение. — Когда еще мы поймем, что с ним делать? А мне будет страшно спать, пока мы не отойдем от луга как можно дальше.

Тим, продолжая хмуриться, улыбнулся. Даже забавно получилось.

— Тим, перестань злиться, — сделала я очередную попытку к примирению.

— Я не злюсь, — сказал Тим. Хотя было заметно, что он сейчас не в лучшем расположении духа. Наверно, ежик поэтому и не показывал нам мордочку.

— Все же хорошо, Тим. — Снова я попыталась помириться. Хотя это было неправильно, это мне нужны положительные эмоции. Я даже подумала, что если Тим и на этот раз проигнорирует мою попытку помириться, я точно пожалуюсь на него Марине. — Авиона не улетела. И я ее уже привязала, больше я ее не упущу.

Наконец, Тим отбросил палочку и оставил в покое ежа. Развернувшись ко мне, Тим, все так же хмуро, бросил на меня взгляд исподлобья, и начал говорить своим архаровским тоном. Мне даже плакать сразу захотелось. Тихие слова, произносимые безэмоциональным голосом действовали лучше любого, самого громкого крика доктора Надира:

— При чем здесь авиона, Сафира? Я за тебя переживаю. У тебя нет должной подготовки, чтоб действовать самостоятельно. Ты не можешь вмешиваться, когда ты считаешь свою помощь необходимой. Если бы плотоядник находился ближе к границе, а ты подошла к ней очень близко, тебе бы пришлось очень плохо. Меня бы при самом худшем развитии событий только ранило. Целители меня бы быстро вылечили. А ты носишь нашего ребенка. Ты уязвима, понимаешь. Не только потому, что ты слабая или неподготовленная. Понимаешь? Ты беременна... — Тим вернул на место ежа, который пытался скрыться. И сказал мне. — Я не думал, что с тобой будет так сложно договариваться.

— Но..., - я хотела оправдаться.

Только Тим прервал меня:

— Ты казалась, — последнее слово он особо выделил, — более благоразумной.

Тим, по-моему, был неправ. Если бы я всегда ждала его указаний, не помогла бы ему ночью, осветив путь к палатке светильником. И сейчас, о возможных плотоядниках на лугу его я предупредила. Он же шел на луг вместе со мной. И именно я, бросая камни на луг, дала Тиму шанс спастись, избежать травм.

Но Тим не давал мне сказать и слова. И насколько серьезно он настроен я поняла, после его следующих слов:

— Мы завершаем практику. Она не стоит твоего здоровья и жизни нашего ребенка.

Я ошеломленно застыла. Значит, все это время Тим, хмурясь, думал, стоит ли оставаться на Горе. И решил, что со мной продолжать путь не стоит. Потому что я уязвимая и непослушная...

Тим встал и ухватился за веревку, чтоб приблизить к себе авиону. На ней в рюкзаке находился почтовик. Через него отсылались все послания. Наверняка, о желании прекратить практику тоже надо было сообщать через почтовик.

Я усилием воли сдержала накатившие на глаза слезы. И попыталась Тима отговорить:

— Тим, прости. Я больше не буду своевольничать. И спасать тебя не буду, пока ты сам не скажешь. И во всем тебя буду слушаться. Не бросай практику. Мы же уже одно задание прошли, и у нас есть грузовая авиона. Тим, пожалуйста, давай останемся.

Тим присел возле меня:

— Сафира, меня не надо уговаривать. Я сам хочу остаться. Диплом Академии — это моя мечта. Но здесь я могу тебя потерять. Ведь дальше все будет только сложнее. А ты не слушаешься и создаешь дополнительные сложности.

Я еще много-много раз обещала не капризничать, слушаться Тима во всем, ни в чем не перечить; советоваться, прежде чем что-то делать; сообщать сразу, если мне станет плохо; не устраивать истерик, а просто рассказать, что меня расстраивает. И выполнять любой, даже самый неправильный, на мой взгляд, приказ.

Тим, кивнул, принимая мои обещания, и я выдохнула с облегчением. Сдаваться в начале пути — что может быть глупее?

А Тиму пришлось отвлечься от разговора, чтобы поймать ежа, который снова пытался сбежать. Еж пытался отстоять свое право на свободу и фыркал, а потом снова свернулся в клубок и так застыл.

— Что с тобой делать? — Спросил Тим у ежа. Ответа он, конечно, не ждал, но я не смогла сдержать своего мнения:

— Надо ёжика усыпить.

— Они в спячку только зимой впадают. — Сказал Тим. — И глупое получится задание — усыпить ежа летом. Смысл в чем? Осенью еще можно было такое придумать.

Я, вообще-то, предлагала усыпить ежика, чтоб положить его на авиону, и унести с нами. Пока мы не поймем, зачем надо было его прятать в яме на лугу с плотоядниками. Ведь сам бы он туда не добрался, цветочки бы его не пропустили.

— Может просто отослать отчет о нашем приключении? Они же могут прислать нам подсказки? — Уже вслух предложила я Тиму. И он согласился. Снял с авионы свой рюкзак, и принес ближе к тому месту, где мы сидели. Тим достал оттуда Магпочтовик, приготовил блокнот с ручкой, но задумавшись, долго не приступал к самому отчету. Потом махнул рукой и снова полез в рюкзак, достал оттуда снотворящий артефакт и переложил ежа, который все

также был свернут в клубок, себе на колени. Я за всем этим наблюдала, не задавая никаких вопросов.

— Сафира, как думаешь, артефакт ежа не убьет? — Озвучит Тим беспокоящий его вопрос.

Я пожала плечами. И предложила просто положить ежика в сумку, не усыпляя, как я всегда носила Сафу.

— Я не хочу его увозить, — сказал Тим. — Мне надо его только осмотреть. А еж не раскрывается.

Вопрос: «Зачем?» рвался на свободу. Но я выговорила более умные слова:

— Ежика не нужно усыплять, чтоб он раскрылся. — Тим с недоверием посмотрел на меня. — Я знаю три способа как заставить ежика раскрыться, — не скрывая гордости, сказала я.

Тим менторским тоном произнес:

— Сворачиваясь в клубок и ошетинаясь иглами, ежи принимают защитную позу. И ведут они себя так, когда чувствуют опасность. То есть в любой недружественной обстановке. — Я согласилась с мужем. — И как ты хочешь завоевать доверие ежа? — Спросил Тим.

— Не знаю, завоюю ли я доверие ежика, если начну его топить, — проговорила я, — но один из способов раскрыть ежика — это бросить его в воду.

— Где ты это читала? На зоологии это не проходят. — Тиму очень было интересно, откуда я это знаю. — Но не могу же я ему рассказать о коротких видеороликах в интернете. — Только водоема рядом нет. Какой второй способ?

Я рассказала, что ежика надо пощекотать по иглам на спине. Тим с азартом начал ежика чесать с помощью ручки, которую он брал для написания отчета. И мордочку ежик показал. Тим обрадовался и убрал ручку от ежика, а он снова закрылся. Тим минут десять так развлекался: чесал ручкой ежа, тот вытягивал мордочку, красуясь черным носиком, Тим переставал чесать и еж снова недоверчиво сворачивался. Тим даже не расстроился, что еще не смог рассмотреть своего подопытного. Он радовался, как мальчишка, новой игрушке и от души смеялся.

— Рассказать про третий способ? — Отвлекла я Тима от развлечения. Он попытался вернуть себе серьезность и кивнул. — Надо его подбросить, от ощущения полета ежик раскрывается.

Вроде ничего страшного я не сказала, но Тим посмотрел на небо, потом бросил взгляд на землю и покачал головой:

— Зачем так-то? Жалко же. — По-моему, Тим с ежиком успели подружиться. И очевидно, что муж меня не правильно понял. Я подняла с земли почтовик и, вытянув его перед собой на ладонях, показала Тиму, как нужно подбрасывать его нового друга. Не высоко, только чтоб он оказался в свободном падении, хоть на несколько мгновений.

Тим размял свои ладони, поднял на них ежика и подбросил его только несколько раз, когда колючий клубок полностью раскрылся. Радость Тима была безграничной, он даже не торопился осматривать ежика, хотя раскрывал его именно с этой целью.

Наконец, наигравшись, адепт Академии Магии и мой непосредственный руководитель аккуратно, даже бережно, ежика осмотрел со всех сторон.

— Смотри, Сафира, какое нежное у него брюшко. — Говорил мне Тим, часто отвлекаясь от осмотра. — Там нет иголок, только пух. А когти какие острые.

На внутренней стороне бедра Тим нашел у ежика надпись, состоящую из шести цифр. Тим назвал их вслух: «Семь — ноль — семь — три — один — семь».

Потом Тим писал отчет комиссии, как он прошелся по лугу до ямы с ежом, вытащил его из ямы, коротко написал о битве с плотоядниками, в конце отчета приписал обнаруженные цифры. Отправив отчет, Тим предложил мне пообедать. В сумке Ясаман остались для меня только пара сухариков и немного сыра. Но я и это есть не хотела, аппетит у меня просыпался только ближе к трем часам дня. Пока мы с Тимом говорили, пришел ответ от комиссии:

«Адепт Найт, поздравляем, ваша группа прошла еще два задания. Ваш счет пополнился десятью баллами».

А дальше описывалось место, где заложен тубус с теоретическим заданием по зоологии. Я не посмела возразить, когда Тим решил пойти за ним сам, а мне сказал сидеть на этом месте и никуда не уходить. Ежика он унес с собой.

Я успела вдоволь повозмущаться, что с моим мужем гуляет какое-то колючее животное, но была спокойной и улыбочивой, когда Тим вернулся с тубусом. Прежде, чем открыть его, он предложил мне отпустить ежика на свободу. Я была только рада избавиться от соперника. И мы с Тимом замерли над нашим новым заданием. В свертке из тубуса была десять вопросов и все о ежах.

Где обитают и как зимуют, чем питаются, когда впадают в спячку, кто в паре ежей воспитывает потомство, еще много чего Тим о ежах знал и сам. Его поставили в тупик только два вопроса: сколько у ежа иголок и какие из чувств (зрение или обоняние) у ежа развито лучше.

— Я не зоолог, чтоб это знать! — Возмущенно вскочил Тим. — Какая разница, сколько у ежа игл? Кто их вообще считать будет? — А, когда он, немного успокоившись, сел, то сказал с сожалением. — Зря мы поспешили ежа отпустить, могли бы и пересчитать, сколько у него колючек на спине.

— Около восьми тысяч игл, — на земных точно столько было. А наш с Тимом знакомец ничем не отличался от тех, про которых я в школе писала реферат и пересмотрела часы роликов в интернете. Тим без споров вписал эту цифру в свиток и спросил меня, что я думаю о ежином зрении. — Раз ежики активнее ночью, обоняние у них должно быть лучше развито.

Тим снова внес мой ответ в свиток и сразу его отправил. И ответ пришел, когда мы еще не успели собраться в путь. Тим с нескрываемой гордостью сообщил мне результат, что мы прошли и четвертое задание и получили за него также пять баллов. И оба листка от комиссии он отправил лорду Чарх.

Мы с Тимом шли прогулочным шагом по кромке леса. Деревья здесь были не очень высокими и росли не слишком часто. Но воздух был необыкновенным, бодрящим. До полудня еще было далеко. А Тим все время вглядывался в крону деревьев.

— Вот, нашел. — Остановился Тим. — Сафира, постой здесь, я быстро вернусь. — Эту фразу я уже начала ненавидеть. Только Тим никуда не ушел, а взобрался на дерево и принес с гнезда три яйца. Показал их мне и, смущаясь, сказал. — Они съедобные и полезные.

— Только их мало, — не знаю, чье гнездо разорил Тим, но яйца были совсем маленькие. Тиму бы их не хватило и у меня скоро должен пробудиться аппетит.

А Тим, как будто этих моих слов и ждал, полазил еще по нескольким деревьям и собрал нам около десяти яиц. Он сам набрал хвороста, установил котелок, налил в него воду из своей фляжки и сварил нам яйца. Я постаралась не обращать внимания на то, что птичьи яйца Тим предварительно не вымыл. Пока муж снимал с огня котелок с яйцами, я постелила

на пол несколько салфеток и выложила оставшиеся сухари и сыр с сумки, и сухофрукты с орешками из своего кармана. Тим принес яйца и мы приступили к первой трапезе за сегодняшний день. Достаточно питательной и полезной, если не придирается к мелочам. Я и не придиралась, а сразу захрустела сухариком. Тим подал мне одно очищенное им маленькое яйцо, а сам закинул себе в рот оставшуюся от него скорлупу, и еще целое яйцо закинул вслед за скорлупой.

Я не стала выказывать удивления, если Тиму нравится скорлупа, пусть ест ее на здоровье. Одно яйцо я съела, но больше их есть мне не хотелось.

— Не понравилось? — спросил Тим.

— Они вкусные. — Чуть не казала, что я боюсь тошноты. Услышав такое, Тим обязательно принял бы это как намек на невкусную еду и вывел нас с Горы.

— Мы можем получать еду через Магпочтовик, — сказал после недолгого молчания Тим, — как инструкции от артефактора или конфетки от Марины. Правилами это не запрещено, только засчитывается, как несостоятельность позаботиться о себе. И по завершению практики из общего счета сминусуют баллы, но это не страшно. Если тебе сейчас подходят в пищу сухарики и сыр, мы скажем твоему дяде, и он сможет присылать их каждый день.

Я покивала Тиму. Но мне не хотелось, чтоб с нас снимали баллы. Учитывая, что я группе только присутствую и делать сейчас ничего не буду, с трудом добытые Тимом баллы тратить на сыр мне было стыдно.

— Сафира, как только мы дойдем до подходящего места для ночлега, я поставлю палатку, скрою ее артефактами и, оставив тебя в ней, смогу поохотиться на дичь или поймать рыбу. Чтоб хватило и на завтрашний день. Но если тебе нужно что-то другое: сыр или грибы, или что-то сладкое, говори мне об этом. Я сам не догадаюсь, что для тебя заказать у лорда Чарх.

На этом мы с мужем и договорились, он доел все яйца вместе со скорлупой, при этом похрустывал с таким аппетитом, что я даже восхитилась его всеядностью. Скорлупа же совсем не вкусная.

Наконец, мы пошли в сторону, которую Тим определил по компасу, и авиона летела за нами.

Вечером Тим, как и обещал, добыл для нас нормальную еду. Он принес обе наши фляжки наполнив их холодной чистой водой и уже ошипанную тушку какой-то птицы. Сварил ее в котелке с травами, которые сам же и собирал днем. Мясо было жестким даже после долгой варки, но я без капризов съела почти половину котелка мелко нарезанного светлого мяса. А из-за необыкновенного вкуса наваристого бульона с нескрываемым удовольствием облизывала ложку.

Тим смотрел на меня с нескрываемой радостью и даже предлагал добавку. Но оставлять любимого мужа без законного ужина я не хотела, тем более, хоть желание поесть еще не пропало, желудок для такого количества еды был не приспособлен.

Легли мы спать, как обычно, рано, но уснули, тоже, как всегда, намного позже.

Так в неторопливом схождении с Горы прошла первая декада практики. Мы выполняли задания, разной сложности. Приходилось и отвечать на вопросы по пройденным темам в Академии, а потом отсылать свитки с ответами. Но были и по-настоящему сложные и опасные задания. Однажды перед наступлением ночи нам пришло послание, в котором говорилось, что время с девяти часов ночи до семи часов утра вся группа должна провести на

дереве. Нас-то с Тимом только двое, за мной одной уследить не так уж и сложно. А как подобное испытание должны были протии большие группы? Тим тогда сказал, что слабых просто отсеют, руководитель передаст из организаторам, а группа продолжит путешествие без них. А самого Тима тогда больше волновало, как устроить с удобствами меня. Он бы даже домик на дереве построил, если я намекнула, что мне так будет удобнее. Мы и за это птичье сидение над землей также получили пять баллов.

Всего мы прошли за десять дней шестнадцать заданий из необходимых двадцати и набрали восемьдесят баллов. Тим уже привык за каждое задание получать высшую отметку, и был почти уверен, что результат нашей группы будет самым впечатляющим.

63. Новые испытания

Первое утро второй декады для меня и Тима началось с рассветом. Я, как уже завелось, вместо завтрака просто выпила воду и закинула в рот мятную конфету, и Тим тоже ограничился водой, но заел ее кофейной пастой.

Тим проложил маршрут по компасу, и мы отправились в путь. Мы с Тимом чаще ходили в обнимку. Он обхватывал мои плечи, а я льнула к нему с огромным удовольствием. Я даже стала немного бояться, что началась вторая половина практики, и скоро нам придется покинуть Горы. Мне на Пике Магии очень нравилось: кругом природа, воздух чистый, ночи сладкие, никто не мешает, задания не опасные, даже тошнота беспокоит только до двух часов дня, иногда даже проходит раньше. А артефакты Тима значительно облегчили нам жизнь. Хоть сейчас их и осталось меньше половины.

Неожиданно с выбранного пути нас заставил сойти странный, отчаянный визг из-за дальних деревьев. Через несколько шагов, Тим выпустил мою руку и создал в своих руках маленький синеватый пульсар.

— Сафира, стой здесь, — и Тим исчез за деревьями, я прижалась спиной к стволу ближайшего дерева и достала из кармана складной ножик, но лезвие сразу выкидывать не стала. Через несколько минут Тим вернулся с поросенком на руках.

Тим смеялся, с трудом удерживая в руках визжащее и хрюкающее животное, которое еще и теребило ножками. Когда Тим подошел ко мне совсем близко, он удивленно посмотрел на мой ножик.

— Сафира, тебя кто-то напугал? — Спросил он. Я, конечно, сказала, что достала нож для страховки. Не стала объяснять, что оставаться одной в довольно-таки густом лесу страшно.

Тим, все еще бросая на меня беспокойные взгляды, сел на ветхое бревно и положил себе на колени поросенка копытцами вверх. И хоть животное истощно визжало и сопротивлялось, Тим осмотрел его со всех сторон. А потом отпустил на свободу и проводил взглядом сверкающий от набранной хозяином скорости хвостик.

— Жаль, — сказал мне Тим, — цифр на нем нет, а я думал — это еще одно испытание. Поросенок застрял между стволами дерева, вот я подумал...

Я тоже пожалела, что спасательная операция мужа оказалась только спасательной.

— А поросенок большой? — Спросила я Тима.

Он удивился вопросу или тому, что я заговорила, в последнее время я старалась больше молчать, чтоб не отвлекать Тима от важного дела. Может, поэтому мы и успели пройти столько заданий? Тим показав руками на своих коленях место, которое поросенок занимал и его примерную длину и толщину, сказал:

— Вот такой. Ты же его видела.

Я улыбнулась этому объяснению:

— Тим, я про возраст спрашивала. Наш поросенок достаточно большой, чтоб мама-свинья его одного отпускала гулять?

Тим рассмеявшись, откинулся назад и растянулся на полу. И из-за хохота, долго даже не пытался подняться. И я присела на землю.

Может, я неправильно сформулировала вопрос? Но, так как про свиней я рефераты не

готоввила, я не могла понять, достаточно ли этот поросенок подрос, чтоб жить отдельно от свиньи. Если он еще мал, то его и вправду могли использовать для задания. В ином случае рядом бы хрюкала его мама и братья с сестрами. Пик Магии для охотников и браконьеров место недоступное, так что сиротой поросенок вряд ли был.

И цифры могут находиться возле того дерева, где он застрял. Или там может быть свиток с теоретическим заданием.

Отсмеявшись, Тим сел, и, продолжая весело улыбаться, сказал:

— Поросенок еще мал, чтоб быть самостоятельным. Сафира, ты же это хотела спросить? — Я согласилась. Тогда Тим встал и подал мне руку, чтоб и я поднялась с травы. И мы вместе отправились на место, где мучился в западне поросенок. Трава вокруг этого места была заметно утоптана.

— Я же мог по траве определить, что здесь были люди. — Недовольно сказал Тим и начал осматривать ближайшие деревья.

— Никаких знаков на стволах. — Подвел он итог своих поисков.

А я в этот момент смотрела на улей на вершине того самого дерева, в двойном стволе которого застрял поросенок. И указала на него Тиму.

Но он удивил меня, обреченно выдохнув:

— Улей? Я, всё-таки, надеялся, что это не подказка. Ненавижу, когда пчелы жалят.

Но на дерево вскарабкался довольно ловко. Только улей оказался не обитаемый. И в нем находилась маленькая баночка с медом, а на ее крышке было написано пожелание адептам Академии приятного аппетита и приписан так необходимый нам номер.

Тим с важным видом передал мне эту баночку и, сияя ямочками на щеках, сказал три ёмких слова:

— Вот же затейники!

Пока Тим писал и отсылал отчет, я пальцем доставала из баночки вязкую массу и наслаждалась душистым вкусом янтарного меда. Наконец, Тим посмотрел на меня и строго сказал:

— Сафира, есть так неприлично.

— Но никто же не видит, — спрятала я руки за спиной.

— Я вижу! И сейчас тоже хочу облизать твои пальчики. И губы, — он рывком обнял меня и накрыл мои губы своими. А, когда я уже была готова остаться под нежилым ульем на несколько часов, Тим, тяжело дыша, оторвался от меня и встал.

— Пойдем. — Пытаясь восстановить дыхание, проговорил мой муж. — Нам пора идти. Здесь нельзя... Может подойти другая группа или животные...

Тим и я уже прошли довольно длинное расстояние, когда впереди услышали голоса и смех многих девушек. Тим задвинул меня за спину, и мы продолжили путь. И увидели сидящих на брёвнах возле странного грязного водоема моих сокурсниц, не меньше двадцати девушек. Там были и адепки из группы Лиона и из других групп.

Водоем этот был покрыт зеленью. А шириной был не больше десяти метров.

— Сафира! — Подбежали ко мне однокурсницы толпой и стали одновременно говорить. Тим, оставив меня одну на растерзание девушкам, ушел к этой гигантской луже. Адепки меня замучили, одновременно рассказывая свои истории. Оказывается, здесь уже прошли три группы. И этих адептов оставили здесь, как неуспевающих за основным составом группы. Им уже вызвали спасателей, и они могут спокойно вернуться в Академию и получить свой зачет. И все девушки выглядели довольными. А потом меня завалили

вопросами:

— Вы еще не покинули Горю? А как вы вдвоем вообще столько дней продержались? Тут же столько опасностей!

— А адепт Найт тебе грубит?

— Ругается?

— Кричит?

— А откуда у вас такая летающая штука? Почему нашей группе такую же не выдали?

— Сафира, почему не бросаешь практику, тебе же уже идет зачет?

Вместо ответов я им бодро рассказала, как Тим уничтожил целый луг с плотоядниками, как он спас ежика и поросенка, достал из улья мед, немного преувеличила, рассказывая о других наших совместных с Тимом подвигах.

Спас меня от разговорчивых сокурсниц Тим. Он сказал, что это болото с утягивающим дном, и все адепки закивали. Оказывается, некоторые из них там застревали, их даже спасать пришлось. Девушки еще рассказали, с каким трудом их группы преодолевали это болото.

Я сразу подумала, что мы с Тимом перелетим болото не авионе. Сперва полетит Тим, снимет на другом берегу весь груз и вернется за мной. Но Тим решил действовать иначе. Как он потом объяснил, если использовать магию или разнообразные методы в преодолении испытаний, баллы за задание ставят выше. А на авионе перелететь болото сможет любой человек.

— Стой здесь. — Сказал он, подведя меня к самому краю берега. Я встала. Не переспрашивая и не отвлекая его. — Когда я возьму тебя на руки, ухватись за меня крепче, я тебя смогу поддерживать только одной рукой. И будь спокойна, пока мы не доберемся до другого берега.

Я кивнула и проверила, хорошо ли привязана к моему поясу авиона, не будет ли она нам мешать. Тим создал пульсар, он был какого-то песочного цвета и бросил его в болото. Следом за ним полетел другой, потом третий. Я, и все адепки смотрели, как Тим запускает один пульсар за другим и они, как жемчужины в ожерелье ложатся на поверхности воды, связывая один берег с другим. Потом эти гигантские бусины от паса руки Тима, одновременно сдулись и образовали на поверхности болота узкий мост, с виду очень неустойчивый.

— Готова? — Спросил меня Тим и, сразу подняв меня на руки, побежал по только что уложенному им мосту. Я обеими руками обхватила шею Тима и только старалась его не задушить. А Тим бежал, поддерживая меня одной рукой под коленками, а вторая оставалась свободной.

И вот мы идем с Тимом, несмотря на сгустившиеся сумерки. Спать ещё было рано, но позаботься о ночлеге, мне кажется, время было самым подходящим. Я намекнула Тиму на это.

— Сафира, ты устала? — Ответила, что не устала, только обычно в это время мы уже сидели в палатке, артефактами скрытой от опасностей и нежелательных гостей

Тим сказал, что сегодня мы будем ночевать в лагере Лиона, в палатке с его братом. Они с братом договорились об этом через почтовик. Лиону и Тиму нужно было обговорить некоторые вопросы. Мне оставалось непонятным, почему Тим сам не рассказал мне о своих планах, но я, помня о своем слове, что не буду больше капризничать, ничего мужу говорить не стала.

После того, как мы перешли болото, Тим вообще был угрюмым и неразговорчивым. А я даже спросить его о причине плохого настроения не могла, чтоб он не напомнил мне о моем обещании.

А, казалось бы, все было нормально, я не видела ни одной причины, чтоб Тим расстроился. Как только мы пробежались по Тиминой магической тропинке, он попросил меня написать отчёт за него. В первый раз за всю практику. А сам немного походил кругом в поисках какого-либо номера, чтоб вписать его в отчет.

Я описала, как мы с Тимом прошли болото во всех подробностях: как он создавал и укладывал пульсары, какими они были яркими и устойчивыми, как ровно, восхищая всех стоящих рядом адептов, они лежали на поверхности грязного цветущего водоема, как потом все пульсары синхронно сдулись, слившись в монолитную линию, и самое важное, как Тим легко поднял меня на руки и быстро пробежался по этой дорожке. А у него одна рука должна была быть свободной для контроля обстановки. Даже добавила, что пока я пишу этот отчет, наш магический мостик только начал исчезать.

Тим нашел номер, который был выжжен на старом пеньке. Я внесла и его в отчет. Тим прочитал то, что я написала, удивленно хмыкнул, и отослал отчет комиссии. Ответ от нее пришел сразу, нас поздравили с прохождением восемнадцатого испытания и сообщили, что пять баллов пополнили наш счёт. Эту записку гордо прочитала вслух я.

— И все? Только пять баллов? — С нарочитым разочарованием спросил Тим, заглядывая в листок, который я держала.

— Ну, это разве не максимальный балл? — Спросила я мужа.

— Конечно, максимальный. — Ответил Тим. — Но, на их месте, я бы добавил нам ещё пять баллов. Уверен, они ещё никогда не получали таких подробных и художественно богатых сочинений.

Смущая меня, Тим ещё процитировал некоторые мои перлы, и мы с ним от души посмеялись, он же, цитируя меня, подражал моему голосу. Тим говорил, что самый длинный его отчёт на этой практике не состоял более чем из трёх предложений. А я несколько листков блокнота исписала.

Но потом к болоту с той стороны подошла шумная группа, во главе с Чмиром, они готовились переходить на нашу сторону, и мы с Тимом поспешили уйти.

И вот мы идем тихо, настроения у Тима, почему-то нет. В начале я пыталась узнать, в чем дело. Тим, как всегда, когда ему плохо, отвечал исключительно вежливо, но говорил, что все хорошо, улыбался мне и предлагал что-нибудь поесть.

Тогда и я перестала его теребить, зачем заставлять Тима через силу демонстрировать мне хорошее настроение? Но идти часами в тишине мне было уже не под силу. Если бы здесь была Сафа мы бы с ней хоть мысленно пообщались.

— Сафира, ты устала? — остановился Тим

— Не устала.

— А почему так вздыхаешь? — Уже с заметным беспокойством спросил Тим. — Мы можем немного отдохнуть, если ты хочешь.

— Я поговорить хочу, — честно призналась я.

— О чем? — Решил Тим быстро выяснить, что меня беспокоит. Если он думал, что меня магические формулы и законы магических потоков интересуют, то он ошибался.

— Почему у тебя настроение пропало? Все же хорошо было. И мы даже восемнадцатое задание выполнили. Это из-за адепта Рват?

Тим сказал, что его бывший друг настроение ему уже никогда не испортит. И мы пошли в молчании дальше. Неожиданно Тим остановился и меня придержал за руку.

— Сафира, если я тебе открою один секрет, ты сможешь держать в тайне то, что услышала?

Я, конечно же, была готова дать мужу любое слово, чтоб он раскрыл свою тайну, пока Тим не уточнил:

— Я должен был так поступить, хоть все и будут меня осуждать.

Уже зная, что Тим способен на очень рискованные, даже противозаконные поступки, я сильно напряглась. Даже села там же, где стояла. А как только Тим присел рядом, постаралась выглядеть очень внимательной, а не настороженной, чтоб Тим смог спокойно мне все рассказать.

— Я надеялся это скрывать, чтоб не было скандала. И ты подписала разрешение на мою самостоятельность с деньгами, подаренными мне сестрой. Только мама через Лиона передала свое пожелание и ещё недавно писала мне, чтоб я вернул Найтам деньги Тары. Я ей, конечно, отказал, но она не умеет принимать отказов. И может обратиться к лорду Чарх.

Ничего страшного я пока не услышала, и выдохнула с облегчением:

— Из-за этого может быть скандал? — Хотелось быстрее закрыть эту тему, потому что и мне она была неприятна, а Тим сильно нервничал. Он такие эмоции не всегда мог скрывать, из-за чего все считали его несдержанным, что в глазах большинства людей было признаком вырождения магии в человеке.

— Скандал может быть потому, что я уже потратил все, что подарила мне Тара. На счету осталась только мелочь. Вернее, из-за того, на что я их потратил... — Я помню, сумма там была не маленькой, Тим не мог пустить их все на закупку вещей для практики. Тем более, дядя тоже дал нам крупную сумму. — Ты хочешь знать, на что я их потратил?

На земле подобный вопрос назвали бы проверкой на вшивость. И я вместо ответа пожала плечами.

— Лион, сразу после дипломного экзамена, до того как перейдет под власть главы рода, хочет уйти в Армию. В Постоянные Государственные Магические и Вооруженные Войска Принципата Сотни Объединенных Земель. Чтоб сразу получить офицерское звание, без годовой службы рядовым, нужно сделать большой денежный взнос на благо Принципата. — Дальше Тим заговорил быстро, как бы оправдываясь. — Лион не хотел брать у меня денег. Я сам ему предложил и настоял, чтоб он взял их. Армия, хоть мы сейчас ни с кем и не воюем, самое опасное место. Армейцев всегда посылают на ликвидацию последствий стихийных бедствий или катастроф. Начинать службу с офицерского звания намного проще и безопасней. Раньше мы с Лионом планировали вместе пойти служить. А сейчас... я уже не пойду с братом. И хотел хоть так ему помочь.

Хорошо, что я сидела. О желании Тима служить я вообще ни разу ни от кого не слышала. Даже в форме шутки, даже в виде сильно искаженных слухов.

— Ты же хотел к архаровцам вернуться после Академии, — тихим прерывающимся голосом сказала я Тиму. Он кивнул, потом отрицательно махнул головой и, несколько раз пальцами зачесав волосы, упавшие на лоб, уточнил:

— Мы с Лионом специально поддерживали такое мнение. Чтоб никто нам не помешал. Даже Чмиру правду не говорили. Армия — это свобода от всех обязательств перед родом. Армейцы защищают благо Принципата, поэтому их даже родовым судом невозможно испугать.

Я не знала, как сейчас поступить. Денег мне жалко не было и Лион, если хочет, пусть идет в Армию. Я даже скандалов не боялась, что бы там леди Найт не сказала моему дяде. А вот страх потерять Тима появился. Если он за несколько месяцев женитьбы ни разу не упомянул Армию Принципата ни словом, что у меня даже шанса не было в чем-либо его заподозрить, то у него же могут быть и другие планы сбежать от обязательств перед родом. Или передо мной. И мне теперь придется всю жизнь бояться обидеть Тима, чтоб он не сбежал? Жить в страхе, что он найдет какую-нибудь лазейку сбежать от возможного родового суда из-за своей возможной непокладистости? Я так жить не смогу.

— Тим, не уходи в армию, — попросила я его. — Как я жить без тебя буду? — И слезы сами закапали с глаз.

Тим пересел ближе ко мне и, обхватив меня за плечи, прижал к себе:

— Только не плачь, Сафира, только не плачь. Я же сказал, что в армию не пойду. Теперь мой долг заботиться о тебе и о ребенке. И Лион уже знает об этом.

— Обещаешь, что никогда меня не бросишь? — Я сама обняла Тима. И хоть он говорил про свой долг заботиться обо мне и ребенке, а не о любви, я все равно хотела, чтоб он остался. По любой причине.

— Обещаю. Я же сам не смогу расстаться с тобой надолго. И хочу, чтоб мы вместе воспитывали нашего ребенка.

Немного успокоившись, я вытерла с лица слезы. И, когда Тим спросил, готова ли я продолжить путешествие, согласно кивнула головой. Тим встал и, протянув мне руку, с загадочной улыбкой сказал:

— Сафира, я и тебе подарок купить успел. — И при этом выглядел таким довольным, что я быстрее встала и спросила, где мой подарок.

Тим полез в карман, не спуская с моего лица веселого взгляда, а когда я от нетерпения уже стала притопывать на месте, и высматривать, что сейчас Тим достанет из кармана, он притянул меня к себе и обнял:

— Прости, я хотел пошутить, — сказал мне на ухо Тим, — я подарок сюда не принес, он в нашей комнате.

— А что это? — Наслаждаясь его близостью, спросила я. Хотя мне это было неинтересно, но, пока мы говорим, Тим не продолжит путь, и у меня будет больше времени насладиться его близостью.

— Браслет. С жемчугом и изумрудами. Хотел, чтоб ты носила настоящий браслет на руке, а не это... — Тим коснулся пальцами цепочки с кулоном, которую я надела на руку в день свадьбы. Мне это простенькое украшение нравилось, поэтому со дня свадьбы я его ни разу не сняла. А Тим продолжил говорить. — Я его под подушку положил, чтоб ты увидела, когда будешь заправлять постель.

Я немного отстранилась от Тима, не выпуская его из объятий, чтоб сказать:

— Ну, постель же всегда ты заправляешь. — Тим, действительно, всегда сам это делал, сразу, как мы вставали с кровати.

— Я надеялся, что ты сама захочешь хотя бы взбить подушки. — Я удивилась, Тим никогда не намекал мне, что я должна это делать. Не выглядел обиженным, что я кровать не ровняю, даже не уходил, не заправив постель сам, чтоб это сделала я. — Просто некоторые женщины, когда нервничают, начинают усиленно заниматься хозяйством. — Закончил Тим свою мысль.

Вот сейчас я обиделась. Это Тим так намекает, что хозяйка я никчемная. Я и сама это

знаю, но меня бардак никогда не раздражает. Я оттолкнулась от Тима и возмущенно сказала: — Все говорят, что я разгильдяйка. Еще и ты начал. Не хочешь постель заправлять — не надо! И ты еще скажи, что на практике тоже все время вещи сам собираешь!

Я потопала вперед, даже не оглядываясь на мужа. А Тим шел позади и через приступы смеха просил прощение, говорил, что я самая лучшая хозяйка в Принципате и он своими руками взобьет, вместо подушек, того, кто называет его любимую жену разгильдяйкой.

К лагерю, разбитому Лионом мы с Тимом подошли уже в обнимку. Тим смог, что делал очень редко, найти и красивые слова и убедительно их озвучить. И, конечно, он доказал мне, что для него уборка не вынужденная необходимость, а средство отвлечься от напряженной учебы и немного встряхнуться.

Лагерь Лиона Найт состоял из установленных в круг восьми палаток. В центре круга горел костер, на котором готовилось что-то ароматное в большом котелке. Тим забрал у меня поводок от авионы и притянул ее к себе как можно ближе, когда мы приближались к этому лагерю.

Нам на встречу вышел Лион и поприветствовав меня поклоном, сразу бросился обниматься с Тимом. Они обнимались так, будто не виделись последний год. А потом Лион пригласил нас в свою палатку и, пока мы шли к ней, дал несколько указаний своим подопечным.

В палатку мы занесли и нашу авиону со всеми вещами. Лион вначале стал вести себя, как настоящий хозяин в доме, внимательно и гостеприимно. Он пригласил нас сесть на самые удобные места, принес стаканы с водой, чтоб мы смогли попить и сказал, что ужин будет готов уже скоро и попросил немного подождать. Потом же мой младший деверь стал обычным Лионом. Он сказал Тиму показать, как действует авиона, потом потребовал разгрузить ее и понес из палатки, чтоб немного полетать. Тим вышел вместе с братом, а мне сказал оставаться в палатке.

Вернулись они почти через час, Лион зашел с мисками полными наваристой каши с кусочками мяса. Тиму досталась его авиона.

Мы сегодня на обед ничего не готовили, а доели, оставшееся с ночи вареное мясо птицы и собранную мной кислицу. И хоть Тим всегда набирал мне по дороге ягоды и какие-то полезные травы, сейчас я была очень голодная. Даже не реагировала на вопросы Найтов. Мясо было сочным и мягким, буквально таяло во рту. После еды меня раздуло и стало клонить ко сну. И Лион предложил мне лечь спать, а Тима пригласил посидеть у костра. Я тоже хотела посидеть снаружи, только Тим сказал, чтоб я ложилась, а он скоро вернется.

Уже подходит к концу одиннадцатый день на Горе, а я ни разу не сидела с Тимом ночью у огня. И с однокурсниками пообщаться мне было интересно. И Лион мог много интересного рассказать. А я вместо того, чтоб развлекаться со всеми у костра, сейчас лежу в палатке с широко открытыми глазами. Вначале я честно пыталась заснуть, но спать одна я уже отвыкла. И веселые голоса и смех адептов колыбельную ни сколько не напоминали.

Я решила в первый раз послушаться Тима и выйти из палатки. У костра было многолюдно, и все увлеченно обсуждали свой переход по болоту с утягивающими песками. Но Тима и Лиона здесь не было. Я спросила у однокурсника, сидящего с краю, где Найты, и он указал рукой в сторону одной из палаток.

Я, раз уже решила послушаться руководителя практики, продолжила поиски Тима. В указанной палатке его с братом не было, я обошла ее кругом и заметила два силуэта, сидевших за деревьями мужчин. Между ними стоял маленький светильник. Невольно ступая

тихо я пошла в их сторону. Это были Найты, и они о чем-то спорили, может, поэтому не обратили на меня внимание. А я подобралась ближе и присела, спрятавшись за кустом лесного ореха.

Я захотела подслушать, о чем так хотелось поговорить братьям наедине. И почему нельзя было пообщаться через почтовик?

— Тимир, — спокойно сказал Лион, — твоя группа считается самой эффективной. Ты единственный прошел на данный момент восемнадцать заданий и получил высший балл за каждый. Все в комиссии не могут не понимать, что это только твоя заслуга, Сафира тебе не была помощницей. И...

— Глупость. — Тихо прервал брата Тим. — Именно благодаря Сафире я прошел многие испытания. Она умница.

— Умница, о которой нужно заботиться.

— Нет — нет, Лион, она совсем не капризная. — Серьезным тоном возразил Тим. — И очень умная...

— Это неважно, — сейчас уже Лион прервал Тима, — я тебе пытаюсь сказать, что на Пике ты себя показал с лучших сторон. Этот мост на болоте, и помнишь, тот зонт, которым ты укрыл десятки адептов. И Союз Артефакторов прислал благодарственное письмо ректору за твою идею о грузовой авионе. Тебе сейчас предложат звание офицера в Армии и без взноса. Давай пойдем служить вместе.

— Я уже сказал, в Армию я не могу пойти.

— Все ты можешь! Тебе там будет лучше! Нам будет лучше там, вдали от родовых правил.

И дальше Лион стал доказывать моему мужу, что в Армии у него больше шансов чего-то достичь, получить полную независимость от главы рода Чарх и от жены. Твердил, что Тим будет свободен в личных тратах, ему не нужно будет согласовывать каждый шаг с главой семьи, то есть со мной. Леди Найт не будет на него давить, взывая к его жалости. Даже лорд Чарх не сможет влиять на Тимира, грозя своим правом на родовой суд.

— Тимир, там мы будем свободны! — Закончил Лион.

Я подумала, если бы меня так уговаривали, отказаться я, вряд ли, смогла.

— Армия — это не свобода. И Сафире будет сложно без меня. — После долгого молчания сказал Тим.

— Армия лучше, чем род. А твоя жена справится. Она же умница. — Напомнил Тиму его же слова Лион. — Тем более, я не говорю подписывать пожизненный контракт. Мы согласимся на минимальный срок службы.

— Это семь лет, — от тихо сказанных слов Тима у меня камнем застыла в желудке съеденная каша.

— Тимир, ты как ребенок. У нас будут увольнительные. Тебе, как семьянину, каждые три месяца полагаются две недели вне казармы.

Если Тим сейчас согласится... Что я буду делать, если Лион Тима уговорит? Мне за мужем в Армию идти?

Я ждала, что сейчас скажет мой муж и, казалось, даже стрекот ночных насекомых и шелест листвы могли мне помешать услышать мой приговор.

— Лион, все это неважно. — Услышала я голос Тима. — Все неважно, если Сафира не рядом со мной. Я хочу быть с ней рядом каждый день.

— Тимир, только не говори, что ты влюблен в леди Чарх. — Запустив камень в крону

ближайшего дерева, раздраженно произнес Лион

— Я... влюблен не в леди Чарх, а в мою Сафиру. И любить жену, Лион, это правильно.

Под веселый стрекот насекомых, ночью выбирающихся на танцы и радостный шелест листочков, поющих подлунные гимны, каждая клеточка моего тела тоже затянула песню о вечной любви. Я, подслушивая Тима, скоро поэтом стану. В лицо бы он мне таких слов никогда не сказал.

И, мне казалось, на этом разговор Найтов должен завершиться — все же уже сказано. Тим, наверно, так же подумал и встал с земли. Но Лион думал иначе:

— Если ты любишь жену, Тимир, почему так с ней обращаешься?

Тим замер на месте и холодным голосом настойчиво спросил:

— Как я с Сафирой обращаюсь? — Я бы на вопрос, заданный таким тоном, отвечать не осмелилась.

Только Лион по храбрее меня оказался:

— Ты ей приказываешь: «Стой здесь», «Ложись спать», «Жди, пока я вернусь»... Ты все одиннадцать дней так с женой общаешься? Сафира совсем тихая и незаметная стала. Ты ей слова сказать не даешь. Раньше бы она меня уже трижды обругать успела. Эй! — Это Тим, кажется, пнул, все еще сидевшего на траве брата. Но Лион и после этого не замолчал. — Ты и жену бьешь? — И получил еще один пинок.

Но не зря оба брата тренировались с доктором Надиром. Лион, выкинув ногу, ударил Тима по внутреннему сгибу колена и, повалив брата на землю, накинудся сверху, пока тот не успел занять более подходящее положение для самообороны. Лион схватил руку Тима и заломил ее за спиной.

— Сдавайся, — сквозь смех, сказал Лион, — и признавай, что я прав.

Тим, прижатый к земле братом, пытался высвободиться.

— Лион, сползай с меня. Не то так отделаю тебя, что на Яна станешь похожим, — также смеясь, пригрозил Тим.

Но Лион не сдавался. Я мне из-за темноты плохо было видно, что там происходит. Но через какое-то время, после барахтаний по земле и звуков ударов, уже Тим сидел на спине Лиона. Но и Лион не собирался признавать свое поражение и пытался скинуть брата со спины.

— Лион, уймись, а то руку сломаю, — серьезно сказал Тим. А потом, отпустив брата, сел возле него на землю и спросил. — По-твоему, Сафира сильно изменилась?

Лион перевернулся на бок, подложил согнутую руку под голову и ответил:

— Сейчас бы она меня бить тетрадь по голове точно не стала. Не знаю, чем ты ее запугал, но женщины такого не забывают. Они или ломаются и заканчивают, как Тара, или мстят всему миру за свои сломленные надежды, как мама.

— Я думал, Сафира из-за беременности спокойной стала, — озвучил свои мысли Тим.

— Я за ней наблюдал, она хочет что-то сказать, но сдерживается, не делает лишних движений, не хочет привлекать к себе внимание. Для Сафиры Чарх это ненормально. Ты не замечаешь, что она запуганная? От твоих приказов, Тимир, даже меня передергивает. — И Лион резко поднялся. — Если любишь жену, будь с ней как-то внимательнее. Нежность женщинам не только ночью нужна. И не забывай, что женщины мстительные. — За свои слова Лион получил удар по спине распахнутой ладонью, и, зашипев, выгнулся.

Дальше смачными ударами отряхивая друг друга и продолжая обсуждать женский характер, Найты ушли

А я сидела у того же кустарника и не могла поверить, что Лион сейчас обо мне говорил. Неужели я так изменилась? Я себя запуганной не чувствовала. Я, конечно, боюсь, что Тим из-за меня бросит практику. И очень боюсь мужа потерять. Это же не значит, что я запуганная?

64. Последние задания

Рано утром нас с Тимом разбудил Лион. Вчера он ушел спать в палатку к подопечным, позволив нам с мужем наслаждаться друг другом всю ночь. И сейчас он звал брата, стоя у входа. Тим аккуратно, чтоб меня не было видно снаружи, выглянул к Лиону.

Но громкий голос Лиона разносился, кажется, на всю округу:

— Тимир, у нас синхронное задание! Открывай свой почтовик!

И Тим метнулся к нашей сумке, открыв почтовик, он быстро прочел послание. И стал надевать комбинезон и сапоги. Я тоже, уже по привычке, быстро одевшись, последовала за Тимом. Он остановился только на мгновение, но ничего мне запрещать не стал. Только сказал, что спешить не стоит, и передал мне лист с посланием от комиссии:

"Адепт Найт, сегодня ровно в одиннадцать часов ожидайте инструкции к предстоящему синхронному заданию".

Вчера, после того как я услышала разговор братьев Найт, я долго сидела на том же месте за кустом лесного ореха. И, когда, все-таки, встала с мягкой травы, направилась не в палатку, а к костру. Я стояла с однокурсниками у жарко горящего огня и слушала их споры о том, у чьей группы будет лучший результат по итогам практики. Среди подопечных Лиона только несколько человек сомневались в своей абсолютной победе. Поэтому спор проходил не на равных: этим троим адептам в шутливой, а иногда и в грубой форме, все остальные доказывали, что другие группы не могут быть лучше, чем они. И, следовательно, никто, кроме группы Лиона не может получить оценку выше, чем они.

Я не вмешивалась, хоть помнила, что Лион говорил Тиму о результативности нашей пары. Хотелось только уточнить, откуда младший Найт об этом знает.

Слушая спорщиков, я не спускала взгляда с нашей палатки, возле которой стояли Тим и Лион и о чем-то продолжали говорить. Потом они коротко обнялись и разошлись, Лион направился в соседнюю палатку, а Тим вошёл внутрь нашей. Но через мгновение он выскочил и окинул взглядом пространство, освещённое светом от костра.

Взглядом Тим сразу остановился на мне. Даже показалось, что смотрел он прямо в мои глаза. Я направилась навстречу мужу, чтоб вместе с ним зайти в палатку. Я не хотела, чтоб он подходил ко мне и начал отчитывать при свидетелях. Тем более от серьезного, укоряющего или вообще безэмоционального тона Тима мне всегда становилось не по себе.

Тим, как ни странно, не начал ругаться сразу, а спросил, не хочу ли я ещё посидеть с сокурсникам. Я хотела поскорее оказаться с мужем наедине, чтоб спокойно выслушать Тима без свидетелей.

Но в палатке Тим опять-таки не стал говорить о моем ослушании, он предложил мне воду. И я выпила целый стакан, нервничая от предстоящих мне нравоучений.

— Еще хочешь пить? — Спросил Тим, когда я протянула ему пустой стакан. Я, кивнула, и Тим снова наполнил его для меня.

Сейчас я пила воду маленькими глоточками и сильно нервничала, репетировала в уме ответные фразы на упреки мужа.

— Лион сказал, что я тебя запугал, — неожиданно сказал Тим. Хорошо, что я только собиралась сделать следующий глоток и смогла просто отпустить руку со стаканом. — Он ругал меня и...

Я подумала, что Тим пожалуется, что получил пару ударов от младшего, но рослого брата, но муж сумел меня поразить:

— ... и, мне кажется, что Лион прав.

Тим забрал у меня из рук стакан с водой и, сделав большой глоток, отставил его в сторону.

— Сафира, я понимаю, что с тобой нужно быть нежным и заботливым. И тебе не место на Горе, будь у меня хоть ещё один человек в группе, дольше одного дня я бы тебя здесь не продержал. Здесь очень опасно для тебя. Но это не оправдывает мою... излишнюю строгость, поэтому я прошу прощения, что приказывал тебе и был иногда слишком резок.

Тиму неприятно было говорить это, но, наверно, слова брата о хорошей женской памяти и нашу мстительную натуру вынудили Тима извиняться.

— Я постараюсь дальше быть внимательным и не забывать, кто передо мной. — Вот они во все своем великолепии местные правила о главенстве в семье. Если бы ещё я сидела на троне, а Тим стоял передо мной, преклонив колена, картина полностью соответствовала бы кошмарам всех не глав семьи этого мира.

Но я хочу настоящую семью. Не жалкую на нее пародию, где Тим всегда помнит "кто перед ним", и ежесекундно боится задеть мое эго, ибо я глава семьи. Я хочу, чтоб между нами царила любовь, доверие и уважение. Ведь для нашей семьи будет лучше, когда Тим каждый день станет спешить с работы домой, чтоб отдохнуть от забот и приласкать тех, кто его встречает с искренней и радостной улыбкой. И тогда мысли об Армии или каком-нибудь другом месте, куда можно скрыться от давящих правил, не будут посещать Тима. И я, может быть, перестану бояться его потерять.

— Тим, ты уже забыл, кто перед тобой, — сказала я, и заметила, что и так серьезный Тим нахмурился и отпустил глаза к полу. — Тим, я твоя жена, а не Глава Принципата. И такой серьезный ты меня немного пугаешь.

Тим голову не поднял, но ямочки на его щеках заиграли.

— Тим, я больше всего на свете боюсь тебя потерять. Потому что тогда для меня пропадет смысл жизни. Ты же всегда будешь моим? — Спросила я мужа.

Тим, кивнув, без лишних слов просто обнял меня. И глядя меня по спине, тоже спросил:

— А ты всегда будешь моей, Сафира? — Я закивала. — Тогда все будет хорошо.

Конечно, было бы лучше, если Тим торжественно обещал любить и лелеять меня всю жизнь. Никогда не оставлять одну, и не слушать сладкие речи о свободе от рода и главы семьи. Но мне и от простых обьятий с Тимом было хорошо и спокойно. Тем более, никто не обнимал так, как он. Вернее, ничьи обьятия для меня не были бы такими уютными, согревающими даже душу.

А сегодня с утра Тим не стал мне приказывать, и что-то запрещать. Поэтому я вышла вслед за ним из палатки. Под открытым небом находились уже все обитатели лагеря. Я только сейчас заметила, что у Лиона в группе уже не осталось ни одной девушки.

Поэтому на площадке между палатками я привлекла к себе всеобщее внимание. А, может, дело было в том, что я ещё не успела расчесаться и собрать волосы в косу, и ветер развеивал их, иногда пряди падали мне прямо на лицо. И приходилось рукой отбрасывать их.

— Отвели глаза! Все! — Тим не крикнул, но вздрогнула от самого его тона даже я. Он нервным движением задвинул меня себе за спину. А третьекурсники, мне показалось, сразу и не поняли, от чего должны отводить глаза, но от Тима спешно отвернулись все. Только Лион, стоявший в стороне, быстрым шагом приблизился к нам и встал между нами и своими

адептами. Он закрыл нас с Тимом от своих подопечных и громким шепотом начал отчитывать старшего брата

— Тимир, ты зачем психуешь? Забыл, что не один в лесу?

— Я вижу, сколько здесь людей. — Низким голосом сказал Тим. — Нечего твоим неучам смотреть на мою жену. — Я, не ожидала, что Тим такой нервный из-за ревности, но мне стало очень приятно. А Лион возмутился ещё сильнее.

— Было бы на что смотреть! Она бледная, как моль! — Я стояла впрытык к спине Тима и почувствовала, как он напрягся. И, чтоб избежать ещё одной драки между братьями Найт, я обхватила со спины мужа за шею и сказала, подмигнув, Лиону:

— Все равно я красивее тебя.

Тим повернулся ко мне и ласково улыбнулся. Что он расслабился, я почувствовала сразу. А Лион прищурился и, посмотрев на разжавшиеся кулаки Тима, предложил нам позавтракать в палатке. Наверно, сделал это во избежание всяких иных неприятных случаев.

Когда Лион принес нам котелок с, вкусной даже на вид, кашей, Тим уже успел заплести мне косу. Он обычно сам занимался моими волосами по утрам. И то, что Лион зашёл в палатку, не помешало и мне закончить наш с мужем утренний ритуал. Я тоже расчесала ему волосы, но пришлось закончить быстрее, чем обычно. Обычно я минут десять водила гребнем по густым каштановым волосам Тима. Зачесывала их в разные стороны, начесывала на глаза, чтоб можно было целовать спокойно сидящего мужа в губы и шею. Обычно перехватывающий инициативу в наших играх Тим, во время расчёсывания, всегда сидел неподвижно. И мог себе позволить только прикусить свою нижнюю губу, если я заходила, на его взгляд, слишком далеко, или ответить на мои поцелуи.

Лион демонстративно сел спиной к нам и начал раскладывать кашу по мискам. Пар, поднимающийся над кашей, заполнил палатку. И от аппетитного аромата мне впервые за долгое время захотелось позавтракать.

Мы с Тимом сели возле расставленных Лионом порций и взяли в руки по ложке. Тим дождался, пока я проглочу первую ложку каши, и тоже приступил к еде. Только Лион сидел и сосредоточенно разглядывал ложку в своих руках.

— Лион, ты чего ждёшь? — С улыбкой спросил Лиона Тим. — Если горячо, я могу подуть. — Впервые видела, как Тим дразнит брата.

Но Лион был серьёзным. Он с размаха закинул свою ложку в котелок, отчего раздался звон, и недовольно посмотрел на Тима:

— Ты ещё шутить собираешься? Тимир, ты же и сам знаешь нельзя быть несдержанным. Если кто-то из парней пожалуется на тебя, ты можешь не получить приглашения на нормальную работу.

— Я не несдержан. Нечего всяким... любоваться моей женщиной. — Улыбаться перестал и Тим.

— Ты хоть понимаешь, что говоришь? — Возмутился Лион. И обратился за помощью ко мне. — Сафира, скажи ему, чтоб он не вел себя так.

— Ну, Тим же никого сумкой с ног не сбивал. — По-своему, поддержала я мужа.

— Тимиру и не надо кого-то сбивать с ног ударом сумки или чем-то другим. — Резко махнул рукой в сторону брата Лион. — Одного выражения его лица хватит. И все помнят, о его постоянных драках.

— Ладно. — Примеряющим тоном сказала я Лиону. — Мы с Тимом больше не будем обижать твоих подопечных. — Тим, который с улыбкой слушал наш разговор, усмехнулся и

кивнул Лиону, когда их взгляды встретились.

Лион же недовольно посмотрел на меня:

— Лучше бы ты как вчера молчала... — И не успел он закончить мысль, как ему прилетело ложкой в грудь. Лион, удивлённо крикнув, осмотрел эту ложку. Перевел взгляд на Тима, тот, как ни в чем не бывало, спокойно продолжал есть свою кашу. Своей ложкой. Только подозрительно внимательно смотрел в свою миску. Моя ложка тоже была у меня в руках. И Лион, бросив взгляд на пустой котелок, в который он бросал свою ложку, наконец, молча приступил к еде.

Только через какое-то время он пробурчал:

— Хорошо, хоть в лицо не попал.

— Я туда и не целился, — выдал себя Тим.

До одиннадцати часов время тянулось. Плелось, как улитка. Лагерь вроде бы жил своей обычной жизнью, но всеобщее напряжение чувствовалось во всем. За пределами нашей палатки уже разгорелось несколько ссор, и Лион был даже вынужден разнимать одну драку. У него не было ни минуты свободного времени. Приходилось раздавать задания, чтоб подопечные не засиживались на местах, не сплетничали и от безделья не начали цепляться друг к другу. Уже выполненные задания нужно было проверять. Лион уже заставил адептов принести воду, перемыть посуду, собрать хворост к обеду. Они несколько раз перекладывали бревна в центре лагеря и меняли место будущего костра. Все адепты перепроверили свои вещи, привели в порядок одежду, уложили заново рюкзаки. Лион провел с ними беседу, как себя вести в зависимости от полученного от комиссии задания.

А мы с Тимом наслаждались бездельем в прохладной, благодаря артефакту, палатке. Я сидела, вытянув ноги, а Тим лег, положив голову мне на бедра.

Мы с ним уже порадовались, что у нас такая маленькая группа. И сейчас мы можем просто отдыхать, а не носиться, как Лион, по лагерю. Пофантазировали, что могли придумать для нас организаторы практики. И мы бы просидели так с Тимом до одиннадцати часов, если в лагере не назрел очередной шумный конфликт. Несколько подопечных, объединившись, выказывали претензии Лиону, что у него гостим мы. Едим, пьем и отдыхаем на территории их лагеря, а значит за счёт каждого адепта в этом лагере.

Тим встал, чтоб пойти и разобраться с недовольными. Я поймала его за руку, чтоб он позволил Лиону самому разобраться с нарушителями порядка в своей группе. И Тим, как ни странно, сел. Через минут десять в лагере стало тихо, и к нам вошёл Лион. В руке он держал свою шкатулку-почтовик. Он сел у стенки и поставил почтовик перед собой. Перехватив мой взгляд, Лион с ухмылкой сказал:

— Ношу с собой, чтоб не пропустить задание.

Никак не отреагировав на эти слова брата, Тим заметил:

— Долго ты ребят своих успокаивал.

— Как получилось. — Огрызнулся Лион. И более спокойным тоном проговорил. — Хорошо, что ты не вышел из палатки.

— Сафира позаботилась о твоём авторитете. — Заметил на это Тим. Лион благодарно, но преувеличенно почтительно поклонился мне, чуть лбом не ударился о свой почтовик.

Ровно в одиннадцать часов Тим и Лион, почти одновременно, открыли крышки своих почтовых. Я, затаив дыхание, ждала, пока братья прочтут послания.

— Тридцать минут! Мы не успеем! — Пока Лион возмущался, Тим передал послание мне и собрал в отдельную сумку с десятком артефактов, почтовик, фляжку с водой,

полотенце, верёвку. Пока он что-то объяснял Лиону, я перечитала послание ещё раз.

"Адепт Найт. Вы должны забраться на верхушку ближайшего самого высокого дерева и дать ровно в одиннадцать часов тридцать минут продолжительный сигнальный салют. И в течение следующих тридцати минут прислать комиссии отчёт с кратким описанием своего сигнала и других, увиденных вами, сигнальных салютов. От того, сколько семикурсников увидят ваш сигнал и сколько салютов сможете увидеть и описать вы, зависит выводимый вам за задание балл. Желаем успеха".

Лион говорил, что за тридцать минут самое высокое дерево найти невозможно и предлагал Тиму взлететь на авионе, чтоб определить нужное направление. Я не стала вмешиваться, напоминая, что в послание упомянуто самое высокое дерево из близлежащих.

А Тим, в отличие от Лиона, был спокоен и тратить время на авиону не собирался.

— На севере, откуда мы с Сафирой идем растут дубы. Высотой они мне показались не меньше тридцати мер. Если бежать, за двадцать минут добраться до них можно. А на северо-востоке растут буки, тоже тридцати мер в высоту. Но до них придется лететь на авионе, чтоб уложиться в заданное время. Лион, ты какое направление выбираешь?

Тим этим вопросом сильно брата удивил. И Лион неуверенно махнул рукой предположительно на северо-восток и сказал:

— Тимир, я лучше полечу на авионе. А ты хорошо знаешь место, откуда пришел, и бегаешь быстрее.

Тим согласился с братом и протянул мне руку. Так держась за руки, мы и покинули лагерь Лиона. И он не предложил своему брату оставить меня в лагере. Наверно, при ревностном отношении Тима ко мне, уже было слишком очевидно, что одну в лагере с множеством адептов противоположного пола Тим меня не оставит. Когда мы отошли метров на пять, Тим постелил под невысоким деревом полотенце и сказал, чтобы я села на него. Потом вложил мне в руки два артефакта фляжку с водой.

— Сафира, посиди здесь. Я постараюсь вернуться быстро. А вместе бежать мы не сможем. Активируй артефакты, чтоб стать незаметной для людей и животных. Я могу идти?

Я пожелала Тиму выполнить задание лучше всех и, конечно, держать его не стала. Сразу активировала оба артефакта.

Раньше бы Тим просто сказал, чтоб я сидела на месте и ждала его, а сейчас хоть что-то объяснил. Так что я осталась под елью без всяких обид, жаль только, поговорить здесь было не с кем. Поэтому, прислонившись на дерево, я закрыла глаза и расслабилась. Вернусь в Академию и заставлю Сафу и Ясаман слушать себя часами, пока не выговорюсь за все молчаливые дни практики.

У меня даже ноги не затекли от долгого сидения, когда Тим вернулся. Он пробежал мимо моего дерева и, остановившись, начал оглядываться, а я за ним внимательно наблюдала. Тим смотрел прямо в мою сторону, но меня не видел. Он вернулся на несколько шагов и позвал меня по имени. Но я ему не ответила. Не то, чтобы я хотела его помучить, но наблюдать действие артефакта мне ещё не приходилось.

Тим ушел вперёд и снова вернулся. Проверил что-то по стволам соседних деревьев, и, расставив ноги, сложил руки на груди.

— Сафира, я знаю, ты здесь. Говори, где ты.

Сейчас мне уже захотелось помучить Тима. И я встала и приблизилась к нему.

— Сафира, — нарочито нежно сказал он, — я тебе сегодня до утра спать не дам. Лучше отключай артефакты. Бессонная ночь ещё никому на пользу не шла. — От такой угрозы я

чуть не запрыгала, хлопая в ладоши от предвкушения. Но выражение лица у Тима было совсем не игривым, и я отключила оба артефакта.

Тим, наконец, увидел меня и, быстро преодолев расстояние между нами, крепко обнял, прижимая к себе. Потом, слегка разжав объятия, он положил мою ладонь себе на грудь, слева, там где суматошно билось сердце. Удары были частыми и сильными.

— Понимаешь, что ты чуть меня до смерти не испугала? — Спросил меня муж. — Я же и так переживаю, что оставил тебя в лесу одну. А ты пропала. Сафира, так нельзя делать.

Он не ругался, не превышал голоса, но в его словах было столько упрека и пережитого им страха, что мне стало по-настоящему стыдно. И я перед Тимом извинилась и пообещала больше так глупо не шутить. Но Тим не простил меня, пока я не скрепила свои обещания множеством поцелуев.

Когда мы вернулись в лагерь, Лион ещё не было на месте. Тим собрал все наши сумки, сейчас их было намного меньше, чем в день прибытия на Гору. Но уйти без авионы мы не могли. Один из третьекурсников предложил нам, пока мы ждём Лиона, пообедать. А над большим котелком в центре лагеря уже поднимался ароматный пар, вызывая у всех слюноотделение. Поэтому мы с Тимом согласились и сели на поваленное бревно. Все мои сокурсники тоже разложили себе сытной пищи, но и оставить Лиону его долю тоже не забыли. Мне почему-то утренняя каша показалась вкуснее, она даже привычную тошноту притупила. Я заметила сидящему рядом парню, что утром каша на вкус другой.

— Не просто другой, она была намного вкуснее. — Согласился он со мной. И оказалось, что так думают многие.

— Утром была не просто каша, а пища избранных.

— Такую кашу, как утром, не каждый за свою жизнь поест, — высказал свое мнение и третий адепт.

— Ну, конечно она была вкуснее, ее же готовили с мясом, — Тим попытался помешать говорящему закончить фразу, но сидел он слишком далеко, чтоб закрыть ему рот рукой, а попытки Тима его отвлечь ни к чему не привели, — очень ядовитой змеи.

Меня передёрнуло от отвращения:

— Змеи? — С ужасом посмотрела я на Тима. Он потихоньку поставил свою миску на пол.

А тот парень, увлеченно доедая содержимое своей миски, продолжил:

— Змеи, конечно. А у какого зверя ещё есть такое питательное и вкусное мясо. И чтоб кости не мешали, и готовилось быстро, и всегда нежное, а бульон можно и без специй и травяных добавок пить. Ещё он силы восстанавливает. Только неядовитые змеи не такие вкусные.

— Вот именно, — поддержал его другой адепт, — чем змея ядовитее, тем она вкуснее. Главное правильно приготовить.

— Главное сразу отсечь голову. И подальше ее отбросить, а то она ещё долго кусачей остаётся, — продолжил еще один храбрец из лагеря Лиона.

— Лучше не отбрасывать, о то она всех в лагере перекусает, а придавить и закопать.

— Нет-Нет. — Даже встал с бревна еще один адепт, чтоб высказать свое мнение. — Лучше голову, потроха и кожу змеи в костер бросить, тогда запах над лагерем поднимается очень аппетитный и он других змей отпугивает. Они же сразу поймут, что в лагере их ждёт смерть и палатку не заползут.

— От змеи и без ее останков в костре поднимается противный запах, пока она

готовится. Не то что змей, любого отпугнет. — Отметил ещё один мой однокурсник, с аппетитом облизывая ложку.

Увлеченная беседа адептов с моего курса отвлекла меня от мыслей от каши, что лежала в моей миске. Я даже проглотила то, что уже держала во рту и не знала куда выплюнуть. И даже резко напавший приступ тошноты прошел. Не знаю, говорили ли парни правду про кусающуюся голову змеи, но отвлечь меня от первого неприятия правды и отвращения едой из змеи они смогли. Дальше они продолжили спорить, как лучше змею чистить и избавляться от костей, но я поставила свою миску с недоеденной кашей и покинула своё место на бревне. И Тим последовал за мной.

— Ты знал? — С упрёком спросила я мужа.

— Что мы едим мясо змей? Конечно. Лион любит его и готовит хорошо. — Смотри в сторону нашей палатки, ответил Тим.

— А ты? — Даже не знаю, что именно я хотела узнать: любит ли Тим это мясо или готовил ли он змей.

Тим пожал плечами и, не поднимая на меня глаз, ответил:

— Есть его мне нравится. Потрошить и готовить змею я не очень люблю.

И из-за виноватого взгляда Тима мне в голову закралось подозрение.

— А ты готовил змею нам? Здесь, на Горе?

Тим начал нервно зачесывать назад волосы и осматривать палатки, что стояли вокруг, но ответил честно:

— Много раз. Только старался, чтоб ты не догадалась. Добавлял в котелок ещё какую-нибудь птицу и больше трав.

— Для отвода глаз? Маскировал змею, значит? — Я была злой. Очень злой.

Тим, медленно выдохнув, кивнул и виновато понурил голову.

Прервал наш важный разговор Лион, он довольный и буквально излучающий радость, вышел из-за деревьев и с ходу обнял Тима. И я даже не поняла, чему мой муж обрадовался больше, появлению брата или отмене моего допроса.

— Тимир, спасибо. — Продолжал радоваться Лион. — Отличная идея была с буками. У меня всё получилось. Представь, я целых шесть сигналов увидел.

Нас окружили набежавшие подопечные Лиона. Они поздравляли своего руководителя и искренне разделяли его радость. А он продолжил с воодушевлением рассказывать, как лихо вскарабкался на самую верхушку бука и запустил в небо огненный пульсар, который продержался в небе почти минуту, а потом осыпался ярко оранжевыми каплями. Начал рассказывать о сигналах других адептов, описывая их. Оказалось, что, другие группы не так далеко разбросало по Горе, как думал Лион. И он очень удивлялся, что увидел сигналы шестерых однокурсников.

— Тимир, ты же тоже запустил в небо огненный пульсар? — Тим кивнул, и Лион обратился ко всем стоявшим кругом адептам — Представьте только, пульсар диаметром не меньше меры держался почти пять минут в небе. Как второе солнце! А потом разлетелся на множество мух в разные стороны.

Слушавший восторженное описание брата, Тим, заметил:

— Это были не мухи, а бабочки.

А Лион с нарочитой пренебрежительностью сказал:

— Так себе бабочки получились. Крылья совсем маленькие, а зад большой. Короче, они больше на мух были похожи. — Все рассмеялась, а Лион восхищенно добавил. — Но они же

полетели в разные стороны! Такого никто не делал У всех же пульсары осыпались. По-разному, конечно: каплями, листьями, снежинками... А у тебя во все стороны. — Лион, раскинул руки в стороны, показывая круг. Он, определенно, гордился братом.

Мы с Тимом уже собрались в дорогу. Идти вместе с Лионом и его подопечными было невозможно, чтоб снова не стать причиной конфликтов в этой группе. И Тим отказался дожидаться, пока комиссия пришлет оценки за это задание. Он нагрузил наши вещи на авиону, и мы попрощались с обитателями лагеря и, поблагодарив их за гостеприимство, отправились своей дорогой. Только Лион обнимая Тима попросил, чтоб он обращался к нему за помощь.

Тим, когда мы отошли на достаточное расстояние от лагеря, сам привязал к моему поясу авиону, и закинув мне на плечи руку притянул к себе.

— Вдвоем все-таки лучше, — сказал мне Тим, я согласно покивала и, пользуясь моментом, подставила губы для поцелуя. — Пойдем к реке? — Мне и самой давно хотелось увидеть реку, в которую впадали горные родники. Тим всегда набирал в них воду, и мне не раз приходилось умываться у пробивающейся из-под земли студёной воды. Она очень освежала и бодрила, и на вкус была необыкновенной. Казалось, что каждый родник имеет свой неповторимый вкус. Предвкушая что-то новое и интересное, я последовала за Тимом.

Когда мы дошли до реки, вернее горной речки, нам, наконец-то, прислали письмо организаторы практики. Тим вроде не нервничал, ожидая его как Лион. И, как он уже сказал, о шести увиденных салютах отчёт он отослал вовремя, а его сигнальный пульсар вызвал восхищение Лиона. Но я всё равно переживала, для Тима эта практика была важной ступенью самоутвердиться и доказать всем, что его рост не влияет на его силу и мастерство. Поэтому я радовалась больше самого Тима, когда он, уже как должное, прочел о том, что получил высший балл за свой салют. А Тим очень обрадовался приписке в письме. А я не знала, стоит ли радоваться тому, что следующее задание для нашей группы было перейти горную речку.

— Это же удача, что ничего не нужно искать, и мы уже сидим около речки? — Спросила я Тима. — Мы можем перейти на тот берег, отослать отчёт и спуститься с горы досрочно.

Тим с улыбкой кивнул, но радости, мне показалось, не испытывал.

Время уже близилось к вечеру, и я захотела провести сегодняшнюю ночь на этом берегу, а завтра с утра перейти реку и до конца дня мы бы успели добраться до подножия Горы. Мы бы с Тимом сдали практику на три дня раньше дозволенного срока.

Все это я рассказала Тиму. И он тоже, как и я, должен был радоваться такой перспективе? Но Тим покачал головой и сказал, что переходим мы речку сейчас.

Тим перелетел на авионе на тот берег и, оставив там все наши сумки, вернулся за мной. Я помню, что Тим не захотел перелетать через болото, чтоб получить больше баллов, а сейчас именно на авионе решил преодолеть речку. Ему уже не важны высокие баллы за задание?

Я сказала Тиму, что он может получить невысокую оценку за прохождение этого задания.

— Я и не собираюсь перелетать речку, на авионе я только перевез вещи. И ты можешь навредить себе и ребенку, если будешь находиться в этой ледяной воде. И речка эта быстроводная, тебя может снести течением. Поэтому перелететь воду придется тебе, а я пройду ее вброд.

Мои идеи о магическом мостике или ещё каких-либо трюках Тим отверг сразу. Уложить пульсары, как он мне напомнил, на быстротечной реке невозможно.

— Сафира, эта речка узкая, хоть быстрая и полноводная. Я ее быстро пройду, и не стоит тратить силы на магию. — Предлагая мне встать на авиону, с нетерпением закончил Тим.

И я, вздохнув, встала на летающий скейт. Несколько мгновений я провела над шумной, бегущей, кажется, бурным потоком водой и оказалась на другом берегу. Я с видом победителя обернулась к Тиму, а он уже был в середине реки. Вода доставала ему только чуть выше колен, но от скорости ее потока Тим с трудом удерживался на ногах. И шел поэтому медленно и сосредоточенно.

Наконец, Тим вышел из воды мокрый, но довольный. Тим отказался раздеваться, чтоб подсушить комбинезон. А, собрав наши вещи в одной руке, в другую он взял авиону и поторопил меня идти за ним.

Мы прошли каменистую часть берега. Потом поднялись по покатой поверхности на обрывистый участок Горы, нависающий над этой частью берега. Обрыв, под которым находился покрытый камнями берег, почему-то наводил на меня ужас. Мне даже находиться на нем было неприятно. Он был не очень высокий, не выше трёх метров, но я все равно уже нервничала. Может, виной моей нервозности был не сам обрыв, а молчание мужа. Тим куда-то спешил и, ничего не говоря, тянул меня за собой. А я хотела знать, когда нас с Тимом можно будет поздравлять с завершением практики.

Тим не стал отвечать на мои вопросы и, добравшись под уютное дерево подальше от обрыва, быстро поставил там палатку и занёс внутрь вещи. Я чувствовала, что вдруг стала невидимкой, ни на какие мои вопросы и предположения Тим не отвечал. Он сосредоточенно и хмуρο делал свое дело. И только, когда я всхлипнула, обернулся ко мне:

— Сафира, — погладив меня по щеке, попросил Тим, — только не плачь. Пожалуйста. Я все тебе объясню. Дай мне немного времени все подготовить.

И он, поставив палатку, сбежал по пологому участку с обрыва к реке и принес оттуда несколько рыбок. Мне даже показалось, что эти рыбы сами вылезли из быстрой воды, выпотрошили себя и ждали пока Тим их заберет, так быстро он вернулся. Он закинул рыбок в котелок, налил воду и активировал греющий артефакт. Потом достал почтовик, вложил в него наспех исписанный лист с блокнота и только тогда обратился ко мне. А я все последнее время удивленно наблюдала за мужем и снова не могла понять, что с ним произошло.

Тим попросил меня сесть и спокойно, выделяя отдельные слова интонацией, рассказал о своем важном деле.

— Сафира, мы прошли необходимые задания. И у нас в запасе три дня до окончания практики. Я оставляю тебя здесь, в палатке. — Тим не позволил мне возразить. — Только на одну ночь. Мне надо кое-кому вернуть долг. А утром мы продолжим путь к равнине. Ты сейчас, как обычно, скроешь палатку артефактами. И все будет хорошо. — Уверенно закончил Тим.

— Ты идёшь к адепту Вэдр? — Следя за реакцией Тима, спросила я. Тим не ответил, но на скулах у него зашевелились желваки. — Тим, не надо ему мстить. Сейчас для нас важнее сдать практику.

Он не воспринял мои слова всерьез, только выражение лица стало упрямее.

— Тим, ты же идёшь не к одному Кону. У него целая группа подопечных. И собака одна осталась. Дядя же подтвердил, что тогда на тебя напали собаки семьи Вэдр. И лорд Вэдр не гарантировал, что это больше не повторится. Сейчас опасно с Коном связываться. А дядя

тебе запретил его убивать, калечить или уродовать.

Я не знала, что ещё можно сказать, чтоб Тим меня послушал и не рвался мстить сейчас, когда мы могли без проблем вернуться в Академию.

А Тим с кривой улыбкой спросил:

— Сафира, как ты сможешь жить с человеком, который не отомстил твоему обидчику? И достоин ли я вообще становиться отцом, если позволяю безнаказанно оскорблять себя?

Мне больше нечего было сказать. Намеки на свое якобы "замужество" Тим не сможет забыть. И не позволят ему это забыть. А за тату подчинения Тим обещал отомстить за меня Кону. Но удержать всхлипывание я не смогла:

— Тим, а если тебя накажут?

Муж обнял меня и с коротким смешком спросил:

— За что? Я не буду делать ничего запрещённого. Никакого физического вреда аристократу. Лорд Чарх придумал нечто гениальное. Я только приведу в исполнение его план. И сейчас, когда я знаю, где примерно находится Вэдр с группой — самое удачное время его навестить. — Когда же я успокоилась и перестала цепляться за мужа, Тим попросил меня вовремя поужинать и активизировать артефакты, а сам сбежал в сгущающуюся темноту.

Я какое-то время сидела на месте, а потом вспомнила, что не пожелала мужу удачи и выскочила из палатки. Его уже не было видно.

А я обошла место возле палатки и уже решила скрыться под тентовой защитой палатки и активизировать артефакты, когда что-то обвилось вокруг моей ноги и потянуло меня в сторону от палатки. Змея такой твердой быть не может, попыталась я внушить себе успокаивающую мысль. Я хотела отдернуть ногу, но нечто сжало ее сильнее и, дёрнув меня в сторону, опрокинуло на землю. Я попыталась падая сгруппироваться, как учил меня Тим. А потом в ужасе, понимая, что тянут меня прямо к обрыву начала хвататься за траву и во всю силу лёгких закричала:

— Тим, помоги!

65. В последние три дня практики

Я приложила все силы, чтобы встать на ноги, но отдернуть от своей ноги то, что ее обхватило, я не смогла. Это было что-то шершавое, холодное и очень твердое. И это что-то продолжало настойчиво тянуть меня к обрыву, стискивая за одну ногу. И мне приходилось, подпрыгивая, приближаться к краю, за которым меня ждала неминуемая гибель. В сгустившейся темноте у меня не получалось рассмотреть, что обхватило мою ногу у лодыжки, но я утешала себя, что змея такой твердой быть не может.

Я попыталась отдернуть ногу, но не удержалась в стоячем положении. Сейчас у меня уже не получилось удачно сгруппироваться. Но уроки Тима не пропали без толку: я ничего себе не сломала. Лежа на спине, я свободной ногой попробовала ещё раз освободить другую ногу, отпихнув то, что ее связывает. Не получилось: меня медленно, но настойчиво тянуло к обрыву.

Тогда я стала ногами упираться в землю, и руками начала хватать все, что попадалось под руку. Но даже ненадолго задержаться на одном месте у меня не получалось. Да и лёжа на спине, поймать что-нибудь надёжное, крепко вросшее в землю, было невозможно. А трава, которую я хватала, отрывалась от земли. От этого и от страха упасть с трёхметровой высоты прямо на каменистый берег под обрывом, кричать и звать Тима я стала громче. И он пришел...

Тим вернулся спасти меня!

От одной этой мысли я почувствовала себя увереннее. Показалось, что даже звезды засияли ярче.

— Не шуми. Молчи. — Прошептал Тим, закрыв мне рот ладонью. Потом поймал мокрую руку, которой я пыталась снова ухватиться хоть за что-нибудь, и буквально обернул мою ладонь о рукоять вогнанного им самим в землю стилета. Когда я поняла, за что держаться, я и вторую руку переместила на стилет. А Тим все также молча перешел к моим ногам и, создав маленький огненный пульсар, ударил им по земле, чуть ниже места, где находились мои ноги.

Я сразу почувствовала, как хватка на ноге ослабла. А Тим, ухватив меня за обе руки, помог подняться на ноги и повел дальше от обрыва.

— Это гремучие лианы. Они просыпаются в темноте и уничтожают все шумное и теплое, до чего дотянутся. — Оттаскивая меня дальше, тихо сказал Тим. — Но их давно запретили выращивать.

Я хотела поблагодарить Тима, но открыв рот, так и замерла, услышав подозрительный шорох на земле.

— Беги дальше! Как можно дальше от палатки, — тихо скомандовал Тим и успел оттолкнуть меня от себя.

Отбежав, как Тим и велел, я обернулась и увидела, как освещенный тусклым светом звезд Тим падает вперёд, подставив руки, чтоб не коснуться лицом земли. Вокруг него лежали длинные вибрирующие отростки разной толщины. Тим быстро перевернулся на спину и, не обращая внимания на то, что его уже тащили к обрыву, обхватив за ноги, сел и продолжал бить маленькими пульсарами по поднимающимся с земли лианам. Несколько особо наглых ростков дотянулись до нашей палатки и обрушились на нее всем своим весом.

А я смотрела, как живые растения разнесли наше с Тимом жильё и имущество.

Когда пространство возле Тима освещалось яркими взрывами пульсаров, я ясно видела, как на него нападают длинные бездушные растения, которых даже быть не должно было на Пике Магии.

Я не знала, что мне делать, чтоб вытащить Тима из ловушки окруживших его лиан. Перебирала в голове множество вариантов, как помочь Тиму, но ничего толкового не могла придумать. Пока я, стоя на безопасном расстоянии, покрывалась липким потом от страха. Пока, как под гипнозом, наблюдала за тем, как мой муж пытается вырваться из связывающих его гибких пут. Пока все это освещали яркие вспышки маленьких пульсаров, Тим уже вынужденно дошел до края обрыва. И, наверно, он сам понял, что отойти от него шанса уже нет. Тим крикнул мне:

— Сафира, спускайся к реке! — И, отбившись ещё от нескольких лиан, прыгнул вниз.

Три...

Два...

Один...

Под медленный счёт я восстановила дыхание. В тот момент, когда Тим пропал с обрыва, я забыла, что умею дышать. А потом развернулась и, с трудом переставляя ноги, так же под счёт стала спускаться вниз, на берег реки. И мне казалось, что мой мозг разделился на миллион паникующих извилин, и каждая из них доказывала мне, почему только что моя жизнь закончилась:

"Внизу камни, это не мягкая подстилка";

"Тиму падать три метра";

"До реки ему не долететь";

"У Тима не осталось сил после попыток отбиться от лиан"

"Почему я своими криками вернула Тима?";

"Кон Вэдр не смог бы навредить моему мужу сильнее, чем гремучие лианы"

"Уже ночь, смогу ли я найти покалеченного Тима на камнях?";

"Как я помогу Тиму без наших зелий, смесей и почтовика?";

"Зачем я вообще выходила из палатки?". Мысли штурмовали меня, лишая сил.

Я медленно шла по пологому спуску вниз, пока мои ноги не подкосились, и я не села на пыльную землю. Обхватив согнутые ноги руками, я упёрлась лбом в коленки и замерла так, не в силах сделать хоть какое-то движение.

Пришла в себя от радостного смеха Тима, раздающегося у меня в голове. Я невольно начала оглядываться, ожидая увидеть его за спиной. Но в густой и зловещей темноте я была совершенно одна.

Но, почему-то, даже думая, что потеряла мужа навсегда, мне хотелось не плакать, и в голове у меня звучали не молитвы или траурные марши, а слышала я смех Тима. Весёлый, заразительный, часто подавляемый им, смех, которого он сам стыдился и за который не редко извинялся. Все остальные звуки, кроме этого смеха, стали далёкими и глухими.

И я подумала, что сейчас теряю бесценное время. Разве можно сидеть на земле в пыли, даже не сделав попытку найти мужа и помочь ему? Мне показалось, что мой мозг снова собрался во едино, и теперь для меня звучали совсем другие, уже обнадеживающие, мысли:

"Тим маг десятой высшей ступени";

"У Тима хорошая физическая подготовка, он даже меня учил правильно группироваться при падении";

"Он сам прыгнул с обрыва, значит, знал что делал";

"У нас будет ребенок, поэтому с Тимом просто не может произойти ничего плохого".

Я встала и, уже от нетерпения скорее добраться до мужа, не чувствуя под собой земли, побежала вниз. А, когда ноги стали ощущать под собой камни, я начала внимательно вглядываться в темноту. Не найдя Тима лежащим на земле, я посмотрела вверх, чтоб проверить ориентир — обрыв над берегом. Может, я ищу мужа не там? А Тим лежит совсем с другой стороны.

Но, когда я подняла голову на обрывающийся выступ Горы над собой, я увидела освещённого лёгким светом звёзд Тима. Он висел ногами вверх, и, подтянувшись, отбивался от лиан опутавших его ноги. И сейчас Тим бил не маленькими пульсарами, как раньше, когда боялся навредить мне или себе. Он нанес последние несколько ударов большими яркими пульсирующими сферами. И лианы, которые не выпускали Тима из захвата и подтягивали его к внутренней стороне нависающей части обрыва, с треском разлетелись на щепки.

А Тим, освободив ноги, слетел вниз. Он падал, как в замедленном кадре, спиной вперед раскинув руки в стороны. Но в момент падения, каким-то чудом, смог собраться и создать правой рукой зелёный, средней величины, пульсар и упал на каменистый берег прямо в него. Зелёная сфера, резонировав от поверхности земли, с лёгким хлопком исчезла. А Тим остался лежать неподвижно под обрывом.

Я побежала к нему. Он, я внушала себе, не мог сильно пострадать. Тим же до последнего момента магичил, а зелёные пульсары имеют отталкивающую силу. Тим же все равно что на батут упал — успокаивала я себя, пока не села возле Тима на камешки.

Вблизи, под неярким светом звезд, были хорошо видны ссадины на лице и руках Тима, его порванный во многих местах комбинезон и неестественный изгиб правой руки.

Я погладила мужа рукой по лбу, и убрала растрепавшиеся волосы с лица. А Тим открыл глаза и внимательно всмотрелся в мое лицо:

— Сафира? Ты не пострадала? Что-нибудь болит? — Я его заверила, что со мной все в порядке, и что я даже испугалась не очень сильно. Хотя все внутренности у меня ещё дрожали и не могли занять свои законные места от кульбитов, которые совершали, когда я, как приклеенная стояла на земле, от сильнейшего приступа страха.

— Тим, а что болит у тебя? — От моего вопроса он сильно зажмурил глаза и надолго замолчал. Испугавшись, когда дыхание мужа стало слишком шумным и поверхностным, я ущипнула мужа за бедро. Тим, вздрогнув, открыл глаза и посмотрел на меня с недоумением и какой-то мальчишеской обидой. — Больно? — Тим моргнул. А я жизнерадостно сказала. — Это очень хорошо. Значит, позвоночник не пострадал.

— Экстремальная диагностика, — усмехнулся Тим и попадался сесть, но скривился от боли и замер неподвижно.

— Тим, у тебя рука странно лежит, — заметила я.

— Рука? — Посмотрел он на меня. И, видимо, собравшись духом, сказал. — А болят у меня ноги.

Он не хотел позволять мне осматривать свои ноги, особенно ступни. За два месяца нашей супружеской жизни я ни разу не видела его без носков. Он надевал их даже когда ложился спать. И из ванны, ещё до конца не обсохнув, всегда выходил в носках. Вначале меня это сильно раздражало, как демонстрация недоверия мне. Но я поняла, что всю жизнь воспринимая вторые пальцы на своих ступнях, немного переросшие большие, как уродство,

он просто не может мгновенно изменить свой взгляд на них. И больше не говорила Тиму, что у него абсолютно нормальные пальцы.

А сейчас, несмотря на возмущение Тима и его попытки отвлечь меня от своих ног, я стала настойчиво ощупывать его правую ногу от самого бедра. Каждый ее сантиметр. Когда же я стала расшнуровывать его сапоги, Тим попросил меня, чуть ли не дрожащим голосом, на этом осмотр закончить.

— Тим! — Начиная злиться, сказала я. — Ты хочешь оставить меня вдовой? Чтоб дядя выбрал мне мужа по своему усмотрению?

— Нет. Но...

— Тогда не мешай мне! Я и так каждую ночь рассматривала пальцы на твоих ногах. Ничего страшного я не увижу!

Обескураженный моими словами, Тим перестал пытаться помешать мне и только накрыл локтем левой руки лицо, закрывая глаза.

Я сняла с его правой ноги сапог и носок. И ощупала всю ступню, поворачивая ее в разные стороны. Повреждений на ней не было. От резких приступов боли Тим не вздрагивал. Хруста он не ощущал, и отека тоже, вроде бы, не было. Только около щиколоток Тим при надавливании чувствовал боль, но она была не сильной. Я попросила Тима согнуть ногу в колене и постучать ею по земле. И мы вместе порадовались, что сильная боль при этом в ноге не появилась. Значит, опасения Тима не оправдались, и эта нога у него не повреждена.

Таким же образом я осмотрела левую ногу мужа. И когда Тим понял, что обе ноги у него не сломаны, он, радостно выдохнув, попытался сесть, но с трудом сдержав стон, упал на спину.

— Тим, — вскричала я, — у тебя же рука неправильно изогнута! Я тебе говорила.

Сквозь стиснутые зубы Тим почти неслышно ругнулся, упоминая пятые точки всех известных ему животных, и уже громче добавил:

— Прости, Сафира. И забудь, что я случайно сказал.

Только он не случайно это сказал. Выругавшись, он как-то попытался перетерпеть приступ боли. Но через несколько минут я заметила, что Тим уснул. Я его потеряла, и сильно испугалась, когда он никак не отреагировал на мои действия. Чтоб привести его в себя, я побежала к реке и принесла в пригоршне немного воды.

Когда я привела Тима в чувство, он поймал меня за плечо левой рукой и, взглядываясь в меня сквозь темноту, сказал:

— Сафира, не уходи от меня. Сиди здесь. Пожалуйста. Если испугаешься, разбуди меня, вдруг снова усну. Утром мы поднимемся вверх и соберём то, что осталось от наших вещей. И, если рука у меня сломана, вызовем помощь.

Тим ещё что-то говорил, но речь его становилась все неразборчивее и он снова потерял сознание. Для меня было очевидно, если он теряет сознание от боли, то перелом у него точно есть. Но я боялась, что помимо перелома руки, у Тима могут оказаться ещё и внутренние травмы. А при таком тусклом свете осмотреть мужа, есть ли у него синяки и отеки на теле я уже боялась.

Почему-то, когда Тим стеснялся подпускать меня к своим ногам и пытался помешать мне, я чувствовала себя увереннее. А сейчас он лежит беззащитный, ничем не может мне помешать, но я боюсь его коснуться, чтоб не навредить ему ещё сильнее. А когда он застонал, я встала и уверенно направилась к пологому подъему. Я не смогу всю ночь сидеть возле Тима, теряющего сознание от боли. И если есть шанс спасти хоть что-то из наших

вещей, я попытаюсь это сделать.

Неяркий свет звёзд, всё-таки осветил мне дорогу до места, где стояла наша палатка. Лианы ее сломали, частично даже вбили в землю. Я схватила ее за тент и стала тянуть на себя.

Сразу заметила светильник, который оказался не сломанным и включила его. Каркас палатки был переломан во множестве мест. Поэтому я выдернула все, что получилось, трубочки и дуги из тента, а его быстро свернула несколько раз, чтоб складывать на него другие наши вещи. Авиона оказалась сломанной в нескольких местах, ее я с сожалением отложила в сторону. Котелок, в котором варилась рыба, был сильно вмят вовнутрь. Даже рыбу в нем зажало, слив остатки жидкости, я положила и его на тент от палатки. Туда же отправились наши с Тимом спальные мешки, они не пострадали. И фляжки, полные воды, отправилась на тент.

Рюкзак Тима, в котором лежали артефакты, к огромной моей радости, избежал ударов лиан. Но я, все равно, внимательно осмотрела его снаружи, прежде чем открыть. Там лежала бутылочка с кислотой глототраза, не хотелось бы, чтоб она меня разъела. К счастью, все было цело. И рюкзак Тима я сразу надела себе на спину.

Мой рюкзак, в котором лежали шкатулки с системами для впрыскивания и почтовик был немного вмят. Я со страхом открыла его и заглянула внутрь. Почтовик, который лежал на самом верху был сломан, а оба хранилища для смесей не пострадали. Но я все же решила забрать с собой все содержимое вместе с рюкзаком. И сумку с нашей сменной одеждой я тоже нашла.

Оставлять Тима одного дольше я побоялась, поэтому схватив все отобранные вещи, поспешила вниз.

Я сбросила все вещи в кучу и достала только светильник и фляжку с водой. И села возле Тима. Хотела осмотреть его руку, пока он не пришел в себя, но как я пойму, где именно у него болит. А ещё нужно было снять с него изорванный комбинезон. Прежде чем снова теревить Тима, я поставила возле себя шкатулки с обезболивающими смесями и медицинские артефакты из рюкзака положила ближе. На случай, если у Тима перелом, принесла несколько трубочек от каркаса палатки, чтоб использовать их, как шины. Свою водолазку я ножом порвала на несколько узких длинных полосок, чтоб использовать их для повязки.

Глубоко вздохнув и выдохнув несколько раз, я начала разрезать правый рукав Тима от запястья до груди. Когда я смогла оголить всю руку и плечо, я от жалости и бессилия заплакала. У Тима вся рука была синей от кровоподтеков. Сильный отек был от запястья до локтя. Выше запястья рука была сильно деформирована. Но и это было не самое страшное. У Тима, точно, помимо перелома лучевой кости, был ещё и вывих плеча.

Тим пришел в сознание сам:

— Сафира, ты плачешь. Я так плох? — Судорожно дёрнув губами, спросил Тим. Продолжая всхлипывать, я не стала отвечать.

— Разорвала мой комбинезон и ещё плачешь? Как я голым буду практику сдавать? — Я, продолжая плакать, рассмеялась. А Тим резко посерьёзnel и спросил. — Сафира, может, ты меня уже оплакиваешь?

— Нет, нет, конечно, — быстро ответила я. — У тебя только перелом. — По сравнению с предположением Тима это показалось такой мелочью. — Тим у тебя перелом лучевой кости на правой руке. И вывих плечевого сустава тоже, скорее всего, есть.

Глубоко вздохнув и поморщившись, Тим сказал:

— Это хорошо

— Что хорошего? — Хмыкнула я носом. — Нам же ещё с Горы спускаться, а почтовик сломан.

Тим пожал одним здоровым плечом и снова поморщился. Но вполне оптимистично проговорил:

— Хорошо, что раны не смертельные. Я ещё жить хочу. И еще хорошо, что перелом и вывих на одной руке. Левая-то рука у меня рабочей останется. И очень хорошо, что ты, Сафира, рядом. Ты же мастер в агрессивном целительстве. Было бы плачевно, если бы мне пришлось тебя лечить.

И я взяла себя в руки, сразу перестала хныкать. Раз Тим так верит в меня, я просто не имею права расклеиваться.

Я предложила Тиму сразу сделать ему обезболивающее впрыскивание и заняться уже непосредственно его травмами. Тим мужественно согласился, но как только я открыла шкатулку с системами, зажмурился, а потом вообще отвернулся в другую сторону.

Укол я делала Тиму в вену левой руки, чтоб лишний раз не касаться правой. Хоть Тим ничего и не говорил, но по нему было видно, что он терпит сильную боль. Через минут пять дыхание Тима стало спокойнее, он перестал сжимать зубы и вздрагивать, когда я случайно касалась его.

Тим с облегчением выдохнул и сел, левой рукой поднял правую и стал рассматривать ее:

— Сафира, думаешь, перелом со смещением? — Наконец, перевел Тим взгляд на меня. Я пожалала плечами. Тогда он, уложив руку на землю, лег и сам. — Давай зафиксируем, а когда доберёмся до Академии, доктор Дирб сам разберётся, что под повязкой. — Как не о своей руке сказал Тим.

Я принесла две трубки от каркаса палатки и положила их на землю возле Тима, положила на них лоскут от своей водолазки, с помощью Тима переложила на эту шину его поломанную руку и перевязала приготовленными мной лентами, вырезанными из моей водолазки. Я помнила, что повязка не может быть слишком тугой, она должна только поддерживать руку в одном положении, но при этом шина не должна болтаться. Когда мы закончили с одной травмой, я уже не знала, хватит ли мне сил заняться ещё и вывихом Тима.

— Тим, давай вправим вывих завтра.

Тим сразу согласился. Но мы совсем недавно вместе перечитывали конспекты, где было сказано, что чем дальше вывих не вправлять, тем сложнее это сделать позже. Может, даже понадобится хирургическое вмешательство. Поэтому я, встретившись взглядом с Тимом, пересела параллельно его левому плечу. Он, кивнув, лег на спину удобнее и попытался расслабиться. Я сняла сапог со своей правой ноги, несколько раз глубоко вздохнула и выдохнула, и, обратившись к Богу с просьбой о помощи, встала со стороны вывихнутого плеча Тима. Тим ободряюще улыбнулся мне, и я обеими руками захватила его предплечье. Я упёрлась пяткой в его подмышечную впадину и надавила ногой, одновременно вытягивая руку. Я почувствовала, как рука Тима расслабилась.

— Все. — Сказал он. — Сустав вернулся на свое место.

А я, покачнувшись, упала на колени.

— Сафира, только не теряй сознание. — Устало попросил Тим. И я не посмела его разочаровать.

Такую роскошь, как обморок, я себе не могла сейчас позволить. Я создала маленький ледяной пульсар и приложила его к плечу Тима, чтоб холодом снять с него отек. Тим, облегченно прикрыв глаза, похвалил мой пульсар. Вообще-то, у меня только ледяные сферы и получались устойчивыми.

Потом я надела свой сапог и помогла Тиму сесть, привязала его дважды травмированную руку к его телу, согнув в локте. Из-за того, что Тим не чувствовал сейчас боли, он вел себя слишком безрассудно. Не хотел, чтоб я фиксировала руку, пытался надеть свои носки и сапоги и хотел сам заняться ночлегом и поздним ужином.

— Тим, ты помнишь, что говорил доктор Надир о вывихах и переломах? — Потеряв терпение, спросила я. Тим много чего помнил, но меня интересовала самая жестокая из фраз целителя. — Он говорил, что запретил бы снимать боль при таких травмах. Потому что травмированные, не чувствуя боли, ведут себя неразумно, и усугубляют травмы. Тебе нельзя двигать правой рукой! Вообще нельзя! Ещё не известно, как я тебе вывих вправила, и есть ли смещение при переломе. Ты хочешь, чтоб тебя скальпелем резали и десяток магов-хирургов гордились, что только благодаря их мастерству, ты сохранил руку?

Тим пораженно смотрел на меня.

— Нет? — Я уже была злая на мужа, поэтому настойчиво завершила свою пламенную речь. — Тогда сиди спокойно и не заставляй меня ругаться!

Больше Тим мне не мешал. Он поел кусочки вареной рыбы, которые я положила перед ним, и выпил воду из фляжки, которую я ему подала. Без возражений перелег на свой спальный мешок, который я размотала и положила возле него.

А потом лёжа наблюдал за тем, как я собираю все наши вещи в одну кучу, накрываю все это тентом, сама ложусь рядом с ним и активирую артефакты невидимости и маскировки. Стараясь не толкнуть больную правую руку, я обняла Тима и попросила у него прощение за грубость. В ответ Тим меня поцеловал и поблагодарил за заботу.

Рано утром я проснулась от непривычного холода, присев на своем месте я стала наблюдать за Тимом, который ходил по каменистому берегу босиком. Он непостижимым мне образом наловил несколько рыбок и нес их, держа за хвостики к котелку, который был не таким гладким, как раньше, но не сплюснутый, как после нападения лиан. Наверное, Тим успел привести его в пригодный для приготовления еды вид.

В разорванном комбинезоне, с наполовину оголённым торсом, лохматый и босой Тим был таким привлекательным, что я боролась с искушением подбежать к нему с неприличными намерениями. Тим, как будто почувствовав мое настроение, посмотрел в мою сторону. Видеть меня, находящуюся под воздействием артефактов, он не мог, но ухмыльнулся так, что мне жаром обдало все тело. Я начала, под пристальным взглядом Тима, медленно подниматься, но Тим резко развернулся в сторону, и я замерла на месте. К Тиму выбежала огромная черная собака с вытянутой мордой. Она остановилась перед Тимом, рыча, широко расставив лапы. Собака оскалившись следила за неподвижным Тимом широко раскрытыми глазами, при этом хвост ее и уши торчали. Но Тим смотрел не на нее, а в сторону, откуда она прибежала.

— Тимир Найт, ты более жалок, чем я даже помнил, — услышала я хорошо знакомый презрительный голос, когда ещё его хозяин не появился в поле моего зрения.

Собака рыкнула громче.

— Узнала, девочка, кто подружку твою сжёт? — Обратился к своей собаке, наконец, появившийся Кон Вэдр. Ох, не зря Тим хотел свести с ним счёты ещё вчера. Как некстати

напали на нас гремящие лианы! — Найт, руку за голову. Быстро! Не делай резких движений! — Скомандовал адепт Вэдр.

Я знала, что увидеть меня или понять, где я нахожусь с помощью собаки, адепт Вэдр не сможет. Но сидеть в безопасности и ждать, пока моего мужа, и так раненого, покалечат ещё сильнее, я не могла. Нащупав под тентом рюкзак Тима, я достала оттуда бутылочку с кислотой глототраза, а из подвернувшейся под руку шкатулки вынула первую попавшуюся систему для впрыскивания. Я открутила с бутылочки крышку и оторвала от системы иголку. Зажав бутылку в правой руке, а систему скрыв в ладони левой, я начала медленно выползать из-под тента. С занятыми руками это было не так-то просто сделать.

— Тимир, а где твоя хозяйка? — Между тем продолжал издеваться Вэдр. — Я ее воспитаю ради нашей с тобой дружбы.

Тим сделал маленький шаг ближе к речке.

— Неужели ты не хочешь отдать ее мне на перевоспитание? — Ухмыльнулся староста курса. — Тимир, по твоему виду не скажешь, что она бережно обращается со своим имуществом. Участь жены единственной наследницы рода Чарх уже не так тебя радует? Если бы я только знал, что Сафира Чарх предпочитает жёсткие игры... — Тим, никак не реагируя на громкий лай собаки и язвительные реплики ее хозяина, сделал ещё один шаг к реке.

— Жисса была бы более ласковой хозяйкой, хоть и она любит доминировать в койке, — глумливо заметил Кон Вэдр.

Вот эти слова для меня стали последней каплей. Я, уже не боясь привлечь к себе внимание, отключила артефакты и решительно направилась в их сторону. Тим, увидев меня, на мгновение прикрыл глаза и качнул, как бы с сожалением, головой. А Кон Вэдр, наблюдая за мной, в приглашающем жесте раскинул руки в разные стороны, приказав собаке не спускать глаз с Тима.

Встав между Коном и Тимом, я с размаху пнула камни под ногами, и они полетели в сторону напряжённой псины. Вэдр мгновенно приказал ей сидеть, но лишь слегка отвлек свою собаку от меня, замедлив ее манёвр. Но она все же рывком бросилась на меня. Я, не позволив себе отвлечься на отчаянный крик Тима и его движение к собаке, выплеснула на нее жидкость с бутылки. И собака уже в прыжке, остановить который, казалось бы, уже ничто не было способно, сама, кувыркнувшись, откинулась назад и стала тереться боком о камни. А потом, жалобно поскуливая, как маленький щенок, побежала в сторону речки и плюхнулась в нее. Мы втроем наблюдали, как она шустро преодолела быстро текущую реку и скрылась в лесу.

— Ты, тварь, что наделала?! — Привлек к себе внимание Кон Вэдр. И обернувшись к нему, я, резко выкинув руку, выпустила в него содержимое капсулы для впрыскивания:

— Сам тварь! — крикнула я. Замешкался Кон только на долю секунды, и судорожными резкими движениями закрыл свое лицо обеими руками. А я торжественно проговорила:

— Береги свое личико от света, Вэдр!

То, насколько он напуган, было видно по дрожи прокатывающейся по всему его телу и по тому насколько крепко он прижал руки к лицу. А потом Вэдр начал ругаться. В потоке его приглушенных бранных выражений разобрать я смогла только часто повторяющееся слово "тварь"

Тим быстро подошёл ко мне, обогнув упавшего на колени Кона, и, обхватив меня за плечо, потянул в сторону наших брошенных вещей. По дороге он взял стоящий на земле

котелок с рыбой.

— Адепты! — Крикнул в сторону деревьев Тим. — Заберите своего руководителя и окажите ему помощь

Два моих сокурсника выбежали из-за деревьев и поспешили к Кону Вэдр. Они закрыли ему лицо каким-то лоскутом и плотно перевязали лицо и ладони.

Я, так же как и вчера, сложила тент и использовала его, как переноску для наших вещей. Тим принес палку, которая ещё вчера была гибкой агрессивной лианой, и показал, как присоединить к ней связанный тент. Получилась своеобразная гигантская котомка. Ее Тим закинул на здоровое плечо. А свои рюкзаки мы с Тимом надели себе на спины.

Поднимаясь вверх, мы слышали угрозы адепта Вэдр, бросаемые нам в спины.

Тим сам осмотрел место, где валялись наши вещи, поломанные вчера лианами. Взял он оттуда только веревки и возле самого обрыва подобрал свой стилет. А все остальное мы сложили в кучу, чтоб организаторы могли забрать это, когда у нас получится передать им координаты места.

Когда мы с Тимом добрались до безопасного места, он с моей помощью из нашего тента и подручных материалов соорудил вокруг дерева шалаш. В нем мы укрылись на целые сутки, чтоб группа Вэдра ушла от нас дальше. Мы с мужем отдыхали и ели, то что смогли собрать поблизости. Рыбки, выловленные Тимом, тожегодились.

И ещё мы смогли Тима переодеть, в порванном комбинезоне он, действительно, для окружающих выглядел жертвой жестокого обращения. Хотя во мне его порванный комбинезон будил абсолютно другие фантазии. Только аристократы всегда должны выглядеть достойно. От комбинезона нам пришлось избавиться, привести его в приличный вид было невозможно. Тим надел свои тренировочные штаны и водолазку. Правый рукав на ней пришлось отрезать до самого предплечья. И руку Тиму я снова привязала к телу, чтоб сбереечь ее от повторных травм.

К следующему утру у меня снова появилась ненавистная тошнота, и завтракать я отказалась. А Тиму пришлось делать впрыскивания от боли, и я ему ещё бодрящей смеси добавила. Все-таки, нам нужно добраться к подножию Горы как можно быстрее, я боялась, что у Тима может появиться лихорадка, да и раны его нужно было показать целителю.

Мы провели в дороге полдня и, только когда солнце стало в зените, мы с Тимом решили немного передохнуть. Мы вместе собрали шалаш и сложили внутри вещи. Тим, чтоб мы не возились с хворостом, установил под котелком греющий артефакт. Мы сварили три маленькие, выловленные им утром, рыбы. А я, пока Тим сидел, прислонившись к дереву, решила сорвать хоть немного кислицы. Мы с мужем уже стали беречь артефакты, их осталось очень мало. И сейчас Тим не активировал ни один из них, поэтому я собирала кисленькую, но очень полезную травку не отходя от него далеко.

Когда, набрав ее в свою миску, я подошла к Тиму, увидела возле его правого бока змею. Она сползла с дерева и, вытянувшись, находилась почти на уровне руки Тима. Пораненной, для фиксации привязанной к телу, руки. Я хотела предупредить Тима о неожиданной гостье, но он сидел к ней боком. С раненой рукой единственное, что бы он смог сделать, это отпугнуть ее. А я хотела ее поймать нам на обед. Вернее, на обед Тиму. Я бы с кислицей поела все рыбки, тем более они совсем маленькие. А Тим поест змеиное мясо. Может даже, пока оно варится, я и ему кислицу принесу. За последние сутки Тим очень ослаб, хоть и пытался казаться как и раньше сильным и бодрым. Ему сейчас питательное змеиное мясо пошло на пользу.

Я, готовясь нанести магический удар, усиленно думала: раз у этой змеи на голове были жёлтые пятна, значит, это уж. А ужи не ядовитые. Это, конечно, хорошо — я и Тим не рискуем погибнуть от змеиного яда. Но, с другой стороны, адепты в лагере Лиона говорили, что именно ядовитые змеи самые вкусные и питательные.

Пока я думала, змея сползла на землю и, шипя, вытянулась вертикально. Мне нечем было ее бить, не миской же ее глушить по голове?

Но я же магиня! Хоть только седьмого уровня. И пусть устойчивыми у меня получаются только маленькие ледяные пульсары, но это все же лучше, чем вариант с миской. Я очень плавно отступила вправо, чтоб, случайно промазав, не охладить заснувшего Тима. И глубоко вздохнув, с замаха ударила по оскалившейся на моего мужа змее пульсаром. Не промазала!

Змея с толстой ледяной коркой на голове, под которой был даже виден ее высунутый раздваивающийся на кончике язык, упала на траву. И хоть молниеносность своих движений головой змея явно потеряла, но хвостом она стала бить по земле очень шустро. Я смотрела, как, проснувшийся от шума Тим, вскочил и, прижав ногой обледеневшую голову змеи, отсек ее тело ударом стилета. Моя длинная безглавая добыча недолго извивалась на траве. А Тим переводил сонные глаза с нее на стилет в своих руках и на меня.

— Сафира? — Наконец, остановил он взор на мне. — Что это?

— Змея! — Радостно провозгласила я. — Я ее тебе на обед поймала.

Тим нагнулся, не приближаясь, над головой, лёд на которой уже растаял, и цокнул:

— Ну, надо же.

Его реакция меня немного напрягла. Теоретически, он должен был меня похвалить за заботу о его сытости.

— Я старалась для тебя, — неуверенно заметила я.

— Умница, — выдохнув, сказал Тим. — И жизнь мне спасла, и самую вкусную еду запасла нам надолго.

Польщенная его похвалой, я не сразу поняла другие его слова. Но, когда их смысл всё-таки дошел до меня, я обратила внимание Тима на жёлтые пятна на голове Тима.

— Раз жёлтые пятна есть, то эта змея — уж. А он неядовитый. — Ещё и озвучила я свои умные мысли.

— Сафира, это не жёлтые пятна, а рожки. Оранжевые. Перед тобой юрза — самая ядовитая змея в здешних местах. — Тихо сказал Тим. — Чем ярче окрас ее рожек, тем больше змея накопила яда. Уж, за которого ты приняла эту змею, больше меры в длину не бывает и на деревьях не обитает. А эта змея длиннее меня... Нет, она длиннее Кона будет. — Тим подобрал более подходящее сравнение, я даже улыбнулась от этого. — Спасибо, Сафира, за спасение моей жизни и за вкуснейшие обед. Но, позволь спросить, — и лицо у Тима сразу стало серьезным, такое характерное архаровское выражение, от которого я чувствовала себя обвиняемой в суде, — чем ты на лекциях по зоологии занималась? Почему не разбираешься в видах пресмыкающихся?

Голова моя сама виновато опустилась, просто вынести потяжелевший взгляд Тима было уже невозможно. И глаза сами стали внимательно разглядывать травинки под ногами. Но уши все равно выслушали лекцию о моей безответственности, которая чуть не стоила мне жизни, ведь противоядия от укуса юрзы у нас не было. И правила поведения при виде змей Тим мне тоже напомнил. И заставил повторить.

Я уже приготовилась плакать, слезы всегда спасали меня от строгого Тима, но он сам шагнул ко мне и обнял очень крепко одной левой рукой и прижал к своему боку.

— Сафира, больше так не поступай. У тебя же маскировочные артефакты в кармане с первого дня практики лежат, надо было скрыться от змеи. И только потом бить по ней.

— А если бы пока я вожусь, ты пострадал? — Спросила я мужа.

— Я сильнее. И пил перед практикой зелья, они приспособливают организм к различным ядам. Но, помни, даже я не переживу, если будет плохо тебе. Тебе же этих зелий не давали, чтоб не навредить ребенку.

Мы бы простояли, обнимаясь с Тимом ещё долго, если бы не юрза, которую нужно было выпотрошить и приготовить.

Убить змею оказалось намного проще, чем ее поест. Всю работу пришлось Тиму делать самому, я же из-за приступов тошноты отошла отдохнуть. Я с приличного расстояния просто наблюдала за тем, как Тим только одной рукой потрошит юрзу. Он, сперва прижал ее ногами к земле и снял кожу с места, где когда-то находилась голова до самого хвоста. Как чулок стянул змеиную кожу. Я попросила сохранить ее для Марины.

А потом выпотрошил змею и откинул в сторону все, что находилось внутри ее.

— Фу, — не удержалась я от комментария.

Тим выпрямился и поднял очищенную тушку на вытянутой руке. И выглядел при этом очень довольным.

— Это не "фу", в любом ресторане нам бы за нее очень щедро заплатили.

— Может, Тим, нам с тобой стать охотниками-змееловами? Чтоб потом продавать свою добычу ресторанам? — Тим на мое предложение только усмехнулся.

А потом Тим начал резать змею на маленькие куски и складывать их в котелок, из которого я уже забрала все три рыбки. И очень хорошо, что я успела их съесть, потому что запах от варящегося змеиного мяса был ужасным. Зловонным. Ничего отвратительнее вдыхать мне никогда не приходилось.

Только Тим мое отвращение не разделял:

— Сафира, не отходи далеко. Это обычный запах, напоминает рыбу, — но мое обоняние обмануть невозможно. И я активировала маскировочный артефакт и стала переходить от одного дерева к другому, пытаюсь избавиться от преследующей меня вони. Может, этот специфический запах уже впитался в мою одежду? Только сбежать от него не получалось.

Я шла, пока не наткнулась на поросёнка, застрявшего между двойным стволом дерева. Как-то Тим спасал парнокопытного детёныша из такой же ситуации. Но этот носитель пятячка не визжал и даже паниковать не начал, когда я стала приближаться. Может, так действовал артефакт?

Спасителем поросёнок я себя никогда не чувствовала, но этого малыша мне было жалко. Я крепко сжала поросёнка грудную клетку и потянула его вверх, туда, где стволы дерева расходились в стороны. А когда несчастный оказался у меня в руках, я прижала его крепче к себе. Очень было его жалко, совсем малыш обессилел. Если его тоже использовали для задания, и он здесь стоит несколько дней в ожидании спасения?

Но неожиданно поросёнок начал резво шевелить ножками, и только я поставила его на землю, как он вырвался из моих рук и сбежал в неизвестном направлении. Я, конечно, благодарности не ждала, но и такое свинство меня не порадовало.

Постояв на месте несколько мгновений, я, снова вспомнив о пройденном нами задании, посмотрела наверх дерева. Так и есть, его ветвистый ствол украшал улей, и я в предвкушении, что, наконец, поем хоть что-то сладенькое, начала взбираться по дереву, и то,

что у него было много веток, мое восхождение очень облегчило.

Улей, к моей величайшей радости, так же как и первый, что мы нашли с Тимом, оказался необитаемым, и внутри него я нашла баночку с медом. На ее крышке было написано пожелание приятного аппетита адептам Свободной Академии Магии и номер задания, но его я уже не дочитала. Открутив крышку, я с удовольствием облизала ее внутреннюю сторону, а потом погрузила в мед палец. И долго-долго наслаждалась нежным вкусом, погружая палец в янтарную массу и облизывая его.

Если бы у меня с собой была ложка, я бы быстро опустошила всю баночку. А, набирая небольшое количество меда на пальчик, я немного завозилась и уже устала стоять на дереве. Чтоб занять место удобнее, пришлось подняться чуть выше по все ещё широкому стволу и усесться на ветку. Она показалась мне очень надёжной и удобной. Я обхватила ствол левой рукой и в ней же продолжила держать баночку. А правой рукой я ела мед, когда заметила, что низко подо мной мимо дерева пробежал Тим.

Я никогда не боялась высоты, но сейчас у меня закружилась голова. Прижавшись лбом к стволу, я, быстро прикрутив к банке крышку, отправила ее в глубокий карман комбинезона.

Но голова у меня закружилась не от страха высоты. Я представила, как недоволен будет Тим, что я ушла от него без предупреждения. А ему и так сейчас плохо, быть причиной его недовольства я не хотела. И в тысячу раз больше я не желала слушать нравоучения и критику.

Я аккуратно, чтоб не упасть, стала спускаться с дерева. Ноги я переставляла внимательно, только на самые надёжные сучья и ветки. И уже преодолела половину пути до земли, когда я услышала крик Тима, зовущего меня по имени.

Я не смогла промолчать и откликнулась. Хотела продолжить спуск, но Тим внезапно оказался под деревом и, подпрыгнув, поймал вторую снизу ветку. Потом, подтянувшись, закинул на нее ноги и как-то встал на эту ветку. Затем сразу же ухватился за другую ветку над своей головой. И одной рукой, ногами упираясь в ствол дерева, подтянул на нее тело.

И Тим оказался прямо передо мной, стоял на той же ветке, что и я. Он залез на дерево со сломанной и привязанной к телу рукой. И сделал это с невероятной скоростью. Я смотрела на него расширившимися от удивления глазами, не зная, как начать оправдываться.

А Тим, прижав меня к стволу дерева, обхватил его рукой. Он поцеловал меня в щеку и ухо и прошептал мое имя. Я почувствовала, как сильно бьётся его сердце, и как он глубоко вдыхает и медленно выдыхает, пытаюсь восстановить прерывистое дыхание. Волосы Тима взмокли от испарины и, мне даже показалось, что у него началась лихорадка. Восстановив дыхание, Тим спросил меня:

— Сафира, испугалась?

Я закивала очень интенсивно, чтоб выглядеть убедительной и избежать ссоры.

— Поганая змея! — Выругался Тим. Я, конечно, сейчас не была образцом послушания и разумности. Но слушать такие слова, все равно, было неприятно.

— Как я мог из-за еды оставить тебя одну?! — Между тем продолжил Тим. — Прости, Сафира, прости. Кто тебя напугал? Кто загнал тебя на дерево? Почему ты не позвала меня?

И я поняла, что Тим только что ругал не меня, а змею в нашем котелке. Он думает, что, пока он занимался едой, меня кто-то напугал настолько сильно, что я спряталась на дереве. Сказать мужу правду и показать баночку меда? Он меня, скорее всего, простит. Может, только немного поругает.

— Тим, я так испугалась, — решила, что сейчас не время каяться в том, что я сладкожка. — Прости, не думала, что сижу на дереве так долго.

Тим вздохнул и погладил меня по щеке. Он был очень подавлен и переживал из-за произошедшего.

— Я тебя недостоин. Даже убереечь от опасностей не могу. Прости меня, радость моя пугливая.

И мне стало стыдно. То, что я хочу скрыть от Тима свою оплошность, может, не так и плохо. Но муж мой не должен мучиться угрызениями совести и считать себя плохим защитником. Я только собралась рассказать ему всю правду, и открыла рот, как Тим поцелуем закрыл мне его. Я в ожидании продолжения прикрыла глаза и обхватила Тима за шею. Но Тим просто стоял, прижавшись губами к моим губам. И я открыла глаза и посмотрела в широко открытые теплые глаза мужа. Он стоял очень напряжённо и, когда я посмотрела на него, медленно освободил мои губы, только легко поцеловав их, и на самое ухо попросил меня достать из кармана артефакт невидимости. Только я успела его достать и по кивку Тима активировать, как почти под нашим деревом раздались голоса передвигающейся группы людей.

Скрытые артефактами мы с Тимом стали наблюдать за ними.

— Здесь никого нет. — Громко провозгласил один мой сокурсник

— Голоса, точно, слышались с этой стороны. И имена «Сафира и Тим» я отлично расслышал, — произнес Кон Вэдр.

— Может, вам показалось, адепт Вэдр? — Спросил рыжеволосый парень.

— Даже если не показалось. — Заявил другой, тоже рыжий, адепт. — Зачем нам они? Лорд Чарх не оставит безнаказанным нападение на его племянницу и зятя.

Кон Вэрд, которого вели под руку, выдернул ее и резко обернулся в сторону рыжих третькурсников, которые когда-то принесли извинение Тиму за то, что ушли в группу Вэрда. Все лицо Кона и ладони были плотно перевязаны и, может, от этого он был очень нервным и несдержанным. Адепт Вэрд закричал на своих рыжих подопечных:

— Вы тоже поклонники выроodka? Может, и сами скрываете какие-то дефекты?

Рыжики стали оправдываться и отрицать свою симпатию Тиму. И клясться, что у них нет никаких физических нарушений, и что в семье у них вырожденцы никогда не рождались.

Кто-то из сокурсников начал их дразнить и напоминать об их прошлых или мнимых ошибках. Особенно жестоко прозвучала угроза Вэдра раздеть их донага и проверить соответствуют ли они стандартам, как пытаются казаться. Тим, положив ладонь мне на затылок, прижал мое лицо к своей груди. Но я продолжала слышать спор, смешки, просьбы...

Наконец, Кон Вэдр сказал, что эти оба адепта ему в группе не нужны. И он, с помощью третьего рыжего адепта, вызвал через почтовик для них группу спасения. Оба провинившихся парня сели под дерево, стоящее дальше нашего. А Кон Вэдр и оставшиеся с ним пять подопечных продолжили путь.

— Почему Вэдр в повязке? — Шепотом спросила я на ухо Тима.

— Ты же брызнула в него кислоту глототраза. — Не спуская взгляда с уходящей группы, ответил Тим.

— Я же пошутила. — Тим резко посмотрел на меня и задал уточняющий вопрос. На которые я сразу ему ответила. — У нас же только одна бутылка с кислотой была. Я в Кона какую-то смесь из капсулы брызнула.

Тим долго с недоверием смотрел на меня, а потом широко улыбнулся, что ямочки засияли радостно:

— Сафира, ты не устаешь меня удивлять, — прошептал он.

— А разве невозможно определить, чем в тебя брызнули? — Я же думала, Вэрд давно проверил, чем я брызнула ему в лицо, уже снял свои повязки и резво спешит к подножию Горы.

— Конечно, можно. — Сказал Тим. — Но для этого нужно, чтоб мозги служили не только наполнителем черепа.

Тим долго чему-то улыбался, а потом сказал мне.

— Сафира, у меня сейчас появился шанс за все Вэрду отомстить. После этого только родной отец и предложит ему работу.

Я не хотела снова оставаться одна, и сразу вспомнились лианы.

Только Тим оставлять меня и не собирался.

Он бесшумно слез с дерева и помог мне также тихо оказаться на земле. Когда мы отошли дальше от подопечных Вэрда, Тим стал мне впервые объяснять план, разработанный им с дядей.

— Лорд Чарх покопался в архивах Академии. Если отпустить подробности, получается, что семикурсник сдает практику, когда доведет до подножия Горы хотя бы одного подопечного. Но и остальных он не может просто потерять. Выпускник несет ответственность за каждого подопечного. Каждому, кто покидает его группу, он должен вызвать спасателей, и они должны покинуть Горы. Живыми или мертвыми. Хотя никто ещё здесь не умирал. Лорд Чарх придумал, чтобы я украл одного из адептов Вэрда и спрятал на Горе, тогда бы Вэдр провалил практику. Так я смогу отомстить и при этом никаких претензий ко мне быть не может, я же не несу угрозу жизни и здоровью цветущей нации.

План мне понравился. Но, все же, напрашивались вопросы:

— А это честно, похищать адепта? За это нас не накажут?

— Это подло. — Ответил с кривой улыбкой Тим. — Но я же не первого попавшегося адепта схвачу, а своего должника. Того, что взял мои деньги, но ушел к Вэрду. Раньше я планировал, всем троим адептам здесь ноги переломать. Но лорд Чарх подсказал лучшее решение, да и двое рыжиков уже извинились. И нет, наказание мне не грозит. Все в рамках закона Принципата. Ведь ничто не сдерживает преступность, как неминуемая месть.

И Тим рассказал, что мы сейчас будем делать, скорее всего, чтоб я могла вовремя оказать помощь и не мешала позже с лишними вопросами.

— Сафира мы вместе сейчас идём к нашему шалашу. Ты делаешь мне впрыскивание для бодрости. Мы догоняем группу Вэдра. Я постараюсь умыкнуть своего должника и спрятать его, скрыв под действием артефактов. Мы забираем необходимые нам вещи и, как можно быстрее идем к реке, чтоб пересечься там с группой Лиона. И вместе спускаемся с Горы.

Меня план Тима устроил во всем.

Но на деле все оказалось не так весело. Охотился на адепта только Тим, а я плелась рядом, скрытая от людей и животных артефактами. Не то что бы мне было очень скучно, но, всё-таки, хотелось поучаствовать в чем-то захватывающем. Тиму же, похоже, идти часами за группой Вэдра скучным не казалось, только он заметно передергивался, когда его староста начинал ругаться, выражаясь при этом как "неблагородный незаконнорожденный"- это Тим так тихо ругнулся на Вэдра, когда мне пришлось очередной раз закрыть уши от потока сквернословия. Но, я заметила, что в последнее время ругаться чаще стал и Тим, только он делал это тихо. Не оглашая окрестности непристойностями.

Наконец, Вэрд решил сделать привал и разослал подопечных с различными заданиями.

Только одного адепта оставил возле себя.

Должник Тима, единственный из троих адептов, обещавший за оплату войти в группу Тима, но не извинившийся за свой обман, начал собирать листочки и ягоды с кустов жимолости. Он быстро набирал две плетенки из прутьев и отходил от лагеря все дальше. А мы с Тимом бесшумно следовали за ним.

Когда парень отошёл ещё дальше, он бросил обе вязанки на землю и растянулся на траве, подложив ладони себе под затылок. Тим протянул мне свой кастет и попросил одеть его на пальцы левой руки. Я немного опешила, не думала, что Тим собирается бить или калечить парня. Почему-то, представляла, как Тим вырубает парня ударом пульсара. Но просьбу мужа выполнила быстро, ему лучше знать, что делать. Тим отошёл от меня, выйдя из-под действия артефактов, которые лежали в моем кармане.

Я наблюдала, как Тим бесшумно переставляя ноги, приблизился к лежавшему парню и встал возле него. Третьекурсник, наконец, открыл глаза и спешно поднялся на ноги.

— Тимир? А мы тебя искали, — без тени страха сказал тот, кто был нашей с Тимом добычей в этой охоте. Хотя он-то об этом еще не знал.

— Адепт Найт, — поправил его Тим.

— Что?

— Обращайся ко мне официально.

Подопечный Вэдра с презрительной ухмылкой обвел взглядом Тима, который был одет не в рекомендованный комбинезон, а в обычную удобную, можно даже сказать, сугубо неофициальную одежду. А ещё Тим был лохматым, и загоревшись. С рукой привязанной к телу. Подумав, что-то прикинув в уме, адепт уже вежливее спросил Тима:

— А где Сафира? Адепт Найт.

Я уже собиралась шагнуть вперед, но ответ Тима меня остановил.

— Адептка Чарх в нашем лагере, следит за приготовлением обеда. У нас сегодня суп из юрзы.

— М-м, — с предвкушением сказал адепт, — может, пригласишь меня к себе на обед? Адепт Найт.

— Конечно, — и, радушно махнув рукой, Тим пошел впереди адепта, которого вроде как собирался похитить. Тим обернулся и напомнил своему будущему гостю, чтобы он не забыл взять плетенки с ягодами и листьями жимолости. И, бросив взгляд на место, где предположительно должна была стоять я, кивком головы велел идти за ними.

Тим, ориентируясь по компасу, привел нас к нашему наскоро собранному шалашу. Но увидели мы наше жилище только когда Тим, по засечкам на стволах деревьев нашел его и отключил артефакты.

Мой сокурсник оглядывал все в изумлении, но сказать что-то доброе или хотя бы нейтральное ему, скорее всего, не позволило воспитание.

— И где адептка Чарх? Сбежала с этого жалкого пристанища?

Я не удержалась и сказала:

— Я здесь.

Он резко обернулся на мой голос, но не увидел меня, все еще находящуюся под воздействием артефакта. С недовольным выражением он начал оборачиваться к Тиму.

В этот момент Тим ударом в челюсть опрокинул его на землю. И, не обращая внимание на то, что поверженный противник находится в полубессознательном состоянии, нанес ему несколько ударов по ребрам. Мне даже показалось, что я услышала характерный хруст

костей. Я не осуждала Тима за такую жестокость, драться честно с поломанной рукой он бы и не смог. И, скорее всего, и отомстить за предательство и пренебрежительное отношение к себе мой муж хотел. А даже допускала, что Тим сорвал на подопечном Вэдра злость, которая накопилась на самого Кона. Только парня мне, все равно, было жалко.

— Сафира, — позвал меня Тим, — где ты?

Я отключила артефакт и стала видимой для Тима. Он шагнул ко мне и приобнял за плечи. Пришлось сделать усилие, чтоб не отшатнуться от его руки, на пальцах которой все ещё находился кастет.

— Надо было отвернуться — Сказал мне муж. — Зачем ты смотрела на это?

Я думаю, ответа на этот вопрос он и не ждал.

— Тим, для чего ты бил по лежащему, он же и так не сопротивлялся?

— Чтоб сломать ему ребра, — я тоже не ждала, что Тим ответит на мой вопрос. Тем более не думала, что услышу такой ответ. Тим не мог не понять, что я в замешательстве. И попробовал объяснить. — Сафира, мне нужно было не только поймать адепта из группы Вэдра. Надо его ещё и удержать хоть бы двое суток, пока практика не закончится. Вести его с собой опасно. Значит, придется оставлять его здесь. Но здоровый мужчина не будет ждать, сидя в шалаше, пока его найдут. А боль... боль ломает волю. Тем более, я имею, в отношении этого адепта, право на месть.

— И что? Он будет здесь лежать со сломанными ребрами и челюстью?

— Челюсть я ему не сломал. Только ушиб слегка. Я сделаю ему повязку на груди. Свяжу. Посажу в нашем шалаше. Оставлю один спальный мешок и еду. Артефактами скрою его от всех. И обезболивающих средств он не получит.

План был неплохой. Жестокий немного, вполне в духе нового мира. Вроде закон не нарушается, и все правила соблюдены, но гуманностью здесь и не пахнет. Тим очень быстро вытащил все нужные нам вещи из шалаша, оставив внутри только спальный мешок и котелок с вареной юрзой. Но большую часть змеиного мяса Тим переложил для нас в миски, накрыл листьями жимолости и сложил в рюкзак.

А в шалаш он внёс плетенки с ягодами и листочками жимолости. Одну нашу фляжку Тим также оставил в шалаше, перелив в нее всю нашу воду. А потом Тим подошёл к подопечному Вэдра, который все ещё лежал неподвижно на земле. Тим хотел его посадить, чтоб сделать перевязку, но, ругнувшись, отошёл в сторону. И там, вызывая мое недоумение, стоял, облокотившись на дерево, с недовольным выражением на лице. Я подумала, что наш пленный умер, и хотела проверить страшную догадку. Но Тим поймал меня и не позволял отойти от себя.

Но меня же мучила совесть! И не хотела я, чтоб моего мужа судили.

— Сафира, успокойся, — попросил Тим, — все нормально.

— Он умер? — Спросила я.

— Кто? Нет! — Сначала удивился, а потом возмутился Тим. И смиренно добавил. — Хуже.

Что может быть хуже, чем смерть? Страшнее, безысходнее, необратимее? Я стала расспрашивать Тима, а вырваться из одной лишь его руки у меня не получалось. Наконец, Тим, цокнув, тихо сказал:

— Он не умер, он... обмочился.

Я не сразу поняла, о чем говорит муж, но, когда поняла, не удержалась от громкого вопроса:

— Разве это хуже, чем смерть?

— Конечно. — Серьезно сказал Тим. — Теперь я не могу забрать его комбинезон себе.

О, оказывается мой муж ещё и грабежом планировал заняться. Или это правильное назвать мародёрством?

Выражение моего лица Тиму, точно, не понравилось и он начал объяснять мне, что в том, что на нём надето сейчас, будет неприлично выходить к встречающим у подножия Горы. Ведь там помимо ректора, магистров, комиссии и адептов, будут ещё и наши родственники.

— Лорд и леди Чарх, мои родители и братья, — не без грусти закончил Тим.

Тогда я захотела его поддержать и успокоить:

— Тим, давай почистим этот комбинезон магией.

— Нет, — категорично проговорил Тим. И для меня пояснил, — не получится. Магия даёт только лоск и убирает грязь с поверхности.

— Тогда я могу постирать его в реке, мы же все равно к ней идём.

— Нет, не надо. — Так же категорично ответил муж на мое очень щедрое предложения. Я даже на стирку ради него соглашалась.

— Может... — Сдаваться я не собиралась.

— Нет, Сафира, я не смогу надеть этот комбинезон. Даже после стирки. Мне будет противно в нём ходить. — Тим высказался очень резко и, выдохнув, взял себя в руки. — Ничего страшного в моей одежде нет. Все и так воспринимают меня только как выродка. Отрёпками я никого не удивлю.

— Ну, да, лучше свои отрёпки, чем комбинезон писуна, — я просто хотела выразить свое согласие решению Тима. А он выронил из рук рюкзак и, усевшись на траву, начал смеяться. Потом, застонав, пытался сдержать хохот. Но, все же, сказал, что я всегда нахожу необычные слова для поддержки. И почти всегда поднимаю ему настроение.

Больше я не отвлекала Тима. И старалась не следить за его действиями. Потому что плененный нами адепт плакал и просил его отпустить. А Тим совсем не бережно перевязал его грудную клетку. Потом целительским жгутом связал пальцы правой руки, чтоб магичить адепт не смог. Затащил его в шалаш и там к дереву привязал его левую руку. Я даже на отчаянный, жалобный крик адепта старалась не реагировать. Когда Тим активировал артефакты, шалаш стал невидим, и мы с вещами двинулись в путь.

— Я просто вывернул ему локтевой сустав на левой руке, чтоб не пытался сбежать. — Сказал всю дорогу молчавшей мне Тим. После этого говорить мне совсем расхотелось.

Мы шли без привалов, только с недолгими остановками. И уже под вечер дошли до места у реки, где мы планировали пересечься с Лионом.

Увидев настоящую целую палатку между двумя невысокими деревьями и костер, над которым висел котелок, от которого распространялся аромат наваристой ухи, я, невольно сглатывая слюну, заспешила к этому идиллическому месту. Только Тим придержал меня и заставил идти медленно за своей спиной.

Навстречу нам вышел Лион и только один из его подопечных. Они поприветствовали Тима и меня официальным низким поклоном и пригласили присоединиться к ужину. Я опередила всех и заняла место на большом камне. И я сидя наблюдала, как приближаются к костру Тим, Лион со своим подопечный.

Мы вчетвером с большим аппетитом принялись за еду. Я наслаждалась ухой. А они втроем помимо рыбного супа ели еще и варёную юрзу, две миски с которой Тим достал из

рюкзак.

Историю своего нисхождения первым рассказал Лион. Как оказалось, у него только один адепт в группе и остался. Всех остальных он передал организаторам практики. О наших приключениях Тим рассказал только то, что мы уже прошли двадцать заданий, ранили его гремучие лианы, и, если бы наш почтовик не был сломан, мы уже покинули бы Гору из-за его травм.

Ужин наш прошел спокойно, потому что, обычно веселый, Тим, который всегда поддерживал беседу и в любой ситуации оставался внимательным слушателем, сейчас был вялым. Он очень расстроился, когда Лион сказал, что запасного комбинезона у него не осталось. Чем-то подавленным казался и сам Лион.

Поэтому мы рано легли спать, и разместились все в одной палатке.

Я проснулась рано утром и вышла на свежий воздух. Лион сидел на моем камне и уже успел разжечь костер. Он уступил мне согретое место и уселся прямо на пол, вытянув ноги.

— Тим ранен, меня всегда тошнит, — сказала я. — Но ты-то почему такой грустный? Сегодня мы уже сдадим практику, вернемся к комфортной жизни — радоваться же надо.

Лион непривычным серьезным взглядом посмотрел на меня.

— За Тимира спасибо. Он много вчера о тебе рассказал. Называл тебя своей спасительницей.

— Когда только успели? — Мы же легли спать одновременно, вряд ли Тим вышел из палатки ночью с Лионом, оставив меня наедине с посторонним парнем.

— Тимира ночью мучили боли, я активировал для него целительские артефакты. Мы и поговорили немного. — Разъяснил Лион непонятные мне обстоятельства.

— Так почему ты грустный? — Чуть бодрее повторила я свой вопрос.

Лион тоже улыбнулся, но не так, как обычно, беззаботно и радостно.

— С твоей тошнотой моя проблема, конечно, не сравнится, — начал деверь издалека. — Но, скорее всего, я провалю практику.

Вот такое заявления было очень неожиданным. Я стала расспрашивать его подробнее и узнала, что его группа прошла только девятнадцать испытаний. Лион, в отличие от Тима, не искал везде задания. И последние четыре испытания он уже прошел, когда преодолел основной путь. Лион надеялся, что задания будут встречаться и внизу, но ошибся. А сейчас возвращаться наверх, скорее всего, бессмысленно. Что можно найти там, где уже прошли все группы? Да и времени не так много в запасе, как кажется. Сегодняшний день только и остался.

— Но ничего, место в Армии мне все равно найдется. Жаль только старшим офицером мне никогда не стать, — постарался оптимистично закончить мой деверь.

Обидно, когда мечты рушатся. А я еще удивлялась, когда Тим искал кругом все необычное, старался выложиться на каждом задании. Наверно, такой план действий и подсказал ему мой дядя.

И еще я вспомнила о баночке с медом, которая уже давно лежит в моем кармане.

— Лион, а ты поросенка спасал? — Неожиданно даже для себя спросила я его.

— В смысле — спасал? Чтоб он не вырос и не превратился в большую свинью? Ну да, я часто ем в ресторанах...

Рассмеявшись, я прервала деверя и уточнила, что спрашиваю о спасении поросенка на практике из ловушки двойного ствола. Как оказалось, спасителем парнокопытных на Горе Лион не был. И я, встав важно, осознавая, какой я дар приношу деверю (лучше, чем чайный

сервиз и два канделябра, взятые вместе) достала из кармана баночку меда. Потом я снова села на камень, открутила от баночки крышку, и вручила ее Лиону.

— Поблагодаришь позже! — Снисходительно сказала удивленно наблюдавшему за моими действиями деверю.

Но Лион, кажется, вообще не о благодарности думал, он не спускал взгляда с баночки в моих руках, в которой оставался мед. А я им делиться не собиралась!

— Дай, хоть попробовать, — капризно, сморщившись, как ребенок, попросил Лион.

— Не дам! — Жадно спрятала я баночку за спиной. — Мед мой. А тебе я крышку с цифрами дала — поблагодарил бы хоть. — Когда Лион осознал, что я ему сказала, он с нетерпением повертел крышку в руках и уточнил у меня, отсылали ли мы этот код комиссии.

— Конечно, не отсылали. — Был мой ответ. — Мы с Тимом два поросенка спасли, и у нас две крышки были с кодами.

Лион убежал в палатку, чтоб достать почтовик и отправить отчет комиссии. И, когда ему пришел ответ с поздравлением, что он прошел двадцатое задание и получил за него пять баллов, Лион от избытка чувств подскочил ко мне и радостно обнял. Как сестру.

— Руки убери от моей жены, — раздался от палатки голос Тима. И Лион засуетившись, отскочил, и чуть случайно не наступил в костер. Я же тоже встала и попыталась объяснить Тиму, что он неправильно нас понял, что Лион просто радовался сданной практике... Но Тим, может быть, из-за боли, продолжал давить младшего брата тяжелым взглядом.

Не хочу даже думать, чем бы закончился приступ ревности Тима, но со стороны речки раздались крики о помощи и Тим и Лион побежали туда. Я тоже последовала за ними.

Горные речки всегда бывают холодными и быстрыми. И сейчас потоком ее воды сносило вниз по течению двух человек. Один пытался выплыть и как-то боролся с быстрым течением, а второго, лежащего спиной вверх, просто сносило. И казалось, что шанса выжить у него уже нет.

— Это Чмир, — сказал Лион. Он помог третьекурснику выбраться на берег. И они с Тимом побежали вниз по берегу речки, догоняя уплывающего бывшего друга. Я же помогла замерзшему, промокшему и наглотавшемуся воды третьекурснику из группы Чмира добраться до костра, принесла ему одеяло, чтоб он мог укутаться и согреться.

И стала с нетерпением стала ждать, пока вернуться Найты. Я очень боялась, что Тим со своей раненой рукой полезет в воду. От переохлаждения ему может стать хуже. Ко мне приблизился только сейчас проснувшийся подопечный Лиона, чтоб узнать, что произошло и чем он может помочь.

Я даже не успела ему все рассказать, как увидела идущих в нашу сторону троих мужчин. Вернее, шли Тим и Лион и тащили между собой Чмира, закинув его руки себе на плечи. Мы побежали им навстречу, Лион попросил Тима отойти и уступить место младшему адепту. Потом мы отогревали и сушили чудом не утонувших адептов.

Лион вызвал для них обоих группу спасателей. И попросил еще прислать комбинезоны для промокших насквозь себя и Тима.

Впервые видела, как работает комиссия на Горе. Не прошло и десяти минут, как Лион отослал вызов, а к нам уже шагали десять магистров и целитель, доктор Дирб. Они сразу осмотрели Чмира и его адепта, дали им выпить зелья. А потом разматывали прямо на земле рулон серебристого материала. Это оказался портал, и через него они отправили пострадавших в Академию. Только Чмир перед отправкой, поблагодарил Лиона и Тима за свое спасение и извинился перед ними за то, что предал их дружбу.

Доктор Дирб также предложил Тиму осмотреть и его руку, а потом похвалил меня за прекрасную проделанную работу.

— Адептка Чарх, подумайте напоследок, чтоб серьезнее изучить агрессивную медицину. У вас золотые руки, а я, со своей стороны, готов всячески вам помогать и порекомендовать вас лучшему целителю-практику, совмещающему оба вида целительства.

Я была рада, что меня похвалили и выделили. Тим был доволен, что ему принесли комбинезон. А то он сильно переживал, что придется предстать перед родственниками в неподобающем виде. Лион не знал, куда себя деть от счастья, что инцидент с объятиями остался в прошлом, и Тим не потребовал от него объяснений. В общем, мы все завтракали в замечательном настроении, быстро собрали вещи, я вколола Тиму обезболивающей и бодрящей смесей, и мы двинулись в дорогу.

К вечеру мы добрались до места назначения. Я все время гадала, каким же будет этот долгожданный финиш? Кто и как нас встретит у подножия Горы Пик Магии?

А все оказалось очень просто и красиво. По мере того, как мы спускались ниже, тропинки становились более утоптанными, в нескольких местах даже стояли скамейки. Мы даже недолго посидели на них и передохнули. Но Тим все время беспокойно оглядывался.

— Тим, даже если ты найдешь новое задание, я тебя не отпущу. — Сказала я мужу, вызвав смех трех моих сопровождающих.

Когда расстояние до конца нашего пути можно было измерить несколькими десятками метров, на деревьях стали встречаться приветственные плакаты, флажки и ленточки.

— Стоило продержаться на Горе двадцать дней, чтоб нас так встречали! — Восторженно проговорил подопечный Лиона.

Но, когда мы вышли на ровное пространство, где были установлены шатры и палатки, мы вчетвером застыли от неожиданности, когда нам навстречу выбежала толпа встречающих. Где-то в стороне гремела веселая музыка, слышался даже свист запускаемых салютов, но меня уже обнимала и целовала Марина, ощупывая руки и плечи и поглаживая по щекам.

— Почему вас так долго не было? Лорд Чарх давно сказал мне, что вы выполнили все задания! Бедненькая девочка, так похудела! — Причитала Марина.

Ее сменил дядя, который тепло обнял меня и поцеловал в лоб. Он похвалил меня за терпение и силу воли. Ведь ни одна девушка не провела на Горе дольше десяти дней.

А Марина, выпустив меня из объятий, перешла на Тима. Она обнимала и целовала его так же искренне и тепло, как и меня. Но еще жалела его, сочувствовала, что он перенес столько боли. Даже сдержанно выразила надежду, что Тим может оказаться для ее любимой племянницы достойным мужем.

А дядя пожал Тиму руку, но потом тоже обнял и похлопал его по спине:

— Молодец, сынок. Ты отлично справился. — Тим стоял и молча переводил взгляд с тети на дядю, а потом на меня. Мне даже показалось, что если бы он не был обколот смесями он, скорее всего, как и я, расчувствовавшись, и не удержал скупой мужской слезинки. А сейчас он был просто очень удивлен такой встречей.

Потом обнимать и поздравлять Тима подошли Марк и Роберт, они только выпустили из объятий Лиона и передали его родителям. Братья Тима и для меня минутку нашли. И потом к нам приблизились лорд и леди Найт. Они также поздравили нас и пожелали удачи в дальнейших делах и, что меня поразило, счастья в семейной жизни и много детей.

От счастья и упоения успехом я обняла Тима. И он прижал меня к себе, даже не

морщась из-за руки, которую мы немного сдавили.

Но Кон Вэрд чуть не испортил нам весь праздник, он выбежал из палатки и начал кричать и угрожать Тиму. На его лице уже не было повязки. И двое мужчин утащили его обратно в палатку. А нам с Тимом тетя сказала, что мы можем до следующего вечера отдохнуть в своей палатке. Если к нам появятся вопросы по поводу практики, нас вызовут. А сейчас мы имеем полное право уединиться, расслабиться и готовиться к предстоящему балу.

Нас провожали до портала дядя, тетя и несколько магистров, а в спину из палатки неслись приглушенные крики Кона:

— Твари... Обманули... Умри, Найт! Я отомщу!

66. До бала. Бал. После бала

Бальный зал распахивал свои двери для всех приглашенных ровно в восемь часов вечера. И я уже была готова блистать и поражать всех своей красотой. Я надела зелёное роскошное платье, заказанное для меня Мариной. Оно, как и все мои наряды, было длинным, с рукавами до ладоней и с полностью закрытым лифом.

Хотя, казалось бы, на балу можно и декольте носить чуть глубже, и спинку приоткрыть, даже без рукавов можно было обойтись. Но правила этого мира были такими: чем знатней и заметный твой род, тем скромнее и сдержаннее нужно себя вести.

Простолюдины могли себе позволить шумное поведение, открытые наряды и даже неразборчивость в связях. А я аристократка, и должна быть, как любит повторять Марина, эталоном безгрешности, скромности и элегантности.

Раньше бы я поспорила с местным отношением к моде, но... Но муж у меня оказался опасно ревнивым, моя одежда хотя бы не будет причиной его архаровского взгляда на предполагаемого соперника. Я помню, как он смотрел на Лиона, а это же его родной брат.

Да и вымоталась я за сегодняшний день так, что бал не казался мне таким желанным, и соответственно, и мой внешний вид меня не очень заботил. Единственное, что для меня было, по-настоящему, важным, и на чем я настояла, несмотря на возмущение Марины, это моя обувь. Я отказалась надевать изящные бежевые туфельки на высоком каблуке, которые подобрала для меня она, а выбрала туфли-лодочки черного цвета на прямой низкой подошве, которые мне подарил на встрече с архаровцами мастер Румель. И уступила мне Марина в споре по выбору обуви только тогда, когда я жалобно заныла, что сейчас мне очень тяжело ходить на каблуках: и ноги отекают, и голова кружится, и боли в суставах появляются. Я так ныла, что не только сломила сопротивление Марины, но и сама поверила, что мне так плохо. Хоть ложись в постельку и накрывайся одеялом по самые ушки.

Как только Марина отправилась на поиски своего мужа, в нашу комнату вернулся Тим. Он переодевался в комнате Лиона, чтоб, как он сказал, не мешать мне и Марине. Увидев его, мне ещё сильнее захотелось остаться на вечер и ночь в комнате. Наедине с мужем.

Тим выглядел потрясающе в костюме, состоящем из черных брюк и темно-зелёного пиджака, который идеально гармонировал с моим платьем малахитового оттенка. Даже черный бандаж, поддерживающий правую руку Тима, делал его еще привлекательней. Или это мне так казалось?

Сафа мне уже говорила, что на гербе рода Чарх два основных цвета. Верхняя половина — малахитовая, нижняя — темно-зелёная. И на их фоне ледяной пульсар. Пока я вспоминала нашу с Сафой эмоциональную встречу и долгий разговор о моих с Тимом приключениях, сам он стоял и с неподдельным восхищением любовался.

— Сафира, ты красавица. Зелёный тебе очень к лицу. — Неожиданно сказал Тим, порадовав меня редким комплементом. Но трижды приятнее мне было бы услышать признание в любви.

— Благодарю, — чопорно поблагодарила я. — Зелёный цвет и вас не портит, дорогой супруг.

Тим сдвинул губы, чтоб не рассмеяться от нашей новой шутки. А я решила добавить ему ещё комплиментов.

— Особенно вам шел зелёный, дорогой супруг, когда вы, как птенчик, сидели на дереве. Прикусив верхнюю губу, Тим подавил смешок и вернул мне комплемент:

— На дереве, дорогая супруга, я не мог выглядеть лучше вас. И вам также шло валяние на траве и сидение в кустах.

Последняя фраза получилась немного двусмысленной, и сдерживать смех мы уже не могли. И стоять рядом, не обнимаясь, тоже смысла не видели. Положив Тиму голову на плечо, я, прикрыв глаза, немного расслабилась. После суматошного дня, в напряжении от предстоящего бала, на котором нас ожидали не только танцы, небольшая передышка была необходима.

— Сафира, — положив ладонь мне на затылок, чтоб я не поднимала головы с его плеча, проговорил Тим. — Можешь кое-что пообещать мне?

Я готова была пообещать Тиму все, что он только пожелает. И жизни бы не пожалела, чтобы сдержать слово.

— Я понимаю, что прошу о серьезной жертве. И... — Но Тим сам сменил тему, заставляя меня от нетерпенья самой представлять самые невероятные жертвы с моей стороны. — Я заметил, что ты надела другие туфли. Спасибо. Они, наверняка, красивее тех, что на каблуках...

— Всегда приятно радовать вас, дорогой супруг. — Вызвав веселую усмешку, я в нетерпении попросила мужа. — Тим, говори быстрее, что у тебя за просьба, пока я сама себе всякого не надумала.

— Я не буду на балу танцевать, больная рука — причина уважительная. — Это и так очевидно: как с одной рукой вести в танце и брать ответственность за партнершу? — И я прошу тебя также не танцевать на балу. — Быстро выговорив это, Тим посмотрел на меня исподлобья.

— Вообще? — Я тоже не собиралась на балу отплясывать весь вечер, но пару танцев можно же себе позволить? — Даже с дядей и Лионом?

— Лорд Чарх стар для танцев, а Лиону... будет не до нас.

Очевидно, что братьев Тим запугал, и запретил меня приглашать.

— Ладно, — неохотно согласилась я. Хоть на бал мне сейчас расхотелось идти окончательно. И так день был суматошный, что сил совсем не осталось, а сейчас и потанцевать не получится.

А день сегодня был не просто суматошный, он был сумасшедший. Наверно, стоило поблагодарить ректора Академии, что он позволил всем адептам, спустившимся с Пика Магии, отдохнуть и выспаться, а опрашивать нас и проверять наши слова начали только с утра.

Меня и Тима пригласили на первое разбирательство в восемь часов утра. Тим только успел выпить, наслаждаясь, чашку кофе, я ограничилась водой с лимонным соком.

Но по дороге нас перехватил доктор Дирб и буквально затащил нас в целительское крыло, чтоб осмотреть руку Тима.

— Смотрели вы ее уже! — Пытался отбиться Тим. Но против целителя идти невозможно.

Доктор Дирб сейчас провел не обычный осмотр магией, он заставил Тима раздеться до пояса, и, уложив его на кушетку, снял старую повязку, проверил, как идёт заживление лучевой кости, и в каком состоянии плечевые суставы. Потом передал мне систему для введения смеси из бутылки. Мне сказал ввести Тиму в вену иглу, а сам закрепил бутылку

выше, на специальный крючок.

Те двадцать минут, пока смесь капала, укрепляя кости Тиму и ускоряя ее сращение, доктор Дирб уговаривал меня серьезно заняться целительством уже с четвертого курса. Он говорил, что именно целителем я принесу больше пользы Принципату. Потом доктор сделал новую фиксирующую повязку и выдал Тиму бандаж, чтоб он четыре недели ходил в нем.

Когда, вернувшись в комнату мы, наконец, надели форму, от которой успели отвыкнуть, и поднялись в приемную, нас уже ждали. В кабинете ректора, помимо самого ректора Мартазана, кураторов седьмого и третьего курсов, лорда Чарх, нескольких незнакомых мне представительных мужчин, находились адепт Вэдр и очень на него похожий мужчина. Нам сказали, что это отец Кона, один из богатейших людей Принципата и глава Объединения Гильдий Торговцев.

Мы с Тимом поприветствовали всех и заняли предложенные нам места. И дальше почти четыре часа нас опрашивали обо всех встречах на Горе с адептом Вэдр и его группой. Все что мы говорили, подвергали сомнению, каждое наше действие на практике критиковали. А Кон Вэдр, хоть и был непривычно тихим и сдержанным, но выглядел уверенным в своей правоте. Когда нас отпустили на необходимый "в моем положении обед", я уже была на грани нервного срыва.

Ясаман в столовой пыталась меня накормить, а Тим успокоить. А я с небольшими промежутками повторяла вопросы, которые просто не выходили у меня из головы:

— Неужели во всем обвинят нас, Тим? Вэдр же не может оправдаться?

Но никакие уверения Тима, что маги уже все выяснили, и они знают правду, что нас ни в чем даже не обвиняли, на меня не действовали. Разве можно поверить в то, что нас четыре часа подвергали допросу просто, чтоб определить степень вины адепта Вэдр и назначить ему, только ему, равноценное наказание?

Как человек из двадцать первого века я не очень-то верила в справедливое разрешение конфликта в подобной спорной ситуации. Когда с одной стороны богатство, а с другой — только я и Тим. Но я себе пыталась убедить, что и наш род не последний в стране, а мой дядя — видный политик, и ректор не допустит несправедливого решения. Но все безрезультатно. Мысли у меня было мрачные, обреченные, на грани с паникой.

Но, в принципе, настроение у меня в последние дни менялось быстро. Может, уже через полчаса я буду радоваться жизни и смеяться. А, может, наоборот, напугаю мужа настоящей женской истерикой.

Через час мы были вынуждены вернуться в кабинет к ректору.

Нас снова очень вежливо пригласи сесть. И перед всеми выступать начал один из сидевших в кабинете мужчин, входивших в комиссию.

— Прежде чем я зачитаю решения, которое вынесла комиссия по нескольким жалобам, — начал он, — я хотел бы предложить леди Чарх покинуть наше собрание. — И лично для меня добавил. — Вам не стоит нервничать. Не хотелось бы, чтоб из-за этой волокиты пострадал будущий наследник лорда Чарх. — И он поклонился моему дяде.

— Лорд Брис, моей племяннице лучше остаться, и лично увидеть, как торжествует справедливость в Принципате. А как иначе мы взрастим себе достойную смену? — С ответным поклоном проговорил дядя.

И я хотела остаться, чтоб быть рядом с Тимом. Неужели в другом месте я буду меньше нервничать?

Представитель Главы Принципата, входивший в комиссию на практике, начал

зачитывать решение по первой жалобе на нас адепта Вэдр.

— Исходя из перечисленных обстоятельств, — откладывая один лист в сторону, проговорил лорд Брис, — нападение адепта Найт на породистую собаку семьи Вэдр признается правомерным. Адепт Найт, согласно всем собранным доказательствам и свидетельству подопечных адепта Вэдр, только защищался.

Тим слегка улыбнулся, но выглядел довольным.

Потом мы внимательно слушали отчет о проведенном расследовании по жалобе о нападении на адепта Вэдр у реки. Я только удивлялась, неужели Кон Вэдр сам верит в то, что он просто шел к реке, чтоб набрать воды. Но перед ним выскочил Тимир Найт, в оборванной одежде и начале его оскорблять. Беспричинно. Только дружелюбная собака, виляя хвостиком, заставила Тимира замолчать. На этом стороны могли разойтись, не усугубляя конфликт, но неожиданно с истеричными воплями выбежала я. Кон хотел удостовериться, что мне не нужна помощь, но я брызнула ему в лицо жидкостью с криком, что это кислота плототраза. Он не мог не поверить мне, и закрыл лицо руками. А собака пыталась защитить хозяина, но я не пожалела это благородное животное. После того, как я вылила на нее вторую бутылку кислоты, собака бросилась в реку и утонула.

При последнем слове я рассмеялась, не сдержавшись:

— Да эта псина за секунду преодолела реку и спряталась в лесу! — Возмутилась я наглой и глупой лжи.

— Адептка Чарх, вы хотите покинуть собрание? — Вежливо спросил ректор. Я извинилась и продолжила слушать, хоть негодование переполняло меня все больше.

А Тим наклонился к моему уху и сказал:

— Не нервничай. Нас комиссия ни в чем не обвиняет. Просто послушай, как все представил Вэдр. Интересно же.

Мне не были интересны бредни Кона, я сейчас с удовольствием провела бы все время до бала в замке Чарх. Мы бы с Мариной сплетничали, пока нас мыли, массажировали, обертывали, увлажняли, красили и наряжали нанятые ею мастерицы. Или просидела с Ясаман, позволяя ей заботиться обо мне. Даже выслушивать, как Сафа без нас скучала было намного приятнее. А я вынуждена тратить свое время здесь.

Между тем лорд Брис отложил и второй лист.

— Комиссия считает обвинения адепта Найт и адептки Чарх в этом вопросе надуманными. Собака оказалась жива, ее уже перевезли в вольер и оказали необходимую помощь. Хотя, должен заметить, что животное само избегало света и ожоги у него незначительные. Собака инстинктивно определила степень опасности жидкости на ее шерсти, чего не смог сделать маг восьмой ступени. По этому вопросу у комиссии замечание ректору Академии. Магистр Мартазан, почему адепт выпускного курса вашей Академии не проверил, чем его обрызгали? Подобные практики не могут не входить в программу обучения. Этот вопрос и пропажа подопечного из группы адепта Вэдр — поводы для серьезной проверки Академии.

Тим придвинулся ко мне и сказал очень тихо, чтоб никто больше не слышал:

— Вот все и решилось. А ты переживала.

Но лорд Брис не закончил, и нам пришлось снова внимать ему.

— Если кто-то недоволен вынесенным решением или хочет поделиться дополнительной информацией, комиссия готова вас выслушать. И, при необходимости, провести повторное

расследование, проводя допросы всех участников специальными зельями.

Вслух выражать недовольство ни старший, ни младший лорд Вэрд не стал.

Только встал Тим, что вызвало удивление всех в кабинете, кроме дяди.

— Ректор Мартазан, уважаемые представители Главы Принципата, я согласен на пристрастный допрос, — в кабинете поднялся шум. Тиму пришлось переждать, пока все успокоятся. — Я, повторяюсь, согласен на допрос под специальными средствами, чтоб все признали мое право на месть лично адепту Вэдр за постоянные унижения моей чести в течение двух лет обучения...

— У нас были дуэли! — Вскочил адепт Вэдр. — Найт уже использовал это право.

— ...а также за отказ снять татуировку подчинения с моей супруги (я предложил втрое выше той суммы, что принято по закону) и нападение на мою жену, хотя всем было известно, что она находится в ожидании ребенка.

Отец и сын из рода Вэдр вскочили, и начали возмущаться несправедливыми обвинениями. Лорд Брис потребовал соблюдать тишину и не перебивать говорящего.

А Тим, как будто его и не прерывали, продолжил:

— Также я считаю, что имел право отомстить адепту третьего курса за обман и мошенничество. И воспользовался своим правом на Горе. Магистр Мартазан, адепт из группы Вэдра, которого вы ищите, находится связанным в шалаше по этим координатам. — И Тим в оглушающей тишине передал лист бумаги ректору.

А лорд Брис сказал, что, как только пропавшего адепта привезут в Академию, они рассмотрят и этот вопрос. И, встряхнув следующий лист, начал его монотонно зачитывать.

— Третий вопрос, рассмотренный комиссией, касается жалобы лорда Чарх на семью Вэдр. Он требует за неоднократные угрозы в адрес своего зятя запереть адепта Кона Вэдр в монастыре на неограниченный срок. С целью обезопасить жизнь и честь племянницы и зятя.

Я в шоке посмотрела на Тима и встретила с его удивлённым взглядом. А потом мы оба восхищённо уставились на лорда Чарх. Удивительно, как этот недружелюбный суровый мужчина вырос в моих глазах с момента первой встречи. Определенно, в его лице мы с Тимом обрели настоящего главу рода и защитника. Хотя бы до тех пор, пока служим его идее возрождения рода.

Мне нравилось, что в любом спорном моменте здесь было возможно сослаться на проверку под зельем или веселящим газом. Стоило только пригрозить допросом с их применением, как лорд Вэдр и Кон Вэдр признали за собой вину по последнему вопросу и извинились перед нами и дядей за недостойное поведение. И обещали, что с их стороны представителям рода Чарх ничего не угрожает.

Объявили перерыв. И мы с Тимом отправились в нашу комнату. Мне было необходимо отдохнуть и осмыслить все произошедшее.

Я вытащила из футляра свое бальное платье, туфли достала из коробки, и ещё множество мелочей заняли стол и стулья. Тим долго смотрел на мои бежевые туфли на высоком каблуке, очень дорогие и, наверняка, удобные. Только надев их, я стану заметно выше его ростом. Тим ничем не показал, что это будет его стеснять. Но мне было понятно и без слов: найдется с десяток человек, которые не упустят шанс уколоть Тима, оскорбить его хотя бы взглядом, выразить удивление тем, что недостойный присутствовать на важных мероприятиях выродок, ещё и смеет сопровождать женщину значительно выше себя ростом.

Тим встряхнувшись, достал что-то из-под моей подушки и протянул это мне на раскрытой ладони. Я взяла в руки маленький, на одну ладонь ларец. Деревянный,

продолговатой формы, с углами, отделанными кожей. Я аккуратно, боясь сломать, ухватила пальчиками за кольцо на крышке и откинула ее. И увидела лежащий на черном шёлке браслет. С изумрудами и жемчугом, тот самый, о котором Тим рассказал мне на Горе.

— Красивый. Спасибо. Именно таким я его и представляла. — Я захотела вернуть браслет в ларец, но Тим предложил мне надеть его на бал. Я немного растерялась, потому что на правой руке у меня уже был брачный браслет, а на левой я носила надетую ещё на свадьбе серебряную цепочку с кулоном. Она, конечно, была простенькой, но мне очень понравилась. Я протянула Тиму левую руку, два браслета на руке ещё ничью жизнь не усложняли. Тем более я могу простой браслет запрятать под рукавом платья, а новый будет красоваться на моем запястье у всех на виду.

— Может, лучше снять дешёвое украшение? — Спросил Тим, ещё не застегнул замочек на моей руке.

— Это не дешёвое украшение, Тим, а твой первый подарок мне. И он мне нравится.

Тим, недоверчиво хмыкнул, но потом улыбнулся. И, наконец, исхитрился застегнуть замочек браслета одной рукой. А я, вернув свою руку, стала разглядывать ларец.

— Я бы купила такой же для Марины. — Сказала Тиму. Деревянный ларец, использованный Тимом как упаковка, начинал мне нравиться даже больше, чем браслет. Было очевидно, что над ларчиком с любовью трудился очень талантливый мастер. Все детали на нем были законченными: четыре маленькие ножки, изображение ягод и листочков на всех сторонах и крышке.

— Эта поделка стояла под твоей подушкой всю сегодняшнюю ночь, а ты ее даже не почувствовала, — заметил Тим.

— Я больше спала на твоей подушке, и на тебе, — заставила я мужа смутиться. — И это не поделка, ларчик — произведение искусства. Я бы даже сказала, что это шедевр. Хотелось бы познакомиться с мастером.

— Зачем? — Удивился Тим.

Я пожалала плечами. А зачем обычно знакомятся с гениями своего дела?

— Чтоб сделать покупки, как уже сказала, и может, выразить восхищение его талантом.

— Купить у него ничего не получите, а восхищение можешь выразить прямо сейчас. Это я коробочку сделал. — Улыбнувшись от моего удивленно взгляда, Тим пояснил. — Ещё на четвертом курсе. Это была самостоятельная работа по "Введению в искусствоведение".

— Ты, наверняка, получил высший балл. — Похвалила я лично Тима

— Конечно. — Не стал скромничать Тим. — Мне даже зачёт досрочно поставили.

Такому талантливому мастеру я решила выразить восхищение не только словами, тем более Тим сам говорит, что поступки лучше слов.

Но нам помешал Лион, который пришел через полчаса, как мы покинули кабинет ректора с новостями: Кон Вэдр и Чмир Рват не допускаются к дипломному экзамену и считаются окончившими только шесть курсов Академии. Адепта Вэрд наказали за потерю подопечного, которого выкрал и спрятал Тим. А также Вэдр неправильно повел себя, когда я брызнула ему смесью в лицо. Он должен был проверить, что это за жидкость, а не ходить с перевязанным лицом и руками, доверившись мне. Этим он подверг опасности свою группу, в которой не было магов выше седьмой ступени. А Чмир Рват просто не дошел к подножию Горы. Но на Выпускном бале присутствовать будут оба. И ещё семья Вэрд должна выплатить компенсацию нашему роду за нападение на меня, которое ещё может отразиться на наследнике рода Чарх.

— В общем, ваш лорд Чарх обложил штрафами и компенсациями семью Кона. — Радостно закончил Лион.

Мы ещё немного поговорили, смакуя детали проверки, и только Тим выпроводил Лиона, как нас снова вызвали к ректору. Тим хотел пойти сам, но как я его одного отпущу?

В кабинете ректора я ожидала увидеть прежний состав, но сейчас нас ждала только одна высокая зелёная женщина. Наверняка, она принадлежала к той же расе, что Ян и Ясаман.

Зелёная женщина представляла Академию Древа, адепты которой и готовили Пик Магии к нашей практике. Нас представили друг другу, и леди Маржаж, сложив руки на столе, приготовилась к долгому разговору.

Сесть нам не предложили, но стоять я была не в состоянии. И я, извинившись, заняла ближайший стул, а Тим встал у меня за спиной.

— Адепты Чарх и Найт, — слегка коверкая слова, обратилась она к нам и сразу начала задавать вопросы. — Как получилось, что именно на вас напали гремучие лианы? С тех пор как государство запретило их выращивать, лианы стали исчезать. И только чтоб сохранить этот вид плотоядных растений, мы оставили несколько побегов на Пике Магии, в самых труднодоступных местах. За последние десять лет они ни на кого не нападали. И они обычно не агрессивны, просыпаются только ночью, раздражает их только шум.

— А привлекает их все теплое, — дополнил Тим, — что, схватив, они протискивают себе к корням и там высасывают в течение часа.

— Очень умный мальчик, — сказала странная любительница гремучих лиан.

— Тим, — обернувшись, обратилась я к нему, — на обрыве же был не просто побег, а что-то страшное со множеством хватких веток?

— Лиана могла разрастись, — нейтральным голосом заметила зелёная леди.

— Разрастись? Только разрастись? — Несмотря на то, что Тим сжимал мое плечо, сдержать возмущение я была неспособна. — Ваша лиана стала смертельно опасной! Она чуть не унесла меня к корням. Тим бил ее пульсарами, но все равно не смог скрыться от ее... веток. Он руку сломал и упал с обрыва.

— Эта девочка очень несдержанна. — Пожаловалась она на меня ректору. И обратилась ко мне. — И позвольте спросить, почему вы называете старшего адепта и своего руководителя по имени и сидите, когда он стоит?

Вот что значит: лучшая защита — это нападение.

— Тим мой муж, — сказала я это, почему-то, неуверенно.

— В отношении мужа также следует соблюдать правила приличия. — Не стала она сдаваться. — Не стоит поддаваться порывам! Обращайтесь к мужчине, связанному с вами супружескими узами, особенно при свидетелях, по статусу «адепт» или «лорд». Но, если нежность между вами ещё свежа, допустимо также обращение «дорогой супруг».

Тим, нажимая на мои плечи, не позволил мне вскочить, а когда я хотела высказать все, что я думаю о их лианах хотя бы сидя, Тим меня прервал:

— Благодарю за урок, леди Маржаж, преподанный моей дорогой супруге, — обратился он к этой поборнице традиций. — Мы с дорогой супругой обязательно будем соблюдать правила приличия, особенно при свидетелях.

Я подняла руку, чтоб смахнуть с плеча ладонь Тима, который продолжал стоять за моей спиной. Но поймав смеющийся взгляд ректорат, я решила вначале присмотреться и к мужу. Ректор сидел, сжав до тоненькой ниточки губы, чтоб не разразиться хохотом. Оглянувшись, я

заметила, что и Тим с трудом сдерживает свое веселье, он с нетерпением переставлял ноги, и отворачивался от леди, с которой только что был так внимателен и почтителен.

Значит, он шутил... Ничего, я тоже шуточки люблю.

Я, подражая интонации Тима, обратилась к леди:

— Я полностью согласна с дорогим супругом, леди Маржаж. Мы обязательно будем соблюдать правила приличия при свидетелях, даже если нам будет очень сложно сдерживать свои порывы, по причине все ещё свежей нежности между нами.

Леди Маржаж благосклонно кивнула, а ректор, закрывшись ото всех журналом, чуть не сполз, от смеха, со своего кресла. А Тим присел за моим стулом и беззвучно хохотал.

Когда мужчины смогли взять себя в руки, поборов приступ смеха, удивленная их поведением леди Маржаж, сказала, что Академия Древа признает за собой вину и выплатит Академии Свободной Магии и роду Чарх компенсацию за нападение гремучих лиан.

А вопрос с ядовитой юрзой разобрать вообще оказалось просто. Оказывается, эта опаснейшая змея была домашней питомицей одной из адепток их Академии, и, проснувшись от зимней спячки, неожиданно сбежала.

— Я, как представитель Академии Древа, приношу вам своё извинение за неудобства, что вам пришлось перенести. Но, так как укушены вы не были. Более того, вы сами умертвили нашу змею и полакомились ее нежнейшим, полезнейшим и вкуснейшим мясом, компенсацию по этому вопросу вам выплачивать не будут.

В дальнейших переговорах леди Маржаж участвовать не собиралась и попросила открыть ей портал, чтоб она вернулась в свою Академию.

Вернувшись, проводив ее, ректор посмотрел на меня и Тима, вставших со стульев при его возвращении, и заявил:

— За все время, что я работаю в Академии, ни одному адепту не выплачивали столько компенсаций, как вам. — Сев на свое кресло, ректор махом руки указал нам на дверь. — Но у самой двери мы обернулись на вопрос магистра Мартазана. — А знаете, адепты, что самое неприятное? — Я ждала ответа на этот вопрос с гнетущим чувством. — Самое неприятное, что я сейчас хочу нежнейшего, полезнейшего и вкуснейшего мяса юрзы, но достать его невозможно.

По-моему, мы с Тимом одновременно недоуменно моргнули. И ректор отпустил нас готовиться к балу, до которого оставался неполный час. Тим отправился в комнату к Лиону, чтоб одеться, помогая друг другу. Или просто не мешать мне и Марине.

Но все часы переживаний остались позади, когда, распахнувшись, высокие двери бального зала, пропустили всех адептов-выпускников с приглашенными парами в роскошное, подготовленное к важному мероприятию, помещение. От ослепляющего яркого света и блеска драгоценностей на дамах и оглушающей громкой музыки я крепче ухватилась за локоть Тима.

Мы под руку вошли в зал пятыми.

Четверо других выпускников, сдавших практику, также были не одиноки, у них на боку висли адептски младших курсов.

Адепты Кон Вэдр и Чмир Рват уже находились в зале, как гости, приглашенные поприветствовать пятерых адептов, сдавших практику и допущенных до дипломного экзамена. Хотя многие считали, что после сданной практики, закрыть экзамены и зачеты совсем не сложно.

Как только мы вошли в зал, ректор поднял на возвышенность, установленную центре

зала и обратился к собравшимся:

— Приветствую всех в зале. Сегодня важный день, каждый из вас может лично поздравить пятерых выпускников Свободной Академии Магии, показавших на Пике Магии свои знания, мастерство и лидерские качества. Встречайте адептов Академии Магии, прошедших с честью все испытания на Горе Пик Магии: Станислас Лим, Ромир Литс, Витор Наут, Лион Найт, Тимир Найт.

И Тим, вслед за сокурсниками, поднялся на возвышенность.

— Адепты, впереди у большинства из вас экзамены и зачёты, но это не мешает нам всем поздравить каждого из вас с пройденными испытаниями. И пожелать достойной жизни на благо Принципата и своего рода. А сейчас я хочу огласить результаты практики.

И ректору передали исписанный лист бумаги, который он стал зачитывать магически усиленным голосом, который разносился по всему залу.

— Адепт Витор Наут. На Горе из возможных ста баллов набрал семьдесят девять баллов. Ему уже поступили предложения продолжить обучение стажёром и приступить к работе в Министерстве Безопасности и Министерстве Охраны природы.

— Адепт Станислас Лим. На Горе за двадцать дней практики набрал восемьдесят два балла. Стажёром его приглашают в Министерство Безопасности и Гильдию Торговцев.

— Адепт Лион Найт, пройдя достойно все испытания, набрал восемьдесят пять баллов. Его приглашают стажёром в Министерство Внешней Политики и младшим офицером в Постоянные Государственные Магические и Вооружённые Войска Принципата Сотни Объединённых Земель.

— Адепт Ромир Литс, достойно прошёл все испытания и набрал восемьдесят семь баллов. Его приглашают стажёром в Министерство Внешней Политики, Министерстве Охраны природы, а также ему предложили место советника главы Объединения Гильдий Торговцев.

Я с замершим сердцем наблюдала за Тимом. Стоя в ряду со своими сокурсниками он выглядел очень спокойным и вместе со всеми хлопал, когда зачитывались приглашения на работу выпускникам. Я очень хотела, чтоб Тиму поступило хотя бы два приглашения на работу, как и всем остальным. Хотя я знала, что без работы он не останется, но официальное приглашение в министерство или другое знаковое место очень почетно.

— Адепт Тимир Найт, единственный, за последние десять лет, выпускник, сумевший набрать за практику максимально возможные сто баллов. — Всем адептам хлопали, когда объявляли их баллы, а сейчас в зале захлопали только я, дядя, Марина, братья и родители Тима. — Поэтому адепт Тимир Найт получает также высший балл по всем экзаменам. И может уже завтра забрать свой диплом и приступить к работе на благо Принципата.

Сейчас уже хлопали не только близкие Тиму люди, открыто уважение его успеху выразила половина зала.

— Тимир Найт получил приглашение на работу помощником секретаря Старшего Министра, стажёром в Министерство Внешней Политики, младшим офицером отряда архаровцев при Министерстве Безопасности, младшим офицером в Постоянные Государственные Магические и Вооружённые Войска Принципата Сотни Объединённых Земель, помощником Главного артефактора, а также ближайший год за адептом Найт остается место ассистента на кафедре Боевой и Защитной магии в Свободной Академии Магии.

Сейчас хлопали все, и, кажется, не только руками. Военные и несколько приглашенных,

подозрительно похожих на знакомых мне архаровцев, еще и ногами топали. А все сокурсники буквально вырывали Тима друг у друга из рук, пытаясь обняться с ним. А Тим в это время оборачивался в сторону зрителей и ловил мой взгляд.

Когда сияющие, как начищенные пуговицы, адепты спустились с возвышенности, каждого из них окружили родственники и друзья. А у меня не получалось приблизиться к мужу, потому что архаровцы и военные оттеснили его к стене и громко, перебивая друг друга, уговаривали вступить именно в их ряды. Знакомый архаровец, который когда-то бил Тима, напоминал об обещании вернуться к ним. А армеец доказывал, что Вооруженные и Магические Силы Принципата лучшее место для Тимира. Ему даже без денежного взноса сразу дадут звание младшего офицера. Будет отдельная комната и полное государственное обеспечение.

Тим смог выглянуть из их окружения и протянуть руку мне. Когда я оказалась рядом с ним Тим серьезно спросил:

— Дорогая супруга, как думаете, какая мне форма лучше пойдет? Черная, как у архаровцев, или серая, как у армейцев?

Я уже привыкла, что Тим шутит при самых нестандартных ситуациях. Но шутя выбирать место работы, по-моему, немного легкомысленно. Я была за возвращение мужа к архаровцам. И, вообще, любое место было более подходящим, чем Армия, где Тим будет пропадать месяцами, а полностью принадлежать мне сможет только две недели через целых три месяца. Но говорить такое неправильно, поэтому отшутилась и я:

— А армейцев можно красить, как архаровцев, в фиолетовый цвет?

Тим смеясь ответил, что мне можно красить в любой понравившийся мне цвет только архаровцев.

Архаровец закивал, подтверждая слова моего мужа. А армейцы удивленно переводили взгляды с нас друг на друга.

Я громко вынесла свое решение, что быть Тиму младшим офицером архаровцев. И очень обрадовала этим его бывших сослуживцев.

Пока вокруг стоял шум, кто-то убрал с центра зала возвышенность, освободив пространство для танцев. Заиграла музыка, рядами выстроились пары. И кавалеры начали вести в танце своих спутниц. А я, любуясь ими и немного им завидуя, последовала за Тимом на балкон. И мы с Тимом, отбившись от всех желающих заполучить моего мужа не несколько слов, вышли на балкон. Здесь было тише и свежее. Музыка манила в танец уже не так непреодолимо. Но все равно я чувствовала себя обделенной. Тим принес нам сок в фужерах и пытался развлекать меня разговорами.

— Магистр Вайол сказал, что тебе тоже сессия засчитывается по итогам практики, — заметил Тим.

— Значит, мы с тобой зря мучились, сдавая зачёты и экзамены до практики. — Выдохнула я.

— Выходит, что зря. — Согласился Тим. Если бы я знал, что так получится.... — Разговор у нас прерывался уже не в первый раз.

Наконец, после минуты тишины, Тим серьезно сказал, заставив меня удивиться.

— Сафира, я тебя не ревную! Вернее, не настолько сильно ревную, чтоб лишать танцев. — Мне стало стыдно, что я тут как ребенок дуюсь, а Тим вынужден оправдываться. — Сафира, я опасаясь, что Вэдр попытается тебе навредить. Или сделает это совершенно «случайно» кто-то другой. В танце сложно уследить за движениями всех

танцующих рядом...

Я попыталась понять Тима, но не смогла не напомнить ему об обещании, которое дали оба лорда Вэдр.

— Это семья торгашей. Для них даже честь не так важна, как выгода. А мы сегодня заставили их выплатить очень большую сумму. И Кон распрощался с дипломом Академии, такое сложно просто забыть.

Я подумала, что танцы не так и важны. И зачем расстраиваться, когда можно потанцевать с Тимом в нашей комнате. И мы решили остаться на балконе еще совсем не на долго и незаметно уйти в нашу комнату.

Стоять в обнимку с Тимом, перебирая сегодняшние события намного лучше, чем танцы не с Тимом. Нас никто не отвлекал, никуда не торопил, но мы все же решили, что лучше, как и договаривались, покинуть бал пораньше. Хоть скоро и должен был начаться праздничный салют. Мы с Тимом под руки направлялись к дверям, когда наперерез нам двинулась леди Вэдр, она остановилась перед нами, закрывая собой путь и вежливо поприветствовала нас. Ответив ей также вежливо, Тим, постояв, крепче сжал мою ладонь и потянул меня в сторону, чтоб пройти к выходу, обойдя леди Вэрд.

Но она, уставившись на наши ладони, упрямо сжала губы и снова перекрыла нам путь к выходу.

Ее поведение по всем нормам было неприличным. Я оглянулась в поисках дяди или Марины, но увидела Кона Вэдр, который развернулся в нашу сторону спиной. А должен был подойти к нам и, улаживая назревающий конфликт, увести из зала свою родственницу. С другой стороны к нам заспешил Лион.

— Тимир, что ты в ней нашел? — Неожиданно спросила она моего мужа, впервые обратившись к нему по имени. — Я бы лучше заботилась о тебе...

В этот момент к нам приблизился Лион. Он делая комплименты Жиссе Вэрд и расспрашивая ее о двух «сорванцах», отвлек ее от нас и увел в сторону. А мы продолжили свой путь, только волнение мое почему-то нарастало. Уже у самой двери мы услышали крик Лиона:

— Тимир!

Мы с мужем оглянулись одновременно. Я заметила только, как ко мне подлетает ярко-красный пульсар, а потом я и Тим отлетает от ослепляющей вспышки в разные стороны.

Один...

Два...

Три...

Мои родители врачи. Мама — детский травматолог, как все говорят, очень хороший специалист. Три дня в неделю она работает в государственной больнице, спасая всех, кого к ней приедет беда. А два дня зарабатывает в частной, очень дорогой клинике. Сюда к ней могут попасть только обеспеченные пациенты. Может быть, когда-то она была восторженной студенткой, воспринимающей медицину, как служение человечеству. Но жизнь научила ее быть реалисткой, и, рационально распределяя твои силы, получать достойную оплату за свои труды.

Папа долгое время проработал заведующим травматологического отделения в больнице. Но, как однажды, сказала мама, перегорел. Он переучился на врача лечебно-физкультурной гимнастики, открыл свой кабинет с тренажерами и теперь помогает тем, кто уже перенес сильную травму и нуждается в реабилитации. И ещё папа преподает в местном медицинском

колледже. Мама с папой один раз в год обязательно выезжают за пределы страны на отдых. При этом оплачивают учебу двух старших детей, моих брата и сестры, в Лондоне.

А я была третьим ребенком и самой неисправимой лентяйкой. Училась в школе хорошо только потому, что учеба мне давалась легко. И учителя все были замечательные, и класс дружный. Но о будущей профессии я думала нечасто, хоть с подругами и научилась делать уколы. Мне нравилось гонять на мопеде, сидеть в интернете и просто веселиться. Мама пыталась выдать меня замуж за "хорошего парня", но тут у меня очень вовремя появилась фобия. Папа говорил, из-за моей любви к скорости, что я доиграюсь... А я отвечала, что мама меня вылечит, а папа снова поставит на ноги. Но, кажется, все это было в другой жизни.

А в этой — я находилась во тьме, сквозь которую иногда пробивались голоса.

— Тимир, сынок, отдохни хоть немного. Доктор Дирб сказал, что твоя жена ещё долго проспит. — Говорил женский голос.

— Мама, уезжайте. Оставьте меня с Сафирой. — Отвечал мой Тим.

Следующий раз, когда я как бы проснулась, с моим мужем говорил дядя:

— Тимир, я сам не собираюсь прощать покушение на Сафиру. Надо только не оспаривать прошение семьи Вэдр на ее пожизненное пребывание в монастыре.

— Чтобы Жисса жила в монастыре? Она пыталась убить Сафиру и жить права не имеет.

— Она и не доедет до монастыря. Но ее семья сохранит свое имя чистым...

Я слышала ещё много обрывков разговоров. Голос Тима всегда был рядом со мной. Его жалели и уговаривали пойти отдохнуть. Его ругали и называли слабаком, что он «чахнет» над живой женой. Ему объясняли, что моя жизнь вне опасности. Просто защитный артефакт на моей руке — серебряный простенький кулон на цепочке, повязанной на запястье — воспринял нападение, как угрозу жизни младенца и усыпил меня, чтоб я полностью восстановилась, не навредив будущему ребенку.

— Тимир, откуда у тебя этот уникальный артефакт? Такие редкости сейчас только в семейных сокровищницах хранят. — Спрашивал голос доктора Дирба. А Тим ответил, что купил его из сочувствия у одной девушки несколько лет назад. А потом подарил мне. Даже сейчас во мне проснулась ревность: что это за девушка? Не в публичном ли доме она обитает? Чем ещё из сочувствия помог ей мой муж?

Но вопросов моих Тим слышать не мог, он, вообще, говорил меньше, чем я хотела его слышать. Мне не хватало его голоса и смеха. Если я его видеть не могу, хотелось бы хоть больше слышать его голос.

Я считала, загадав какую-нибудь цифру, чтоб проснуться, произнося ее.

Три.

Два.

Один.

— О, сестра, проснулась, — прошептал голос Лиона рядом, когда я начала моргать. — Как хорошо, что ты не умерла, будешь сама нянчиться с Тимиром, он уже всем здесь надоел.

— Почему? — Спросила я немного охрипшим голосом.

Тим же очень неприхотливый, он никогда не станет никого утруждать. Вряд ли он сделает что-нибудь, чтоб от него окружающие устали.

Лион пожал плечами:

— Тимир не ест почти, и пьет только кофе, чтоб не спать. Мы боялись, что он возле

тебя и умрет. Если честно, надоело за него переживать! Я в Армию хочу.

Лион всегда будет раздолбаем, думающим только о своем комфорте.

— Сафира, ты обязана снова меня спасти. — Вдруг ещё тише зашептал он. — Ясаман увела Тимира в столовую, когда он вернётся, сделай, пожалуйста, вид, что ты все ещё спишь. А потом с криком проснешься.

Я недовольная этим планом нахмурилась.

— Не хочешь? Тогда проснись со стоном... Или просто проснись чуть позже, но обязательно в присутствии Тимира. Чтоб он не стал снова ревновать тебя ко мне. А то рука у него тяжёлая и он, вообще, нервный стал. Хуже, чем всегда. — Пояснил Лион.

Тим вернулся через пару минут, Лион приложил палец к своим губам и направился навстречу брату. Я же закрыла глаза и повернула голову лицом к стене.

На тихий вопрос Тима, Лион громко ответил, я крепко сплю.

Тим, выпроводив брата, сел на мою кровать и, взяв мою ладонь, прижал к своему лбу.

— Сафира, мне Ясаман рассказала, как она учила тебя соблазнять меня. — Как будто к здоровому бодрствующему человеку обратился Тим. — Если бы я только знал, что ты тогда не шутила и не готовила ловушку. Как много времени мы потеряли!

Тим, кажется, пересел с кровати на пол и уткнулся головой в кровать, но ладонь мою из рук не выпускал.

— Сафира, просыпайся! Доктор Дирб сказал, что ты не можешь дольше семи дней спать. Если хочешь, я буду всегда говорить, что люблю тебя. И не устану повторять, что ты красивая и умная. И глаза у тебя... серые и волосы... длинные. Я выучу все красивые слова. — Даже в такой момент с эпитетами Тиму не везло. — Сафира, если захочешь, будем танцевать на каждом балу.

Я уже давно открыла глаза и смотрела на Тима. Он же, опираясь лбом в кровать, не мог меня видеть. Но после следующих его слов я не сдержала смехок:

— И еще я могу больше никогда не надевать носки...

Встрепенувшись Тим вскочил и в первый момент бросился к двери, но через пару шагов развернулся, и, приблизившись к кровати, обнял меня, целуя в щеки, губы. Он приподняв усадил меня в кровати, и крепко обнял, продолжая целовать.

А потом пришлось вызвать в Академию дядю и Марину. И они с Тимом перенесли меня в замок Чарх. Раньше не позволил это сделать доктор Дирб, опасаясь, что порталный переход может навредить мне и ребенку.

И впереди были почти два месяца каникул, которые я планировала провести, как самые настоящие медовые месяцы.

Я была адепткой четвертого курса Свободной Академии Магии, когда стала матерью в первый раз. Роды совпали с зимними каникулами, и все радости схваток со мной перенесла Марина. В ее честь мы и назвали красную крикливую малышку. Марина восприняла это как величайшую честь и подарила своей внучатой племяннице и тезке несколько комплектов драгоценностей. Дядя был разочарован, что не родился мальчик, но виду старался не подавать.

— Слава Богу, ребенок уже родился, я устал нянчиться с твоим мужем. Перед следующими родами прослежу, чтоб Тимира отослали куда подальше. — И дядя, развернувшись, покинул мои покои, оставив на столике подарки для меня и новорожденной Марины.

Тим, действительно, выглядел вымотавшимся. Поцеловав меня нежно, он прижал мою ладонь к своему лбу и так застыл.

— Дяде вправду пришлось с тобой нянчиться? — Спросила я.

Вообще-то, я ждала поздравлений, благодарности за ребёнка, похвалы. Я себя сейчас чувствовала героем. Самым настоящим героем, который прошел через ужасные муки и подарил миру нового человека. Пусть даже этот человечек пока красный, лысый и беззубый и морщинок у него больше, чем у изюма. Но Марина сказала, что и месяца не пройдет, как малышка станет красавицей, и я хотела ей верить.

Только Тим сейчас был не настроен на восхваление моего подвига. Он больше напоминал тяжело больного человека, который только что перенес страшнейший приступ боли.

— Не помню. — Прошептал Тим. — Как услышал твой первый крик, голову совсем от страха потерял. Может, больше не будем это делать?

Тим шокировал меня так сильно, что я даже забыла, что немного обижена на него.

— Как не будем? — По-моему, даже думать нельзя о том, чтобы отказываться от нормальной супружеской жизни.

Тим нервничая начал объяснять свое предложение:

— Сафира, нам и одного ребенка хватит. Можно ведь зелья целителю заказать, чтоб больше не беременеть. Один ребенок в семье — это очень хорошо, вся наша любовь достанется дочери. Ее не будут обижать младшие дети, забирая игрушки. И не придется делить ни с кем наше внимание. — Закончив с убедительными, на его взгляд, доводами, Тим перешёл к уговорам. — Сафира, я очень тебя прошу, согласись... Я ещё один такой день не переживу. Я же не думал, что тебе придется так мучиться!

И я поняла, насколько сильно Тим перенервничал. Хотя я много раз представляла, зная о его бережном отношении ко мне, что день рождения ребенка для него лёгким не будет, но, все же, не предполагала, что он сразу забудет обещание, которое дал дяде. Ведь возродить род только одним ребенком почти невозможно.

Но, с другой стороны, это я почти семь часов мучилась от боли и сейчас была героем, а он-то все это время переживал за меня, и сейчас испытывал чувство вины.

— Дядя будет недоволен, он хотел много внуков, — на это Тим ответил, что лорд Чарх и сам не позволил своей жене пройти через такие муки второй раз. — И наша дочка сама по

себе уже возрождение рода.

И мы с Тимом решили никаких заявлений не делать, но со вторым ребенком не спешить. Никогда.

Ректор с начала учебного года сделал для меня исключение, и с тех пор я жила в замке Чарх. Дважды в день пользовалась порталом, чтоб посещать занятия и вечером возвращаться домой. Поэтому меньше чем через неделю, как стала матерью, я смогла вернуться на учебу. Все мои материнские обязанности взяла на себя Марина.

Но в конце весны, когда моей дочери не было и пяти месяцев от рождения, я упала в обморок на тренировке. Доктор Надир твердил, что нагрузка не была непосильной, и перенапрячься я никак не могла. И доктор Дирб подтвердил, что не из-за занятий я потеряла сознание, а после осмотра поздравил меня с ожидающимся пополнением.

И я, в отличие от Тима, была рада, что скоро снова стану матерью. Все муки, перенесенные при рождении Мариночки, уже в кошмарах не напоминали о себе. А дети-погодки это почти что двойняшки. С ними должно быть очень интересно.

Тим боялся рождения следующего ребенка и опекал меня до самых родов не меньше, чем нашу дочь, которую очень любил. Даже устроился в Академию консультантом по нормам правоповедения. И нередко мы в столовой обедали вместе с Ясаман, вспоминая наши былые подвиги.

После рождения второй девочки, уже я сказала мужу, что больше ни одного ребенка в нашей семье не будет. Эти роды были очень сложными и длились более суток. Дядя, как и грозился, отправил Тима с важным поручением в провинцию, но дал моему мужу слово, что вернёт его порталом домой, если роды начнутся раньше, чем он успеет вернуться домой. Только дядя не собирался держать это обещание. Даже когда я была уверена, что не выживу и просила позвать мужа, чтоб попрощаться с ним, Тиму о родах не сообщили.

Поэтому, когда Тим все-таки вернулся на пятый день после рождения дочери, я попросила сразу заказать мне самые надёжные зелья и артефакты.

Дядя назвал девочку в честь своего сына Миртой, и пробурчал, что родить сразу мальчика могут только достойные родители.

От своего плана я не отступала ни под угрозами Марины, ни под влиянием упрёков дяди. А Тим меня поддерживал, что две девочки в семье — это уже богатство, которым стоит гордиться.

Но в день, когда я сдала практику седьмого курса и привела к подножию Горы двенадцать своих подопечных, что было небывалым успехом, я случайно услышала разговор дяди и Тима. Дядя, как глава рода, позволял себе грубые реплики. А Тим, как всегда, отстаивал право нашей семьи на счастливую жизнь.

— Тимир, ты дал мне слово, что род Чарх возродится. Думаешь, что родив двух девочек, ты исполнил свое слово? Вы с Сафирой должны родить хотя бы одного сына.

— Сафира тяжело переносит роды. — Тихо сказал Тим. — Мы решили, что больше не будем заводить детей. Мужья наших девочек могут войти в род Чарх, как это сделал я.

— Вот как? Давно вы это решили? Раньше ты отговаривался учебой Сафиры. Может это ты не способен зачать сына? — Подобные вопросы для любого мужчины унижительны. Даже не представляю, как Тим не нагрубил в ответ.

— Может быть, я и виноват, лорд Чарх. Все знают, что я не идеален. Но Сафира больше не стоит проходить через боль, связанную с...

— Если она больше не сможет понести от тебя, — оборвал Тима дядя, — я найду ей другого, здорового мужа. И избавиться от тебя сложно мне не будет.

Я, в шоке от услышанного, в тот вечер попросила Тима повезти нас с девочками в гости к бабушке и дедушке Найт. Отношения с ними у нас давно наладились. В Марине и Мирте они души не чаяли и баловали внучек, как только могли. И старший офицер Лион Найт, самый безалаберный дядя на свете, давно приглашал нас погостить.

Выносить споры и раздоры из своего рода на суд свекрови я не осмелилась, но как бы невзначай спросила ее, откуда у нее взялись силы на пятерых детей.

— Всегда кажется, что сил не хватит, но откуда-то они берутся. — Как всегда холодно, проговорила она. Я давно привыкла к такой ее манере поведения и уже не считала хладнокровие Тимирики признаком жестокости. — Сафира, я всегда помнила слова своей матери, что сила женщины в ее сыновьях. Я хотела много сыновей, благодаря им у меня появился неоспоримый голос в роду. Может даже, в какой-то момент я стала злоупотреблять своей силой и невольно стала причиной сложной жизни Тимира. Ему и сейчас нелегко. Но когда ты родишь ему сына, его вес в роду Чарх также станет очевидным для всех.

— Но девочки — это тоже сила семьи, они наследуют имя и магию, — возразила я матери Тима, к мнению которой иногда прислушивалась.

— Девочки должны уходить в другие семьи и служить для связей между фамилиями. Девушки не входят в род мужа униженными. Мужчина же, вступающий в семью и род жены, считается слабым. Вспомни, через сколько унижения пришлось пройти Тимиру. И ещё неизвестно, найдется ли кто-то согласный, как мой сын, быть зависимым от твоих дочерей. Вам тогда повезло, что за тобой стоял лорд Чарх. Это он своим неоспоримым авторитетом изменил ситуацию в вашу пользу.

С этой ночи я перестала пить зелья и те артефакты, что Тим, для большей надёжности, клал под кровать, отключала. И через девять с половиной месяцев родился Ксандр Чарх, названный в свою честь самим главой рода, и в следующие пять лет родились ещё два мальчика. Если только сыновья упрочат положение Тима в роду Чарх, и если только они помешают дяде избавиться от моего мужа, я решилась родить их больше. И видит Бог, сложно мне это не было.

Помимо Марины воспитывать всех моих детей мне помогала Сафа, которая, почему-то, читала и их мысли. Часто она предупреждала меня об их шалостях, когда еще я могла предотвратить бедствие.

Лорд Чарх был горд своими внуками. Даже когда они спалили все папки с отчетами из министерств, даже когда выпустили на стол наловленных в саду лягушек, даже когда облили его пиджаки в гардеробе кислотой глототраза, которую стащили у него же в лаборатории, он не ругал их, а выговаривал все Тиму и мне.

И я смогла, наконец, выйти на работу в Академию и серьезно заняться магическим и агрессивным целительством. Тим к этому времени был Главой Корпуса Архаровцев, являлся магистром боевой и защитной магии. Но тропа, по которой он продвигался по службе, была тернистой. Часто казалось, что ее темная полоса, сменяется черной, а на смену ей приходила абсолютная беспросветность.

Очень часто, возвращаясь с работы, он, даже не ужиная, поднимался в нашу комнату и засыпал в одежде. Чтоб утром провести со мной хотя бы час, и снова пропасть на работе. Ему приходилось заниматься самой сложной работой, быть первым там, где другие предпочитали отсиживаться, брать ответственность на себя и потом часами писать отчеты,

чтоб доказать правильность своих действий руководству.

При этом сама служба давалась ему легко, начальство ценило его за ум и смелость, а подчиненные уважали и боялись. Тяжело было отбиваться от жалоб родственников задержанных и просто недовольных граждан, когда они заваливали резиденцию Главы Принципата и Министерства письмами с оскорблениями «деграданта». Еще очень долго люди считали Тима недостойным носить звание офицера.

В конце концов, Тимир Найт стал незаменим в Министерстве Безопасности, и полосы нашей жизни все чащи становились светлыми. Только детские болезни изредка огорчали нас.

Закон о Дискриминации Магов, хоть и был принят в Принципате на второй год после выборов нового Главы Принципата, но действовать в полную силу начал далеко не сразу, встречая многочисленные преграды. Но сейчас, многие надеялись на это, в государстве будут соблюдаться права всех людей, и отличие от стандартов во внешности или увечье не станет приговором для магов.

Тим остался скуп на нежные слова и пылкие признания. Он, как и раньше, доказывал любовь поступками. Но иногда, когда особенно уставал, он проговаривался:

— Не знаю, чем я тебя заслужил, но без тебя бы я не выжил. — Тогда я думала, что и я бы без него в этом мире жить не смогла.

— Сафира, тебя мне подарил Бог. — А на эти слова я даже хотела ответить, что Бог забрал меня из другого мира, чтоб сделать дар Тиму. Но смолчала, храня нашу с Сафой тайну.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigoed.net